БАТЫЙ

В. ЯН



В. ЯН

БАТЫЙ

Роман

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КАРАКАЛПАКИЯ"
НУКУС — 19[illegible]

Индекс 7—3—4

Светлой памяти незабвенной жены моей Марии Ян посвящается эта книга, последняя, над которой мы вместе работали.

В. Ян.

ЧИТАТЕЛЬ!

В этой повести будут показаны «...беззаветная доблесть человека и коварное злодейство; отчаянная борьба за свободу и жестокое насилие; подлое предательство и верная дружба; будет рассказано, как безмерно страдали обитатели покоряемых стран, когда через их земли проходили железные отряды Бату-хана, которого, как щепку на гребне морской волны, пронесла лавина сотен тысяч всадников и опустила на берегу великой реки Итиль, где этот смуглый узкоглазый вождь основал могущественное царство Золотой Орды».

(Из «Записок Хаджи Рахима».)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗАВЕЩАНИЕ ЧИНГИЗ-ХАНА

Если бы горе всегда дымилось, как огонь,
То дымом окутался бы весь мир.
(Шахид из Балха, IX век.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В хижине восточного летописца

По узкому листу бумаги быстро водила тростинкой смуглая сухая рука. Факих[1] читал вполголоса возникавшие одна за другой строки, начертанные арабской вязью. В хижине было тихо. Монотонному голосу факиха вторило однообразное шуршание непрерывного дождя, падавшего на камышовую крышу.

«...Расспрашивая всех знающих, я хотел узнать о завещании Чингиз-хана[2]. Но несчастье обруши-

---

[1] Факих — ученый, начитанный, законовед.

[2] Чингиз-хан (1155—1227) — монгольский полководец, крупнейший азиатский завоеватель и создатель империи, простиравшейся от Кореи до Черного моря. Передовые отряды войска Чингиз-хана под начальством Джебэ и Субудай-багатура (упоминаемого в нас-

лось на меня. В Бухаре я был схвачен святыми имамами[1].

Заявив, что я великий грешник, не почитающий аллаха, они заперли меня в гнусной низкой железной клетке. Ползая в ней на четвереньках, как гиена, я не мог выпрямиться. Одежда на мне истлела, и я связывал концы прорех. Раз в день тюремный сторож наливал в мою деревянную плошку мутной воды, но чаще забывал об этом. Иногда он приводил скованного раба, и тот, ругаясь, скоблил крюком грязный пол моей клетки. Подходили родственники других заключенных и со страхом заглядывали ко мне — ведь я был «проклятый святыми имамами», «осужденный на гибель вечную и теперь, и после смерти, где огонь будет его жилищем...»

Факих поправил нагоревший фитиль глиняной светильни и продолжал читать:

«Однажды я заметил, что возле клетки, не боясь насмешек и проклятий, стоит девушка из презираемого кипчаками бродячего племени огнепоклонников люли. Она положила мне горсть изюму и орехов и отбежала. На другой день она явилась снова, закутанная в длинную до земли черную шаль. Девушка бесшумно проскользнула вдоль тюремной стены и принесла мне лепешку и кусок дыни. Потом, ухватившись смуглыми пальцами в серебряных кольцах за прутья клетки, она долго, пристально разглядывала меня черными непроницаемыми глазами и, наконец, тихо прошептала:

— Помолись за меня!

Я подумал, что она смеется, и отвернулся. Но на следующий день она снова стояла возле клетки и опять настойчиво повторяла:

— Помолись за меня, чтобы вернулся мой воин, мое счастье!

стоящей повести) дошли до берегов Днепра, где встретились с русскими и половецкими войсками. Монголы стали отступать до Азовского моря, где близ реки Калки произошла битва (1224), в которой русско-половецкое войско было разбито. Это наступление Джебэ и Субудай-багатура было предварительной разведкой, сделанной по приказу Чингиз-хана, задумавшего поход на запад для завоевания всей Европы. План Чингиз-хана отчасти выполнил его внук Батый, дошедший со своим войском до берегов Адриатического моря. Вторжение Чингиз-хана в Среднюю Азию (1220—1225) описано в первой книге настоящей трилогии, в повести В. Яна «Чингиз-хан».

[1] Имам — мусульманское духовное лицо.

— Я не умею молиться, да и к чему? Ведь я проклят святыми имамами!

— Имамы хуже лукавого Эблиса[1]. Они раздуваются от злобы и важности. Если они тебя прокляли, значит ты праведник. Попроси милости аллаха и для меня и для того, кто далеко.

Я обещал исполнить ее просьбу. Девушка приходила еще несколько раз. Для ее утешения я говорил, что повторяю по ночам девятью девять раз молитвы, приносящие счастье[2].

Однажды девушка — ее звали Бент-Занкиджа — пришла с юношей, не знающим улыбки. У него были черные кудри до плеч, серебряное оружие и желтые высокие сапоги на острых каблуках. Он молча посмотрел на меня и повернулся к девушке:

— Да, это он... не знающий лукавства... Я помогу ему!

Мы долго глядели в глаза друг другу. Чтобы не погубить себя перед зорко смотревшим на нас тюремщиком, мы боялись признаться в том, что мы братья... Высокий юноша был Туган — мой младший брат, которого я потерял давно и не надеялся уже увидеть!..

Глядя на девушку и словно говоря с ней, Туган сказал:

— Слушай меня, праведник, проклятый имамами, и делай, что я говорю. Я принес три черных шарика. Ты их проглотишь. Тогда твой разум улетит отсюда через горы в долину прохладных потоков и благоухающих цветов. Там пасутся белые как снег кони и поют человеческими голосами золотые птицы. Там ты встретишь девушку, которую любил в шестнадцать лет.

Я прервал юношу:

— А потом, проснувшись я буду снова грызть железные прутья клетки? Мне не надо такого сна!..

— Подожди спорить, неукротимый, и слушай дальше... Пока твой разум будет наслаждаться неомрачаемым забвением в горной долине белых коней, я скажу твоим тюремщикам, что ты умер. По законам веры,

---

[1] Эблис — дух зла в арабской мифологии, упоминаемый в коране.

[2] У многих народов Востока число девять считается священным и счастливым.

твое тело немедленно предадут земле. Рабы-кузнецы сломают клетку, подцепят тело крючьями и поволокут в яму казненных. Как бы ни было больно, не кричи и не плачь! Иначе тебе разобьют голову железной булавой... В полночь, когда ты будешь лежать в яме среди трупов и подползут собаки и шакалы, чтобы грызть тебе ноги, я буду ждать с тремя воинами. Мы завернем тебя в плащ и быстро донесем до нашего кочевья. Мы начнем колотить в бубны и медные котлы, петь песни и призывать твой разум из долины забвения. Клянусь, жизнь вернется в твое тело и ты очнешься. Тогда, вскочив на коня, ты уедешь далеко, в другие страны, где начнешь новую жизнь...»

Факих очнулся и прислушался. Ему почудился шорох за тонкой стеной хижины. Несколько мгновений он оставался неподвижен, потом снова стал писать:

«Случилось так, как говорил не знающий улыбки юноша. Благодаря смелой помощи, я неожиданно оказался на свободе — измученный, истощенный, но живой. Несколько дней я пробыл у огнепоклонников в песчаной степи, а затем направился к городу Сыгнаку[1], где и начал вторую жизнь...»

ГЛАВА ВТОРАЯ

Гость из мрака

Факих Хаджи Рахим снова остановился, осторожно положил на медный поднос тростинку для письма и провел ладонью по седеющей бороде. За тонкой стеной сквозь шум равномерно падающих капель ясно слышался шорох.

«Чьи могут быть шаги во мраке этой холодной осенней ночи? Только злой человек, толкаемый недобрым умыслом, станет бродить в сыром тумане...»

Глиняный светильник на связке старых книг освещал тусклым огоньком неровные закоптелые стены, старый

---

[1] Сыгнак — в XIII веке богатый торговый город на Сыр-Дарье, первоначальная столица Джучиева улуса. Теперь от него остались только безлюдные холмы, ямы и несколько развалин арок и мавзолеев, говорящих о былом богатстве Сыгнака.

ковер и изможденного неподвижного ученого. Лоскут пестрой материи, закрывавший узкое окошко, слегка заколебался.

Большой белый пес, свернувшийся у двери, навострил ухо и глухо заворчал. В окно просунулась смуглая рука, и приподнялся край занавески. Во мраке блеснули скошенные черные глаза.

— Кто здесь?— спросил Хаджи Рахим и опустил руку на голову вскочившей собаки.— Лежи, Акбай!

— Обогрей потерявшего дорогу! Дай просушить промокшую одежду!— незнакомец говорил едва слышным шепотом.

«Он говорит, точно боится шума...— подумал факих.— Можно ли верить ему?»

— Я вижу у тебя книги... Не ты ли учитель Хаджи Рахим?

— Ты не ошибся — это я!

— Тогда скорее впусти меня! Тебе посылает салям великий визирь Мавераннахра Махмуд-Ялвач...

— Это имя откроет пришедшему дверь моей хижины, замкнутую для всех остальных.

Факих отодвинул деревянный засов, и незнакомец, нагнувшись, шагнул в дверь. Загорелый, коренастый, в одежде монгольского покроя, он выпрямился и огляделся. Хаджи Рахим, сдерживая рычащую собаку, наблюдал за пришедшим. Уверенность и властность чувствовались во всех его движениях. Он развязал пояс, снял верхнюю одежду и повесил ее на деревянный гвоздь. С трудом стащив желтые намокшие сапоги, ночной гость отбросил их в сторону и опустился на старый истертый коврик близ потухающего очага. Затем так же спокойно, как будто у себя дома, он вытер мокрые руки об овчину лежавшей на ковре шубы.

— Надо потушить огонь!— Монгол зажал пальцами коптивший фитиль глиняной светильни. Стало совсем темно, только на месте занавески слегка засветилась прорезь окна.

— Зачем ты это сделал?— прошептал факих.

— За мною гонятся вооруженные люди, убийцы моего отца,— ответил шепотом монгол.— Они хотят прикончить и меня. Твое светящееся окно видно издали; поэтому, несмотря на темную ночь, я нашел тебя... Выгони собаку!

— Эта собака — мой единственный защитник...

— Прочь ее! Она рычит и поднимает шум на весь Сыгнак.

— Защитника не бойся!

— Собака будет ходить около дома и предупредит нас, если сюда подойдут подлые люди.

Факих, невольно повинуясь властному гостю, отворил дверь и вытолкнул лохматого пса в темноту. Хаджи Рахим остановился, колеблясь, не лучше ли убежать, но сильная рука потянула его обратно. Гость сам задвинул деревянный засов, не выпуская факиха, подвел его к ковру и вместе с ним опустился на колени. Он стал шептать торопливо, прерывая речь и прислушиваясь, когда пес за тонкой стеной начинал ворчать:

— Не открывай засова. Они могут подкрасться и будут караулить за дверью. Они предательски убили моего отца, переломив ему хребет, а я сварю их в котле живыми. Клянусь вечным синим небом, я это сделаю!.. Если ты попытаешься убежать отсюда, я тебя задушу!..

Незнакомец улегся на бок, что-то бормотал, но не выпускал руки хозяина, крепко сжимая ее горячими пальцами. Его трясла лихорадка. Вдруг он вскочил, прислушался и отошел к стене.

— Это они!— прошептал он.— Смерть меня догнала! Смотри, не выдавай меня!

Снаружи доносился неистовый лай собаки. Кто-то подошел, слышались спорящие голоса. Сильный удар потряс стену.

— Эй, хозяин! Открывай дверь!

Хаджи Рахим ответил:

— Кто смеет ночью беспокоить писца окружного начальника?

— Открывай скорее, или мы в куски развалим твою берлогу! Мы ищем убежавшего преступника.

— Два дня я лежу больной, никто не пришел, чтобы разжечь очаг и согреть мне воды. Разыскивайте преступника в камышах, а не в доме мирного переписчика книг.

Грубые голоса продолжали спорить, кто-то стучал в дверь. Вдруг дикий крик, похожий на рев раненого зверя, покрыл шум. Послышались вопли и стоны. Они

стали удаляться и замолкли. Хаджи Рахим хотел заговорить, но ладонь гостя зажала ему рот.

— Ты не знаешь, как они коварны,— шептал он на ухо.— Они все делают с умыслом. Одни ушли, чтобы спрятаться в засаде, а за дверью, возможно, подстерегают другие. Надо выждать и готовиться к бою.

Оба подошли к узкому окну, затаив дыхание, стараясь хоть что-нибудь разглядеть во мраке ночи. Слышались невнятные шорохи, иногда сильнее шелестел по листьям мелкий дождь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Немощен человек без коня

Когда занавеска окна зарозовела от первых солнечных лучей, незнакомец натянул сапоги, осмотрел свой намокший синий чапан[1] и швырнул его в угол. Не спросив у хозяина согласия, он снял с деревянного гвоздя старый выцветший плащ и с трудом натянул его на широкие плечи.

— Плохо мне без коня! Трудно будет ускользнуть... Быть может, выручит твой порванный плащ. Я притворюсь нищим...

Он подошел к двери и заглянул в щель. Резко отодвинулся и прижался к стене. Помедлив, сделал знак факиху, чтобы тот открыл дверь.

Послышался слабый стук. Хаджи Рахим отодвинул засов, и дверь распахнулась.

На пороге в свете розовой зари стояла, улыбаясь, девушка, почти девочка, в длинной до пят оранжевой рубашке, с голубыми бусами на смуглой шее. Она держала глиняный кувшин, прикрытый широким зеленым листом. На листе лежали три только что испеченные подрумяненные лепешки.

— Ассалям-алейкум, Хаджи Рахим!— сказала беззаботно девушка, и две веселые ямочки заиграли на ее щеках.— Мой почтенный благодетель Назар-Кяризек посылает тебе только что надоенное молоко, эти горя-

---

[1] Чапан — длинная, ниже колен, верхняя одежда, кафтан.

чие лепешки и спрашивает, не нужно ли еще чего-нибудь.

Приняв кувшин со словами благодарности, Хаджи Рахим вышел вслед за девушкой из хижины. Кусты ежевики блестели, осыпанные каплями дождя. Старый пес Акбай сидел на дорожке, косясь налитыми кровью глазами.

На сырой траве лежал человек. Его прикрывал шерстяной серый плащ, какой носят арабы. Белый оседланный конь, привязанный на аркане, пощипывал невдалеке траву. Он нетерпеливо подымал маленькую голову с черными живыми глазами и встряхивал шелковистой гривой, отгоняя вьющихся слепней.

Факих вернулся в хижину. Ночной гость ждал у двери:

— Прощай, мой учитель Хаджи Рахим!

Факих удержал незнакомца за рукав:

— Возьми еды на дорогу!

— Неужели ты до сих пор не узнал меня?— спросил гость, пряча за пазуху горячие лепешки.— Десять лет назад ты учил меня держать калям[1] и писать трудные арабские слова. Я многое перезабыл, но два слова не забуду: «Джихангир»— покоритель вселенной... Скоро ты обо мне услышишь! Я пришлю за тобой...

Он остановился на пороге, с удивлением рассматривая девушку:

— Как зовут тебя? Откуда ты?

— Меня зовут Юлдуз[2]. Я сирота, живу у Назара-Кяризека.

— Твой голос поет, как свирель. Ты будешь счастливой звездой на моем пути...

Он быстро шагнул через порог и увидел белого коня.

— Вот конь, посланный мне небом! Это будет конь моих побед, как белый Сэтэр, походный конь Чингиз-хана. Теперь я снова силен.

Мягкой, хищной походкой молодой монгол проскользнул по траве к белому коню, бесшумно выдернул из земли железный прикол и, свернув кольцом аркан, легко поднялся в седло. Горячий конь бросился вскачь и скрылся за тополевой рощей.

---

[1] Калям — перо для письма, сделанное из тростника.
[2] Юлдуз — звезда.

Девушка смотрела удивленными глазами вслед незнакомцу. Затем она перевела блестящий взгляд на Хаджи Рахима. Тот стоял неподвижно, задумчиво, положив руку на бороду.

— Это разбойник?— спросила девушка.

— Это необычайный человек!

— Почему? Ведь он похитил чужого коня?

— Он будет на нем покорять царства... Иди, звездочка Юлдуз, домой! Скажи почтенному Назару-Кяризеку, что больной факих благодарит и помнит его заботу и милость.

Девушка быстро повернулась и пробежала несколько шагов, затем степенно пошла по тропинке, стараясь держаться как взрослая.

Серый плащ зашевелился. Старый пес, отскочив, хрипло залаял. Из-под плаща показалась голова юноши с черными вьющимися волосами. Он стремительно вскочил, поднял закрученный синий тюрбан и надвинул его на правую бровь. Это был воин с кривой саблей и двумя кинжалами на поясе.

— Где мой конь?— закричал он и, подбежав к месту, где только что пасся белый жеребец, наклонился к земле, разглядывая следы.— Я узнаю: к коню подошел... человек в монгольских сапогах... Он украл моего боевого коня! К чему моя светлая сабля, если вор далеко!.. Без коня я немощен, как сокол с перебитыми крыльями! Какой я теперь воин!— И, схватившись за виски, юноша со стоном повалился на землю.

— Не горюй,— сказал, подходя, факих.— На твоем коне уехал человек, который даст тебе взамен тысячу кобылиц...

Юноша лежал неподвижно, а Хаджи Рахим утешал его:

— Поверь моим словам, ты ничего не потерял, а может быть, многое выиграл...

— Это был мой верный испытанный друг!.. На нем я бросался в битву, и не раз он спасал меня от смерти. Горе воину без коня!

— Я знаю того, кто едет сейчас на твоем белом скакуне, и говорю, что твой конь к тебе вернется! Это так же верно, как то, что меня зовут факих Хаджи Рахим.

Юноша встал, резким движением подхватил с земли свой плащ и склонился перед ученым:

— Если я вижу перед собой прославленного знаниями факиха Хаджи Рахима, прозванного аль-Багдади, то я верю твоим словам. Да будут уют, простор и благодать в твоем доме! Я прошу милости и мудрого совета страннику, приехавшему из далеких гор Курдистана. Привет тебе от Джелаль-ад-дина[1], храбрейшего из героев!

— Юный брат мой! — сказал факих. — Ты прошел невредимо через пучины бедствий в страшные дни, когда потрясается вселенная, и принес мне слова привета от далекого прославленного героя — этим ты доставил мне двойную радость. Войди в мой скромный дом!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Тропа жизни джигита

Я привязал мою жизнь и мой век
к острию моего копья.

(Поэма «Джангар».)

Молодой воин вошел, пригнувшись, в узкую дверцу хижины и сел на пятки у самого входа. Хаджи Рахим опустился на старый коврик близ очага. Оба провели ладонями по щекам, затем, как требует приличие, долго молчали, рассматривая друг друга.

Наконец с достоинством и с грустью человека, видевшего на своем веку множество людей, факих соединил концы пальцев и сказал:

— Кто ты? Какого рода? Каким именем наградил тебя твой белобородый отец? В какой далекой стране ты впервые увидел свет солнца? Хоть ты и говоришь по-кипчакски, но движения твои и одежда показывают, что ты иноземец.

Воин, вежливо покашливая в руку, заговорил ровным, тихим голосом:

---

[1] **Джелаль-ад-дин Менгуберти** — талантливый полководец, сын последнего шаха Хорезма, всю жизнь упорно боролся с Чингиз-ханом и монгольскими завоевателями.

— Зовут меня Арапша, но мои боевые товарищи дали мне прозвище «Ан-Насир»[1], потому что в битве, говорят, я теряю разум, становлюсь злобным, бросаюсь в самые опасные схватки и обращаю врага в бегство. Хотя я сказал тебе, что зовут меня Арапша, но как прозвал меня мой почтенный отец и где я провел свое детство — клянусь! — я не знаю. Помню смутно, что жил я в лесу около озера, плавал с отцом в лодке и видел, как он высыпал из сетки в корзину много серебристых рыб. Помню, как тепло было лежать на руках у матери и слушать ее песни. Помню еще маленькую сестренку... Потом все это кончилось. Напали разбойники и увели меня и сестренку в большой город, где продали нас на парусный корабль. Там было очень много мальчиков и девочек. Корабельщики набили нас в трюм и заперли вместе со стадом больших белых гусей. Гуси щипали и клевали нас. Корабль плыл по широкой реке, затем по морю. Корабельщики распродали детей на базаре. И я никогда больше ни с ними, ни со своей сестрой не встречался.

— Все это происходит из-за гибельной страсти купцов к богатству. Ослепленные блеском золота, жадные купцы захватили невинных детей и бросили их в чужие города, где им придется влачить всю жизнь мучительное иго рабства! — вздохнул факих.

— Вероятно, я из какой-либо северной страны: мордвинов, саксинов или урусов, — продолжал Арапша, — потому что эти рабы, особенно урусы, славятся своей силой. А меня аллах наградил большой крепостью. Я был продан на базаре невольников в Дербенте, где находятся кавказские Железные ворота. Я переходил от одного хозяина к другому. Когда я подрос, меня заставляли исполнять самые трудные работы: вместе с ослом вертеть колесо для черпания воды из колодца, с колодкой на шее вскапывать засохшую как камень землю, таскать бревна. И небо в годы моего рабства казалось мне таким же черным и сухим, как разрытая мною чужая земля!..

Хаджи Рахим с горечью сказал:

— Хозяин скорее пожалеет четвероногую скотину, чем одаренного разумом раба!

[1] Ан-Насир — победоносный *(арабск.)*

Мне было семнадцать лет, когда тропинка моей жизни повернулась в другую сторону. Однажды я пас на склоне высокой обрывистой горы баранов моего господина, азербайджанского хана. Неожиданно над кручей показался отряд всадников. Впереди на прекрасном вороном коне ехал молодой воин. Вдруг размытая дождями земля осела под конем, и он покатился в пропасть. Извернувшись, как кошка, воин удержался за куст. Я бросил конец аркана и вытащил воина. Я сказал: «Я сумею спасти и твоего коня!» Витязь ответил: «Если ты спасешь моего вороного, можешь просить у меня все, что захочешь». Джигиты распустили два аркана, одним я обвязал себя вокруг пояса и сполз вниз по обрыву. Конь чудом удержался на самом краю пропасти и спокойно пощипывал траву. Злой жеребец зафыркал, когда я приблизился к нему, но я обмотал его арканом, и джигиты вытащили его на тропинку. Мне было трудно лезть обратно, мне мешали оковы на ногах...

— Храбрый юноша! Небо хранило тебя! — воскликнул Хаджи Рахим.

— Воин стал расспрашивать меня о дороге. Я рассказал ему о всех тропах, предупредил его о местах, где обычно курды делают засады и нападают на проезжих, и посоветовал лучшую обходную дорогу. Тогда он спросил меня: «Что же ты теперь хочешь?» — «Быть свободным!» — ответил я. Витязь сказал: «Следуй за мной — и ты мечом заслужишь себе свободу!..» Воин оказался прославленным скитальцем Джелаль-ад-дином, который не боялся воевать с монголами и разбил их при Перване[1]. С этого дня я стал воином в его отряде. Джелаль-ад-дин дал мне кривую саблю и боевого коня, которого я сегодня потерял, бесстыдно заснувши! — И юноша снова застонал.

— Рассказывай дальше, конь к тебе вернется! — заметил факих.

— В тот день, когда я, свободный, на горячем коне, оказался в отряде славного Джелаль-ад-дина, я увидел, что небо надо мной не черное, а снова сияет, го-

---

[1] Перван — город в северной части Афганистана, около которого Джелаль-ад-дин, начальствуя над тюркскими войсками, разбил более сильное войско монголов.

лубое как бирюза, как в моем далеком детстве, когда я с отцом плавал на лодке по лесному озеру. И я понял тогда, что в мире нет ничего слаще свободы!.. Три года я всюду следовал за смелым полководцем, оберегая его в бою, и прославился как «Ан-Насир — победоносный». Джелаль-ад-дин говорил мне не раз, что он знал в порабощенном монголами Хорезме одного ученого, факиха, самого светлого из светлых и доблестных людей, искателя правды, Хаджи Рахима, прозванного аль-Багдади. «Если,— сказал он,— на тебя надвинется черная туча беды, назови ему мое имя, и он протянет тебе руку милосердия...»

Хаджи Рахим встал, подошел к Арапше и протянул ему обе руки:

— Имя Джелаль-ад-дина сияет для меня, как яркая звезда среди темной ночи. Сядь рядом со мной!

Факих и Арапша взялись за руки, прижались плечами и затем уселись рядом на старом коврике.

— Расскажи мне теперь, мой юный друг Арапша Ан-Насир, почему ты расстался с доблестным Джелаль-ад-дином. Жив ли он? Не попал ли в руки беспощадным монголам? Ведь ветер неожиданности часто поворачивает жизнь человека. Иногда храбрый воин, казалось бы, уже достиг вершины совершенства, но вдруг обрушивается в пропасть несчастья и возвращается к тому, с чего начал...

— Так случилось и со мной!—сказал юноша.— После неудачной для Джелаль-ад-дина стычки с отрядом монголов я с трудом спасся и едва ускользнул от плена. После этого я больше не встречался с храбрым моим покровителем, ушедшим далеко на запад. Я направился на восток горными тропами, отбился от шайки диких горцев и, наконец, присоединился к каравану, уходившему в Хорезм. Я горел желанием увидеть новые страны и договорился поэтому с купцами охранять их караван. В пути через пустыню на нас напали разбойники. Я обезумел от ярости, зарубил нескольких грабителей и обратил в бегство остальных. Однако купцы этого не оценили. Прибыв благополучно в Хорезм, они так мало дали мне за свое спасение — да покарает их аллах!— что я с трудом добрался сюда, в Сыгнак. Здесь я решил разыскать тебя, факел премудрости и маяк знаний, почтенный Хаджи Рахим. Когда этой

ночью я подъезжал к твоему дому, я услышал в темноте, что какие-то люди ломают твою дверь. Я бросил им свой боевой клич, напал на них, ранил троих, одному отсек ухо, и грабители побежали не оглядываясь.

— Так это ты заревел, как раненый зверь?

Ученый смотрел удивленными глазами на скромно сидевшего юношу.

— Как же после этой схватки ты решаешься оставаться здесь? Ведь убежавшие были монголы; они пожалуются своему начальнику на тебя, а заодно и на меня, и он пошлет целый отряд, чтобы схватить нас обоих. Монголы придумают тебе мучительную казнь за то, что ты осмелился поднять меч против этих новых владык вселенной. Нам нужно немедленно бежать... Ты, молодой и сильный, сможешь убежать, а как убежать мне, старому и слабому?

Арапша встал и показал на плеть, висевшую на поясе:

— Вот все, что осталось от моего коня! Без коня я тоже далеко не уйду. Все же лучше выбраться подальше от этого места, чем сидеть, ожидая казни. Хотя ты и слаб, почтенный Хаджи Рахим, но, как дервиш[1], ты привык скитаться по дальним дорогам. Пойдем отсюда в степь и укроемся у кочевников. Кто сидит на месте, к тому подбирается скорпион несчастья.

— Ты говоришь, как истинный воин,— сказал факих.— Я ухожу с тобой, чтобы не попасть снова в железную клетку.

Он снял со стены фонарь и тыквенную бутылку и привесил их к поясу. Вместо белого талейсана[2] он надвинул на голову колпак дервиша с белой повязкой паломника-хаджи. Достал длинный посох, всунул ноги в старые туфли и остановился посреди хижины.

— Я готов отправиться на конец вселенной. Я в жизни никому не сделал зла, а между тем многие годы

---

[1] Дервиш — в XIII в. бродячий нищий, член особой мусульманской общины монашеского типа.

[2] Талейсан — особого рода головной убор у арабов. Его носили по преимуществу ученые.

мне приходилось скитаться, точно преступнику... Теперь снова начнется полоса скитаний... Моего старого плаща нет... Придется надеть одежду, которую оставил ночной гость...— Факих поднял синий монгольский чапан:— Никогда у меня не было такой красивой одежды с такими пуговицами из шести красных камней, похожих на драгоценные рубины... Я здесь бросаю все! Мне только жаль оставить написанную мною книгу о необычайных событиях, пережитых Хорезмом во время нашествия краснобородого Чингиз-хана!

— Подожди горевать!— Арапша почтительно взял руку Хаджи Рахима и провел ею по своим глазам в знак того, что с этого времени он добровольно делается его мюридом[1].— Позволь мне отныне стать твоим учеником, следовать всюду за тобой и взять с собой книгу, о которой ты говоришь. Я спрячу ее в дорожную сумку.

— Ты это хорошо сказал!— Факих передал Арапше большую книгу в кожаном переплете и медную коробочку — пенал для письма. Печальным взором он окинул хижину, в которой провел несколько лет.— Теперь скорее вперед!

Оба вышли из хижины. Хаджи Рахим заложил дверь деревянным засовом.

— Акбай! Поди сюда!— крикнул он собаке.— Ты будешь сторожить наш дом. Твой хозяин едва ли сюда вернется!

Старый белый пес покорно улегся на пороге хижины и, подняв голову, недоумевая, смотрел красными глазами вслед двум путникам, быстро уходившим по тропинке в сторону пустынной степи.

---

[1] Мюрид — ученик старшины дервишской общины. Выдающиеся персидские и арабские поэты (часто называвшие себя дервишами, то есть добровольно принявшими обет бедности) также имели учеников-мюридов. Арапша назвал себя мюридом из вежливости, желая услужить и прийти на помощь старику, отправляющемуся в тяжелые скитания.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Монголы собираются в поход

Сила и дисциплина были настолько необыкновенны в явившемся в нашу страну татарском войске, что, казалось, оно могло покорить весь мир.

(Китайский летописец XIII века.)

Давно, со времени монгольского нашествия[1], мирный город Сыгнак не видел в своих узких переулках столько верблюжьих караванов, столько скачущих во все стороны всадников и торопливо шагающих жителей. Все спешили узнать, насколько верны прилетевшие из степи слухи о великом походе на запад, задуманном монголами.

Волновавшаяся толпа сразу замолкала и расступалась, когда из переулков выезжали группы монгольских воинов, безбородых, похожих на угрюмых старых женщин. С неподвижными, смуглыми от загара и грязи лицами монголы ехали на небольших, злых, храпевших конях, не сдерживая их перед толпой. Они били наотмашь в обе стороны плетьми, стегая по головам зазевавшихся.

Все они направлялись на главную базарную площадь. Там за высокой аркой из цветных изразцов находился дворец правителя области, знатного внука Чингиз-хана Тангкута. Монголы располагались на площади отдельными кругами, привязав к поясу поводья своих коней. Они тут же разводили костры, для чего выламывали ворота, калитки и рубили деревья ближайших садов. Они входили, невозмутимые и гордые, в дома горожан, забирали хлеб и все, что попадалось под руку. Усевшись вокруг костров, они ели похлебку из мяса с жареным просом, вскипяченную в котлах и приправленную салом и молоком.

Это были передовые тургауды[2] одиннадцати монгольских царевичей-чингизидов[3], прибывших в Сыгнак из сво-

---

[1] Монголо-татарское нашествие Чингиз-хана на Среднюю Азию было в 1220—1225 гг. и привело к полному ее порабощению монголами.

[2] Тургауды — телохранители.

[3] Чингизид — сын или потомок Чингиз-хана.

их далеких восточных кочевий. Главное монголо-татарское войско[1] спешно шло за ними следом. Его ждали со дня на день.

Население Сыгнака трепетало перед монгольскими воинами и безмолвно отдавало им все, на что они устремляли свои раскосые глаза. Все еще слишком хорошо помнили бывшее пятнадцать лет тому назад вторжение страшного Чингиз-хана. Вся страна была в пламени горящих городов и селений, толпы обезумевших жителей бежали по дорогам. Монгольские воины избивали мирное население, угоняли ремесленников в рабство в далекую Монголию, а женщин и детей делили между собой, как законную добычу, как двуногую скотину.

Но резня затихла, монгольские отряды ушли обратно на восток. Жители, прятавшиеся в горах и болотах, постепенно возвратились к своим разрушенным жилищам. Они снова раскопали засохшие оросительные канавки, выстроили из жердей и глины мазанки. Богатые купцы стали служить у монголов сборщиками налогов. Они вскоре построили себе нарядные дома и развели новые фруктовые сады. Высокомерные длиннобородые имамы вычистили загаженные монголами мечети. На высоких минаретах звонкоголосые азанчи[2] снова пять раз в сутки стали заливаться певучими голосами, призывая правоверных мусульман к усердной молитве. По-прежнему недостаточно богомольных, не поспешивших на их зов особые надзиратели избивали плетьми.

Когда в Сыгнаке внезапно появились[3] монгольские царевичи с передовыми конными отрядами, население города перепугалось. Правитель области, Тангкут-хан, разослал джигитов ко всем окрестным ханам, срочно

---

[1] Монголо-татарское войско. «Монголы» и «татары» — в то время названия не двух разных народов, а два названия одного и того же народа. Только значительно позднее название «татары» стало применяться исключительно к тюркским народностям Восточной Европы. Чингиз-хан был из сравнительно небольшого племени, жившего по рекам Онону и Керулену и носившего название «монголы». После своего возвышения Чингиз-хан повелел называть «монголами» все подчиненные ему татарские племена Центральной Азии.

[2] Азанчи, или муэдзин,— помощник имама, настоятеля мечети, читающий нараспев с верхушки специальной башенки молитву (азан).

[3] Весной 1237 г.

требуя баранов, жеребят, кумысу и прочей еды для угощения знатных потомков завоевателя Азии — Чингиз-хана. Население поставило несколько тысяч юрт вдоль берега реки Сейхуна[1] для размещения прибывающих с востока свирепых победителей.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Непобедимый полководец

Тумен Субудай-багатура[2] примчался к Сыгнаку в туче пыли, покрывшей все небо. Впереди скакала сотня разведчиков на рыжих поджарых конях. За ними следовала сотня на молочно-белых конях. Далее ехал великий монгольский полководец, не знавший поражений, одноглазый Субудай-багатур. Велика была слава его: он победил кипчаков и урусутов[3] в битве при реке Калке[4], он разрушил три китайские столицы. Он покорил двадцать народов.

Субудай сидел, согнувшись на саврасом коне с длинным до земли черным хвостом. Равномерно покачиваясь из стороны в сторону, конь бежал быстрой иноходью.

Еще юношей Субудай-багатур был ранен в руку, меч рассек ему мышцы, и с тех пор правая рука всегда была согнута. Другой удар поразил его лицо. Правый глаз вытек, рубец шел через бровь и щеку, а левый, широко открытый, сверлящим взглядом проникал, казалось, в тайные помыслы людей. Воины называли его «барсом с разрубленной лапой». «Как раненый барс, вырвавшийся из капкана, Субудай угадывает опасность и раскрывает хитрые уловки. С ним в беду не попадешь!» Сам Чингиз-хан поручил Субудай-багатуру быть воспитателем и военным советником молодого внука, Бату-хана, продолжателя завоеваний деда.

На большой дороге за городом, под высоким тенистым карагачем, монголов поджидали депутаты знатнейших горожан Сыгнака — длиннобородые имамы, кадий[5]

---

[1] Сейхун — Сыр-Дарья.

[2] Тумен — отдельный корпус в 10000 всадников. Субудай-багатур — крупнейший полководец Чингиз-хана.

[3] Урус, орос и урусут — так монголы называли русских.

[4] В 1224 г.

[5] Кадий, кади — судья.

и богатейшие купцы. Они приготовили на серебряных подносах угощение и дорогие подарки — свертки шелковой ткани. Кругом теснилась тысячная толпа любопытных. Депутация хотела пригласить прославленного полководца отдохнуть в новом роскошном доме разбогатевшего купца, где имелся и персиковый сад, и бассейн среди кустов цветущих роз, и баня с мраморными лежанками.

Когда промчались передовые сотни и Субудай-багатур поравнялся с депутацией, имам выступил вперед и начал изысканную речь:

— О величайший из великих! Храбрейший из храбрых!..

Субудай круто повернул коня, не взглянув ни на парчовые и бархатные халаты знатных стариков, ни на подносы с шелком, сладостями и золотистыми дынями. Послушный конь мерной иноходью помчал его на север, прочь от города, в пустынную степь.

Субудая с трудом догнали на взмыленных конях векиль[1] и несколько знатных ханов. Задыхаясь, они кричали наперебой.

— Постой!.. Не торопись!.. Гуюк-хан[2] и правитель области Тангкут-хан приказывают прибыть во дворец для важного совещания...

Субудай-багатур утвердительно покачивал головой, слушая приглашение, но иноходец его продолжал бежать по степи так же равномерно, не убавляя шага. Наконец Субудай прохрипел:

— Багатур не поедет!... Багатур должен кормить золотого петуха.

Субудай-багатур тряхнул поводом, и саврасый, закусив удила, понесся вперед. Растянувшийся по степи отряд монголов поскакал во весь дух, быстро удаляясь от Сыгнака.

В открытой степи, близ реки Сейхуна, тумен остановился и, широко рассыпавшись вдоль берега, разбил шумный лагерь. Высокие желтые верблюды уже накануне привезли сюда разборные юрты. Рабы натаскали сухого камыша, развели костры и варили в медных китайских котлах рис и жеребятину, ожидая прибытия грозного вождя.

---

[1] Векиль — смотритель дворца правителя области.

[2] Гуюк-хан — внук Чингиз-хана и наследник монгольского престола.

Субудай-багатур сошел с коня около приготовленной для него юрты с высокой пикой, увенченной рогами буйвола и конскими хвостами. Дверь юрты, завешенная ковром, охранялась двумя угрюмыми часовыми. Тут же на привязи визжали от нетерпения, чувствуя запах вареного мяса, два рыжих монгольских волкодава.

Багатур вошел в юрту. Посредине тлели угли, на которых шипел китайский бронзовый котел с мясной похлебкой.

Хмурый старый раб с длинными, до плеч седыми космами и большой медной серьгой в левом ухе, зазвенев цепью на ногах, подал синюю чашку. Здоровой левой рукой Субудай-багатур взял из нее горсть проса. Дремавший, нахохлившись, у решетчатой стенки золотистый петух с пышным хвостом встал, важно сделал несколько шагов и остановился. Он был привязан за ногу тонкой серебряной цепочкой.

Субудай-багатур насыпал перед петухом кучку проса. Птица, наклонив голову набок, стояла, точно прислушиваясь. Потом стала лениво клевать, разбрасывая зерна. Субудай, тоже наклонив голову, наблюдал, как петух выбирал зернышки, и ждал, пока его любимец не захлопал крыльями и не прокричал свой сигнальный призыв.

В разных концах лагеря откликнулось несколько петухов.

— Маленькая птица, а подымает целое войско![1] — сказал Субудай-багатур и, согнувшись, хромая, прошел на кошму позади костра, где были разостланы пушистые собачьи шкуры.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Имамы в затруднении

К высоким воротам дома правителя области Тангкут-хана подошли два важных старика в красных полосатых шелковых халатах. Один держал на ладони румяное яблоко, другой — пышную белую розу. Эти подарки они

---

[1] В те времена вожаки караванов и вожди отрядов, отправляясь в дальний путь, брали с собой петухов, которые криками будили их в определенное время, заменяя отчасти современные часы.

несли с такой торжественностью, точно в их руках были стеклянные чаши, до краев наполненные драгоценным напитком.

Вслед за стариками, для большего почета, плелись с тоскливо скучающими лицами двадцать тощих и голодных учеников. Белоснежные тюрбаны обоих стариков, их длинные выхоленные бороды, озабоченность и важность их лиц — все указывало, что они принадлежали к разряду священных имамов или ишанов[1], посредников между обыкновенными грешными людьми и восседающим за облаками на хрустальных небесах всемогущим аллахом.

Дозорным у ворот было запрещено впускать в сад кого бы то ни было. Имамы попросили вызвать к ним главного векиля. Долго пришлось ждать, пока он явился, озабоченный и взволнованный. Его тюрбан сдвинулся на затылок, и векиль поминутно стряхивал пальцем пот со лба. Увидев пришедших, векиль извинился, что заставил долго ждать почтенных служителей бога.

— Тангкут-хан приказал мне исполнять без возражений все желания монгольских царевичей. А каждый царевич приехал во дворец со своими конями, соколами, борзыми собаками и слугами. Всем надо найти место, всех накормить — легко ли это? Зачем вы пожаловали, святые отцы?

Старейший имам сказал:

— Со дня приезда в Сыгнак знатных царевичей мы должны произносить их имена в наших молитвах. Мы слышали, что готовится великий поход против неверных — да покарает их аллах! Мы должны молиться аллаху — да будет его имя вознесено и прославлено! — чтобы поход был удачен, чтобы все царевичи процветали и покрылись блеском славных подвигов!

Векиль вздохнул.

— Всего приехало одиннадцать царевичей[2], но самый главный и самый беспокойный из них — хан Гуюк, сын

---

[1] Ишан — глава мусульманской религиозной общины, которому невежественное население приписывало чудесную силу.

[2] Для участия в великом походе на запад приехало одиннадцать царевичей-чингизидов. Они принадлежали к пяти линиям династии Чингиз-хана: 1. Сыновья его умершего старшего сына Джучи — ханы Бату, Орду, Шайбани (впоследствии прославленный как полководец) и Тангкут; сын Джагатая, второго сына Чингиз-хана,—

великого кагана и наследник всего монгольского царства. Он приказывает сперва одно, потом другое, рассылает гонцов, кричит, топает ногами и костяной лопаточкой бьет по щекам каждого, кто ему не угодит... А больше всего он путает. Говорят, что он будет главным начальником войск. Разве крикливый гусь может повелевать соколами?

— Да сохранит нас аллах от этого!— воскликнули старики.— А мы слышали, что во главе войск будет молодой хан Бату, сын погибшего Джучи-хана — да будет благовонен и спит в мире прах его! Верно ли это?

— Один аллах все ведает!..— ответил векиль шепотом.— Говорят, Гуюк-хан и Бату-хан готовы уже сейчас вырвать друг у друга глаза.

— О, какие времена!

— Бату-хан примчался в этот дворец к своему брату, Тангкут-хану, только с пятью всадниками. Но тот нисколько не обрадовался его приезду. Оба брата стали спорить, глаза их налились кровью. Бату-хан кричал: «Все крайние западные области Священным Воителем Чингиз-ханом были завещаны мне. Только из-за моей юности и моего отъезда в Китай на войны ты, Тангкут-хан, управлял здесь... Теперь я сам хочу править моим улусом...» Тангкут-хан отвечал: «Тебя здесь не было десять лет... Твои следы разметал ветер. Теперь я здесь владыка... Отправляйся обратно в Китай!»— и Тангкут-хан стал сзывать своих нукеров. Бату-хан закричал: «Ты кричишь, как гусь, а сам дрожишь, как лягушка на болотной кочке. Ты не хочешь уступить добровольно, так станешь моим слугой!» Уже нукеры сбегались со всех сторон с обнаженными мечами. Бату-хан бросился к выходу, вскочил на коня и умчался неизвестно куда...

Имамы воскликнули:

— За кого же нам молиться? Кто из этих двух ханов окажется главным?

Хайдар и внук — Бури; 3) сыновья царствовавшего в то время великого кагана Угедэя — Гуюк (впоследствии недолго бывший великим каганом) и Кадан; 4) сыновья Тули-хана, четвертого сына Чингиз-хана,— Буджек и Менгу (друг Батыя, впоследствии ставший при помощи Батыя великим каганом) и наконец — 5) последний сын Чингиз-хана — Кюлькан (впоследствии убитый в сражении с русскими под Коломной). Все эти царевичи рассчитывали стать правителями новых земель, завоеванных в походе.

— Что могу сказать я, маленькая мошка!— воскликнул векиль и скрылся за воротами.

Оба имама покачали головами, спрятали розу и яблоко за пазуху и, приложив палец к губам, молча посмотрели друг на друга.

— Благоразумие требует подождать и ни за кого из них не молиться!— сказал один имам.

— Это неосторожно,

Споря о благоразумии и осторожности, оба имама направились обратно.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Лопатка Гуюк-хана

Внук Чингиз-хана Гуюк-хан — сын и наследник великого кагана всех монголов Угедэя — внезапно покинул дворец правителя Сыгнака и поставил свой малиновый шатер вдали от города, на холме в степи. Из шатра открывался вид на долину, куда беспрерывно прибывали войска[1], которые располагались отдельными куренями[2].

Вокруг шатра Гуюк-хана тесным кольцом стояло множество юрт. В них помещалась его охрана: молодые, отборные телохранители, тургауды, из знатных семейств степных феодалов. В кольце юрт стояли ханские кони, их тщательно оберегали и так завертывали в попоны, что были видны только хвосты и уши. Это были редкие, драгоценные кони, которыми любил щеголять Гуюк-хан во время облавных охот, когда от коней требуются особая быстрота и ловкость.

Стараясь во всем подражать пышным порядкам, установленным его дедом Чингиз-ханом, Гуюк поставил

---

[1] Согласно восточным летописям, в этом походе на запад участвовало около 4 тысяч коренных монголов (гвардия) и около 30 тысяч татар. Монголы и татары были основным ядром войска, к которому примкнуло около 200—300 тысяч разноплеменных конных, присоединявшихся по мере движения войска. Особенно много было кипчаков. Под этим общим именем надо понимать, по-видимому, предков казахов, киргизов и других кочевых племен тюркского корня.

[2] К у р е н ь — монгольское слово (кюрийен), потом проникшее в русский язык (у запорожских казаков и др.). Означает стойбище в виде кольца юрт с юртой начальника в центре круга.

возле своего шатра высокое древко с черным пятиугольным знаменем, на котором золотыми нитками был вышит всадник со зверским лицом — бог войны Сульдэ, свирепый покровитель монгольских походов.

По уверениям шаманов, бог Сульдэ незримо сопровождал в походах Чингиз-хана и приносил ему потрясающие вселенную победы. Для этого бога за Чингиз-ханом всюду следовал никогда не знавший седла молочно-белый жеребец с черными глазами. Внук Чингиз-хана Гуюк-хан также держал около шатра неоседланного белого жеребца, за которым неотступно ухаживали два шамана.

Перед малиновым шатром горели два неугасаемых костра. Шаманы, увешанные погремушками, с войлочными куклами на поясе, ходили, приплясывая, вокруг огней и похлопывали в большие бубны.

Четыре монгола медленно поднялись на холм. Они шли, наклонившись вперед, широко расставляя кривые ноги, держа стрелу за спиной. Подойдя к кострам, они покорно предоставили себя шаманам. Выкрикивая молитвы, шаманы обкурили их священным дымом — чтобы вместе с дымом улетели злые желания и преступные мысли. У входа в шатер два тургауда скрестили копья и, присев, наблюдали, чтобы входившие осторожно приподнимали стрелой занавеску и не касались ногой порога, — это могло вызвать великий гнев неба: заоблачный грозный бог поразил бы тогда хозяина шатра сверкающей молнией и ударами грома.

Четыре воина поочередно переступили через скрещенные копья. Они повалились на колени и коснулись подбородками разостланного белого войлока.

— Будь славен, победоносен и многолетен, великий!— воскликнули они.

— Ближе ко мне! — послышался ответ.

Воины на коленях проползли вперед и выпрямились.

На низком широком троне, украшенном узорами из золота и кости, сидел, подобрав ноги, пухлый, с большим животом юноша. На его оранжевой шапке трепетал пучок белых пушистых перьев священной цапли — знак царевича из рода Чингиз-хана. Юноша был в затканной золытыми драконами малиновой шелковой безрукавке, в красных сафьяновых туфлях на высоких изогнутых каблуках. Рядом на троне лежали: справа —

знак власти, металлическая с золотой насечкой булава, слева — длинная лопатка из бивня слона.

Хан Гуюк всматривался узкими глазами в лица четырех монголов.

— Вы опять пришли с голыми, как у гуся, лапами? Где же его пояс? Где его шапка? Где его рубиновые пуговицы?..

Хан схватил костяную лопатку и стал колотить монголов по щекам. Они стояли с каменными лицами, неподвижные, коренастые; казалось, при каждом ударе головы их уходили глубже в широкие плечи.

— Прости нас, владыка мира!— воскликнули они хором и снова повалились лицом на войлок.

— Говори ты первый, Мункэ-Сал[1]! Ты самый разумный из всех.

— Сейчас расскажу, мой хан! Мы узнали, что протянувший руку к далекой звезде Бату-хан, покинув Субудай-багатура, прискакал в Сыгнак с пятью нукерами...

— Он поссорился с Субудай-багатуром?

— Этого я не слышал...

— Вот когда нельзя было зевать! Почему вы не захватили его?

— Он примчался прямо к брату, Тангкут-хану, во дворец. Они оба громко спорили, они ужасно кричали. Тангкут-хан стал звать нукеров: «Убейте его!» Бату-хан выбежал, проклиная брата, вскочил на коня и ускакал...

— Вы проследили его? Где он?

Монголы снова повалились лицом на войлок.

— Вы не воины! Вы желтые дураки, пожравшие мясо своего покойного отца!— завизжал Гуюк-хан.— Вы хромые козлы!..

Недоверчиво озираясь, он продолжал злобным шепотом:

— Скачите вокруг города! Ищите моего ненавистного врага! Он в синем чапане с шестью рубиновыми пуговицами... Если вы задушите его, то будете сотниками!.. Будете тысячниками!.. Если же снова вернетесь с пустыми руками, если этот хвастун станет вождем — джихангиром, то вам не миновать смерти! Палачи от-

---

[1] Мункэ-Сал — вечный и умный.

режут вам уши и переломают хребты! Запомните это! Торопитесь!

Монгольские воины попятились и выползли за черную дверную занавеску, расшитую серебряными аистами.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Храбрый Назар-Кяризек

Старый Назар-Кяризек, полный тревоги, вернулся в свою юрту с базара в Сыгнаке.

— Эти новости вызывают дрожь!— бурчал он себе под нос.— Отправлюсь к моему хану Баяндеру, проверю, правильно ли все, что я слышал.

Назар стал торопливо одеваться.

— Надо успеть, пока не увидела Кыз-Тугмас! Опять начнет ворчать, что я не работаю, без дела шатаюсь... Все жены ворчат. Побью ее. Я хозяин!..

Он натянул на себя черный чапан. Так как чапан от ветхости расползался, Назар надел сверху длинную козловую шубу, подпоясался сыромятным ремнем, вытащил из мешка желтые покоробившиеся сапоги с острыми каблуками — эти сапоги надевал, отправляясь в набег, еще отец Назара,— на голову нахлобучил овчинный малахай с наушниками и засунул за пояс плеть. Назар оглядел себя.

— Теперь я могу предстать пред очами грозного хана Баяндера!.. Нельзя откладывать такого важного дела...

Турган, младший сын Назара, прибежал из степи, где он с другими мальчиками пас аульных жеребят. Турган в удивлении широко открыл рот: «Что такое? Отец в козловой шубе? В такую жару! Что он надумал?»

«Прикажи мне идти с тобой!»—уже готово было сорваться с уст мальчика, но Турган побоялся испортить дело. Сжавшись, он притаился около входа и посматривал блестящими, как у зверька, глазами, следя за каждым движением отца. Рядом с ним опустилась на колени Юлдуз, девушка-сирота, которую во время нашествия монголов подобрал Назар и воспитывал как родную дочь. Она подталкивала локтем Тургана и показывала глазами на Назара.

— Приведи кобылу!— строго приказал отец.

«Верно я догадался!»— торжествуя, подумал Турган. Он стремглав побежал в овраг, где паслась их старая лошадь, взобрался на ее костлявую спину и вернулся к юрте.

Назар обтер кобылу обрывком войлока, положил на тощий хребет старый чепрачок, старательно приладил связанное веревками расползающееся седло, накрыл его сложенным вдвое войлоком. Кобыла подбирала заднюю ногу и оглядывалась, пытаясь укусить хозяина, когда Назар туго затягивал подпругой ее раздувшееся брюхо.

Жена Назара, Кыз-Тугмас, худая, с впалыми щеками, возилась около котла, изредка посматривая на мужа, не решаясь спросить, куда он собирается. «Старый задумал новую причуду»,— подумала она, но перечить боялась. Только спешно замесила несколько горстей муки и стала печь лепешки.

— Куда наш собрался?— шепотом спросила Юлдуз у Тургана, когда старик вышел из юрты.

— Ясно, куда — на войну!— уверенно ответил мальчик.

— Что ты говоришь? Какую войну?— воскликнула испуганно мать.

— Наши мальчики говорят, что скоро будет война. Смотри, смотри, что делает отец!

Назар, вернувшись в юрту, подошел к решетчатой стенке и снял старую в кожаных ножнах кривую саблю с узким ременным поясом. Он важно нацепил ее поверх шубы, завязав узлом концы ремня. Жена и дети, разинув рты, следили за каждым его движением.

Назар-Кяризек, тяжело ступая в заскорузлых сапогах, вышел из юрты, стараясь придать себе гордый, смелый вид. Перекинув повод на шею кобылы, он поднялся в седло и бросил косой взгляд на дверь юрты. Жена завернула в розовую тряпку горячие дымящиеся лепешки. Юлдуз подбежала и протянула лепешки Назару. Заслонив рукой глаза от яркого солнца, она всматривалась в изборожденное морщинами лицо Назара, ожидая, что он скажет. Назар понимал, какие мысли волнуют его семью. Но разве можно при решении важного дела посвящать жену и детей в свои планы? Он торжественно спрятал за пазуху розовый узелок и важно сказал:

— Я отправляюсь к самому хану Баяндеру!

Он ударил каблуками костлявые бока лошади. Кобыла медленно поплелась по тропинке, уходившей в степь.

Турган подбежал к матери и сказал шепотом, точно отец мог его услышать:

— Я пойду за татой к хану Баяндеру. Ведь это недалеко! Я раньше его добегу и скоро вернусь.

— Хорошенько присмотри за отцом!

Мать отвернулась и пошла в юрту. Сунув пучок сухой колючки в потухающий костер, она раздула огонь.

— Вот еще что выдумал! Ему ли, старому, ехать на войну! Он там свалится в первый овраг и назад не вернется. Кто тогда меня, вдову, пожалеет?.. Ну, чего медлишь, Турган? Беги за отцом да следи издали, чтобы он тебя не заметил. А то рассердится и побьет...

Турган подтянул шаровары и побежал в ту сторону, куда поехал отец.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ханская щедрость

Весть о задуманном монголами походе на запад разлетелась по Кипчакской степи, как ураган, который среди тихого летнего дня вдруг проносится по равнине, крутя песчаные столбы, вырывая кусты и опрокидывая плохо прикрепленные юрты. Во все стороны помчались гонцы, передавая вести из одного кочевья в другое, сообщая о крупнейшем событии в мирной жизни кочевников. Сзываются в поход все двенадцать колен великого кипчакского народа[1].

Назар-Кяризек миновал прибрежные тополя, за которыми поблескивала мутная после дождей река Сейхун. Перед ним развернулась широкая равнина. Во всех направлениях торопливо ехали всадники, мерно шагали вереницы двугорбых верблюдов, нагруженных решетками юрт, шестами, войлоками, мешками, котлами и

---

[1] Кипчаки — большое племя тюркского корня, занимавшее огромную территорию от Аральского моря до Днепра. В русских древних источниках кипчаки именуются половцами. Европейские путешественники называли их куманами. Страну кипчаков восточные писатели называли Дешти Кипчак (Кипчакская степь), европейские — Куманией.

другими прокопченными предметами кочевого обихода. Возле верблюдов шли женщины с детьми. Полуголые рабы подгоняли стада овец и коров. Было что-то необычное и тревожное во взбаламученной степи, обычно дремлющей в безмолвном величии.

Назар-Кяризек добрался, наконец, до становища одиннадцатой жены хана Баяндера. Старый кочевник удивился: здесь все было по-прежнему! Несмотря на всеобщее смятение, хан Баяндер оставался, как всегда, невозмутимым. В становище шли приготовления к соколиной охоте. Оседланные нарядные кони нетерпеливо взрывали копытами песок. Десять ловких юношей с соколами на рукавице левой руки стояли в ряд, ожидая у шатра выхода господина. Поджарые, узкомордые собаки уже несколько раз начинали яростную грызню.

Назар слез с тощей кобылы, спутал ее передние ноги и стал степенно подыматься на вершину холма к ханским юртам.

Хан Баяндер вышел из юрты. Лицо его лоснилось от обильного угощения. Он был в нарядном охотничьем костюме — желтом шелковом халате, засунутом в широкие замшевые шаровары, и верховых сапогах с загнутыми кверху носками. Поля белой поярковой шапки поднимались спереди и сзади опускались на шею. Толстый живот был туго затянут полосатой шалью, из-за которой виднелся индийский кинжал с резной ручкой из слоновой кости.

Властелин степей узнал старого Назара. Острым взглядом он окинул его согнутую покорную спину, долгополую козловую шубу и кривую старую саблю. «Старик приехал о чем-то просить,— решил хан.— Иногда полезно приласкать простого кочевника, чтобы слава о щедрости хана Баяндера пронеслась по степи от костра к костру. Это особенно важно теперь, когда ханы собирают боевые отряды, чтобы двинуться в далекий поход...»

— Славен хан Баяндер! Без счета табуны коней у хана Баяндера! Да хранит аллах благословенные стада хана Баяндера!— выкрикивал нараспев Назар-Кяризек и кланялся так низко, что сквозь облезлую шубу выступали его костлявые плечи.

Хан остановился и засунул руку за полосатый пояс

— Здравствуй, дед Назар-Кяризек! Куда ты собрался с такой заржавленной саблей?

— Великая весть летит через Кипчакские степи...

— Что же ты услышал?

— Сейчас, мой хан, сейчас расскажу! Был я в Сыгнаке на базаре. Сидел в ашхане (харчевне) в сторонке и потихоньку слушал, что важные люди говорят. Один купец в дорогом шелковом халате очень много знал из того, о чем мы, простые люди, и не догадываемся. Он поставляет монгольским ханам муку и часто беседует с ними. Слышал он от них, что в Сыгнак прискакали самые важные монгольские царевичи, внуки великого Потрясателя вселенной Чингиз-хана...

Назар остановился, желая узнать, какое впечатление произвела его новость. Хан стоял спокойный, с непроницаемым взглядом всемогущего и всезнающего человека. Сопровождавшие его джигиты насторожились и придвинулись на шаг!

— Это похоже на истину!— заметил хан Баяндер.— Что же еще говорили на базаре?

— Говорил этот купец, что за царевичами спешно идет войско монголов и татар, такое большое, что оно займет наши степи на десять дней пути.

— Слышал и я о приезде монгольских царевичей. А для чего они идут сюда? Земли наши ими покорены, подвластные народы не смеют и шевельнуться,— что еще им нужно? Не слышал ли ты об этом, Назар-Кяризек?

— Говорят, грозный каган Чингиз-хан завоевал половину вселенной, а его внуки хотят покорить вторую половину.

Баяндер покачал головой:

— Легкое ли это дело! Сколько народов живет во вселенной, а Чингиз-хана-то нет! Кто его заменит? У кого такая голова, как у Чингиз-хана? Кто поведет войско? Эй, джигиты, подайте мне коня!

— Постой, мой славный хан!— завопил испуганный Назар.— Взгляни на твоего старого конюха! Ты более могуч, чем все другие степные султаны! Прошу тебя, мой хан, не забудь и меня в походе! Я сорок лет верно служил тебе и днем и ночью, и в снег и в бурю, пока не состарился. Теперь на мое место встали пять моих сыновей, все пятеро молодец к молодцу! Они берегут и холят

твоих коней и сберегли их до этого грозного дня, когда уже всюду слышатся боевые ураны[1] двенадцати колен великого кипчакского племени: «Уйбас, токтабаевцы! Дюйт, батыры дурутаевцы! Даукара, джерсайцы, опрокидывающие все на пути! Берите острые клинки, садитесь на коней, выступайте в поход!»

Хан Баяндер стоял еще более величественный, только левый глаз сощурился, и в нем мелькнула веселая искорка, когда он смотрел на кричавшего ураны старого Назара, который выхватил кривую саблю и размахивал ею над головой.

— Ты лихой воин, Назар, твои заслуги я помню! Чего же ты хочешь?

— Мои пять сыновей готовы выступить под твоим славным бунчуком. Но на чем? Много коней они тебе вырастили, а своих коней у них нет! Ты недаром называешься ханом Баяндером[2]. Дай каждому моему сыну коня с седлом. Пойдут они с тобой верными защитниками в бою, будут твоими верными стрелами: куда их пошлешь, туда полетят, что прикажешь — выполнят!

Хан Баяндер коснулся тремя пальцами острого конца своей бороды:

— Хорошо, мой верный конюх, Назар-Кяризек! Дам я коней твоим сыновьям, но о седле и уздечке пусть сами заботятся. Даром я ничего не даю. Если я своим джигитам раздам мои табуны, мне придется плестись по степи оборванным нищим. Пусть каждый из твоих пяти сыновей, вернувшись после похода, приведет мне взамен полученного другого молодого коня, покрытого ковром, и еще: пока твои сыновья будут добывать себе славу, пусть их жены соткут мне по бархатному ковру...

— Преславный хан, смилуйся! У меня нет шерсти для ковров.

— Ты получишь шерсть у моего управляющего. Если ты согласен, то твои сыновья могут взять себе по коню. Я зачислю всех пятерых в мою отборную тысячу джигитов.

---

[1] У кипчаков каждое колено, каждый род, имели свой особый боевой клич, или «уран». В бою, в драке, в толпе этим кличем члены одного рода сзывали друг друга.

[2] Баяндер — щедрый.

— Да хранит тебя аллах за твою щедрость, мой пресветлый хан!— воскликнул Назар и, сложив руки на животе, низко поклонился садившемуся на коня Баяндеру.

Назар вздохнул, выпрямился, вложил обратно в ножны старую саблю и, покачивая головой, хмуро смотрел вслед уезжавшему со своей свитой хану. Потом перевел взгляд и заметил Тургана. Мальчик сидел на пятках, обняв руками колени. Его черные глаза зорко следили за выражением лица старика. Заметив на нем грусть, Турган вскочил и подбежал к Назару:

— Чем ты огорчен, тату? Я все слышал. Теперь, кроме старой кобылы, у нас будет еще пять хороших коней. А разве трудно их вернуть этому жадному хану? Пустое! Ведь братья едут на войну и пригонят целый табун собственных коней.

— Кто, кроме аллаха, знает, что кони привезут с войны: славных багатуров или только их окровавленные мечи?

— Поезжай скорее за конями! Торопись, тату, пока хан не раздумал. Прикажи мне бежать за тобой! Можно?

Турган помог отцу сесть на кобылу, и оба направились по тропинке в ту сторону, где паслись полудикие тысячные табуны хана Баяндера.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

По следам коня

Арапша вел Хаджи Рахима пустынной степью так уверенно, точно он уже не раз ходил по этим холмам и запутанным, едва заметным тропинкам. Иногда Арапша останавливался, всматривался в следы и подымался на бугры, оглядывая степь. Тогда усталый Хаджи Рахим ложился на песок и вздыхал. Наконец он взмолился:

— Куда ты ведешь меня? Долго ли еще идти?

— Мы идем по следам моего коня. Я знаю, где мы можем скрыться. Скорей вперед!

Тропинка вела на возвышенность, засыпанную щебнем. Арапша свернул в сторону, спустился в овраг и долго пробирался вдоль высохшего ручья. Он указал на холм:

— Мы подымемся наверх и спрячемся за камнями. Оттуда можно наблюдать за степью.

Добравшись по обрывистому скату оврага до каменистой вершины, они припали за кустами репейника. Отсюда степь была видна далеко кругом.

— Посмотри на дорогу,— прошептал Арапша.— Это они!.. Что-то ищут!

По степи ехали четыре монгольских всадника на небольших крепких коньках с длинными гривами. Передний, наклонясь с седла, всматривался в землю и останавливался. Иногда он стегал коня, и монголы пускались вскачь. Вскоре они скрылись за холмами.

— Они идут по следам моего белого коня, моего Акчиана! Они надеются нагнать его. Я так и ожидал! Они могут вернуться... Мы должны уйти дальше, по этим острым камням, где не видно наших следов...

Путники пробирались оврагами, потом поднялись на равнину. Тропу пересекла широкая дорога. Пастухи, посвистывая, гнали по ней стадо баранов и коз.

— Здесь следы наши затеряются,— сказал Арапша.— Отсюда мы доберемся до какого-нибудь захудалого кочевья и там передохнем.

Тропинка привела к холму, с вершины которого открылся далекий вид на оживленную зеленую равнину. Здесь паслись многочисленные косяки коней. Медленно переходя по пастбищу, кони мирно щипали свежую траву. Верховые конюхи, размахивая длинными укрюками[1], охраняли кобылиц и жеребят.

Равнина, освещенная косыми лучами заходящего солнца, где мирно бродили стройные, сытые кони, казалась особенно радостной и привлекательной после сыпучих барханов и пустынных холмов с чахлыми стебельками седой полыни.

Невдалеке поблескивало небольшое озеро, над которым пролетали дикие утки. Из зарослей камыша не-

---

[1] **Укрюк — длинный тонкий шест с петлей от аркана на конце. Шест помогает набросить на коня петлю.**

ожиданно выскочил стройный белый оседланный конь и с звонким ржанием поскакал вдоль косяков рыжих кобылиц.

— Смотри, мой почтенный учитель! Ведь это он, мой Акчиан! Мой украденный друг!..— И Арапша, сбросив на песок сумку и плащ, побежал с холма.—Жди меня здесь... Я поймаю его!— крикнул он.

Факих опустился на землю и стал наблюдать.

За белым жеребцом помчались конюхи. Арапша пробежал по зеленой равнине, скрылся в камышах, перешел ручей и исчез в высокой траве, там, где носился белый жеребец, которого преследовали два пастуха.

Сзади послышались тихие голоса. Хаджи Рахим оглянулся... Три монгола, переваливаясь на кривых ногах, направлялись к нему. Один расправлял пучок веревок. Не успел факих опомниться, как монголы набросились на него, перевязали веревками, встряхнули и поставили на ноги.

— Видишь, на нем синий чапан с красными пуговицами! Конечно, это он.

— Это не он! Тот молодой, а у этого весь подбородок в шерсти.

— Какое мне дело! Хан сказал: «Если встретишь человека в синем чапане с красными пуговицами—приканчивай его скорей!»

— Поведем его к хану, пусть сам решает!

— Что вы от меня хотите?— кричал Хаджи Рахим.— Я бедный дервиш, я пишу книги!

— Пой песни другим! Откуда на тебе рубиновые пуговицы? За одну такую пуговицу можно купить косяк лучших кобылиц!

— Берите себе и чапан и пуговицы! Они не мои...

— Чего вы медлите!— воскликнул, подъезжая, четвертый монгол.— Торопитесь, сюда скачут ханские конюхи. Набрасывайте ему на голову платок! Загибайте пятки к затылку!..

Хаджи Рахим больше не слышал ни слова. Сильные руки схватили его, пестрый платок закутал лицо. Яркое солнце запылало перед ним и рассыпалось на тысячи искр. Шум голосов, крики, громкий лай собак, мучительная боль во всем теле — и факих потерял сознание.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Белый конь

...Легко несется его конь;
На полсажени быстрее мысли тот конь,
На сажень быстрее ветра.

(Поэма «Джангар».)

В зеленой степи на свободе паслось несколько тысяч коней. Казалось, они рассыпались в беспорядке. Но табуны, медленно передвигавшиеся по равнине, были разбиты на отдельные группы, или «косяки», которые не смешивались друг с другом, за чем зорко следили табунщики.

Каждый косяк состоял из старой матки и пятнадцати-двадцати молодых коней одной масти — темно- или светло-рыжих, буланых, гнедых и других. Старый злой жеребец не отходил от своего косяка, оберегая его.

Табунщики на горбоносых тощих конях с гиканьем скакали между косяками и, размахивая укрюками, ловко разгоняли сцепившихся в драке жеребцов.

Среди конюхов-табунщиков было пять сыновей Назара-Кяризека. Старшему, Демиру, было лет тридцать; младшему, Мусуку,— семнадцать. Братья славились как отчаянные укротители коней и бесстрашные охотники на волков, на которых они бросались с одной плетью. Зимой и летом, днем и ночью, в стужу и в проливной дождь разъезжали они вокруг табунов хана Баяндера, охраняя их от воров и хищников. Хан Баяндер не очень жаловал своих верных сторожей. Он только все обещал наградить их «по-хански». Но пока что на табунщиках вместо одежды были лохмотья, выцветшие и бурые, как степь, на ногах — самодельные сапоги, сшитые из невыделанных шкурок сусликов, а шапку заменяла собственная грива спутанных волос. Обоженные солнцем, почерневшие, они сжились со степью, как кони и большие лохматые собаки, и сами стали частью барханов, ковыльной равнины, ветра и плывущих мимо облаков.

В этом табуне Арапша заметил среди мирно пасущихся коней стройного белого жеребца, своего Акчиана. Он неукротимым зверем носился между косяками, наслаждаясь привольем, смело схватываясь с другими жеребцами. С диким визгом вцепился он зубами в шею рыжему жеребцу, опрокинул его и со звонким ржаньем

поскакал дальше по степи. Ветер развевал его серебристую гриву.

Арапша свистнул. Акчиан остановился и насторожил уши. Арапша свистнул еще раз и услыхал ответное ржанье. Изогнув шею и легко выбрасывая стройные ноги, Акчиан понесся упругими скачками навстречу хозяину.

Но два табунщика уже давно следили за ним и помчались наперерез, высвобождая арканы. Арапша изо всех сил бежал к коню, но было поздно: два аркана захлестнули шею скакуна, и он остановился, бросаясь в стороны, стараясь вырваться на волю.

— Оставьте! Это мой конь! Он под моим седлом!— кричал Арапша.

— Уходи отсюда, пока цел, степной бродяга, конокрад!— кричали табунщики. Один из них спрыгнул с коня и вцепился в повод Акчиана.— Здесь земля и табуны хана Баяндера! Бродячий конь — добыча хана!..

Арапша выхватил меч и крикнул с таким бешенством, что табунщики попятились:

— Слушайте, вы, жалкие рабы Баяндера! Вы, ханские табунщики, крадете чужих коней? Не хотите ли вы поставить ваше паршивое тавро на серебристой коже этого благородного коня?

— Хан Баяндер сам поставит тебе на лоб свое тавро,— ответил табунщик,— и будешь ты лежать падалью на кургане!

Говоривший отскочил в сторону, едва успев увернуться от разъяренного воина, бросившегося на него с поднятым мечом.

Но Арапше неожиданно загородил дорогу выбежавший из шалаша смуглый коренастый монгол в рваном плаще.

— Постой, бек-джигит!— сказал он спокойно.— Ты всегда успеешь светлой саблей зарубить грубияна. Выслушай сперва, что я скажу тебе. А твой конь от тебя никуда не уйдет!

Он сделал знак рукой, и табунщики распутали петли, наброшенные на белого жеребца. Говоривший был молод. Темный пушок едва оттенял его верхнюю губу. Под сдвинутыми бровями застыли скошенные холодные, точно стеклянные, глаза, в которых чувствовалась затаенная, неотступная мысль. Он держался с уверенностью, ка-

завшейся странной при его выцветшем нищенском плаще.

Арапша невольно остановился, пораженный властным выражением лица незнакомца, и вдруг вспомнил слова Хаджи Рахима: «Конь к тебе вернется... На нем уехал необычайный человек, который может за него дать тебе тысячу коней...»

— Твоего жеребца никто не посмеет тронуть,— продолжал молодой монгол.— На нем ускакал я, когда за мной гнались враги. Я покупаю его. Сколько золотых динаров[1] ты за него хочешь?

— Продать моего Акчиана?!— воскликнул Арапша.— Для смелого джигита конь — лучший друг! Разве друзьями торгуют?

— Ты хорошо сказал!— ответил незнакомец.— Этот благородный конь создан для того, чтобы на нем ездил султан, хан или сам каган. Для чего тебе, смелому, но простому джигиту такой конь? Я заплачу тебе за него столько, что ты купишь себе десяток добрых коней и шелковую одежду. Говори, что ты хочешь за коня?

— Я ничего не хочу!— возразил Арапша.— Я только что с трудом нашел его. У меня нет родины, нет юрты, нет белобородого отца или смелого брата. Все мое богатство — меч и этот конь. Зачем же ты хочешь отнять его? Кто спасет меня в огне битвы, на краю пропасти? Я не отдам его!

— Белый конь нужен мне! Я дам тебе взамен лучшего коня из этого табуна. Согласен?

Глаза Арапши расширились. Он загорелся гневом. Но ему опять вспомнились слова Хаджи Рахима. Арапша задумался на мгновение, затем тряхнул черными кудрями и сказал:

— Если мой конь нужен тебе не для того, чтобы водить его под парчовым чепраком по базару на удивление толпы, а для похода и для битвы,— я дарю тебе моего коня! Ты взлетишь на нем к далекой сверкающей звезде. Он будет конем победителя и принесет тебе удачу!

Незнакомец в рваном плаще вздрогнул. На мгновение глаза его испытующе остановились на Арапше. Затем он повернулся к табунщикам и спросил небрежно, как о пустячном деле:

---

[1] Динар — золотая монета.

— Скажите, джигиты-удальцы, можете ли вы продать мне коня, которого я сам выберу?

Табунщики переглянулись и пошептались между собой. Младший из них, черный от загара, как жук, сказал:

— Кони не наши, а хана Баяндера. Но хан наш любит золото, и мы можем продать нужного тебе коня, если ты заплатишь не меньше, чем купцы на базаре в Сыгнаке. Дашь ли ты нам за него двадцать пять золотых динаров? Тогда мы поймаем жеребца, которого ты нам укажешь, а если ты еще прибавишь нам за усердие, то мы его укротим на твоих глазах.

— Я не барышник! — ответил странный монгол.— Я не торгуюсь, а беру, что хочу. Вы получите, что просите. Кроме того, я добавлю каждому по золотому динару.

— Живи тысячу лет! — воскликнули табунщики.— Приказывай скорее!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Братья-табунщики

Назар-Кяризек торопился увидеть сыновей, чтобы обрадовать их вестью о милости хана, уступающего им пять коней. Он подгонял, как мог, тощую кобылу. Она то плелась шагом, то бежала рысцой и притащилась, наконец, к долине, где паслись табуны хана Баяндера.

Вслед за Назаром прибежал, прыгая, как заяц, маленький Турган. Он вскарабкался на холм и закричал отцу:

— Скорей, тату, скорей сюда! Здесь ловят волков!

Назар щелкнул плетью и взобрался на холм. В лощине, между холмами, во всех направлениях скакали, крича и свища, джигиты хана Баяндера. Заливаясь тонким лаем, поджарые борзые собаки гонялись за несколькими волками. Спасаясь, волки бросались под ноги коней.

Особенно горячая свалка происходила вокруг большого старого волка. Он огрызался, лязгал оскаленными зубами, отшвырнул отчаянно завизжавшую собаку и вертелся, отбиваясь от наседавших врагов.

К волку подскочил джигит, свалился с седла прямо

на него и старался ухватить его за уши. Но волк вырвался, перекатился кубарем через собак и большими скачками понесся наутек.

Джигиты помчались за волком.

— Держи его, Нури! Не упусти... Лови его за уши, Нури!..

В туче пыли, с шумом и воплями, скрылись за бугром охотники, волки и собаки.

Тогда Назар-Кяризек увидел на месте свалки лежащего человека, связанного веревками. На нем был синий монгольский чапан. Отлетевший в сторону колпак дервиша показался знакомым. Назар подъехал и сошел на землю.

— Да это наш сосед, ученый, факих Хаджи Рахим! Не задушил ли его старый волк? Ты жив ли, Хаджи Рахим? Великий аллах, приди на помощь!

Глаза лежавшего открылись и уставились удивленно на склонившегося старика. Хаджи Рахим медленно приходил в себя.

— Я не знаю, жив я или безжалостный Азраил тащит меня в царство ночи... Через меня пронеслись охотники и джигиты... на моей спине собаки дрались с волком... Ты много раз спасал меня от голода, Назар-Кяризек... Спаси еще раз, не покидай меня здесь!..

Назар распутал веревки и свернул их.

— На этих петлях мои синовья повесят разбойников, которые обидели моего почтенного соседа.

Старик помог израненному дервишу взобраться на кобылу и медленно повел ее под уздцы. Хаджи Рахим охал и жаловался:

— Иволга гонится за осой и не замечает, что охотник уже натянул лук и готов догнать ее острой стрелой... В это же время тигр готовится к прыжку, чтобы растерзать охотника! Кто знает наше будущее: кто раньше погибнет — тигр или охотник, иволга или оса?.. Я уже совсем погибал от рук страшных монголов, и кто же меня выручил — старый злобный волк и разъяренные собаки...

У подножия холма, около прозрачного ключа, стояли два камышовых шалаша. В них жили пастухи, сыновья старого Назара-Кяризека. Старик подошел к шалашам; Хаджи Рахим, охая, слез с кобылы и остановился, пораженный: перед ним стоял его ночной гость.

— Кто смел тебя обидеть?— спросил молодой монгол, нахмурив брови.— Синий чапан в грязи и разорван... Что произошло с тобой?

Хаджи Рахим рассказал, как на него напали монгольские воины. Юноша на мгновение закрыл рукой глаза. Вцепившись в рукав Хаджи Рахима, он прошептал:

— Это они! Неведомые злодеи неотступно преследуют меня! Хаджи Рахим! Ночью ты помог мне бежать, теперь ты сам чуть не погиб из-за меня! Они узнали на тебе мой синий чапан!..

К Хаджи Рахиму подбежал Арапша:

— Прости, мой почтенный учитель! Я виноват: зачем я, твой мюрид, оставил тебя одного!

— Ты знаешь его?— указал на Арапшу монгол.— Скажи, Хаджи Рахим, могу ли я довериться этому джигиту?

— Арапша храбр, как горный барс, и непреклонен и тверд, как алмаз! Его язык не знает лжи, рука не изменяет другу...

— Я рад тому, что ты сказал. Я возвеличу его!

С почтением согнувшись, приблизился старший из табунщиков:

— Послушай, хан! Хотя ты без юрты и без коня, но если в твоем кошелке звенит золото, мы поймаем тебе сейчас отличного коня.

— Арапша!— сказал монгол.— Выбери себе лучшего.

Арапша окинул взглядом табун и указал на молодого гнедого коня. Он был несколько выше других и гораздо беспокойней. В то время как остальные кони мирно пощипывали траву, гнедой жеребец, подняв голову, озирался и отбегал в сторону для драки к другим жеребцам.

— Ойе! Не легко будет поймать его!— сказали табунщики.— Это огонь, а не жеребец! Это зверь зоркий и пугливый... Его плетью не ударишь, он сам бросится на человека!

Вмешался старый Назар-Кяризек:

— Мусук поймает коня, а мой младший сын Турган усмирит его. Это ему не впервые!

Турган, взобравшись на рыжую кобылу, жадно слушал. Он ликовал. Глаза его сверкали от гордости: ему доверяют такое опасное и лихое дело — усмирить дикого коня!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Укрощение дикого коня

Мусук, прозванный так за ловкость[1], туже затянул кушаком свой тонкий стан, вскочил на поджарого горбоносого коня и с длинным тонким укрюком в руке поскакал в сторону гнедого жеребца.

Сперва Мусук сделал широкий круг, стараясь обойти коня. Гнедой жеребец еще не догадывался, что ему угрожает опасность, и заигрывал с соседними жеребятами.

Вдруг что-то его обеспокоило: он заметил приближавшегося табунщика. Матки, оберегая жеребят, спокойно отходили в сторону, открывая всаднику дорогу. Жеребята, следя за движениями маток, отбегали за ними.

Гнедой насторожился. Он почуял приближение врага и бросился со всех ног в сторону, стараясь затеряться среди других коней.

Мусук ни на мгновение не упускал его из виду. Он кидался в середину разбегавшихся коней и мчался за удалявшимся гнедым. Всадник был не раз совсем близок и готовился накинуть петлю, но разгневанный конь, взмахнув хвостом и потрясая головой с поднявшейся, ощетинившейся гривой, круто бросался в сторону и исчезал между другими встревоженными косяками.

Мусук разгорался, не помнил и не видел ничего, кроме ускользавшего непокорного зверя. Он должен был поймать его во что бы то ни стало и не выпустить из рук, что тоже было трудным делом. Уже несколько раз гнедой конь ускользал от табунщика, брыкал ногами и бросался грудью на сбившихся в кучу коней, которые, подняв голову и заострив уши, с беспокойством следили за горячей погоней.

Поджарый горбоносый степняк, на котором, пригнувшись к шее, мчался Мусук, как будто понимал тайные желания всадника. Не Мусук управлял конем, а скакун, в одном порыве с охотником, несся за ускользавшим диким жеребцом, выискивая его среди сотен других коней.

---

[1] Мусук — кошка *(по-тюркски)*.

Наконец молодой джигит настиг свою жертву, накинул аркан, отбросил в сторону укрюк и, прихватив конец аркана, коленом, правой рукой сдержал дикого, прекрасного в своей ярости коня.

Когда петля захлестнула шею свободного скакуна, следившие за охотой табунщики подняли дикий вой. Кони тысячного табуна окаменели, пораженные победой человека. Они стояли как вкопанные, заострив уши, устремив взоры на ловкого всадника и на разъяренного жеребца с вздыбившейся черной гривой, захваченного натянувшимся как струна черным волосяным арканом.

Дикарь, изумленный никогда не испытанным ощущением острой боли в шее, стоял неподвижно только первое мгновение. Потом, расставив ноги и загибая голову книзу, он стал пытаться порвать аркан.

Внезапно поднявшись на дыбы, он сделал отчаянный прыжок в сторону, стараясь вырвать аркан из железной руки табунщика, но петля еще сильнее стала душить шею. Гнедой жеребец визжал от ярости, припадал на колени, делал новые прыжки, изгибался и высоко вскидывал задние ноги.

Конь Мусука был силен и опытен в подобной борьбе и не подавался ни на шаг. Мусук зорко следил за каждым движением противника. Два табунщика подбежали к взбешенному, визжащему коню, крепко ухватили его за уши, в то время как два других конюха торопились связать ремнями его ноги. Один из них пропустил между зубами жеребца волосяную веревку, затем ловко опутал его брюхо и закрепил конец на спине.

В это время на спине страшного коня очутился босоногий мальчик в алой рубашонке и засученных шароварах. Ухватившись за концы веревки, просунутой коню в зубы вместо поводьев, он вцепился затем левой рукой в его густую гриву. Табунщики, освободив ноги коня, отбежали. Турган, стегая коня плетью, помчался в степь.

Назар-Каризек, раскрыв рот и подняв руки, полный восхищения и тревоги, кричал:

— Берикелля[1]! Из сынка выйдет настоящий джигит!

Мальчик крепко сидел на спине мчавшегося коня. Вскоре он был уже так далеко, что казался маленькой

---

[1] Берикелля — молодец.

красной точкой. Табунщики зорко наблюдали за борьбой коня и ребенка, готовые помчаться на подмогу.

Конь носился кругом по степи, бросаясь из стороны в сторону. Он старался скинуть мальчика нечаянными прыжками вбок. Бил задом и передом, подпрыгивал на месте, вставал на дыбы, шел на задних ногах и снова мчался в степь, разъяренный до предела.

Турган, вцепившись изо всех сил в веревку и взлохмаченную гриву, не терял ни смелости, ни упорства. Он то хлестал коня плетью, то ободрял и успокаивал его ласковыми словами. Дикий жеребец стал наконец немного слушаться повода.

Это заметили табунщики. Старший брат Демир закричал:

— Мальчишка переборол коня. Пора выручать его! Он устал и силенок не хватит. Я сам поеду.

Демир помчался к Тургану. Гнедой был измучен, истощен, наполовину укрощен, и настигнуть его казалось делом нетрудным. Но лишь только он заметил, что к нему приближается новый всадник, жеребец снова разъярился, стал выгибаться и прыгать в сторону. Однако он уже давно утомился и, теряя силы, побежал дробной рысью. Его движения становились более равномерными и правильными. Уже заметно было, что он слушался повода и делал ровный круг, приближаясь к месту, где стояли Назар и табунщики.

Дикий конь был укрощен...

Демир, поскакавший на помощь мальчику, поравнялся с ним и продолжал мчаться рядом. Мальчик, держась левой рукой за холку коня, привстал на колени, потом быстро поднялся на ноги. Этим воспользовался опытный табунщик и, тесно прильнув своим конем к укрощенному жеребцу, обнял ребенка правой рукой и перетащил к себе.

Прирученный конь уже скакал рядом на поводу. Черный, загорелый табунщик, придерживая стоящего на его седле мальчика, возвратился к шалашу. Подбежавшие братья сняли усталого, едва державшегося на ногах юного укротителя и наперебой обнимали и целовали его.

Арапша бросился к гнедому жеребцу, поймал его за повод и стал трепать по шее, называя ласкательными именами. Конь стоял, растопырив ноги, опустив голову, равнодушный, с повисшими ушами.

Старый Назар-Кяризек сказал:

— Поводи его шагом до захода солнца, не давай воды до полуночи. Это будет конь первейший, знаменитый.

Молодой монгол, внимательно следивший за скачкой, повернулся к табунщикам и стал небрежно отсчитывать из кожаного кошелька золотые динары. Он высыпал монеты в подставленные ладони старшего брата, затем вскочил на белого жеребца и, сдерживая его, сказал:

— Спасибо вам, джигиты-табунщики! Скоро вы обо мне услышите!..

Он тронул коня, но остановился, всматриваясь вдаль. На холмах, окружавших долину, показался растянувшийся конный отряд. По маленьким крепким коням с крутыми толстыми шеями можно было сразу узнать монголов. Всадники быстро окружили место, где стоял шалаш. Монголами начальствовал молодой хан с суровым каменным лицом. За ним неотступно следовали три воина. Средний из них держал копье с трепетавшим желтым лоскутом. Угрюмый хан подъехал к табунщикам. Встретившись взорами с молодым всадником на белом жеребце, он склонился к луке седла:

— Менду[1], Бату-хан! Не легко нам было найти тебя. Почему на тебе одежда, не подобающая царевичу-чингизиду?

— Желтоухие собаки Гуюк-хана преследовали меня. Я скрывался в шалаше этих бедняков.

— Мой почтенный отец, Субудай-багатур, беспокоится. Он просит немедленно прибыть в его шатер.

— Я готов, багатур Урянх-Кадан!

Монголы с места пустили коней вскачь и быстро скрылись за холмами.

Арапша отвернулся, не желая видеть, как удаляется его любимый белый Акчиан. Пучком травы он вытирал пот, струившийся по бокам его нового коня. Ласково шептал ему:

---

[1] Менду — здравствуй *(по-монгольски)*.

— Не грусти! Не жалей о потерянной свободе! Теперь ты стал моим другом. До сих пор неудачи играли мной, ты же приносишь мне надежду! Будешь отныне называться «Ит[1]-алмаз!» Станешь преданным и верным, как собака[2], и неутомимым и крепким, как алмаз...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Справедливые судьи

Кыз-Тугмас[2] не раз выходила из юрты и посматривала на дорогу, поджидая возвращения старого мужа. Наконец, утомившись, села на обрывке ковра у двери юрты и, обняв колени, молча смотрела на пустынный холм, над которым облаком кружилась мелкая розовая саранча.

«Говорила я, не к добру он поехал!— думала Кыз-Тугмас.— Чуяла, случится с ним недоброе. Куда ему, старому, ехать на войну! Он и мешок джугары[3] не принесет домой, не рассыпав. Но он упрям, как старый козел, а выбрыкивает, как молодой козленок...»

К вечеру приехал ее любимый сын Мусук. Он стреножил коня и пустил его пастись. Скинув разодранный чекмень и рубашку, он бросил их на колени матери.

— Пока у меня нет хозяйки, кто зашьет одежду?

Мусук растянулся на земле и долго лежал молча, следя за руками матери, которая ловко делала стежки на заплате.

— Где Юлдуз?

— Где же ей быть! Пасет в степи, еще не возвращалась.

Юлдуз была приемыш: ее пригрела Кыз-Тугмас, потому что, хотя она и носила имя «Не будет иметь дочерей», все-таки тосковала о дочери. Ведь дочь всегда

---

[1] Ит — собака.

[2] Кочевники, давая новорожденным имена, часто выражают в самом имени заветные пожелания ребенку, например, мальчикам: Турсун (пусть живет!), Ульмас (да не умрет!), или девочкам: Юлдуз (звезда), Кыз-Тугмас (да не будет иметь дочерей!) и т. п.

[3] Джугара — высокое растение, имеющее стебель, как у кукурузы, и кисть крупных зерен, из которых варится каша, обычная еда бедняков.

вьется около матери, и даже замужем, в новой юрте, она ближе к матери, чем сыновья.

«Юлдуз скоро можно будет отдать за немалый калым — корову, коня и верблюда. Юлдуз стройная, красивая девушка, с веселой улыбкой и блестящими карими глазами. Не беда, что Юлдуз бедно одета! Ее блестящие черные волосы всегда тщательно заплетены в шестнадцать косичек и перевиты нитями стеклянных бус. Не один джигит уже засматривается на нее...»

Мать знала, что Мусуку нравится Юлдуз. Но какая старикам выгода, если бедняк женится на нищей сироте? Не лучше ли ему подождать с женитьбой, а Юлдуз выдать за богатого кочевника или муллу? Но об этом Кыз-Тугмас никогда не говорила и не раз вздыхала, думая: «Мусук упрям, как отец, и поступит, как сам захочет. Тогда мы никогда не выйдем из бедности!»

Собака, лежавшая у порога юрты, подняла голову, заворчала и с громким лаем помчалась в степь. Мимо ехал кочевник и что-то кричал, указывая рукой в сторону. Он не остановился и проехал дальше.

— Вот и Юлдуз!— сказала мать.

На холме показались ягнята. Они шли, растянувшись по тропе, взбивая пыль. Среди них шагала тонкая девушка, подгоняя особой пастушьей песенкой отстающих. Услышав ее голос, из соседних юрт выбегали женщины и спешили к стаду. Юлдуз, отдав захромавшего ягненка, которого несла на руках, бегом пустилась домой. Она сделала знак Мусуку и проскользнула в юрту.

Юлдуз взволнованно зашептала:

— Ехал мимо человек и сказал, что видел нашу кобылу недалеко от дороги в степи. Она пасется, а седло сбилось на сторону... С отцом случилась беда! Я боюсь сказать матери.

Мусук осторожно вышел из юрты, стараясь незаметно пройти за спиной матери к своему коню, но вдруг остановился. Из степи послышался тонкий плачущий крик.

«Да это Турган!»

Мальчик показался на холме. Он бежал спотыкаясь, ноги заплетались, он падал, опять вставал и ковылял дальше. Мусук подхватил его.

— Вай-уляй! — плакал Турган.

Мальчик не мог говорить, подбородок его дрожал, по лицу, грязному от пыли, текли слезы.

— Что случилось?

— Его вешают...

— Кого?

— Тату?

Мусук принес брата в юрту и зачерпнул ему воды. Зубы мальчика стучали о край деревянной чашки.

— Около города... Тату ехал на базар... Его схватили джигиты. Они потащили его, связали веревкой... Я хотел протиснуться к тате. Меня оттолкнули так, что я упал...

— Говори дальше!

— Они кричали, что тату грабитель! Тату никого не грабил, его всегда другие грабили...

— Где это было?.

— Около ворот Намаза, где высокие тополя...

Мусук сорвал со стены свою кривую саблю в старых рыжих ножнах и, как был, без рубашки, побежал к коню, сбросил с его ног путы и вскочил в седло.

— Юлдуз!.. Турган!— крикнул Мусук.— Бегите в степь, ищите нашу кобылу! Я поскачу спасать отца...

Большая толпа теснилась вокруг старого высокого карагача[1] у ворот города Сыгнака. На толстом суку висело несколько человек. Их голые ноги были судорожно вытянуты. Лица страшно искривились. Два стражника, приставив к дереву лестницу, захлестывали петли на шею других. Несколько бедно одетых кипчаков с закрученными за спиной руками, с бледными лицами дрожали, сидя на корточках под деревом.

Благообразный и важный мулла, верхом на старом белом коне, возвышался над толпой. Он громко читал приказ:

— Правитель области повелевает — слушайте все внимательно! «За отказ уплатить объявленные налоги по случаю прибытия непобедимого монгольского войска, за сокрытие зерна и муки, необходимых для прокорма

---

[1] Карагач — высокое извилистое дерево, очень тенистое, из породы вязов, весьма распространенное в Средней Азии.

отважных воинов, присуждаются к смертной казни лукавые торгаши города Сыгнака...»

Шум и крики заставили муллу остановиться. Он строго посмотрел в сторону нарушителей порядка. Три всадника хлестали плетьми встречных и упорно пробивались через толпу. Впереди был отчаянно кричавший полуголый молодой джигит, размахивавший кривой саблей.

Мулла увидев джигита, сразу повалился с коня.

— Безумный! Что ты делаешь?— кричали в толпе.— Ты осуждаешь приказ правителя области!

— К собакам все ваши приказы!— вопил джигит.— Вместо базарных воров здесь вешают храбрых воинов хана Баяндера! Сейчас он сам сюда прискачет со своими джигитами... Всех вас изрубит, как солому!

Джигит подскакал к стражникам, которые, сидя на толстом суку дерева, подтягивали на веревке отчаянно бившегося старика. Косым ударом сабли джигит перерубил веревку. Оба палача упали с дерева.

— Развяжите старику руки, или я снесу вам головы!

Зрители помогли развязать лежащего старика и подняли его.

— Здравствуй, тату Назар-Кяризек!— сказал джигит и соскочил с седла.— Садись скорее на моего коня. Ты рано собрался покинуть нас для плова в райских садах аллаха.

— Вовремя прискакал, сынок Мусук!— ответил старик.— Эти бараньи головы должны были повесить нескольких богатых купцов, спрятавших свои запасы. А судьи получили от купцов подарки и поэтому схватили на дороге первых встречных бедняков и повесили их вместо купцов. И меня вздумали повесить! Постойте, гнусные шакалы! У меня недаром пять сыновей-джигитов! Я поеду к самому хану Баяндеру! Он свернет вам головы!..

Толпа шумела. Прохожие сбегались. Крики усиливались. Мулла, подобрав полы длинной одежды, быстро убегал. За ним спешили и стражники. Вдогонку палачам летели сухие комья земли.

Мусук помог отцу взобраться на коня.

— Я встретил двух знакомых пастухов и попросил их мне помочь. Хорошо, что мы не опоздали!

— Хорошо, что у меня еще крепкая шея! Старый

Назар-Кяризек не из таких, чтобы висеть, как туша, на потеху всему базару. Я отправляюсь на войну и вернусь оттуда славным батыром[1] с табуном коней!..

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Совет женщины

Назар-Кяризек возвращался в свою юрту, окруженный толпой кипчаков. Из соседних кочевий сбегались посмотреть на счастливца, выскользнувшего из крепкой петли всесильного кадия. Всякий хотел коснуться узды коня, на котором, подбоченившись, ехал старый Назар в козловой шубе, с кривой саблей на поясе.

— Кто спас Назара? Где этот смельчак?

— Его младший сын, Мусук! Он перерубил саблей веревку, а толпа камнями отогнала собак-палачей.

— Который его сын?

— Да вон идет рядом, лихой, красивый! Он джигит хана Баяндера!..

— Тогда ему, пожалуй, ничего не будет! Хана Баяндера боятся больше, чем главного судью.

Назар подъехал с важностью и торжеством к своей юрте. Теперь он мог показаться перед женой во всей славе. Ведь она ему твердила, чтобы он никуда не ездил, что он старый козел и ни к какому делу более не годится. А он возвращается теперь не менее знаменитым, чем сам хан Баяндер!

Однако Кыз-Тугмас при виде Назара стала плакать навзрыд, точно ей привезли покойника.

— Лучше бы ты умер, чем изо дня в день выдумывать разные затеи! Разве я не правду говорила, тебе ли ехать на войну? Не мог даже доехать до города, как уже попал в петлю! Больше от юрты и от меня не отойдешь ни на шаг!

— Вот гиена, а не женщина!— закричал Назар.— Ничего не понимает! Если я спасся от петли самого кадия, значит мне суждена великая дорога! Мне теперь ни меч, ни стрела не страшны! Я вернусь с войны если не ханом, так батыром, с табуном отборных коней. Меня все будут величать: «Салям тебе, ослепительный Назар»

---

[1] Батыр — храбрец, удалец! *(по-тюркски).*

бай-батыр!» Завтра же поеду к самому главному монгольскому начальнику Субудай-багатуру. Он даст мне достойное место в своем войске!

— Тошно тебя слушать, старая пустая тыква!

Кыз-Тугмас безнадежно махнула рукой и скрылась в юрте.

А Назар уселся около двери на обрывке кошмы. Перед ним теснились соседи, и он без конца рассказывал, как сам хан Баяндер подарил его сыновьям пять своих лучших коней из заповедных табунов, как хан обнимал его и называл старшим братом и отцом и расспрашивал, как лучше повести свой пятитысячный отряд и каким путем. Все, разинув рты, слушали, говорили, что следовало бы устроить особый отряд под его начальством, что этот отряд будет особенно удачливым и вернется с большой добычей.

Поздно вечером, когда любопытные разошлись, Кыз-Тугмас подсела к Назару, гладила его по руке и шептала:

— И чего тебя на войну тянет? Оставайся дома!

Назар раздувался от важности и твердил, что завтра он все-таки пойдет к самому важному из монголов Субудай-багатуру. Узнав о том, кто такой Субудай-багатур и какие у него причуды, Кыз-Тугмас сказала:

— Хотя этот начальник и богат и знатен, ты все же к нему с пустыми руками не ходи. Богатые любят подарки — хоть яйцо, да принеси ему! Тогда он станет тебя слушать. А ты ему принеси, знаешь что?— нашего длинноногого петуха! Он, правда, стар и почти без перьев, но это уж такая бухарская порода. Кричит же он по утрам так звонко, как азанчи на минарете. Может, и вправду петух принесет тебе счастье...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Юлдуз

Юлдуз рано утром, как всегда напевая песенку, погнала ягнят. За ней поехал Мусук. Отойдя далеко к зеленой долине, они оба долго сидели рядом на холме. Юлдуз расспрашивала своего друга о войне. Надолго ли уйдут в поход джигиты? Лицо Юлдуз, всегда веселое, с ямочками на щеках, вытянулось, и узкие брови сдви-

нулись. Еще бы! Сколько раз они говорили о будущей совместной жизни, а теперь из-за этого страшного похода все мечты разлетаются, как испуганные птицы. А если Мусук не вернется?.. Мало ли смелых джигитов сложило свои отчаянные головы на далекой стороне, в безлюдной пустыне, где шакалы растащили их изрубленные кости!

Но Мусук посвистывал и смеялся. Набег — это праздник для молодого джигита. Он увидит новые страны, он прославится удальством, станет знаменитым батыром. Вернувшись из похода, он всем привезет подарки, а для Юлдуз особенно: и красную шелковую рубашку до пят, и цветной пояс, вышитый бисером, и зеленые стеклянные бусы, похожие на изумруды, и перстень с камнем, сверкающим голубыми искрами.

Мусук не мог утешить нежную, робкую Юлдуз. Слезы одна за другой скатывались по ее щекам. Она сказала:

— Для чего эта проклятая война? Все хорошо помнят, что было здесь, в Сыгнаке, когда пришли страшные монголы. Они всех резали, жгли дома и увели неведомо куда половину женщин и детей! Тогда у меня не стало отца и матери... Мне не надо никаких подарков! Ведь мы хотели с тобой поставить свою юрту на берегу ручья, где у нас будут свои ягнята, где мы будем иметь каждый день свежую лепешку и кусок сушеного творога. А ты хочешь вместе с безжалостными монголами убивать людей, жечь их юрты и отнимать у них последнюю лепешку и творог!

Мусук засмеялся и воскликнул:

— Не плачь, Юлдуз! Ты моя счастливая звезда! Я отправляюсь в поход, и днем и ночью думая о тебе... Кто рано поедет — счастье найдет. А кто сидит на месте — потеряет последнее...

Мусук обнял Юлдуз, вскочил на своего коня и, беспечно махнув папахой, поскакал прямиком через степь к табунам хана Баяндера.

Он встретил на пути толпу всадников. Они были на отличных конях, украшенных золотой сбруей, с соколами на рукавицах, их окружали борзые собаки. Вдали сотни две джигитов, растянувшись цепочкой, загоняли дичь. Мусук проехал близко от нарядных всадников в синих монгольских одеждах. Из зарослей выбежали

четыре джейрана[1] и, закинув на спину рожки, помчались по степи. За ними погнались охотники. Они направились в ту сторону, где Юлдуз пасла ягнят. Мусук подумал: «Как бы эти монгольские ханы, увидев красивую девушку, не приказали своим джигитам захватить ее с собой. Для хана нет закона, от его прихоти спасения нет!.

Через день, к вечеру, Мусук вернулся в юрту отца. Там сидели Назар-Кяризек и четыре брата. Когда Мусук вошел, все замолчали. Мусук сказал обычное приветствие и подсел сбоку. Все усердно ели рисовый плов с бараниной. По очереди, степенно брали концами пальцев горсточки рису и отправляли в рот.

«Откуда у нас плов?— удивился Мусук.— Значит, в доме барыши! Отчего? Где отец заработал столько, что всех сыновей угощает дорогим пловом?»

Мусук оглянулся. Почему у матери заплаканные глаза? Почему она сердито гремит посудой? Маленький Турган сидит не рядом с отцом, а прижался к двери, точно виновный, и робко подымает глаза.

— Что же ты не ешь, Мусук?— сказал Демир.

Мусук колеблется. Что случилось? Тревожные мысли, ужасная догадка захватила дыхание.

А отец достает пальцами с деревянного блюда кусочки мяса и поочередно, в знак доброжелательства, запихивает в широко раскрытые рты сыновей... Сегодня он хозяин, сегодня он угощает, может своей рукой запихнуть в рот гостя вкусный кусок. Он взял жирный кусок мяса и протянул руку к лицу Мусука.

Мусук резко отшатнулся.

— Есть я не буду!

Деревянное блюдо было вскоре очищено до последней крупинки. Демир, обращаясь к Мусуку, сказал с важностью и достоинством старшего брата:

— Наш младший брат Мусук! Ты, конечно, сам понимаешь, что нам, сыновьям нашего почтенного отца Назара-Кяризека, необходимо явиться в отряд хана Баяндера на исправных конях, с хорошими для похода седлами и с отточенными клинками. Если хан Баяндер увидит нас оборванными байгушами[2], он с нами и разговаривать не станет...

---

[1] Джейран, или дзерен, сайгак — разные виды степных антилоп.

[2] Байгуш — сова, сыч; здесь — в значении нищий.

Мусук вскочил и отступил к двери:

— Так это правда? Вы продали Юлдуз на базаре, как связанную курицу, жирному баю или торговцу рабами?

— Но ты сам подумай! Ехали мимо, охотясь, сыгнакские богачи. Увидели Юлдуз и сказали: «Вот желанный цветок для нашего хана!» Они предложили отцу очень хорошую цену — двадцать четыре золотых динара. Где нам, беднякам, разыскать такие деньги? Вот твоя доля — четыре динара. Мы честно все разделили, взяв и тебя в долю.— И Демир бросил на войлок четыре золотых монеты.

Мусук отвечал злобно, но тихо, положив руку на рукоять ножа, засунутого за пестрый пояс:

— У меня больше нет ни братьев, ни отца! Не попадайтесь мне на дороге!

Он выбежал из юрты. Все молча, опустив глаза, прислушивались к тому, как Мусук садился на коня, и ожидали, что он скажет матери и Тургану, которые с плачем выбежали за ним.

— Ты еще вернешься сюда?

— Никогда!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

„Созвать всех дервишей!“

Субудай-багатур разослал нукеров[1] во все концы города Сыгнака — разыскать и привести дервиша, летописца и поэта по имени Хаджи Рахим аль-Багдади. Нукеры вернулись с ответом: «Этого дервиша в городе нет. Домишко его заколочен, и сам он уехал неведомо куда».

Субудай, рассердившись, послал две сотни с приказом привести к утру следующего дня дервишей Сыгнака с их святыми шейхами и пирами[2].

---

[1] Нукер — то же, что дружинники у древних русских князей. Нукеры составляли личную дружину и охрану монгольского хана-феодала, исполняли, если нужно, всякие служебные обязанности: подавали коня, открывали дверь при входе хана и т. п. Они находились на полном иждивении хана и в дальнейшем становились его помощниками и начальниками отдельных отрядов, созданных из простых кочевников, призванных на войну.

[2] Шейх, пир — названия старшин общины дервишей.

Утром отряд монгольских всадников пригнал к лагерю толпу дервишей и ободранных бродяг. Дервиши были в просторных балахонах с пестрыми заплатами, подпоясанные мочальными веревками; они приближались в туче пыли с криками, заунывными песнями и глухим воем. Одни хором повторяли «Я-гуу! Я-хак!» Другие выкрикивали священные заклинания. Несколько каландаров[1] двигались впереди толпы, кружась, как волчки. Один крайне грязный дервиш с длинными космами черных спутанных волос держал на плече обезьянку, у которой от страха непрерывно делался понос.

Нукеры поставили дервишей широким полукругом. Дервиши шумели, жаловались и стонали, крича, что они святые, над которыми властен только великий аллах. Некоторые из них, широко расставив руки, бесшумно вертясь, скользили по кругу.

Из юрты вышел старый, сутулый и хромой полководец и остановился. Мрачный и страшный взгляд его раскрытого, неподвижного глаза заставил всех замолчать. Последний кружившийся дервиш свалился как будто без сознания на землю у ног Субудая и, приоткрыв осторожно глаза, следил за каждым движением прославленного монгола.

Около Субудая появился молодой толмач в красном полосатом халате и белой чалме. Субудай-багатур заговорил хрипло и отрывисто. Его слова громко переводил толмач:

— Вы — святые!.. Вас слышит небо. Вы отказались от богатства... Поэтому вы все можете... все знаете...

Дервиши хором закричали:

— Мы знаем не все! Мы не знаем, кто нас накормит и завтра и сегодня!

Субудай снова обвел взглядом толпу, и она затихла.

— Мне нужен один дервиш! Его зовут... Как его зовут?— повернулся Субудай-багатур к толмачу.

— Хаджи Рахим из Багдада! Кто его знает?

— Мы не знаем его! Он не наш! Выбери вместо него кого хочешь из нас. Мы будем верно служить тебе!

Субудай ждал, когда дервиши замолчат.

---

[1] Каландар — нищий. Была также община дервишей-«каландаров».

— Вы все вместе не стоите его одного. Молчите, кто не знает. Пусть кричит тот, кто знает!

— Я знаю! Я скажу!

Сквозь толпу протиснулся старик. Он подошел к Субудай-багатуру, трясущимися руками вынул из красного платка большого облезлого петуха — почти без перьев, с мясистым, свалившимся на сторону красным гребнем.

— Ты великий полководец!— завопил старик.— Ты пройдешь через степи и реки! Ты победишь весь мир! Ты первый из первых полководцев! Прими от меня первого из первых петухов! Он поет, как святой азанчи на минарете, всегда в одно и то же время и громче других петухов! Он будет восхвалять твои подвиги перед восходом солнца! Он принесет тебе новую славу!

Старик поставил петуха перед багатуром. Долговязый петух сделал несколько шагов, высоко поднимая длинные тонкие ноги.

Что-то вроде улыбки искривило лицо полководца.

— Я спросил: где дервиш Хаджи Рахим?

— Я скажу, где он. Недалеко. Он лежит больной в моей юрте, юрте старого честного труженика, твоего слуги, Назара-Кяризека. Его избили сыны шайтана, чьи-то нукеры.

Субудай-багатур сдвинул брови:

— Толмач! Возьми двух нукеров и поезжай за стариком. Привези ко мне Хаджи Рахима. Если он соврал, пусть нукеры выбьют из него пыль.

— Будет сделано, великий!

Субудай повернулся к юрте, но остановился.

— Я беру этого голого петуха. Что ты хочешь за него?

— Я прошу только одного: возьми меня с собой в поход!

— Приведи сперва мудреца Хаджи Рахима.— Субудай направился к юрте шаркающими шагами.

Дервиши завопили:

— Кто накормит нас сегодня? Зачем ты призвал нас?

Субудай пробормотал толмачу несколько слов.

— Тише!— крикнул толмач.— Субудай-багатур приказал, чтобы вы крепко молились об удачном походе. Кто из вас хочет отправиться в поход на запад, может идти, но кормиться должен сам.

— Ты все можешь! Ты великий! Прикажи сегодня накормить нас...

Субудай-багатур ответил:

— Я никого кормить не могу. Я только воин, нукер на службе у моего хана. Вы святые праведники, пойдите в Сыгнак к богатым купцам и скажите им, что начальник монгольского войска приказал купцам всех вас сегодня накормить.

Дервиши снова запели и с гулом и криками нестройной толпой направились по степи обратно к Сыгнаку.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Мечта завоевателя

Мы бросим народам грозу и пламя —
Несущие смерть Чингиз-хана сыны.

(Из древней монгольской песни.)

Монгольские заставы с удивлением пропускали странных спутников, направляющихся к юрте главного полководца Субудай-багатура. Впереди шел тощий дервиш в высоком колпаке, с белой повязкой паломника из Мекки. Его можно было бы принять за обыкновенного дорожного нищего, если б не просторный шелковый синий чапан с рубиновыми пуговицами, вправленными в золото. Через плечо висела сумка, из которой высовывалась книга в кожаном переплете с медными застежками. В руке он держал длинный посох и сплетенный из тростника фонарь с толстой восковой свечой. За дервишем плелся старик в козловой шубе, с кривой саблей на поясе. За стариком ехали рядом на небольших серых конях молодой толмач и два монгольских нукера. Оба монгола без конца тянули заунывную песню. Приближаясь к заставе, они кричали: «Внимание и повиновение!»— и затем снова продолжали протяжную песню. Дервиш, приближаясь к дозорным, сдвигал на затылок колпак, и на лбу его блестела овальная золотая пайцза[1] с изображением летящего сокола.

[1] Пайцза — овальная пластинка (металлическая или деревянная), служившая своего рода пропуском или паспортом в монгольском войске и во всех монгольских владениях. Имевший пайцзу пользовался содействием властей, получал от них продовольствие и

Дозорные смотрели разинув рты и спрашивали вдогонку:

— Идет к самому?

— А то к кому же!

Возле юрты полководца Субудай-багатура дервиш остановился. Два огромных рыжих волкодава, гремя цепями, прыгали на месте, давясь от злобного лая.

Девриш долго стоял задумавшись, опираясь на посох. Из юрты послышался голос:

— Пусть учитель войдет!

Дозорный, стоявший рядом, толкнул копьем неподвижного дервиша и указал на вход.

В юрте на ковре сидело несколько военачальников, склонившихся над круглым листом пергамента, где начерчены были горы, черные линии рек и маленькие кружки с названиями городов.

Толстый, сутулый Субудай-багатур поднял загорелое лицо, уставился на мгновение выпученным глазом на дервиша и снова склонился к пергаменту, тыча в него корявым коротким пальцем.

— Вы видите: от Сыгнака до великой реки Итиль[1] для каравана сорок дней пути. Нам же придется идти в два-три раза дольше. Как только выберем джихангира[2], войско выступит.

— Да помогут нам заоблачные небожители!— воскликнули монголы, встали и, прижимая руки к груди, один за другим вышли из юрты.

Субудай-багатур остался один на ковре. Он прищурил глаза, всматриваясь, точно стараясь проникнуть в тайные думы дервиша. Хаджи Рахим стоял неподвижно, спокойно выдерживая взгляд полководца, прославленного победами, известного своей беспощадной жестокостью при подавлении врагов и при разгроме мирных городов.

— Я слышал о тебе, что ты знаешь многое.

— Всю жизнь я учусь,— ответил Хаджи Рахим,—

фураж для лошадей. Пайцзы были различных степеней и соответственно отличались рисунком зверя или птицы. Пайцза высшей степени имела рисунок головы тигра.

[1] Итиль — Волга.

[2] Джихангир — покровитель вселенной, титул главнокомандующего (*по-арабски*).

но знаю только ничтожную крупинку премудрости вселенной.

Субудай продолжал:

— Ты был первым учителем моего воспитанника. Я вожу его с собой уже десять лет через земли многих народов. Он в седле учился быть воином и полководцем. Ты слышал об этом?

— Теперь услышал.

— Я хочу, чтобы он закончил великие дела, которые не успел выполнить его дед, священный Потрясатель вселенной[1]. Я слышал однажды, давно, как ты рассказывал о храбром полководце Искандере Зулькарнайне[2]. Он тоже начал походы юношей. У него были опытные в военном деле советники, которые оберегали его...

Субудай-багатур зажмурил глаз, отвернулся и некоторое время молчал. Затем снова повернулся к дервишу:

— Бату-хан полон страстных желаний, как пантера, которая видит вокруг себя сразу много диких коз и бросается то вправо, то влево. Возле него должен быть преданный, верный и осторожный советник, который будет предостерегать его и не побоится говорить ему правду.

— Я араб. Ложь считается у нас пороком.

Вошел дозорный и остановился у входа, приподняв занавеску.

— Внимание и повиновение!— сказал он вполголоса.

Субудай-багатур с кряхтеньем поднялся и, хромая, медленно направился навстречу. В юрту стремительно вошел Бату-хан. На нем был новый синий монгольский чапан с рубиновыми пуговицами в золотой оправе. Молодое загорелое лицо со скошенными узкими глазами горело беспокойной тревогой. Рот слегка кривился хищной улыбкой, на темном лице казались особенно белыми крупные волчьи зубы.

Субудай-багатур низко склонился перед ним.

---

[1] Потрясатель вселенной — Чингиз-хан.

[2] Искандер Зулькарнайн — Александр Двурогий. Так в Азии называли Александра Македонского, величайшего полководца древности (355—323 гг. до нашей эры). На монетах его преемников он изображался с рогами, как «сын Юпитера-Аммона (египетского рогатого бога) и царь вселенной».

— Ты хотел видеть ученого мудреца. Вот он!

Бату-хан быстро подошел к Хаджи Рахиму и схватил рубиновую пуговицу на его плаще:

— Я посылал за тобой, мой старый учитель Хаджи Рахим. Отныне ты меня не покинешь. Скоро начнется еще не виданный великий поход. Ты будешь моим летописцем. Ты должен записывать мои повеления, мои изречения, мои думы. Я хочу, чтобы правнуки мои знали, как произошло вторжение неодолимых монгольских войск в земли Запада. Посмотри сюда!

Он опустился на ковер и стал водить пальцем по пергаменту.

— Субудай-багатур, садись здесь, а ты, Хаджи Рахим, сядь с другой стороны. Вот великий путь красной, кровавой нитью идущий на запад. Я пойду дальше, чем ходил мой дед. Я поведу войска вперед, до конца вселенной...

Бату-хан продолжал говорить, указывая на пергамент, о предстоящем походе, перечислял названия разных мест и городов. Видимо, он давно продумал план войны.

Субудай-багатур смотрел в сторону с каменным равнодушным лицом.

— Я должен выполнить замыслы моего деда. «Монголы — самые храбрые, сильные и умные люди на земле»,— говорил он. Потому монголы должны царствовать над миром. Все другие народы должны быть нашими рабами и трудиться для нас, если мы оставим им жизнь. Все резкие и непокорные будут сметены с равнины земли. Они, как кизяк, сгорят на монгольских кострах!

Бату-хан обратился к Субудай-багатуру:

— Скоро ли мы двинемся в поход?

Субудай-багатур вздрогнул, точно очнувшись.

— Когда мы прочтем войску завещание Священного Правителя[1] и утвердим джихангира. До этого прошу тебя, Баату-хан, будь особенно осторожен. Держись одиноко. Берегись хмельных пиров. Нельзя подвергать себя опасности перед началом великого дела. Если ты погиб-

---

[1] Священный Правитель или Воитель— название Чингиз-хана. После его смерти имя его не произносилось вслух, заменяясь другими почтительными словами.

нешь, войско поведет другой царевич — Гуюк-хан или Кюлькан-хан. Они никогда не сумеют выполнить замыслы деда, и войско развалится.

— Дзе, дзе[1]! Мне нужно иметь около себя преданного человека, который всегда напоминал бы мне важное и срочное и говорил правду. Кругом я слышу только лесть и восхваления. Ты мне поможешь, мой старый учитель Хаджи Рахим. Я думаю также о смелом юноше, который уступил мне своего белого коня. Его зовут Арапша. Субудай-багатур, прикажи разыскать его. Он кажется мне верным и не способным на измену и лукавство. А ты, Хаджи Рахим, с сегодняшнего дня начнешь описывать великий поход. Начни с моего поучения:

«Великий полководец должен быть загадочным и молчаливым. Чтобы стать сильным, надо окружить себя тайной... твердо идти по пути великих дерзаний... не делать ошибок... и беспощадно уничтожать своих врагов!»

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Джихангир, покоритель вселенной

Прошло сорок дней. С востока беспрерывно прибывали монголо-татарские войска. Вслед за ними шли отряды киргизов, алтайцев, уйгуров и других кочевых племен. В Кипчакской степи повсюду горели костры военных лагерей. Племена располагались отдельными стоянками, не смешиваясь и не приближаясь друг к другу.

Как конские косяки держатся одной семьей благодаря злобности зорких жеребцов, так воины каждого племени теснились вокруг своих вождей. Все ожидали последнего призыва к походу на запад: девяти дымных костров, зажженных на вершине «кургана тридцати богатырей».

Монгольские царевичи провели эти сорок дней в пирах и в полуночных молениях. Шаманы[2] в плясках и

---

[1] Дзе, дзе — да, да! Ладно! *(по-монгольски)*.

[2] Шаманы — жрецы-профессионалы, уверявшие невежественных кочевников, что они находятся в сношениях с добрыми и злыми божествами, от которых зависят здоровье, счастье и судьба человека.

гаданиях искали «день счатливой луны», когда боги разрешат избрание джихангира — главного вождя всего войска. Тысячеустая молва уже разносила весть, что джихангиром подобает быть только Гуюк-хану: он наследник великого кагана[1] Угедэя, хотя молод, но в походе приобретет опыт и боевую славу... Однако старые, опытные в войне, покрытые рубцами монголы покачивали головами.

— Подождем, что скажет мудрый, испытанный в походах Субудай-багатур. Этот израненный злобный барс вместе с Джебэ-нойоном, Богурчи[2] и наместником Китая, Мухури, составляли четыре копыта победносного Чингиз-ханова коня. Только опираясь на эти четыре стальных копыта, Чингиз-хан мог проноситься от победы к победе. Нам надо не только избрать джихангира, но и вождей, исключительных по военному опыту, начальников правого и левого крыла и стремительного темника[3] передового отряда разведчиков, умеющего заманивать врагов в западню... Пусть проницательный Субудай-багатур решит, годится ли в джихангиры Гуюк-хан. Удержат ли его руки поводья коня? Сумеет ли он повести войско для завоевания вселенной?

Пока ханы и царевичи договаривались об избрании более мелких вождей, старый Субудай-багатур, глава и руководитель будущего похода, сидел безвыходно в своей юрте. Никого туда не впускали молчаливые дозорные тургауды, и никто не знал, что делал, что обдумывал дальновидный скрытный старик.

На кургане, где стояла юрта Субудая, в соседних с нею юртах толпились вестники, монгольские военачальники и кипчакские ханы. Они усаживались на войлоке возле помощников Субудая, юртджи[4] и передавали им

---

[1] Великий каган — монгольский император, проживавший в столице Монголии Каракоруме (в настоящее время от нее остались только развалины).

[2] Богурчи — крупнейший полководец Чингиз-хана.

[3] Темник — начальник корпуса в 10 тысяч человек.

[4] Юртджи — своего рода монгольские чины «Генерального штаба», которые вели записи, рассылая приказы джихангира, делали сводки известий и через особых лазутчиков производили разведки.

свои пестрые раскрашенные стрелы. Юртджи провожали некоторых из приехавших ханов к старому Субудаю, и тот, впиваясь своим единственным глазом в собеседника, говорил с ним отрывистыми словами, а потом либо отворачивался, буркнув: «Такого не надо!», либо передавал овальную пластинку, золотую пайцзу.

Получивший пайцзу начальник отряда обязывался подчиняться беспрекословно джихангиру, не колеблясь исполнять все его приказания и очертя голову бросаться в бой. Воспрещалось самовольно переходить с одного крыла на другое, идти неуказанной дорогой или медлить в выполнении приказа. За все промахи грозило только одно наказание — смерть.

Привезенная ханом или беком стрела с пестрыми знаками, означавшими духов войны, являлась залогом верности тысячи преданных всадников. К тысяче прикреплялся монгольский нукер, опытный в походах. Он наблюдал, чтобы строго исполнялись боевые правила, введенные Чингиз-ханом, чтобы одна пятая часть захваченной добычи поступала в пользу джихангира, а вторая пятая часть отсылалась в далекую Монголию, в пользу великого кагана. Для войска оставались три пятых военной добычи. Монгольский начальник следил, чтобы не было ссор и вражды между отдельными отрядами. За малейшее нарушение правил, написанных в великой «Ясе»[1] Чингиз-хана, виновному грозила немедленная смерть.

Воины должны были явиться в поход на крепких конях, с исправным оружием, уже разделенные на десятки и сотни, где они были подчинены своим десятским и сотникам.

Наконец шаманы объявили, что боги, живущие за облаками, разрешают избрать джихангира, вождя предпринятого похода, в счастливый, сорок первый день совещания. Только знатнейшие ханы и тысячники могли принимать участие в этом торжественном избрании. Остальные, более мелкие военачальники расположились со своими отрядами в степи, вокруг «кургана тридцати богатырей», ожидая решения ханов.

---

[1] Я с а — сборник правил и поучений Чингиз-хана, являвшихся обязательными законами в Монгольской империи.

Хан Баяндер выехал еще до рассвета из своего кочевья для участия в празднике избрания. Золотая овальная пайцза с изображением летящего сокола висела у него на груди на желтом шнурке. Нелегко было получить эту пайцзу. Накануне хан Баяндер лично привез Субудай-багатуру пять «тысячных стрел». Старый полководец вытащил из кожаной шкатулки золотую пластинку и сказал: «Пусть твои пять тысяч кипчакских джигитов в нападениях будут как кречеты, бросающиеся на соколов, а ты сам будь осторожен, как волк в ясный день, и терпелив, как ворон в темную ночь. Во время стоянок, пиров и увеселений пусть твои кипчаки живут с монголами дружно и невинно, как трехмесячные телята. Я проверю в боях смелость, доблесть и верность твоих кипчаков».

Хана Баяндера провожала пышная свита. Сотня лихих джигитов в шелковых халатах и белых бараньих шапках ехала за ним до подножия кургана. Самые знатные военачальники, сойдя с коней, поднялись на курган. Остальные ожидали в отдалении.

Среди избранных, прошедших вслед за ханом Баяндером, была его старшая жена, дородная и величавая Бурла-хатун. Пышные складки ее шелкового платья покрывали всю спину коня — от гривы до хвоста. Младшие ханши и служанки помогли ей сойти с коня. Шурша просторной шелковой одеждой, ханша взобралась, задыхаясь, на вершину кургана. Распорядители заставили ее обойти золотой трон, предостерегая, чтобы она не ступила ногой на разостланный перед троном священный пестрый ковер. Ханша опустилась с левой стороны трона среди других таких же толстых, почтенных жен кипчакских ханов, утопавших в нарядных одеждах. Лица их прятались под огромными тюрбанами с пышными пучками белых перьев.

Вслед за старой ханшей проскользнули две смуглые дочери Баяндера, посматривая исподлобья дико и настороженно. Тонкий стан обеих девушек был перехвачен золотым поясом с маленьким кинжалом.

В толпе зашептали:

— Вот будущие жены джихангира... Хан Баяндер привез их напоказ. Счастлив хан Баяндер, имея таких красавиц дочерей! Будет у него зятем монгольский хан...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Избрание главного вождя

Восток быстро разгорался. Золотисто-желтая полоса над горизонтом стала огненной. Наконец красный шар солнца выкатился на небосклон. Тотчас же раздался свирепый хриплый рев длинных труб, возвестивших начало торжественного праздника.

По древнему степному обычаю, все монголы, сняв шапки и повесив пояса на шею, упали на землю, поклоняясь небесному светилу. Шаманы, ударяя в бубны, нестройным хором запели молитвы и заклинания, прося заоблачных, всегда гневных богов стать милостивыми, дать успех и благополучие предстоящему походу, просветить ясным разумом головы съехавшихся ханов: пусть они выберут самого сметливого и самого счастливого из монгольских царевичей-чингизидов. Он возьмет в сильные руки повод Чингиз-ханова коня и поведет войско для покорения вселенной.

Молодой Гуюк-хан сидел первым справа от пустого золотого трона. Довольная, счастливая улыбка пробегала по его пухлым губам. Кому же быть джихангиром, как не ему, сыну великого кагана, наследнику золотого трона монгольских повелителей! Он окидывал беспокойным взглядом других ханов, скрывающих мысли под каменной неподвижностью желтых, застывших в почтительной улыбке лиц. Гуюк-хан часто оборачивался: его тревожило отсутствие Бату-хана. Его нигде не было видно. Только братья Бату — Урду, Шейбани и Тангкут — с мрачными, настороженными лицами сидели тесной группой в стороне.

Вопли и завывания шаманов резко оборвались. Гуюк-хан, считая себя самым знатным, поднялся, желая говорить. Но хриплые трубы снова заревели, и Гуюк-хан опустился на ковер.

Тогда вскочил знаменитый полководец Джебэ-нойон, воевавший вместе с Субудай-багатуром как начальник его передового отряда разведчиков. Широкогрудый, сильный, прозванный за стремительность «Стрелой»[1], он

---

[1] Джебэ — стрела *(по-монгольски)*.

стал кричать могучим голосом любимые слова Чингиз-хана, обычно произносимые перед объявлением его приказов:

— Слушайте, войска непобедимые, подобные бросающимся на добычу соколам! Слушайте, войска драгоценные, как алмазы на шапке великого кагана! Войска единые, как сложенный из камней высокий курган! Слушайте, багатуры, подобные густой чаще камышей, выросших тесными рядами один подле другого. Исполняйте волю Священного Правителя! Только его слова мудры, только они приносят победы, только его приказы доставят вам обильные богатства, тысячные стада и немеркнущую славу!

Во всех концах нукеры закричали:

— Слушайте слова Священного Правителя! Слушайте почтительно и с трепетом!

Все бросились на колени, касаясь руками земли, и, подняв головы, слушали, что будет сказано.

Четыре писаря Субудай-багатура, мусульмане-уйгуры[1], в белых тюрбанах, выбранные глашатаями за свои зычные голоса, встали на четырех сторонах кургана. Держа в руках пергаментные свитки, они одновременно стали читать, стараясь перекричать друг друга:

— Слушайте, непобедимые воины, слушайте! Вот что повелел десять лет назад великий Священный Правитель. Вот какие слова записаны в его завещании: «Мы возвели на высокий ханский престол нашего старшего сына, Джучи-хана, подчинив ему западные улусы. Мы повелели ему пойти дальше к закату солнца с войском непобедимых монголов. Мы повелели ему идти покорять вселенную до последнего моря, до того места, куда сможет ступить копыто монгольского коня. Но тайный враг, подобно черной собаке, подползающей в дождливый день, подкрался к моему непобедимому сыну и обратил багатура Джучи-хана в пыль, развеянную ветром. Слушайте, мои верные сподвижники, багатуры и нойоны! Мы назначаем повелителем монгольского войска, идущего на вечерние страны, моего смелого, доблестного

---

[1] Уйгуры — племя, обитавшее близ Алтая. Уйгуры часто служили писарями и чиновниками у других племен.

внука Бату-хана, сына Джучиева. Он поведет к новым победам и прославит собранный мною монгольский народ, для чего я даю ему знамя с рыжим хвостом моего боевого коня. Мы приказываем нашему верному слуге, опытному в военных делах Субудай-багатуру помогать нашему внуку Бату-хану твердо держать золотые поводья. Внуку нашему повелеваем во всем слушаться советов осторожного и мудрого Субудай-багатура. Тогда Бату-хан сорвет с неба утреннюю звезду, уничтожит всех врагов, покорит вселенную до того места, куда проваливается солнце. Тогда прекратятся мор, голод и засуха и настанет всеобщий мир». Слушайте, воины, таково желание Священного Правителя, таким должно быть и желание всего монгольского народа!..

— Пусть так будет!— закричали монголы и татары, стоявшие на коленях вокруг кургана.— Пусть воля Священного Правителя опять поведет нас войной на другие народы! Пусть указывает нам дорогу знамя с хвостом Чингиз-ханова жеребца! Покажите нам его.

Из сотни лихих всадников, стоявших на страже у подножия кургана, выехал молодой смуглый монгол на белоснежном жеребце. Он вихрем взлетел на вершину кургана и осадил бесившегося коня на краю ската. За ним примчались три воина. Средний держал белое пятиугольное знамя[1] с девятью трепавшимися на ветру широкими лентами. На золотом острие древка развевался длинный рыжий конский хвост, хорошо известный всем старым монголам, соратникам непобедимого Чингиз-хана.

— Это Бату-хан!— завыла толпа.— Это Бату-хан, сын Джучи, внук Чингиз-хана. Под ним Сэтэр, белоснежный конь великого бога войны Сульдэ! Веди нас в бой, Бату-хан!

---

[1] Знамя Батыя. Монгольские и китайские источники указывают на белое и черное знамена Чингиз-хана. Белый цвет у монголов считался священным, черный — угодным подземным мстительным богам. «Девятихвостое» и «девятиножное» знамя, по мнению одних исследователей, было бунчуком с девятью конскими хвостами. По мнению других, главное монгольское знамя было из материи, с изображением серого кречета с черным вороном в когтях и с девятью широкими и длинными концами (лентами), наподобие китайских знамен, у которых количество лент указывает чин, ранг полководца.

Утреннее солнце ярко освещало золотой шлем Бату-хана, его кольчатую броню и плясавшего горячего жеребца с огненными глазами. Бату-хан натянул золотые поводья и поднял над головой кривую саблю.

— Слушайте, смотрящие мне в глаза мои багатуры!— крикнул он сильным, звучным голосом, и равнина затихла.— Великий дед мой, «Потрясатель вселенной», приказал мне завоевать все земли на западе до последнего предела, и я клянусь, что с вами, непревзойденные в храбрости багатуры, я сделаю это и проведу кровавую огненную тропу до конца вселенной!

Гул радостных восклицаний прокатился по рядам воинов и затих.

— Я обещаю, что шелковыми тканями оберну животы моих воинов! Я захвачу сотни тысяч быков и баранов и буду кормить мясом досыта все войско. Я обещаю, что каждый получит новую шубу! Впереди богатые страны, где народы разленились от спокойной жизни. С вами, непобедимые багатуры, я покорю трусливые, не умеющие драться народы. Ваши плети будут гулять по их жирным затылкам!

Крики снова пронеслись по равнине:

— Ты настоящий внук Потрясателя вселенной! С тобой мы покорим все народы!

— Клянусь еще в одном! Я не забыл своих врагов, я разыщу тех ночных желтоухих собак, которые убили моего отца, и я сварю их в котлах живыми! Хотя бы виновником оказался мой брат, клянусь, что и с ним поступлю так же! Больше медлить мы не будем! Завтра на рассвете выступаем в поход. Первый сбор всего войска будет на берегах великой реки Итиль. Оттуда начнется буйная и веселая охота на племена и народы. Там я выпущу в бой моих смелых орлов и кречетов!

Каждый кипчакский род, каждое колено выкрикивали свои боевые ураны:

— Манатау! Карабура! Аманджул! Уйбас! Дюйт! Ээбуганнам-кайд-шуляйм!..

А новый джихангир, повернув плясавшего белого жеребца, медленно подъехал к юрте Субудай-багатура. Несколько ханов подбежали к нему, ухватили золотой повод, коснулись стремени и терлись бородой о замшевый сапог Бату-хана.

— Умоляем тебя, великий джихангир! Сойди с коня, сядь на трон, который отныне принадлежит тебе! Радуясь твоему избранию, мы устроим торжественный пир! Все ханы и кипчакские султаны хотят поцеловать перед тобой землю и выказать тебе преданность и усердие!

Бату-хан снисходительно улыбнулся и соскочил с коня. Ханы расступились, давая ему дорогу к узорчатому ковру перед золотым троном.

Но молодой воин с белым тюрбаном на длинных черных кудрях, грубо расталкивая ханов, бросился вперед и загородил копьем доступ к трону.

— Назад, Бату-хан! Смотри, что ожидает тебя!

Он с силой метнул копье в середину узорчатого пестрого ковра перед троном, и копье, пробив ткань, исчезло. Воин схватил ковер за край и отвернул его: под ковром зияло черное отверстие глубокого колодца. Бату-хан вскрикнул:

— Арапша, за мной!— бросился к юрте Субудай-багатура и исчез за входной занавеской.

— Какие хитрые злодеи, какие желтоухие собаки могли подготовить такую западню?— шептали ханы и теснились к колодцу, стараясь в него заглянуть.

— Субудай-багатур идет!— пронесся гул толпы.

Старый, сгорбившийся полководец на кривых ногах, со скрюченной правой рукой, медленно подходил к трону. Вытаращенным неморгающим левым глазом он обвел безмолвную толпу ханов и гостей.

— Два дня я отсутствовал и недосмотрел, как черные ночные мангусы[1] подрыли западню возле стоянки джихангира. Пока я жив, этим ядовитым чудовищам не удастся погубить молодого вождя, назначенного Священным Правителем! Я вырву клещами языки всех, кто готовил ему гибель. Посмотрю, будут ли они так же храбры со мною, как были хитры, готовя западню. Мы не станем медлить. Мы выступаем в поход не завтра, а сегодня, сейчас! Сворачивайте шатры! Седлайте коней! Нукеры, зажигайте костры!

---

[1] Мангусы — сказочные кровожадные чудовища, вампиры, вредящие человеку и обладающие сверхъестественной силой. Войной с мангусами занимались герои-богатыри монгольских былин.

Кряхтя и еще более согнувшись, старый полководец повернулся и медленно заковылял к своей юрте.

Ветер стих, и в неподвижном воздухе над курганом потянулись к небу девять столбов дыма — это расторопные нукеры Субудай-багатура разожгли приготовленные заранее костры, бросая в них сырую солому, извещая все кочевые племена, что начался великий поход на запад.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БАТУ-ХАН ДВИНУЛСЯ НА ЗАПАД

...Напрасно думать, что монгольское нашествие было бессмысленным вторжением беспорядочной азиатской орды. Это было глубоко продуманное наступление армии, в которой военная организация была значительно выше, чем в войсках ее противников.

(Наполеон.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Войско выступило

С того дня, как старый Назар-Қяризек, держа в в красном узелке длинного петуха, доставил его в юрту грозного монгольского полководца, факих Хаджи Рахим оказался в полном плену у одноглазого вождя Субудай-багатура, который фыркая, точно выплевывая слова, сказал:

— Великий джихангир Бату-хан повелел, чтоб ты, его многознающий учитель, всегда находился возле него... Чтобы ты усердно, очень усердно описывал походы Ослепительного через вселенную. Да! Чтобы ты имел достаточно бумаги и черной краски и два раза в день получал рисовую кашу и мясо. Ты все получишь, мое слово — кремень! А этот хитрый старик будет о тебе

заботиться... Чтобы ты не сбежал, да!.. Ты не будешь скакать, как отчаянный нукер, на неукротимом коне,— во время скачки ты растеряешь и перья и бумагу! Да!.. Ты поедешь на сильном тангутском верблюде. Вы оба будете следовать на нем за мной. А ты, петушиный старик, помни, что если этот ученый книжник будет писать лениво или захочет убежать, то с тобой поговорят мои нукеры и выбьют из тебя пыль, накопленную за шестьдесят лет... Не спорь и не отвечай! Так приказал джихангир, и так будет! А тебя, старик, я, сверх того, назначаю сторожем будильного петуха. Разрешаю идти.

Субудай отвернулся, точно забыл о факихе. Два монгола, подхватив под руки Хаджи Рахима, потащили его к огромному темно-серому верблюду. По сторонам его мохнатых горбов, на соломенном седле с деревянными распорками, висели две продолговатые, сплетенные из лозы корзины-люльки, «кеджавэ». Верблюд с протяжным стоном опустился на колени. Монголы усадили Хаджи Рахима в люльку. В ней было тесно, и колени поднялись до подбородка.

Назар-Кяризек влез в другую люльку. Он вздыхал и недовольно ворчал:

— Мне бы лучше боевого коня!.. Подобает ли старому воину сидеть в корзине!

Он тщательно привязал к корзине сыромятным ремешком своего петуха. Верблюда отвели в сторону и опустили на колени рядом с другими, на которых вьючили части разобранных юрт. Назар-Кяризек шепнул сидевшему в раздумье факиху:

— Все, что сказал этот кривой шайтан, будет исполнено, кроме одного,— о еде нам придется заботиться самим. Вечно голодные монголы и крупинки рису нам не дадут, а сами его слопают. Я проберусь к повару нашего свирепого начальника и постараюсь с ним подружиться... Тогда нам найдется что поесть.

Старик вылез из корзины и скрылся.

Хаджи Рахим наблюдал шумную суету военного лагеря. Воины бегали, кричали, торопили друг друга. Субудай-багатур уже потребовал себе коня. Кипчакские женщины с пронзительными песнями разбирали юрты, сворачивали войлоки, сдвигали косые решетки и вьючили все это на верблюдов вместе с бронзовыми котла-

ми, железными таганками и чувалами[1]. Нукеры волочили пестрые мешки с зерном и мукой, тащили за рога баранов, привязывали на запасных коней переметные ковровые сумы, подтягивали ремни и уносились вскачь, присоединяясь к отряду, который собирался на равнине.

Субудай-багатур, кряхтя и прихрамывая, подошел к догоравшему костру. Возле него появились шаманы — один старый, седой, и несколько молодых. Они ударяли в бубны, звенели погремушками и выли заклинания. Субудай смотрел на огонь выпученным глазом и шептал молитву, предохраняющую от отравы, удара стрелы и злого глаза. Ветер подхватил клубы сизого дыма и окутал ими Субудая, осыпав искрами.

— Счастливый знак!— сказали теснившиеся кругом монголы.— Дым отгоняет несчастье, священные искры принесут удачу!

Субудай, угрюмый, неподвижный, сутулый, стоял долго, глубоко задумавшись, точно видя перед собой предстоящие битвы, убегающие испуганные толпы и восходящее солнце боевой славы его воспитанника, покорителя вселенной Бату-хана.

А тот уже подъезжал на белом нарядном жеребце. За ним следовали в три ряда девять телохранителей. У переднего на бамбуковом шесте развевалось пятиугольное белое знамя с трепетавшими от ветра узкими концами. На знамени был вышит шелками серый кречет[2], держащий в когтях черного ворона. Бату-хан был в легком кожаном шлеме, украшенном пучком белых перьев серебристой цапли. Безусый, загорелый, с черными, слегка скошенными живыми глазами, в синем шелковом чапане с рубиновыми пуговицами, он уверенно сидел на горячившемся коне. Левой рукой он натягивал повод с золотыми бляшками, в правой держал короткую черную плеть.

— Я готов! Смотри, войско уже снимается со стоянки! Смотри, мои отряды торопятся скорее прибыть к

---

[1] Чувал — большой вьючный мешок, кожаный или шерстяной, часто с ковровым рисунком.

[2] Кречет — серый охотничий кречет, несущий черного ворона, считался покровителем рода Чингиз-хана, так как бедный предок его, Бодуанчар, жил исключительно благодаря охоте своего прирученного кречета.

великой реке Итиль, чтобы броситься ураганом на дрожащие от страха племена!

Бату-хан указал плетью на запад. С холма была видна далеко раскинувшаяся равнина. По всем тропам тянулись уходившие на запад конные отряды воинов.

Субудай, очнувшись, повернулся к Бату-хану. Он нагнулся и, кряхтя, коснулся корявыми пальцами сухой земли.

— Я давно готов,— сказал он.— Верно сказал: с таким войском ты накинешь аркан на вселенную!..

Подойдя вплотную к Бату-хану, Субудай добавил шепотом:

— Не отъезжай от меня ни на шаг! Помни, что опасность грозит тебе не с запада, а здесь, среди выкопанных для тебя ям и сладких улыбок предателей!

Бату-хан нахмурился. Его рот скривился. Он отмахнулся плетью:

— Надоели мне они! Скоро ли мы будем за рекой Итиль, в Кипчакских ковыльных степях? Вольный ветер тянет меня вперед, подальше от этих мест, где все отравлено изменой, завистью и лестью...— Он продолжал вполголоса:— Я еду, не оглядываясь, и больше сюда не вернусь. Там, впереди, я покорю народы и создам новое, небывалое царство, до которого не дотянется цепкая лапа Каракорума!..

— Хорошо, хорошо!— бормотал Субудай и косился на стоявших поблизости монголов.

Шаманы подбросили в костер охапку сухой полыни. Желтые языки пламени взвились кверху, рассыпая искры.

Субудай сел на толстоногого саврасого иноходца и, суровый, нахмуренный, поехал позади Бату-хана. Монголы садились на коней, вьючили последние котлы. Вскоре длинный караван потянулся с холма в сторону затянутого серыми тучами неведомого запада.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В пути

> ...Все монгольские принцы одновременно двинулись на запад весной года Обезьяны, месяца Джумада второго. Проведя в дороге лето, они осенью соединились в пределах Булгарских с родом Бату, Урду, Шейбани и Тангкута (сыновей Джучиевых), которым были назначены во владение те пределы.
>
> *(Рашид-ад-дин. Летопись.)*

«...С каких облаков я сорву сверкающие молнии разящих слов, в каком озере мудрости я зачерпну прочной сетью серебристую стаю правдивых волнующих мыслей, где я найду раскаленный котел кипящей смолы, чтобы ею начертать полные жгучей жалости и негодования картины горя, отчаяния и безутешных слез, которыми сопровождается каждый шаг вперед монгольского войска?.. Это войско пожирает и уничтожает все, что ему попадается на пути... Каждый человек, женщина или ребенок становятся беспомощными жертвами неумолимых воинов... Всякое сопротивление карается смертью, всякая покорность влечет тяжелое рабство, и ничто не спасает встречного... Где же ряды смелых удальцов, которые не дрогнут при страшном вое четырехсоттысячной орды несущих разгром и смерть монголов? Кто отбросит степных хищников, занятых только страстью грабежа и насилия?»

Так писал Хаджи Рахим, сидя в плетеной корзине, собравшись в комок, держа на коленях лист серой самаркандской бумаги. Он старательно продолжал свои «Путевые записки». Верблюд шел размашистым шагом, не отставая от охранной тысячи «бешеных» Субудай-багатура. Тот ехал впереди на саврасом иноходце, то замедляя шаг при подъеме и останавливаясь на вершине холма, то ускоряя его на гладкой равнине. Тогда верблюд, раскачиваясь, мягко бежал сильной стремительной иноходью и равномерно подбрасывал вцепившихся в края корзины Хаджи Рахима и старого Назара.

Хаджи Рахим писал:

«...Выйдя из Сыгнака весной, войско шло на запад[1] в течение всего лета, сухого, знойного, без дождей. Путь, проложенный веками, направлялся от одной степной речки к другой, так что громадное скопище коней не особенно страдало от жажды и бескормицы. Степь зеленела весенними побегами, а чем дальше, тем больше попадалось сохранившихся после весенних разливов пойменых лугов, болот и речек с камышами, где было достаточно корма для неприхотливых татарских коней.

Тридцать три тумена, каждый в десять тысяч всадников, шли по тридцати трем дорогам такой широкой лавой, что понадобилось бы три дня пути, чтобы проехать от левого крыла до крайнего правого крыла огромного монгольского войска.

Каждый тумен знает только свою тропу и останавливается особым лагерем. Передовые разведчики отыскивают для него заблаговременно удобные для остановок места, богатые камышами или луговой травой.

Самое крайнее к северу правое крыло ведет хан Шейбани и с ним два других брата Бату-хана. Каждый из них имеет свой тумен, они поддерживают друг друга и с помощью гонцов находятся в постоянной связи. Они выполняют приказ джихангира: покорить северное, Булгарское царство, лежащее на реке Каме, притоке Итиля. Середину всего войска занимает Гуюк-хан, а дальше, к левому крылу, движутся тумены других царевичей-чингизидов. Гуюк-хан нарочно избрал себе середину войска—он все еще надеется, что власть над всеми отрядами перейдет к нему, что Бату-хан будет смещен или внезапно умрет — да сохранит его небо от этого — и тогда, уже без спора, Гуюка объявят джихангиром.

Где находится Бату-хан, никто не знает. Он обычно едет с Субудай-багатуром а этот старый одноглазый полководец прославлен своими стремительными переходами и проносится как ураган. Он со своим туменом внезапно показывается то на правом, то на левом кры-

---

[1] Часть монголо-татарского войска под начальством Шейбани-хана направилась на северо-запад, в Булгарское царство, на р. Каме, и быстро его покорила. Остальная, большая часть войска прошла на запад через «Ворота народов», исконным путем кочевников, между южными отрогами Уральских гор и побережьем Каспийского моря.

ле, то в середине войска, делает ночную остановку и опять исчезает в неизвестном направлении.

Обоз Субудай-багатура очень небольшой: четыре быстроходных верблюда с разобранным походным его шатром и легкими кожаными китайскими сундуками. В них хранятся нанесенные на пергамент чертежи земель, через которые предположен поход. Там же находятся пайцзы золотые, серебряные и деревянные; их джихангир раздает тем, кому хочет оказать милость.

Кроме того, в этом маленьком личном обозе великого «аталыка» едет его боевая железная колесница[1]. Это закрытый ящик, обшитый железными листами, поставленный на два высоких колеса. Во все четыре стороны прорезаны узкие щели, предназначенные для наблюдения и стрельбы из лука. Всякий, кто приблизится к колеснице без разрешения, будет ранен отравленной стрелой. Иногда утомленный походом старый полководец спит в ней, свернувшись, как хищный зверь. Маленькая собачка китайской породы чутко сторожит покой своего хозяина: услышав шаги незнакомого человека, она поднимает пронзительный лай. Железную повозку везут четыре коня, запряженные по два. На левом переднем коне сидит возничий.

Субудай-багатур, опасаясь предательского нападения, однажды уговорил Бату-хана тоже завести для себя такую повозку.

Батый сердито ответил:

— Меня достаточно охраняет твой зоркий глаз и преданность моих тургаудов.

Напрасно думать, что царевичи-чингизиды в самом деле являются начальниками своих отрядов. Они только называются так. К каждому из них приставлен опытный монгол-темник, изучивший воинскую науку в походах «Потрясателя вселенной»— непобедимого Чингиз-хана. Темники распоряжаются, ведут за собой отряды, назначают остановки, рассылают разведчиков и гонцов и поддерживают связь с Субудай-багатуром, который как главный вождь руководит всем войском в походе. Каждые девять дней из всех туменов к Субудай-багатуру летят гонцы и рассказывают, где находятся их отряды, как охотятся с соколами или борзыми, как обедают

---

[1] Об этой железной колеснице упоминают китайские летописцы.

и проводят время царевичи-чингизиды, каким путем пойдет дальше отряд, какие в пути корма для лошадей, в каком теле кони, есть ли еще жир на их ребрах...

Субудай внимательно всех слушает. Покачивает головой и говорит: «Слышу, слышу!» Он никогда никого не хвалит, а только ворчит и фыркает и сам расспрашивает гонцов, кто из кипчакских ханов ездит на поклон к царевичам и о чем они шепчутся. Если гонец скажет: «Не знаю»,— Субудай стучит кулаком по колену, прогоняет гонца и запрещает ему являться в другой раз.

Бату-хана можно увидеть только вместе с Субудай-багатуром. Он слушается одноглазого свирепого полководца, как мудрого учителя, если тот что-либо ему почтительно посоветует. Субудай-багатур относится к Бату-хану, будто тот и умнее, и опытнее. При разговоре старик склоняется до земли, почитая в Бату-хане внука Священного Правителя. У Бату-хана есть своя тысяча нукеров личной охраны. Их называют «непобедимые». Половина этих храбрых всадников ездит на рыжих конях, половина на гнедых. Начальником одной сотни гнедых с самого начала похода назначен молодой воин Арапша. Бату-хан благоволит к нему и всецело ему доверяет с тех пор, как Арапша в день избрания вождя спас жизнь молодому джихангиру. Арапша со своей сотней всюду сопровождает Бату-хана и ночью охраняет его сон.

У Субудай-багатура есть свой тумен. Воины его личной охранной тысячи прозваны «бешеными». Они участвовали вместе с Субудай-багатуром в его походах, готовы беззаветно выполнять самое трудное приказание своего вождя; из них он готовит начальников отдельных отрядов. Такой порядок был установлен Субудай-багатуром еще при великом Потрясателе вселенной — Чингиз-хане...»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Кто отстанет — увидит смерть

«У меня нет больше дома с белобородым отцом и среброкудрой матерью, нет братьев, нет сестер — все улетело, как подхваченный вихрем пучок соломы! У меня остался один друг — конь хана Баяндера с плохим

седлом. Степной ветер гонит меня по этим равнинам, как слепого волка. Надо пристать к какому-нибудь отряду. Но кто меня возьмет? У меня нет ни меча, ни копья, я захватил только отточенный обломок ножа. Все идут родами, племенами и никого со стороны в свой отряд не пускают... А кто мечется, как я, тот байгуш, карапшик[1], степной бродяга... Всякий воин вправе отнять у меня моего гнедого, и седло, и мой кожаный походный мешок, обвинив меня, что я конокрад, скитаюсь с жадными руками...»

Так угрюмо думал Мусук, сидя на пригорке в бескрайней степи. Внизу, в лощине, возле подсыхающей лужи, пасся гнедой конь, заморенный и исхудалый.

Уже несколько дней Мусук разъезжал по степным кипчакским кочевьям, прося принять его в отряд. Никто с ним и говорить не хотел: «Будем мы делить с тобой захваченную нами военную добычу! К этому примазаться всякий рад! А где твой род, где твое кочевье? Что-нибудь дрянное сделал ты и теперь не смеешь показать туда лицо?..»

В одном кочевье благообразный старшина с повязкой хаджи[2] на бараньей шапке, добродушно посмеиваясь, приветливо сказал:

— Ты, конечно, знаешь строгий приказ джихангира — выступать в поход только целыми племенами, разделенными на тысячи, сотни и десятки, и чтобы каждый джигит был на хорошем коне и имел исправное оружие, не то будет не войско в походе, а стадо без пастуха. Знаешь ты также, что мы можем бродяг-одиночек ссаживать с коня и избивать без суда? Ты слыхал о таком приказе?.. Но я тебя пожалею. Я приму тебя в наше племя конюхом запасных коней, если только против тебя не закричит наш племенной круг. Я даже дам тебе и оружие — вижу, что у тебя его нет! Но за это ты отдашь мне своего коня. Не бойся, я дам тебе взамен другого коня, попроще. За меч ты пригонишь трех коров, за щит и кольчугу — еще шесть коров. Всего — пятнадцать

---

[1] Карапшик — черная кошка, разбойник.

[2] Хаджи — благочестивый человек, побывавший на богомолье в Мекке — религиозном центре мусульман.

коров[1]. Ты джигит сметливый, что тебе стоит пригнать десятка полтора коров!..

Мусук покачал головой:

— Об этом нечего и думать!

— Ты можешь выехать в поход с одним только мечом. А остальное оружие отберешь потом у врагов. Схваток будет без счета!

Мусук поскорее уехал от слишком радушного старшины и снова стал скитаться в степи.

Несчастье сближает неудачников. Мусук заметил вдали между песчаными холмами отряд в семь всадников. Ну и кони!

Старые, облезлые клячи! Ни один порядочный мусульманин даже не назовет таких животных благородным словом «конь», для них есть кличка «ябы»—вьючная скотина для перевозки соломы и навоза.

Всадники были вооружены. У каждого в руках колыхалась тонкая пика. Опасное дело встретиться с такими всадниками в пустынной степи. И Мусук сполз с холма, вскочил на гнедого и направился в сторону. Сделав полукруг, перевалив через песчаные бугры, Мусук увидел, что семь всадников появились опять перед ним, совсем близко. Теперь они были заняты делом, а восьмой как сторож лежал на холме. Они работали ножами, склонившись над тушей верблюда. Один из них махнул окровавленной рукой:

— Слушай, ты, одинокий волк, смелый беркут, отчаянный барс! Хочешь пообедать с нами?

Мусук второй день ничего не ел. Он колебался недолго. Стреножив коня, он подошел к верблюду.

— Бери голову,— сказал один.— Нам всего не забрать.

«Они похожи на бродяг»,— подумал Мусук, но голод подстегивал его.

— Чей верблюд?

---

[1] В средние века оружие ценилось очень высоко. Воин, чтобы явиться в полном вооружении, должен был затратить на приобретение его сумму, равную стоимости стада в 15—18 коров (см. Дельбрюк «История военного искусства»).

— Хозяин далеко! Тебя не спросит...

Высокий, тощий и косоглазый джигит, быстро работая ножом, отрезал голову верблюда и протянул ее Мусуку.

— Бери!

Мусук поблагодарил и завернул голову в платок.

— Из какого вы отряда?

— Из отряда храбрейшего из храбрых, батыра Бай-Мурата.

— Большой у вас отряд?

— Не большой, зато лихой, и если ты к нам пристанешь, то нас будет уже девять человек, священное число.

— Почему не пойти? Впереди к нам пристанет немало еще таких, как ты, шатунов, и мы скоро соберем целый тумен под зеленым знаменем Бай-Мурата.

Сторожевой на холме крикнул:

— Вдали показались люди! Видно, хозяин ведет сюда голодных гостей.

Все засуетились, вытирая о песок окровавленные руки. Вскочив на лошадей, они бросились по тропинке в сторону от большой дороги.

Косоглазый оказался рядом с Мусуком.

— Спасайся вместе с нами! Хозяин найдет у тебя голову своего верблюда и сорвет твою. Я, батыр Бай-Мурат, начальник отряда, делаю тебя своим помощником.

«Иди к тем, кто зовет тебя!»— вспомнил Мусук кипчакскую пословицу и направился за Бай-Муратом. Они долго кружили по степи, потом Бай-Мурат свистнул и его спутники повернулись к Мусуку, разом набросились на него и сбили с коня. Он лежал, ошеломленный, на песке, двое приставили к его груди копья.

— Лежи, шатун, попрошайка, и не двигайся! Молись аллаху!

Бай-Мурат пересел на отобранного гнедого и, видимо, сперва колебался, не оставить ли взамен своего облезлого «ябы», но потом решительно привязал его повод к луке седла.

— Батыр Бай-Мурат!— крикнул Мусук.— Ты сказал, что берешь меня в свой отряд. Где же твои слова?

— Я передумл. Кто тебя знает, что ты за человек? Может быть, ночью ты всех нас зарежешь?

— Оставь мне коня!— простонал Мусук, чувствуя на груди острия копий.

Что-то встревожило Бай-Мурата. Он крикнул:

— Вперед! Скорее!..

Мусук услышал топот удалявшихся коней и остался лежать неподвижно, уткнувшись лицом в ладони. Гибель казалась ему теперь неминуемой: кругом голая, глухая степь, бродячие воровские шайки и голодные звери... Помощи ждать неоткуда. И он воскликнул:

— Старый праведный Хызр![1] Приди ко мне на помощь. Выручи меня! Зарежу для тебя жирного барана!..

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Один в пустыне

Настала темная ночь. На небе мерцали редкие мелкие звезды. Вдали завыл волк. Другой ему ответил. В нескольких местах подхватили пронзительным визгом дикие голоса шакалов.

Мусук сидел неподвижно, настороженно прислушиваясь. Но усталость брала верх. Глаза слипались. Постепенно он погрузился в глубокий сон.

Мусуку снилось, что он сидит на высоком холме. Перед ним широко раскинулась цветущая степная равнина. Всюду паслись пегие кони и рыжие жеребята. Из земли стал быстро расти пышный куст ежевики. Ветви его сплетались, изгибались, поднимались к небу, как столб, и перекидывались дугою через всю равнину. По этой дуге, как по мосту, медленно карабкалась знакомая рыжая корова его матери, качая головой и позванивая привязанным колокольчиком. А за коровой по дуге пробиралась девушка в красном платье, развевавшемся от ветра. Он сразу узнал ее. Это шла Юлдуз с кожаным подойником в руке. Она шла, покачиваясь и боясь сорваться с узкого моста. По синему небу быстро проносились мелкие белые тучки. Корова дошла до середины гнущегося под ней моста и остановилась с жалоб-

[1] В мусульманских легендах рассказывается о праведном старике Хызре, который бродит по свету, оказывая покровительство и защиту стадам, пастухам и путникам, если позвать его в беде,

ным мычанием. А Юлдуз знакомым звонким голосом закричала: «Мусук!»

Мусук с трудом раскрыл усталые глаза. Жгучее солнце ослепило его. Большие зеленые мухи кружились над головой. Вдруг он снова ясно услышал: «Мусук!» Зажмурясь, прикрывая рукой глаза, он разглядел перед собой несколько желтых высоких верблюдов, украшенных нарядной сбруей с красными кистями и бахромой. Маленькие двухместные паланкины с цветными занавесками были укреплены между горбами верблюдов. Там сидели одетые в яркие шелковые платья женщины. Их лица были так густо набелены и подрисованы, что все казались похожими друг на друга. Женщины смеялись, прятались за занавесками; одна из них бросила в Мусука горсть фиников и орехов. Тонкая рука с золотыми браслетами кинула ему шелковый мешочек. В это время с дикими криками прискакали монгольские всадники, и верблюды с хриплым ревом зашагали вперед, мерно позвякивая бубенцами и колокольчиками.

Теряясь между холмами, караван удалился, как сон, Но это не было сном! Мусук подобрал на глинистой почве много фиников, орехов, несколько лепешек, посыпанных анисом, и шелковый полосатый мешочек, перевязанный шнурком. Внутри его оказались желтые кусочки льдистого сахару[1], фисташки, миндаль и девять золотых монет. Этот странный подарок Мусук сунул за пазуху.

«Старый добрый Хызр услышал мой призыв и помог мне!» Мусук поднялся на ближайший холм, поросший редкой седой жесткой травой. Перед ним протянулась длинная узкая торговая дорога, ведущая из Кипчакских и Киргизских степей на запад, к великой реке Итиль. Это была вдавленная в глинистую землю колея, шириною в след верблюда, протоптанная в течение столетий проходившими караванами. Кое-где белели кости, валялись бараньи катышки и выцветшие лоскутки.

«Надо оставаться здесь! Может быть, старый Хызр опять принесет удачу...»

Степь долго казалась безмолвной и пустынной.

---

[1] Сахар в то время представлял большую ценность. Он добывался в Индии и Египте из сахарного тростника, был прозрачным, желтого цвета, имел кристаллическую форму.

Солнце уже спускалось с пылающего неба, когда вдали, между холмами, показались всадники. Десять отлично вооруженных джигитов в больших черных овчинных шапках скакали с пиками наперевес на темно-гнедых отборных конях. Впереди ехал молодой воин в белом арабском тюрбане. Что-то знакомое почудилось Мусуку в его посадке и в строгом мрачном лице, и особенно — в стройном гнедом коне.

Подъехав к Мусуку, всадник задержал коня.

— Как звать тебя? Где твой отряд? Почему ты валяешься здесь?

Мусук встал и, торопясь, полный отчаяния, рассказал о своих бедствиях, о желании участвовать в походе и об ограблении его шайкой Бай-Мурата.

С неподвижным каменным лицом выслушал всадник речь Мусука. Он сказал:

— Меня зовут сотник Арапша. Тебя я узнаю: ты раньше был конюхом у хана Баяндера. Я верю тебе и беру с собой. Пока ты будешь на испытании, конюхом, а потом получишь коня, копье и меч. Садись на крайнего коня.

Мусук взобрался на круп коня одного из всадников и ухватился за его пояс. Всадники помчались. У Мусука затеплилась надежда, что началась новая, более счастливая полоса его жизни.

ГЛАВА ПЯТАЯ

„Ворота народов“

Хаджи Рахим, сжавшись, как только мог, не замечая покачиваний скрипучей корзины в густой пыли, садившейся на листы его книги, усердно писал строку за строкой.

«...Войско ослепительного Бату-хана непрерывно движется на запад путем, который искони называется «Воротами народов». Он тянется по равнинам к югу от Каменного пояса[1] и к северу от Абескунского моря[2]. По

[1] Каменный пояс, или Каменная гряда,— Уральские горы.

[2] Абескунское море — Каспийское море, имевшее в старину несколько названий.

этому пути некогда прошли из восточных степей воинственные хун-ну, почтенные предки монголов[1], и потрясли ужасом западные народы.

Впереди войска скачут разведчики, но и без них путник нашел бы в степных просторах тропу, протянувшуюся через великие «Ворота народов». Всюду можно заметить брошенные в давние времена стоянки по валяющимся осколкам побитой разрисованной посуды. Далеко, на краю небосклона, точно сигнальные вехи, видны синие курганы, где похоронены неведомые багатуры неизвестных племен... Мир их праху!»

Пока стояла весна, пока всюду еще блестели лужи и перепадали дожди, шествие войска было торжественным и величественным и не столь мучительным, каким оно стало теперь. Когда же настали знойные дни, когда под лучами палящего солнца земля стала высыхать и трескаться, тысячи двигающихся вперед коней и людей начали взбивать облака пыли, закрывшей все небо. Эта тонкая густая пыль совершенно застилает солнце, так что становится темно, как ночью. В нескольких шагах уже нельзя узнать человеческое лицо. Все всадники должны твердо сохранять свое место и в десятке и в сотне, потому что, если немного отойти в сторону, можно потеряться в толпе как в камышах, и придется несколько дней искать свой отряд.

Есть что-то страшное в этом безмолвном движении четырехсоттысячного войска в полумгле, в клубах взвивающейся пыли, когда кругом видны только тени коней и людей... Никто не промолвит ни слова. «О чем говорить, все уже сказано и все известно!» Да и говорить трудно: пыль проникает и в горло, и в нос, и в грудь. Люди стали плохо видеть, оглохли и думают только об остановке, чтобы выпить чашу холодной воды, чтобы стряхнуть одежды, чтобы прохладный ночной ветер унес пыль, чтобы снова показалось синее безмятежное небо...

К вечеру — остановка у речки с немногими кустами и старыми кривыми ветлами. Длинный лагерь растягивается по обоим берегам. Пылают тысячи костров, кажется —

---

[1] Хун-ну — племена тюрко-монгольского корня, ушедшие в I в. нашей эры из Центральной Азии на запад, в VI в. под начальством Аттилы вторгнувшиеся в Западную Европу, где они были известны под именем гуннов.

вся степь загорелась. Люди кричат, кашляют, поют, уводят коней и верблюдов в степь, чтобы пустить их пастись на свободе. Слабый ветерок уносит облака пыли от лагеря, и, наконец, поздней ночью доносится легкий аромат степной полыни...

На стоянке с яростным ревом опускается на колени тангутский серый верблюд. Из люльки с трудом вылезают факих Хаджи Рахим и старик Назар-Кяризек, разминая затекшие, одеревеневшие члены. Они долго выбивают из плащей густо насевшую пыль. Напрасное старание! Они бросают плащи на землю и рады, что вблизи горит костер, что на огонь уже поставлен закоптелый котел, что можно растянуться на земле, что над головой уже темнеет беспредельное небо.

Назар-Кяризек, сметливый в житейских делах, уходит к повару Субудай-багатура, говорит ему длинные поучительные приветствия и возвращается от него с горшком рисовой или мясной похлебки; иногда он сам печет в золе лепешки или жарит над угольями узкие ломтики мяса, добытого неведомыми путями. При этом он без конца рассказывает сказки или поет разбитым дребезжащим голосом старинные кипчакские былины.

Хаджи Рахим не может отойти от каравана: верблюд — его жилище. Факих старается записать все, что видит или слышит, беседуя с кем-нибудь из начальников или простых воинов. Он заметил, что великий советник Субудай-багатур не всегда едет вместе со своим туменом, не всегда прячется в своей железной колеснице. Часто он уезжает в сопровождении охранной сотни в сторону от главного пути. Иногда по нескольку дней не видно вовсе монгольского полководца, который исчезает вместе с молодым джихангиром. Вечером они внезапно появляются около назначенного заранее места остановки. Хаджи Рахим тогда идет к ним и записывает их замечания.

К закату солнца караван ускоряет ход. Все, даже животные, знают, что скоро будет вода и отдых, и движутся веселее. Караван-баши[1] посылает разведчиков, которые исчезают с утра, уносясь на легких конях. Они находят ровную площадку и подают знаки издали, поднявшись на холм, поворачивая коня то вправо, то влево,

---

[1] Караван-баши — начальник и проводник каравана.

кружась по два-три раза; все это имеет особое понятное воинам значение.

На выбранном месте верблюдов опускают на колени, развязывают тяжелые вьюки. Уводят в степь освобожденных от поклажи животных. Здесь они всю ночь медленно бродят, останавливаются около кустов «колючки»[1], хватая ее своими жесткими губами. Особые, обозные верблюды подвозят заготовленный заранее в пути хворост. Рабы разводят костры, ставят на них большие китайские бронзовые котлы на трех ножках. Из кожаных бурдюков в котлы наливают воду, туда же крошат мясо, насыпают рис.

Дозорные не подпускают никого из других отрядов к месту стоянки Субудай-багатура. Каждый отряд должен идти своим путем, не смешиваясь с другими, иметь свой лагерь. Вокруг стоянки Субудай-багатура располагаются только его личная тысяча «бешеных» и далее, по степи, воины его тумена.

Воины из охраны разводят свои отдельные костры, варят себе в котлах похлебку и кто что сумел достать. Они располагаются вокруг костров, растянувшись на войлочных попонах. Их стреноженные кони пасутся невдалеке в степи. Кони сами себе находят корм, объедая неприглядные растения и выбивая копытами корни. Они так неприхотливы в еде, что на них можно проехать, не боясь, через всю вселенную.

В темноте слышится перекличка дозорных на холмах и тягучий повторяющийся возглас:

— Внимание и повиновение!

Иногда на месте стоянки ставятся шатры. Все понимают и радуются: два-три дня будет остановка и отдых. В шатрах разостланы войлоки и ковры, брошены шелковые подушки. Быть может, предстоит совещание ханов или готовится праздничная облавная охота.

В полной тишине доносится топот множества копыт — это подъезжает ослепительный Бату-хан, с ним Субудай-багатур и их отборные нукеры.

Перед одноглазым, угрюмым Субудай-багатуром все трепещут больше, чем перед Бату-ханом. Субудай всегда заметит непорядки, скажет тихо несколько слов, после

---

[1] «Колючка» — особое растение среднеазиатских пустынь, снабженное мелкими шипами. Его охотно поедают верблюды.

чего куда-то скачут сломя голову всадники, кого-то тащат, где-то слышны отчаянные крики...

Бату-хан не замечает мелких непорядков. Его взор блуждает поверх людей, его мысли заняты великими планами, он любит говорить только о будущем. Когда оба полководца, молодой и старый, входят в желтый шелковый шатер, там же должен быть готов обед. «Расстилатель скатерти» и «подаватель» стоят почтительно, сложив руки на животе, ожидая приказаний. Обед проходит торжественно. Три главных шамана сидят тут же, бормоча вполголоса благоприятные заклинания...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Семь звезд Бату-хана

«Вместе с передовой отборной тысячей «непобедимых» ослепительного Бату-хана идет особый караван в пятнадцать рослых тангутских верблюдов. Они желто-серые, с сединой, полудикие и свирепые, но очень сильные и скороходные и во время стремительных переходов Субудай-багатура почти никогда не отстают.

На этих верблюдах едут «семь звезд» Бату-хана — так их называют в отряде. Это его семь прекрасных жен. Они были отобраны перед походом еще в Сыгнаке из сорока жен Бату-хана его мудрой матерью Ори-Фуджинь, которая сказала сыну:

— Ты будешь завоевывать новые страны. В каждой стране покоренный народ пришлет тебе в дар свою самую блистательную и в то же время самую коварную женщину, чтобы погубить тебя. Вспомни судьбу твоего деда, Священного Правителя. Ему в шатер привели тангутскую царевну, и она его изранила, ускорив смерть Величайшего. Не доверяй чужим уговорам, остерегайся вражеских даров! Как на небе ночью на Повозке вечности светятся семь звезд[1], так и тебе в пути будут верно и преданно светить, принося счастье и радость, семь лучших красавиц, которых я сама выбирала.

Бату-хан, всегда почтительный к матери, ответил:

---

[1] Повозка вечности — созвездие Большой Медведицы.

— Я должен сперва поговорить с моим верным советником Субудай-багатуром.

На другой день Бату-хан явился к матери вдвоем с великим престарелым полководцем и сказал:

— Мой походный летописец и учитель Хаджи Рахим проверил по книгам и мне объяснил, что Искандер Двурогий во время походов никаких жен с собой не возил, а все его заботы были только о разгроме встречных народов...

Ори-Фуджинь, не задумываясь, сказала:

— А я и без книг знаю, что, завоевав Персию и женившись на дочери покоренного персидского царя Дария, Искандер заболел от отравы и умер молодым... Да сохранят тебя от этого небожители!

Старый Субудай-багатур, упав ничком перед ханшей, сказал:

— Твои слова сверкают мудростью, как драгоценные алмазы! И если ты, полная забот о твоем ослепительном сыне, пожелаешь, чтобы вместе с ним ехали хотя бы все сорок жен его прекрасного питомника радости, то в моем отряде они будут так же неприкосновенны, как и в твоем улусе, никогда не отстанут и ни одна не потеряется. Твое приказание — кремень, я только искра, которую ты выбиваешь. Если джихангир, занятый военными заботами, не хочет сейчас видеть свое блистательное созвездие, может быть, он пожелает увидеть его в пути. Но тогда звезды будут далеко. Предусмотрительнее взять их с собой!

Ори-Фуджинь склонилась так, что перья ее расшитой жемчугами шапки коснулись покрытых пылью замшевых сапог сына.

— Ты — повелитель, ты — джихангир, ты и приказывай!

Бату-хан нехотя проговорил:

— Пусть будет так! Но одну из семи я выберу сам. Это должна быть девушка, которую зовут «Утренняя звезда» — Юлдуз... Субудай-багатур, ты мне ее разыщешь!

Через день нукеры Субудай-багатура разыскали в Сыгнаке несколько девушек по имени Юлдуз. Всех их, трепещущих от страха, привели к Бату-хану. Он обвел

приведенных скучающим взглядом и указал на худенькую девушку, почти девочку, со слезами на ресницах. Ее закутали в шелковое покрывало и отвели к старой ханше Ори-Фуджинь. Ханша приказала ее раздеть, сама осмотрела, потрогала худые плечи и ребра и нашла, что девочка Юлдуз не имеет внешних пороков, скромна, красива, глаза ее проницательны, на щеках у нее ямочки, но худа и пуглива она, как дикий гусенок.

— Что ты умеешь делать?— спросила ханша.

— Я умею... доить злую корову,— скромно пролепетала Юлдуз.

— Это нелегкое дело!— заметила Ори-Фуджинь и засмеялась низким мужским голосом.— Для этого нужно терпение. Еще что ты умеешь?

— Я умею... пасти ягнят, вязать пестрые узорчатые носки, печь в золе лепешки с изюмом...

— В дороге все это полезно,— сказала старуха, опять засмеялась и более ласково посмотрела на девочку.— Еще что ты знаешь?

Бесшумно подошел Бату-хан и слушал ответы Юлдуз.

— Говори, что ты еще знаешь?

— Я могу петь наши кипчакские песни и рассказывать сказки про старого Хызра, про свистящих джинов[1] и про смелых джигитов...

В глазах Бату-хана сверкнули веселые искры, и он переглянулся с матерью.

Ори-Фуджинь милостиво кивнула головой:

— Она может ехать!..

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Седьмая звезда

Когда татарско-монгольское войско двинулось в поход, Юлдуз посадили на седьмого верблюда вместе с рабыней-китаянкой, приставленной к ней по приказу ханши Ори-Фуджинь. Юлдуз сидела в кеджавэ под балдахином, прикрытая шелковой занавеской. На второй

---

[1] Джины — вредящие людям сказочные существа, упоминаемые в восточном фольклоре.

день пути она вдруг забеспокоилась, целый день прятала свое лицо под покрывало и вечером сказала своей рабыне:

— Я вижу, невдалеке от нас на верблюде едут двое: старик и дервиш-факих. Если бы они стали спрашивать про меня, не смей им отвечать. Я боюсь этого старика, он мне уже принес несчастье... Сделай так, чтобы меня никто не узнал...

Опытная в женских хитростях, китаянка на остановке старательно растерла белила, навела румянец, удлинила до висков брови и так разукрасила Юлдуз, что она сама себя не узнала, посмотрев в серебряное полированное зеркальце.

В пути «семь звезд» держались отдельным караваном, имея особую охрану. На передних четырех верблюдах ехали четыре монгольские княжны. Они были из самых знатных кочевых родов, отличались полнотой и длинными косами до земли. За ними ехали две кипчакские княжны. Одна из них была дочерью хана Баяндера. Обе кипчакские княжны обыкновенно усаживались вдвоем на одном верблюде, без конца болтали и смеялись, а на другом верблюде помещались их служанки. Как-то на стоянке они подошли к Юлдуз, заговорили с ней и рассказали, что каждая из них имеет своего собственного скакового коня, что они будут участвовать в праздничной облавной охоте и на скачках.

— Ты, конечно, рабочая, черная жена![1] Коней у тебя нет, приданое — твои одежды и украшения — тебе дала ханша Ори-Фуджинь. Бату-хан на тебя и смотреть не станет. Ты будешь облизывать чашки, из которых мы пьем.

Юлдуз съежилась, попятилась и прижалась к рабыне-китаянке. С неподвижным, окаменелым лицом разглядывала она кипчакских княжон.

— Что же ты не отвечаешь? Ты, коровница, разве не умеешь говорить? Тогда мычи!

Юлдуз опустила глаза и хотела что-то ответить, но не смогла... Она схватила шелковый платок, привычным

[1] У народов Средней Азии, у которых было принято многоженство, в более состоятельных семьях обычно жены делились на привилегированных из богатых семейств и «черных, рабочих» жен, на которых ложилась вся тяжелая работа по хозяйству.

жестом стала его сворачивать и свернула в куклу, как обычно делают девочки в кочевьях. Наконец она выговорила:

— Уходите отсюда, если я коровница. Если мой хозяин прикажет, я буду мыть чашки, прикажет — я погоню вас в поле хворостиной, как коров...

— Она еще совсем глупый ребенок,— сказала одна.

— И останется глупой на всю жизнь!— добавила вторая, и обе со смехом ушли.

На другой день на остановке к Юлдуз пришли монгольские ханши, кроме первой, Буракчинь, самой важной. Они трогали Юлдуз, ощупывая ее худые руки, плотность материи на платье, осмотрели ее зубы.

Юлдуз покорно разрешала себя трогать и улыбалась. Монголки поочередно коснулись пальцем ямочек на щеках и засмеялись. Старшая сперва держалась важно, но потом тоже стала смеяться. Ханши брали в руки куклу, свернутую из платка, и показывали, как будут качать ребенка и кормить грудью. Потом они поднялись, сказав ласковое и прощальное приветствие, и ушли. Самая юная вернулась и шепнула:

— Приходи ко мне болтать, я еду на четвертом верблюде!

Когда Юлдуз осталась одна, она встряхнула платок, закуталась в него с головой и стала плакать. Не в первый раз она плачет с того дня, как отец и старший брат Демир отвезли ее в караван-сарай невольников и продали чернобородому купцу в красном полосатом халате, с большим тюрбаном, круглым, как кочан капусты. Ей было обидно: ее осматривали, как овцу, назначенную на продажу. Чем она виновата? Она хочет жить хотя бы в самой бедной закоптелой юрте около родника, чтобы к ней каждый вечер приезжал Мусук на своем гнедом коне и рассказывал, что делается в табуне, как дерутся жеребцы, какие родились жеребята и как он отогнал подбиравшихся к ним волков...

Чьи-то пальцы нежно коснулись локтя, и тонкий голос прошептал:

— О чем ты плачешь, звездочка? Это еще не горе, большое горе еще впереди.

Это была рабыня, китаянка И Ла-хэ. Она сидела на коленях перед Юлдуз и с привычной почтительностью быстро кланялась, положив на ковер ладони.

— Когда же придет большое горе?

— Когда ты увидишь, что твой ребенок умирает...

— А ты видела большое горе?

Китаянка провела маленькой высохшей рукой по глазам, точно желая стряхнуть набежавшую слезу, и оглянулась. Кругом горели костры, освещая багровым светом лежащих и сидящих воинов. Китаянка и Юлдуз прижались друг к другу, сидя на маленьком бархатном ковре. Они чувствовали себя затерянными среди огромной людской толпы, которая гудела, кричала, пела, бряцая оружием, а теперь постепенно затихала, усталая от перехода, и погружалась в сон и забвение.

Китаянка сказала:

— Тяжело мне вспоминать то горе, которое пришлось пережить. Но слушай! И большое, и маленькое горе — все увидели мои бедные глаза! Я начала жизнь счастливо и беззаботно в доме отца. Он понимал значение каждой звезды и по их движению предсказывал будущее человека. Отец проводил каждую ночь на крыше дворца Цзиньского[1] императора и все, что узнавал по движению и скрещению звезд, записывал в большую книгу. А утром он показывал книгу главному смотрителю дворца, который рассказывал все важнейшее самому владыке — повелителю Китая. Когда я подросла, отец выдал меня замуж за веселого и знатного начальника двухсот пятидесяти всадников. Он был старше меня на двадцать лет, но мы жили счастливо, у нас было двое красивых детей. Мы жили в небольшом доме с садом и прудом, где росли лотосы и плавали золотые рыбки. Внезапно примчались к городу монгольские воины Чингиз-хана, когда их никто не ждал. Во главе монгольского отряда был этот самый одноглазый полководец, который теперь не расстается с Бату-ханом. Мой муж бросился со своим отрядом в битву и назад не вернулся. Монголы убили мою мать и увели моих детей. Дикий, страшный монгольский сотник взял меня к себе рабыней. Я старалась угождать ему, как могла, я хотела

[1] В то время Китай разделялся на два царства: северное — Цзинь и южное — Сун.

жить, чтобы разыскать и спасти своих детей. Моему новому господину понравились лепешки с медом и пирожки с древесными грибами. Он держал меня при себе и не соглашался дать мне свободу за выкуп. Потом он подарил меня ханше-матери Ори-Фуджинь, и я попала в ее шатер. Теперь ханша приставила меня к тебе, чтобы я научила тебя ходить, петь, кланяться, говорить тонким голосом и красивыми движениями разливать чай в чашки, как это делают знатные женщины во дворце...[1] Ты хочешь этому научиться?

— Если это нужно, я все выучу,— ответила Юлдуз.

— Этого мало! Я научу тебя рассказывать такие интересные, страшные и веселые сказки, что твой хозяин будет постоянно к тебе приходить, чтобы тебя слушать. Тогда он будет делать все, о чем ты попросишь. Я расскажу тебе сказку о людях, которые ездят по небесному пути в повозке, запряженной ласточками, сказку про бедного пастуха, который заставил дракона выстроить город, где люди не знали слез, и много других сказок...

С этого дня Юлдуз уже не чувствовала себя одинокой. Она видела в китаянке свою защитницу и слушала ее указания, советы и сказки, нужные для того, чтобы Ослепительный призвал к себе, в золотисто-желтый шатер, Хаджи Рахима.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Беседа с джихангиром

...Пишет Хаджи Рахим,— да поможет ему небо в его необычных испытаниях...

...Утром в пятнадцатый день месяца Реби второго[2] Ослепительный призвал к себе, в золотисто-желтый шатер, Хаджи Рахима.

---

[1] На Востоке девушки знатных семей получали специальное воспитание. Их учили ходить особой мелкой походкой и говорить тонким, птичьим, щебечущим голосом. Это считалось утонченностью и своеобразием, которое нравилось мужчинам. Для женской речи существовал даже свой словарь специальных и старинных слов и выражений, которые не употреблялись в мужском разговоре.

[2] Месяц Реби второй — июнь.

Бату-хан сидел на куске простого темного войлока, брошенного на бархатный персидский ковер. Рядом с ним лежали колчан с тремя красными стрелами[1], лук и изогнутый меч; над ним висел бронзовый щит. Жестом руки джихангир пригласил факиха, и тот, оставшись на коленях, приготовился записывать то, что услышит.

Джихангир заговорил шепотом. Его слова иногда летели в таком беспорядке и с такой быстротой, что было трудно записывать, но Рахим старался удержать их в своем сердце.

— Сегодня будет великий совет ханов... День может окончиться кровью, если монголы, потеряв рассудок, начнут рубить друг друга... Тогда новые синие курганы вырастут на тропе «Ворот народов»... Да, это будет!.. Помнишь великий курултай[2] моего деда, непобедимого Чингиз-хана? Я хорошо все помню, хотя мне было тогда семь лет... Сперва Священный Правитель изредка спрашивал, и все ханы отвечали с усердием и трепетом, не перебивая друг друга. Каждый взвешивал на весах осторожности свой ответ. Когда же Покоритель вселенной начинал говорить, слова его падали на сердце, как молния, как удар меча, как прыжок коня через пропасть, прыжок, после которого нет возврата... Никто не осмеливался возражать или высказывать сомнения в удаче похода. Теперь ханы забыли великие правила мудрейшего, единственного. Они грызутся между собой, как это было в наших монгольских степях до того дня, когда Священный Правитель сжал всех в своей могучей ладони... Сегодня на великом совете все ханы, кроме Менгу-хана и моих братьев, захотят сделать меня смешным и жалким, чтобы я, как кабан, пронзенный стрелой, убежал трусливо в камыши. . Этого не будет! Или я перебью всех, кто не поцелует передо мной землю, или я сам упаду, рассеченный на куски... Я уже давно бы сломал им всем хребты, но я помню завет деда: «не заводить смут среди его потомков». Не в их ли руках власть над вселенной? Почему же они раскачивают и подрубают столб, на котором

[1] Лица высшей аристократии имели в своем колчане определенное количество стрел. Чем знатнее, тем меньше стрел. Только простые воины обязаны были иметь полный колчан.

[2] Курултай — совет высших лиц монгольского государства, аристократов-феодалов и военачальников.

держится шатер рода Чингиз-хана?.. Сегодня я покажу им, по праву ли я держу девятихвостое знамя моего деда!

Дверная занавеска заколебалась, и большая квадратная ладонь, ратная ладонь, просунувшись, ухватилась за боковую деревянную стойку. Послышались сердитые крики.

— Это чужой! Это не наш!— прошептал Бату-хан, схватил лук, натянул его, и красная стрела, пронзив ладонь, впилась, дрожа, в деревянную стойку двери. Рука исчезла, унося стрелу.

Голоса затихли, Бату-хан ударил колотушкой в бронзовый щит. Вошел дозорный в длинной монгольской одежде, в кожаном шлеме с назатыльником, с коротким копьем в руке.

— Кто порывался войти сюда?

— Гонец от Гуюк-хана. Он пытался оттолкнуть меня, показывая золотую пайцзу, и лез без разрешения в шатер. Я выхватил меч и ударил его рукоятью по зубам. Я сказал, что если он сделает еще шаг, то мой меч пронзит его грудь под ребро...

— Ты поступил как верный нукер,— сказал Бату-хан.— Я возвеличу тебя. Где сотник Арапша?

— Он потащил гонца в свою юрту.

— Для чего?

— Чтобы отрезать ему левое ухо...

Бату-хан задумался, его глаза скосились. Потом он рассмеялся.

— Как тебя звать?

— Мусук.

— Где я тебя видел?

— Ты меня видел, когда я ловил для тебя гнедого жеребца. На нем теперь ездит сотник Арапша. Он меня взял в свою сотню.

— Узнаю Арапшу. Плохо тем, кто становится ему на дороге. Но он не забывает тех, кто оказал ему услугу. Ступай.

Дозорный ушел. Бату-хан снова начал говорить, обращаясь к Хаджи Рахиму:

— Я веду войска на запад и знаю, что я там встречу. Мои лазутчики и купцы, посланные мной в земли урусутов, мне рассказали... Я покорю урусутов и те народы, которые живут дальше, за ними. Покорить урусутов, этих лесных медведей, будет нетрудно. Они все разбиты на

маленькие племена, и их ханы-коназы ненавидят друг друга. У них до сих пор не было своего Чингиз-хана, который собрал бы их в один народ. Я посажу в их городах моих баскаков, чтобы собирать налоги, а сам пойду дальше, до последнего моря — бросать под копыта моего коня встречные народы!.. Тогда на всю вселенную опустится монгольская рука.

В шатер бесшумно вошел грузный и широкий Субудай-багатур. Он круто повернулся к двери и, подняв руку к широкому уху, внимательно прислушался. Видна была только его сутулая круглая спина в старом синем шелковом чапане, покрытом жирными пятнами. Затем, недовольно косясь на Хаджи Рахима, он подошел, шаркая кривыми ногами, к Бату-хану, кряхтя, склонился до земли и опустился на колени. Бату-хан выждал, пока он выполнил обязательный земной поклон, и попросил старого полководца сесть рядом.

Субудай опять покосился на Хаджи Рахима и вздохнул, громко сопя.

— Говори все, не бойся! Мой учитель предан мне и молчалив, как придорожный камень,

— То, что я говорил раньше, подтверждается. Гуюк-хан привел сюда, к нашему лагерю, свою тысячу. Я усилил охрану и приказал, чтобы никого близко не подпускали. Другие ханы тоже прибыли, вопреки приказанию, с отрядами по нескольку сот воинов. Более крупные их отряды стоят недалеко, и если ханы поднимут тревогу, войска могут явиться сюда немедленно.

— Что же делать? Драться?

— Это будет видно сегодня вечером. «Бешеные» и «непобедимые» наготове...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Великий совет чингизидов

Ненависть, гнев и зависть преобладают в природе этого народа.

(Рашид-ад-дин.)

Вечер был спокойный, без ветра. Легкий дождь прибил докучливую пыль. Кругом пылали костры, и доносился запах жареного бараньего сала.

Ханы подъезжали с пьяным смехом и грубыми возгласами. Они остановили коней в десяти шагах от большого золотисто-желтого шатра,— дальше их не пустили тургауды, преградив путь копьями. Ханы хотели гурьбой направиться к шатру, но три главных шамана встали перед ними.

— Проходите между огнями. Мы обкурим вас священным дымом. Он очистит сердца от злых помыслов, прогонит черных духов тьмы.

Часовые стояли двумя рядами по сторонам дорожки, ведущей к шатру. Ханы и их военачальники проходили медленно, останавливаясь около восьми жертвенников, сложенных из камней и глины. На них дымились костры. Шаманы размахивали опахалами, сплетенными из камыша, раздували огонь, стараясь, чтобы дым направился в сторону ханов. Другие шаманы колотили в бубны и громко распевали старинные заклинания.

У входа в шатер двое дозорных поддерживали копьями дверную занавеску и, наклонившись, наблюдали, чтобы входившие не коснулись ногой священного порога.

Внутри шатра, на высоких бронзовых подставках, горели светильники, распространяя аромат амбры, мускуса и алоэ. Кругом на разостланных пестрых коврах лежали сафьяновые и шелковые подушки. В глубине шатра с потолка спускалась, закрывая заднюю стенку, широкая малиновая шелковая занавеска, расшитая золотыми птицами и цветами.

Субудай-багатур в парадной китайской одежде, сверкая золотом, стоял у входа и приглашал входивших снимать оружие и складывать его у двери, затем проходить дальше и садиться по правую сторону. Менгу-хан и четыре брата Бату-хана расположились слева. За ханами садились их главные военачальники, знатнейшие нойоны[1] и багатуры.

Гуюк-хан, в красных сафьяновых сапожках на очень высоких изогнутых каблуках, вошел последним, переступая мелкими шажками. Его пухлый живот был перетянут парчовым поясом, за который был засунут китайский кинжал с нефритовой рукоятью. Синий шелковый чапан был застегнут большими рубиновыми пуговицами. Под

---

[1] Нойон — князь.

чапаном виднелась малиновая безрукавка, расшитая золотыми драконами.

Презрительно улыбаясь, Гуюк-хан сел в глубину шатра и обвел всех подозрительным взглядом. За ним пытались пройти три монгольских телохранителя, но Субудай-багатур зашипел на них:

— Назад! Кто вам разрешил входить на совещание князей?

Гуюк-хан вмешался:

— Пусть остаются! Пусть учатся, как управлять!

— Арапша! Выбрось их!— крикнул Субудай.

Пришедшие монголы настойчиво лезли к Гуюк-хану. Арапша схватил сзади одного и выволок из шатра. Братья Бату-хана поднялись и вытолкали двух остальных.

Вошли три раба в китайских просторных одеждах и внесли золотые с узорами подносы, на которых стояли простые деревянные аяки[1] с пенящимся белым кумысом. Эти серые обкусанные чашки хранились у Бату-хана как святыня: из них пил когда-то сам великий Чингиз-хан. Все посматривали с почтением на эти старые аяки, столь обычные в юртах бедняков. Чаш было одиннадцать, по числу ханов из рода Чингизова. Рабы стояли неподвижно, держа подносы на вытянутых руках.

Субудай прошел в глубь шатра и осторожно отдернул малиновую, расшитую золотом занавеску. За ней на широком и низком троне, отделанном золотыми украшениями, сидел строгий и неподвижный Бату-хан. На нем была переливающаяся искрами блестящая стальная кольчуга, китайский золотой шлем с назатыльником, украшенный наверху большим, с голубиное яйцо, алмазом. Четыре хвоста чернобурых лисиц свисали со шлема по сторонам.

На груди Бату-хана красовалась на золотой цепи большая овальная золотая пластинка, пайцза, с изображением головы разъяренного тигра. Эту пайцзу получил из рук самого Чингиз-хана отец Бату-хана, суровый и смелый Джучи-хан. Голова тигра означала повеление кагана: «Все должны повиноваться хранителю этой пайцзы, как будто мы сами приказываем». На

---

[1] Аяк — чашка для питья, выдолбленная из корня березы или березового наплыва.

коленях Бату-хан держал китайский меч с длинной рукоятью, блистающей алмазами.

Все затихли, впиваясь взглядами в мрачного джихангира. Он смотрел вперед, поверх людей, с каменным лицом и сдвинутыми бровями, как бы далекий от обычных земных дел.

Гуюк-хан несколько мгновений сидел неподвижно, затем повернулся к сидящему рядом хану Кюлькану и шепнул так, чтобы другие слышали:

— Полевая крыса, которая думает, что похожа на льва!

Субудай-багатур опустился перед троном на колени и сказал:

— В этом походе джихангиром объявлен Бату-хан — он справедливый, он безупречный, он смелый! Ему подобает называться «Саин-хан» — доблестный! Вы видите золотую пайцзу на его крепкой груди и знаете, что означает голова разъяренного тигра. Окажите почет Бату-хану, как будто перед вами сам Священный Правитель. Если все войско будет повиноваться Саин-хану, как оно повиновалось единственному и величайшему, то вся вселенная будет лежать под копытами наших коней. Преклонитесь перед джихангиром!

Братья Бату-хана поднялись, сложили руки на груди и пали ничком. За ними Менгу-хан и некоторые старые полководцы также встали и сделали земной поклон, поцеловав ковер. Семь царевичей, косясь на Гуюк-хана, оставались неподвижными.

У Бату-хана чуть дрогнули губы:

— Раздайте чаши!

Субудай сжался, еще более сгорбился и сделал знак рабам. Они с бесшумной ловкостью обошли всех чингизидов и передали им старые деревянные чаши с кумысом. Такую же простую чашу взял Бату-хан и, держа ее перед собой, готовился произнести моление.

Гуюк не дал ему этого сделать. Он заговорил, торопясь перебить Бату-хана, желая показать, что он, наследник престола великих каганов, является высшим ханом на этом собрании:

— Первые капли нашего родового кумыса из этих древних священных чаш мы выпьем за процветание, величие, здоровье и могущество великого владыки всех монголов и повелителя ста семидесяти других подчи-

ненных ему народов, хранимого вечным синим небом кагана Угедэя...[1]

Некоторые ханы поднесли чаши к губам и стали пить, другие выжидали, посматривая на Бату-хана. Он продолжал оставаться неподвижным и в наступившей тишине, растягивая слова, громко сказал:

— Первую чашу нашего кумыса мы выпьем в память Священного Правителя, ушедшего от нас повелевать заоблачным миром, того величайшего воителя, кто приказал начать этот поход, чтобы пронести ужас монгольского имени до последних границ вселенной!..

Бату-хан медленно выпил чашу до дна, оставшиеся капли вылил на руку и провел ею по груди. Все царевичи немедленно припали губами к чашам: разве можно отказаться выпить в память великого Чингиз-хана!

Рабы принесли серебряные подносы с золотыми кубками и чашами различной формы и стали их наполнять кумысом из висевшего около двери большого телячьего бурдюка. Все пили за великого создателя монгольской державы и за предстоящие победы.

Бату-хан снова заговорил тихо, но его слова звучали четко в шатре, где все сидели неподвижно, предчувствуя, что теперь могут вырваться наружу тайные злобные страсти, кипевшие у чингизидов:

— Мы сейчас будем говорить о том, что в этом походе полезно и что не нужно. Вот что я хочу вам объявить...

Гуюк дергался на месте, шептался с двумя соседними ханами. Он уже раньше, днем, выпил слишком много хмельного айрана, и глаза его налились кровью. Он закричал хриплым, яростным голосом:

— О чем ты можешь объявить? Кто тебя захочет слушать? Тебе ли сидеть на троне, тебе ли начальствовать над войсками? — и, захлебываясь от смеха, Гуюк повернулся к другим ханам: — Не правда ли, Бату-хан не что иное, как баба с бородой! Я прикажу последнему из моих нукеров побить его поленом!

Приближенный Гуюк-хана, полководец Бури, во весь голос завопил:

---

[1] Угедэй — отец Гуюк-хана, каган (император) монголов.

— Га, га! Дай это сделать мне! Я ткну Багу-хана пяткой, свалю его и растопчу!

Царевич Кюлькан смеялся, пьяно взвизгивая, и старался перешагнуть через сидевших вокруг него ханов.

— Воткни этой бабе с бородой деревянный хвост! Пропустите меня, я это сделаю!

По знаку Гуюка все его сторонники вскочили и, доставая из-за пазух ножи, толкая друг друга, бросились к трону.

Голова Бату-хана ушла в плечи, зубы оскалились, глаза обратились в щелки. Он вдруг выпрямился, отбросил в сторону меч и выхватил из-за голенища короткую плеть. С размаху он стал колотить ею по головам наступавших на него ханов.

— Я проклинаю великим проклятием тех, кто в походе не повинуется джихангиру! А тебе, Гуюк, не бывать великим ханом, как не летать курице над облаками! Назад! На колени!

Вдруг прогремел хриплый яростный голос Субудай-багатура:

— Ойе! Урянх-Кадан! Зови «бешеных» и «непобедимых»!

Молодой сильный голос повторил:

— «Непобедимые» и «бешеные», сюда!

Из-за занавески, из кожаных сундуков, из-за скатанных ковров мгновенно выскочили монгольские воины. Одни бросились к Бату-хану, подхватили его на руки, и он исчез за полотнищами шатра. Другие воины колотили метавшихся ханов кулаками прямо в лицо, опрокидывали их и тащили за ноги из шатра.

Бронзовые подставки с горевшими светильниками повалились на дерущихся ханов. В шатре стало темно. Последние ханы и нойоны старались ползком пробраться к выходу.

С яростными проклятиями ханы и свита собирались около шатра, где еще слышались глухие удары и звон разбиваемой посуды. Оправляя разорванную одежду, стирая рукавом кровь с лица, некоторые порывались войти обратно в шатер, но невозмутимые дозорные их не пускали, грубо отталкивая копьями.

Из-под бокового полога шатра вылез Субудай-багатур, бережно держа в руках оставленный Бату-ханом его наследственный кривой меч с алмазной рукоятью,

Около Субудая строились тесными рядами «бешеные» и «непобедимые». К ним подбегали все новые нукеры. Субудай-багатур спокойно ждал, пока его сын Урянх-Кадан вместе с другими воинами выносил барахтавшегося Гуюка. Переваливаясь на кривых ногах, Субудай приблизился, кряхтя, низко наклонился, рухнул на колени и коснулся лбом земли. Гуюк пытался ударить в лицо Субудая ногой в красном сафьяновом сапоге, но монголы оттянули его назад.

Субудай встал, выпрямился и сказал:

— Сыну величайшего внимание и повиновение! Чем могу я выказать свою преданность?

— Где он?— снова закричал Гуюк.— Я раздеру его лицо! Он крыса, а не джихангир!..

Субудай прищурил свой красный глаз:

— Священный Правитель беседует теперь с небожителями там, высоко, за грозовыми облаками. Он взирает оттуда, как успешно идет поход, как движется на запад его не знающее поражений монгольское войско!.. Как поступают его внуки?! Да! Среди его багатуров не может быть ссоры, не может быть вражды... Да! Все должны держаться тесно, как деревья в густом лесу, дружно, как одна волчья стая!.. Да, да, да! Дружно!— последние слова Субудай прокричал с дикой яростью.

Слушая Субудая, все ханы затихли. Гуюк перестал дергаться и замер, поняв, что сейчас сопротивляться одноглазому старику опасно.

— «Непобедимые», готовьтесь!— крикнул Субудай.

Нукеры ударили ладонями по рукояткам и с резким лязгом вытащили из ножен кривые мечи, а Субудай продолжал кричать, наступая на Гуюка:

— Великое непобедимое войско ведет назначенный Священным Воителем джихангир Бату-хан и повелевает тебе, Гуюк-хан, сейчас же, не переводя дыхания, выехать к берегу великой реки Итиль и дожидаться там у того места, где в нее вливается речка Еруслан[1].

---

[1] Еруслан — левый приток Волги, около 40 километров выше Камышина. Близ слияния Еруслана с Волгой, на возвышенной равнине, находятся 17 курганов, один из них громадной величины,

Гуюк опять загорелся гневом:

— Ты не смеешь так говорить со мной, наследником золотого трона! Ты бродяга, пастух, возвеличенный моим дедом! Молчи, мой слуга, косоглазый калека, и повинуйся!

Субудай, шипя и задыхаясь, дважды подскочил на месте. Нукеры потом уверяли, что в этот миг налитый кровью глаз разъяренного Субудая горел, пронизывал и прожигал, как раскаленный докрасна гвоздь. Старик тихо проговорил:

— Да! Я нукер! Я исполняю волю моего и единственного для всех здесь повелителя, джихангира Бату-хана! Для него я нукер и слуга! Кто спорит, тот будет сметен с пути! Кто не выполнит приказа, будет рассечен на девять частей! Ойе, «непобедимые», первый десяток! Посадите охмелевшего хана Гуюка на коня! Скрутите ему локти! Он еще слишком молод. Айран ударил ему в голову. Одним духом отвезите молодого хана в его лагерь! Сдайте его на руки нойону Бурундаю и немедленно скачите назад! Если меня уже здесь не будет, догоняйте! Вперед, уррагх! Уррагх![1]

Нукеры, державшие Гуюк-хана, скрутили ему руки за спиной и поволокли к его коням. Субудай-багатур оглянулся. Нукеры, положив блестящие мечи на правое плечо, стояли как каменные. Ханы и нойоны, тихо переговариваясь, удалялись. Субудай подозвал мрачного, спокойно за всем наблюдавшего Арапшу.

— Где джихангир?

— Мы отнесли его в твой шатер. Я усилил дозорных.

— Верно поступил. Надо ожидать нового удара. Прикажи трубачам и большим барабанам с первыми петухами подымать войско в поход.

Существует предположение, что здесь было или татарское кладбище, или поле битвы, на котором погребены тела павших воинов («Россия», под ред. Семенова, т. VI, стр. 602).

[1] Уррагх — вперед! *(по-монгольски)*.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

На берегу реки Итиль

Была пора, татарин злой шагнул
Через рубеж хранительныя Волги.

(Орест Миллер.)

Монгольское войско, вышедшее из Сыгнака ранней весной, прибыло к берегам Итиля поздней осенью. Переход через степи до первых рубежей земель урусутов, булгар и других непокоренных народов продолжался полгода. Бату-хан и «у стремени его» Субудай-багатур прибыли во главе передовой тысячи «непобедимых» к берегам великой реки Итиль. Всадники, покрытые густой пылью, забыв порядок, рассыпались по береговым песчаным холмам, пораженные величественной, могучей рекой, которая свободно несла обильные глубокие воды.

— Если ее запрудить,— толковали монголы,— вода в один день поднялась бы до неба!

Воины стояли на холмах, с трудом сдерживая потных коней, тянувшихся к воде.

— Это не то, что наш голубой Керулен или золотой Онон, которые мы переходили вброд... Попробуй-ка переплыть эту реку... Однако упрямый Субудай перетопит половину войска, но если он решил переправляться здесь, то он заставит нас плыть...

Бату-хан, в кожаном шлеме, закутанный в плащ, на белом жеребце, потемневшем от пыли, спустился к берегу.

Беспокойные серые волны набегали на песок, выбрасывая клочья дрожащей от ветра пены, и перекатывали большие полосатые раковины.

— Здесь кончились наши монгольские степи,— сказал Батый подъехавшему Субудаю.— Там, за рекой, все будет другое! Там засверкает наша слава!

На противоположном берегу реки по отлогим холмам тянулись кудрявые леса, уже тронутые золотом осени; кое-где яркими малиновыми пятнами выделялись за́росли осины. На холмах подымались две высокие сторожевые башни, сложенные из бревен. Песчаные отмели длинными желтыми полосами отделялись от зеленых

берегов. Стаями проносились кулики, утки и другие птицы.

Там же возвышалась одинокой громадой скалистая серая гора. За нею уходили вдаль густые леса. На горе чернели большие отверстия, перемежаясь с белыми странными столбами. По берегу лениво брело несколько коров. С горы сбежали две женщины и, стегая коров хворостинами, гнали их в лес.

— Наш обед от нас уходит,— заметил монгольский воин.

На вершине мрачной горы толпились люди. Они, видимо, волновались, перебегая с места на место.

Стая белых чаек летала и кружилась над рекой, опускалась к воде. Чайки садились на плывшие бревна, ссорились, взлетали с криком и снова садились.

— Это не бревна! Смотрите, это плывут трупы... Дело рук хана Шейбани... Он наводит повсюду монгольский порядок...

Трупов плыло много. Один, раздутый, с опухшим синим лицом, гонимый ветром и волнами, медленно подплыл к берегу и застрял на отмели.

Войску была объявлена трехдневная остановка. На равнине повсюду задымили костры. На другой день сотник Арапша сказал Мусуку:

— По приказанию начальника тысячи Кунджи тебе поручается важное дело: поймать и привести какого-нибудь человека из живущих по этим берегам. Здесь, должно быть, много людей рыбачит и сеет ячмень,— всюду видны посевы и в воде у берега привязаны сетки-мережи. На другом берегу заметны узкие черные ладьи. Проберись вверх по реке и захвати рыбака, вышедшего на берег. Я дам тебе в помощь нукеров.

Мусук и пять монголов отъехали от берега в ковыльную степь, нашли тропинку, чуть не увязли в болоте и едва выбрались, вытянув друг друга арканами. Потом снова приблизились к реке и пошли камышами, ведя коней в поводу. Два раза совсем близ берега проплыли лодки. В одной гребли женщины в белых одеждах, обшитых красными тесемками. В другой сидели старик и мальчик. Каждый греб одним коротким, как лопата,

веслом. Лодки были такие узкие, что требовалось особое искусство, чтобы держаться на серых беспокойных волнах и не опрокинуться.

Мусук условился с монголами, что он будет «скрадывать» старика с мальчиком. У них должна быть заветная отмель, на которой они остановятся. Один из нукеров остался за пригорком на лошадях, остальные пошли вдоль берега, прячась за кустами, ожидая знака Мусука.

Лодка старика подвигалась медленно против течения, и так же медленно, ползком, пробирался по берегу Мусук, держа в руке короткое копье. На пути оказались две речки. Он перешел их вброд, по шею в воде, вспугнул кабаниху с поросятами.

Мусук несколько раз терял из виду старика. Лодка стала удаляться от берега, направляясь к острову посреди реки. Там старик долго возился в камышах, проверял мережи и выбрасывал в лодку пойманную рыбу.

Мусук лежал весь промокший на песке и выжидал. Лодка снова направлялась к берегу, уже вниз по течению. Она плыла теперь быстро и, наконец, скрылась из виду. Мусук снова перешел обе болотистые речки, выбрался на берег и вдруг впереди, совсем близко, услышал голоса. Он пополз как можно тише, чтобы не выдать себя.

Наконец сквозь стебли камыша Мусук различил небольшой залив; черная лодка была вытащена кормой на песчаный берег. Старик и мальчик лежали у костра. В огне стоял закоптелый горшок, из него торчал рыбий хвост. Кипящая похлебка переливалась пеной через край. Мальчик подбросил в костер несколько веток. Старик вытянулся, подложив руку под голову; седая борода его стояла торчком. Он закрыл глаза и стал всхрапывать. Мусук ясно видел его серую в заплатках длинную до колен холстинную рубаху, широкие порты из дерюги, продранные на коленях, старый с медной пряжкой кожаный пояс и привешенный к нему нож в деревянных ножнах. Вдруг мальчик приподнялся и стал тревожно осматриваться.

Мусук бросился вперед, ломая камыши, и навалился на старика. Мальчик кубарем откатился к лодке, оттолкнул ее от берега, ловко взобрался в нее, пронзительно крича:

— Деда, деда! Скорей ко мне, в лодку!

Мусуку казалось легким делом одолеть костлявого, тощего старика. Он лежал на нем, подгибая его руку, тянувшуюся к ножу, стараясь опутать его ремнем. Но старик был крепким. Он бился изо всех сил. Вырвав руку, он схватил камень и ударил Мусука по глазу. И костер, и камыши, и река — все закружилось, но Мусук продолжал бороться, помня, что «языка» надо взять живым. Старик дрался, как дикий зверь, кусал Мусука за локоть и кричал:

— Ах ты, язык! Не побороть тебе меня, желтомордый щенок!

Старику удалось вывернуться, и он порывался встать на колени. Мусук продолжал прижимать его, скручивая руки. Старик кричал мальчику:

— Не уезжай, Кирпа! Сейчас я его прикончу!

Он сильно ударил Мусука в живот. От удара Мусук свалился на бок. Крики услышали монголы. Двое из них набросились на старика в то мгновенье, когда он, сидя на Мусуке, уже доставал нож. Старик завизжал, отбиваясь от нукеров, но те сбили его с ног и скрутили руки сыромятными ремнями. Мальчик в черной лодке быстро плыл на середину играющей солнечными блестками реки.

Монголы набили старику в рот листьев и травы и перевязали лицо тряпкой.

Сверху, скользя по быстрому течению, показалась большая лодка. Четверо гребцов сильно ударяли по воде длинными веслами. На корме рулевым веслом правил знатный с виду человек в темно-малиновом бархатном кафтане, расшитом золотыми цветами. В его ногах на дне лодки сидели еще двое молодцов с длинными ножами за поясом.

Лодка с разбегу врезалась в песчаный берег. Гребцы, сложив весла, с копьями в руках, спрыгнули на песок и подтянули лодку.

Человек в бархатном кафтане сказал властным звучным голосом по-татарски:

— Здравствуйте, охотнички. Какого зверя поймали? Подождите его добивать. Он человек старый и очень знающий. Наш лучший рыбак, все рыбные места здесь знает... Кто вы? Из какого племени?..

Мусук тяжело хрипел, с трудом пытаясь встать.

Кровь залила ему глаз. Один из монголов ответил:

— Мы нукеры джихангира Бату-хана. Почему ты вмешиваешься в наши охотничьи дела?..

— Я посол от великого племени рязанского. Князь Глеб Володимирович. Еду приветствовать вашего великого хана, пожелать ему благополучия и много лет царствования... Далеко ли мне еще ехать?

— Если поедешь с нами медленно, будешь у Бату-хана через три дня. Если захочешь проскакать быстро, будешь ехать сто дней и его не встретишь, а найдешь себе могилу на перекрестке трех дорог.

— Тогда я поеду вместе с вами. Укажите мне дорогу, в убытке не останетесь.

Мусук отдышался, промыл в реке раны и перевязал голову лоскутком, оторванным от рубахи. Теперь здоровым глазом он мог рассмотреть знатного человека, сидевшего в лодке. Он был уже немолод. Черная окладистая борода с сильной проседью ниспадала на широкую грудь. Бархатная шапка, отороченная бобром, была не нова и сильно выцвела. Да и красивый цветистый кафтан был поношен. Суровое лицо и пристальные черные глаза смотрели тяжело и неприветливо. Видно, человек этот когда-то жил в большой чести и довольстве, а с тех пор видывал виды, и жизнь его сильно потрепала.

Князь долго спорил с монголами, как они будут ехать, и, наконец, порешили на том, что знатный посол в лодке поплывет близ берега, а монголы верхом будут держаться поблизости.

Полуживого Мусука посадили на коня, а пленный старик, с кляпом во рту и ременной петлей на шее, пошел у стремени передового нукера.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Старик Вавила

Бату-хан приказал Хаджи Рахиму прийти в его золотисто-желтый шатер и присутствовать при беседе с иноземцами. Ослепительный в парчовом кафтане, сверкая алмазами перстней на всех пальцах, сидел на золотом

троне в глубине шатра. Слева от него сидели молчаливые и степенные Субудай-багатур и главные военачальники в своих лучших одеждах. Справа, в высоких шапках, увитых жемчужными нитями, и в шелковых, расшитых золотыми цветами платьях, красовались, как сказочные птицы, четыре жены Батыя—монголки. Ожидалось важное совещание, требующее тайны, когда присутствуют обычно только жены-монголки,—другие жены не допускались, так как джихангир не раз высказывал опасение, что кипчаки болтливы и лживы, а особенно их женщины.

Слуги разнесли всем кумыс в драгоценных чашах; он был свежий, пенился, и после долгой дороги по выжженным степям было сладостно пить холодный кисловатый напиток.

Первым вошел начальник «непобедимых» сотник Арапша. Обычную у монголов шапку с отворотами он заменил индийским шафрановым тюрбаном, один конец которого падал на левое плечо. Арабский шерстяной чекмень обтягивал его худощавый, стройный стан и прямые плечи. Черные строгие глаза Арапши смотрели в упор, и никто не видел, чтобы этот гордый нукер когда-либо беззаботно смеялся.

За Арапшой вошел Мусук. Лицо его было перевязано цветными тряпицами. Накануне Хаджи Рахим приложил все знания, приобретенные им в Багдаде, чтобы промыть крепким чаем и зашить лицо, израненное в борьбе при захвате важного пленного. Узнав об этом, Бату-хан пожелал услышать рассказ Мусука и плененного им жителя с берегов Итиля.

Лысый старик, с лицом, густо заросшим седой бородой, вошел в шатер. Его руки были связаны за спиной. Шею давил сыромятный ремень, конец которого намотал себе на руку монгольский воин. Лицо и загорелая плешь старика были в засохших ранах. Он стоял прямо, испуга не было в его светлых спокойных глазах.

Вошедшие встали рядом на колени перед золотым троном. Два толмача переводили непонятные слова старика. Один из них спросил:

— Покоритель вселенной желает знать: кто ты, как тебя зовут, откуда ты родом и как попал сюда на реку?

— Я слуга великого колдуна и звездочета Газука,

хранителя священной Ураковой горы. Я бедный раб его... На мне тамга[1] моего хозяина...

Бату-хан кивнул:

— Покажи!

— Сорок лет назад мне выжгли ее на бедре.

Монгольский воин спустил холщовые порты старика, и он повернул к хану тощее бедро, где краснела выжженная тамга: круг с двумя рожками, как у козла.

— Что значит такая тамга? Почему рога?

Старик повернулся к сторожившему его монголу и строго сказал:

— Раз ты спустил порты, ты и натяни. Видишь, я руками пошевельнуть не могу!

Монгол поправил шаровары, и старик обратился к Бату-хану:

— Видел ты на той стороне реки серую гору? Называется она городище хана Урака. Там живет старый колдун Газук. Ему более ста лет, и даже я гожусь ему только во внуки. Но он все помнит, что было раньше, в старые времена, и много рассказывает. Каждое полнолуние на горе устраивается моление в честь богов водяного и громового. Тогда отовсюду приезжают куманы и другие степняки, режут черных козлов и пьют айран. Потому у Газука и тамга с рогами козла...

— Как звать тебя?

— Меня зовут дед Вавила. Родом я из Рязани. Был бортником[2]. Меня обманом поймали на охоте, когда я ходил за диким медом, ушкуйники-новгородцы, увезли вниз по реке и продали купцу, а тот перепродал другому. Так я переходил из рук в руки, пока не попал к колдуну Газуку.

Субудай-багатур прервал старика:

— Постой! Отвечай только на то, о чем тебя спрашивают.

Бату-хан спросил:

— Какие войска ты видел на той стороне? Много ли пеших и конных воинов?

— Я рыбак, езжу по реке. Много ли я в камышах увижу?

— А что слышал?

---

[1] Тамга — клеймо.

[2] Бортник — охотник за диким лесным медом.

— Слышал я, что куманские ханы еще недавно кочевали поблизости. Потом они в страхе стали уходить прочь, в свои степи. Угоняют табуны, скот, увозят юрты. Никогда раньше у них такого бегства не бывало...

— В какую сторону уходят?

— К Лукоморью, к Синему морю!

Старик стоял нахмуренный, сдвинув густые седые брови. Субудай опять вмешался:

— Ты знаешь имена куманских ханов, которые кочевали поблизости?

Старик огрызнулся:

— Вот еще! Чего захотел! Если бы я торговал с ними, коней менял, я бы знал. Ты лучше спроси: какие рыбы водятся в реке, много ли здесь осетров, щук, судаков, где богатые рыбные места — все тебе выложу, точно сам под воду в гости лазил к водяному деду!

— А кто это — водяной дед?— спросил Бату-хан.

— Водяного не знаешь! Это царь морской, что под водой на дне сидит! И хоромы там у него богатейшие. В них живут сто его дочерей, что русалками зовутся.

— Ты их видел?

— Сорок лет на реке рыбачу, да чтоб не видеть! Не только видел, но и слышал! Русалки по ночам поют, плачут, подзывают путников-ротозеев, пересмеиваются. Если кто близко к берегу подойдет и русалкам поверит, они его защекочут и в омуты утащут, а назад не выпустят...

Среди монголов раздались восклицания. Монгольские ханши всплеснули руками и стали удивленно перешептываться.

— А царя водяного ты тоже видел?— спросил Бату-хан.

— Не раз видел. Он из камышей высунет свою образину, волосатую, как у меня, и бороду в воде полощет. Глаза рачьи выпучит и гулко так завоет: Хан-Урак! Хан-Урак!..

Субудай-багатур обратился к Бату-хану:

— Ослепительный! Разреши сказать слово! Это старик очень ценный, он знает много сказок и может их рассказывать и день и два, особенно если ему подливать в чашку айрану. Казнить его не следует, а надо придержать, он пригодится нам в походе на землю урусов. Может, ты его еще призовешь, чтобы он тебя поза-

бавил. Он сказал важную для нас весть: куманские ханы уходят, угоняют скот. Поэтому надо торопиться, надо их нагнать, нам нужны большие гурты скота, чтобы подкормить усталые войска. Надо спешно переправляться через Итиль.

— Пусть так будет!— сказал Бату-хан.— Сотник Арапша! Развяжи старику руки, сними петлю и дай ему отдышаться.

Арапша поднялся с колен, перерезал поясным ножом ремни на руках пленника, снял кожаную петлю с шеи и встряхнул старика.

— Благодари джихангира! Ослепительный дарует тебе жизнь,— сказал Арапша.— Если будешь стараться, сделаешься рыбаком, сказочником и толмачом. Кланяйся! Целуй землю!..

Старик протянул руки и хотел согнуть их, но от ремней они так затекли, что едва двигались. Монголы подхватили его и выволокли из шатра. Бату-хан расспросил Мусука, как он поймал рыбака, остался доволен и приказал выдать Мусуку в награду шелковую одежду.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Переправа через Итиль

Подходя к Итилю, все монголо-татарские войска получили приказ джихангира в три дня переправиться на другой берег. Гонцы носились вдоль лагерей. Некоторые отряды еще не прибыли и где-то тянулись позади, по выжженной солнцем равнине.

Одним из первых прибыл к реке Итиль хан Кюлькан, младший сын Чингиз-хана от его последней молодой жены, красавицы Кулан-хатун, умершей в Каракоруме от отравы, поднесенной на обеде завистливыми родичами.

Высокий и красивый, как его мать, с узкими, слегка скошенными глазами, всегда беспечный и полупьяный Кюлькан ответил гонцу, что здесь богатая охота на птиц, дзеренов и сайгаков и что он переправится только после окончания охоты.

Кюлькан поставил на берегу Итиля знаменитую юрту своей матери Кулан-хатун, в которой она принимала

Священного Воителя Чингиз-хана. Вместо войлоков юрта была покрыта пятнистыми шкурами горных барсов и подбита соболем. Хан Кюлькан устраивал в ней каждый день пиры и веселился с молодыми сверстниками, монгольскими знатными ханами.

Вскоре к нему прискакал второй гонец в сопровождении сотни «бешеных» Субудай-багатура. Строгий полководец извещал беспечного чингизида, что «не исполнивший приказа увидит смерть, а замедливший переправу будет смещен на самую низкую должность, и его место займет более расторопный...» Гонец добавил от себя, что «неодолимые» и десять тысяч отборных воинов получили приказ садиться на коней, если хан Кюлькан снова ответит отказом.

Хмель мгновенно вылетел из головы Кюлькана. Он призвал своих нойонов и багатуров, которые стали вспоминать, как в таких случаях поступал Чингиз-хан. Монголы начали спешно резать баранов и козлов, сдирать с них шкуры чулком, через шею, перевязывать отверстия жилами и надувать бурдюки. Большие заботы и хлопоты вызывали обозы, которые у каждого чингизида достигали значительнх размеров и в походе были крайне обременительны. Воины Кюлькана делали из бурдюков плоты и тесали из жердей весла. От Кюлькана во все стороны помчались гонцы узнать, готовятся ли к переправе другие отряды.

Субудай-багатур о многом позаботился заблаговременно. Сверху, из царства Булгарского[1], прибыла тысяча двадцативесельных просмоленных лодок. Этот подарок прислал Бату-хану его брат Шейбани-хан по просьбе одноглазого полководца. В лодках сидели полуголые, в отрепьях, гребцы-булгары, ставшие от жгучего солнца темными, как сосновая кора.

Лодки остановились в устье Еруслана и вдоль берега Итиля. Субудай-багатур выделил сто лодок и приказал, чтобы в каждую лодку вошли по двадцать нукеров, имея с собой лишь седла, переметные сумы и трехдневный запас ячменя для корма коня. Кони же сами переплывут реку.

Было яркое, теплое осеннее утро. Река спокойно несла прозрачные воды, нежась под ласковыми лучами

[1] Булгары — народ, живший в низовьях Камы.

солнца. В этом месте река была очень широка, коням придется плыть с трудом. Как-то они справятся с течением?

Арапша со своей сотней должен был переправиться первым. Он стоял на песчаном берегу и измерял взглядом ширину реки. Смелости-то хватит, а вот хватит ли силы? К нему подошел коренастый монгол в синем длинном до земли чапане с загорелым молодым лицом. Из-под отворотов войлочной шапки смотрели властные холодные глаза. Это был сын Субудай-багатура — Урянх-Кадан, выдвинувшийся в китайскую войну решительностью и смелыми набегами.

— Я узнал, что мой почтенный отец поручает тебе первому переправиться на тот берег. Дело не только в переправе. Приготовился ли ты к битве? На той стороне собрались неведомые всадники. Сколько их — неизвестно. Они могут вступить в бой. Кто они — саксины, куманы, буртасы[1] или урусуты — не все ли равно! Надо их отогнать, занять берег и отослать все лодки сюда обратно. В каждой лодке должны остаться пять нукеров присматривать за гребцами, не то на обратном пути булгары захотят убежать от нас вниз по реке. На конях надо оставлять оброти[2] или уздечки и связывать их чембурами[3]. Слабые кони должны плыть около лодок, их следует поддерживать за повод. Мой почтенный отец дает в твои руки старого крепкого жеребца, своего любимого саврасого, который покажет другим коням, как надо плыть. Он уже переплывал и сребряный Улуг-Кем и многоводный Джейхун[4].

— Я сберегу драгоценного коня!— сказал Арапша.— Только зачем посылать обратно для присмотра за гребцами по пять нукеров? Достаточно одного! Кто осмелится ослушаться одного монгола?

— Осторожность в большом деле не вредит!— ответил Урянх-Кадан.

---

[1] Саксины и буртасы — исчезнувшие племена, жившие в низовьях Волги.

Куманы — половцы.

[2] Оброть — конская уздечка без удил, с одним ремнем.

[3] Чембур — длинный ремень, идущий от уздечки; служит для привязывания коня.

[4] Улуг-Кем — Енисей, Джейхун — Аму-Дарья.

Субудай-багатур, сутулый и грузный, стоял невдалеке на берегу, возле саврасого жеребца с широкой грудью, черной гривой и длинным черным хвостом. Субудай гладил его толстую мускулистую шею, что-то шептал ему в мохнатое ухо, опять гладил и ласкал и кормил его кипчакской просяной лепешкой.

Отгоняя вьющихся слепней, саврасый кивал головой и, казалось, молчаливо соглашался поддержать славу монгольского коня.

Мусук был в сотне, которой предстояло первой переплыть огромную реку. Он был готов ко всему — плыть так плыть! В ногах его лежало седло, рядом стоял кипчакский конь, подаренный ему Арапшой. Но конь был очень заурядный и сильно заморенный.

Арапша подошел, взглянул на Мусука и спросил:

— Ну как?

— Переплыву.

Арапша пощупал ребра коня, впадины над глазами и махнул рукой.

— Плох твой конь! Не выдержит! Садись сзади, на корме лодки. Держи коня крепко за повод, помогай ему плыть и берегись, чтобы вода не попала ему в уши. Если же лопнет повод и конь утонет, так тебе и надо! О крепком ременном поводе надо было заботиться заранее.

Субудай-багатур взглянул на сытого, мускулистого с шелковистой блестящей шерстью гнедого коня Арапши и милостиво разрешил привязать ему чембур к уздечке своего саврасого любимца.

Субудай сам свел жеребца к реке и вошел вместе с ним в воду, еще раз что-то шепнул коню на ухо и ударил его ладонью.

— Уррагх! Вперед!..

Жеребец наклонил голову к воде, понюхал, фыркнул, поиграл ногой и решительно направился вперед. Возле него бодро шагал стройный гнедой конь Арапши, за ними следовали кони всей сотни.

Тысячи монголов взобрались на береговые холмы и наблюдали, как их кони сами плывут через великую реку.

Сперва пришлось идти через песчаную отмель, за которой сразу начиналась глубина.

Саврасый погрузился первым, за ним гнедой; только

лоб и торчащие уши поднимались из быстро несущейся, блестящей на солнце воды. Два-три следующих коня бодро поплыли вслед за ними, потом другие, наконец весь табун исчез в волнах, и только торчащие уши и слегка всплывшие головы показывали, как движутся кони, стараясь преодолеть могучее течение Итиля.

В это время первые большие черные лодки выдвинулись из устья Еруслана. В них поспешно садились воины, сверкая оружием, некоторые вели за собой более слабых коней. Гребцы опустили в воду длинные белые весла, взмахнули ими, и лодки медленно поплыли.

Мусук сидел на корме и наблюдал, как его небольшой рыжий конь плыл рядом, старательно загребая ногами. Лодка подвигалась слишком быстро для коня, и ременный повод натягивался все туже. «Лопнет ремень, конец моему коню!— думал Мусук.— Опять стану безлошадным конюхом...»

— Тише гребите! Не утопите коня!— умолял он гребцов.

Стремительная река относила далеко вниз плывущих коней и лодки. На середине реки Мусук с ужасом заметил, что его конь начал уставать и раза два ложился на бок.

— Вода нальется в уши — погибнет!— бормотал Мусук.— Ну, постарайся, красавчик, ну еще потрудись, дружок!— И он изо всех сил подтягивал коня, который снова выпрямлялся и выгребал ногами. Но ненадолго. Вскоре он опять лег на бок, и его светло-рыжее брюхо поднялось из воды, ополаскиваемое волнами. Мусук уже старался вытягивать из воды только ноздри и уши коня.

Мусук оглянулся. Правый берег быстро приближался. Вот желтые, песчаные обрывистые берега, заросшие серебристой осокой. Дальше видны убегающие люди. Они на бегу мечут стрелы из небольших луков. Несколько стрел ударилось в борта лодки, другие плеснули по воде. Монголы отвечали из лодки, натягивая тугие огромные луки, ловко попадали длинными стрелами в ближайших противников.

Лодка зашуршала по песчаному дну. Нукеры соскакивали прямо в воду, тащили седла, бежали к своим коням, которые подплывали к берегу ниже по течению реки. Конь Мусука почувствовал дно и попытался встать

на ноги, но две стрелы впились ему в бок. Вода окрасилась широким алым пятном. Конь, изгибаясь, снова завалился в воду.

Табун коней во главе с саврасым жеребцом Субудая уже выходил на песчаную отмель. Монголы бежали к коням, набрасывали седла на их мокрые блестящие спины, подтягивали подпруги, садились и взбирались вверх по песчаному откосу, готовые к бою.

Арапша выскочил из лодки и оглянулся.

Далеко за блестящей гладью реки был виден левый берег. На нем, как муравьи, двигались пешие и всадники огромного монголо-татарского войска. Черные лодки, взмахивая белыми веслами, уже плыли обратно к оставленному берегу, а им навстречу плыло множество других лодок, и всюду на глади реки виднелись торчащие уши и морды фыркающих коней.

Раздался громкий голос Арапши:

— На коней! Живее! Готовьтесь.. Вперед!..

И монголы с дикими криками бросились преследовать убегающих воинов неведомого народа.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Кровавая комета

Желто-серые двугорбые верблюды стояли на левом берегу Итиля. Подняв мохнатые головы с выпуклыми блестящими глазами и выпятив нижнюю губу, они смотрели с надменной важностью на величавое течение многоводной реки и на необычную суету людей.

Согнувшись в кеджавэ, положив книгу на колени, Хаджи Рахим старательно писал:

«...К чему такое беспокойство, когда и небо, и степь, и вся вселенная торжественно спокойны? Ничто не изменяется, равнины земли беспредельны, и не мудрее ли идти по ним размеренной поступью каравана? Кто мчится вихрем на коне, не окажется ли он все равно на том же месте, куда придет равномерно шагающий безмятежный верблюд?..»

На верблюде под трепещущей от ветра занавеской сидела Юлдуз. Расширенными, удивленными глазами смотрела она на шумную переправу многотысячного

войска. Она следила за плывущими через реку конями, за черными лодками, и взор ее невольно искал среди спускавшихся к реке всадников стройного молодого джигита. Некоторые всадники казались ей похожими на него, но нет, это не он, не его гибкие, кошачьи движения. Мусука нигде не было... «Где он скитается? Жив ли он или свалился где-либо в беспредельной степи и стал добычей орлов и ворон?..» Тоска порой сменялась злым чувством: а если он сам помогал продаже своей приемной сестры? Для чего? Чтобы участвовать в походе, путем ее гибели? Если так, то пусть его терзают хищные птицы, пусть умрет он без воды в жгучей пустыне, пусть никто не придет освежить его пылающие, высохшие уста!..

Сидевшая в другой корзине китаянка осторожно коснулась плеча Юлдуз.

— Джихангир смотрит сюда!

По песчаному берегу, во главе большой группы всадников, на белоснежном коне ехал Бату-хан. Он свернул в сторону и поднялся на холм. Там он остановился, указывая рукой на противоположную сторону реки. От его свиты отделялись один за другим всадники и уносились вскачь исполнять полученные приказания.

Молодой нукер, одетый по-мусульмански, в арабском плаще и тюрбане, подошел к верблюдам. За длинную дорогу через степи Юлдуз не раз видела его. Он был начальником сотни и всюду сопровождал Бату-хана. Юлдуз знала, что зовут его Арапша Ан-Насир. Он только что вернулся с правого берега и давал приказания сидевшим на песке проводникам, обожженным солнцем до черноты. Они вскочили, схватили оброти верблюдов и свели их к реке.

Длинные черные лодки приближались. Гребцы ставили их рядом, по три лодки, настилали поперек доски и скрепляли их веревками. Получались крепкие паромы.

Арапша давал приказания спокойно, отчетливо, не делая лишних движений. Его распоряжения исполнялись быстро и беспрекословно. Рабы тащили доски и колья, стучали топорами, вбивали колья близ берега, переплетали их ветвями лозы. Все работали с крайней быстротой, не ходили, а бегали со всех ног. Вскоре от берега потянулись в воду мостки. К ним пристал паром.

Плотниками распоряжался высокий толстый человек в странной просторной одежде. С его небольшой синей шапочки спускалось на спину длинное перо. Он постоянно обращался к Арапше, который стоял неподвижно у самой воды, наблюдая за работой.

Китаянка снова шепнула:

— Этот человек с длинным пером на шапке — большой мастер, строитель Ли Тун-по. Он умеет строить дома, мосты, дворцы, легкие, как кружева, киоски—все! Я слышала, как он вздыхает и ругается на нашем языке: «Нет, здесь мне не жить! Эта проклятая дикая страна не для меня!» Он большой ученый, пленный китаец. Я слышала о нем еще на родине...

Старшие жены забеспокоились и запищали тонкими птичьими голосами:

— А если лодки перевернутся? Мы не хотим ехать! Пусть сперва попробует кто-нибудь другой!

Арапша, не взглянув на ханских жен и не отвечая им, приказал рабам проводить отдельно по одному верблюду на каждый плот. Ханши снова заволновались.

— Пусть первой поедет черная, рабочая жена! Мы посмотрим, не утонет ли она.

Арапша приказал погонщикам провести на паром крайнего, седьмого верблюда, на котором ехали Юлдуз и ее китайская служанка. Когда верблюд поравнялся с Арапшой, И Ла-хэ сказала ему:

— Прикажите мастеру Ли Тун-по ехать вместе с маленькой ханшей Юлдуз.

Арапша поднял на китаянку холодный, недоверчивый взгляд и отвернулся.

Около мостков верблюд опустился на колени. Китаянка и Юлдуз осторожными мелкими шажками прошли на паром. Впереди шел китайский мастер, следя, чтобы они не оступились. За ним погонщики провели на паром огромного мохнатого верблюда. Он ревел, мотал головой. С длинных губ падала клочьями белая пена. На пароме верблюд не захотел опуститься на колени и стоял, горделиво поворачивая голову, точно желая насладиться редким зрелищем переправы бесчисленного войска через широкую реку.

Юлдуз, покрытая большим шафрановым платком, опустилась на коврик в уголке парома. За нею встала китаянка И Ла-хэ. Ветер играл складками легкой шелко-

вой ткани ее лилового плаща. Гребцы опустили весла в воду. Рабы стали разматывать концы каната.

Послышались крики: «Подождите!..»

Бату-хан на белом жеребце подъехал к мосткам и легко соскочил с седла. Сам взял повод, провел недоверчиво фыркающего коня на паром и поставил его рядом с верблюдом. За джихангиром последовал Арапша. Несколько монголов бегом направились к парому. Арапша повернулся, отбросил их обратно; один оступился и упал в воду. Арапша прыгнул на паром, когда тот стал уже отдаляться от мостков.

Бату-хан стоял между белым конем и гордым верблюдом. Лицо джихангира светилось нетерпением и хищной радостью: перед ним расстилалась земля, завоевание которой принесет немеркнущую славу!.. Он обратился к маленькой женщине, закутанной в шелковое покрывало:

— Как твое имя, маленькая хатун?

— Юлдуз, мой повелитель.

— Это хорошее, приносящее удачу имя.

Подошел китайский строитель Ли Тун-по:

— Сегодня великий день. Ты, Ослепительный, пересекаешь огромную реку, которая отделяет запад от востока. Ты плывешь вместе с прекрасным смелым конем и другом путников, могучим верблюдом. А перед тобой светится Юлдуз — звезда, которая принесет тебе удачу.

И Ла-хэ незаметно шепнула Юлдуз несколько слов.

Помня приказания старой ханши Ори-Фуджинь слушать советы китаянки, Юлдуз покорно поднялась. Покраснев от волнения, она громко сказала Бату-хану:

— Твое имя, как яркая комета, пролетит по темно-синему небосклону! Оно осветит ослепительными победами путь монгольского войска!..

Бату-хан чуть улыбнулся, сдвинул брови и снова стал холодным и непроницаемым.

— Я сумею выполнить великую задачу: раздвинуть до конца вселенной несокрушимую власть монголов.

Белый конь косился черными глазами на всплески волн и перебирал ногами при каждом взмахе длинных весел. С другой стороны гордый и величественный верблюд спокойно глядел вдаль, знакомясь с вольным простором водной стихии.

Противоположный берег приближался. Там на песчаной косе выстроилась сотня монгольских нукеров с копьями и трепещущими цветными значками.

Рожки́, дребезжа, подали сигнал:

«Внимание и повиновение!»

Все великое монголо-татарское войско переправлялось через Итиль много дней. Просмоленнные лодки всех размеров непрерывно перевозили воинов, их походные вьюки, разобранные юрты, мешки с зерном, мукой и прочее. Лодок не хватало, почему были связаны плоты из бревен и надутых воздухом кожаных бурдюков; на эти плоты сгонялись верблюды и другой скот, и все это с шумом, ревом и криками плыло по реке к правому берегу.

Бату-хан некоторое время оставался близ горы Урака. Он приказал переправившимся через реку передовым отрядам двинуться вперед, в великую Половецкую степь, и там начать погоню за быстро уходившими на запад и на юг половецкими племенами.

— Кто будет сопротивляться,— говорил Бату-хан,— того уничтожать! Кто из встречных ханов покорится вместе со своими родами, пусть присоединяется к войску, но его скот и его имущество должны быть для монгольских воинов военной добычей. Для кипчаков и других племен — великая честь вступить воинами в мое могучее войско. Своими победами они приобретут новые богатства...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Колдун с Ураковой горы

Осенью 634 года Биджан-Или[1] ставка Бату-хана находилась уже на правом берегу многоводной реки Итиль, против устья ее левого притока Еруслана, близ горы хана Урака[2].

Золотисто-желтый шатер с золотой маковкой стоял близ ручья, у подножия мрачной горы. Около шатра бы-

---

[1] Год Биджан-Или — год Раковины — 1237 г.

[2] Гора Урака сохранилась под этим названием до настоящего времени. В земле вокруг нее найдено много древних предметов.

ли привязаны к приколам девять отборных жеребцов; среди них выделялся статностью и легкостью движений знаменитый белый конь джихангира. Далее расположились подковой шатры семи звезд Бату-хана — его прекрасных жен. Над шатром джихангира, на высоком бамбуковом шесте, украшенном китайской резьбой, развевалось пятиугольное девятихвостое знамя.

Другие царевичи-чингизиды поставили свои шатры вдоль берега реки. Каждый шатер находился в центре кольца юрт, в которых помещались телохранители-тургауды, шаманы, знахари, ловчие с соколами, доезжачие с борзыми, повара, флейтисты, трубачи и прочая свита.

По обоим берегам реки протянулись шумными лагерями отряды разных племен и народов, присоединившихся к монголо-татарскому войску.

Лодки и плоты беспрерывно перевозили воинов, лошадей, скот и грузы.

На левой стороне реки, где раскинулись зеленые луга, паслись тысячи разношерстных коней из отрядов, еще не успевших переправиться.

На третий день после переправы был объявлен праздник Надам[1] по случаю прибытия монгольского войска на правый берег великой реки, где начинались земли еще не покоренных и неведомых народов.

Начальники отрядов прибыли со своими боевыми знаменами и поставили их на вершине Ураковой горы. Яркие, узорчатые ткани трепетали под сильными порывами осеннего ветра. Среди множества полотнищ выделялись огромные цветные шелковые знамена одиннадцати царевичей-чингизидов.

Ветер гнал большие серые волны могучей реки. Длинные черные лодки спешили перевезти воинов на торжественный праздник великого монгольского войска.

Бату-хан несколько раз совещался с приближенными ханами. Он опасался злых чар ураковских колдунов, которые могли нагнать бурю. Если разбушуется многоводная река, она смоет с берегов самовольных гостей.

На горе Урака монголы нашли прятавшихся колдунов. Главный колдун, Газук, заперся в пещере внутри

[1] Надам — монгольский народный праздник, существующий до настоящего времени.

Ураковой горы и не вышел приветствовать вождя прибывшего войска. Около входа в пещеру сторожили его помощники и никого к нему не пускали.

Бату хан объявил строгий приказ, чтобы воины относились к колдунам почтительно и ничем их не сердили.

— Если небожитель, владыка грома, Хоходой-Моргон рассердится, то никакая земная сила не спасет от его молний. Нужно беречь и ублажать колдунов и шаманов всех народов, чтобы они молились добрым и злым богам, прося их помочь победе монгольского войска.

Бату-хан приказал, чтобы Газук, главный шаман Хоходой-Моргона, явился на празднество и молился за джихангира. Колдуны ответили, что Газуку более тысячи лет, он так стар, что прирос корнями к земле и его нельзя сдвинуть с места.

Бату-хан обратился к своему мудрому советнику Субудай-багатуру:

— Надо увидеть упрямого Газука и узнать, что он делает в своей пещере. Может, он колдует против нас? Не подарить ли ему коров и коней — всего, что может понравиться старику? Или же следует его удавить?

Субудай-багатур ответил:

— Глубокие старики любят только почет. И я также думаю, что он успел собрать от своих почитателей больше золота, чем ты собираешь во всех своих походах...

Бату-хан зажмурился.

— Я его притащу на верблюде.

— Дзе-дзе!

Субудай приказал позвать сотника Арапшу. Тот явился сейчас же, внимательно выслушал одноглазого полководца и сказал:

— Я один ничего не поделаю.

— Тебе помогут наши шаманы.

— Нет, здесь нужны не они, а сотня нукеров.

— Возьми хоть три сотни! Но старому Газуку будут помогать все злые духи! Опасайся их обидеть и будь осторожен.

Субудай приказал привести двух сотников и слушал, что им объяснял Арапша.

— Мы должны вытащить невредимым из этой горы святого, всесильного и очень хитрого колдуна Газука. Говорят, он может обращаться в медведя, в змею, в крысу или в червяка. Но не бойтесь! С нами приказ Субудай-багатура, а он сильнее всех небожителей, потому что его охраняет великий бог войны Сульдэ!

— Верно,— сказал Субудай.

— Мы боимся,— прошептали сотники.— Драться в битве нам не страшно, а ловить колдуна, который обращается в змею и червяка, нам не приходилось!..

— Сегодня попробуйте, и если вам это удастся, вас ждет большая награда от Бату-хана.

— Да, да! Будет награда!— сказал Субудай.

— Поступайте так,— сказал Арапша,— как на охоте за черно-бурой лисицей или за хитрым барсуком. Они тоже живут в холмах, где много запасных ходов, чтобы убежать, если собаки пролезут в нору...

— Поняли!

— Вы окружите гору кольцом нукеров. Сыщите запасные выходы. Если старик колдун еще в пещере, вы его выловите. Если он убежал, то он недалеко, и вы его поймаете...

— Поняли!

— Осмотрите тщательно, нет ли где заготовленных лошадей или верблюдов. Каждую пещеру, каждую нору, в которую может пролезть человек, надо проверить и поставить возле нее дозорного.

— Поняли!

— Возьмите с собой собак, они особенно помогут. А я пойду к главному входу в большую пещеру и буду следить за колдунами, помощниками Газука.

Триста всадников отправились на разведку. Всем обещана была награда, все мечтали о золоте, спрятанном колдунами в Ураковой горе. Всадники растянулись кольцом вокруг горы, прощупывая каждый куст, каждую нору.

Арапша ждал у входа в главную пещеру. Вход был загорожен камнями и большой каменной плитой. В узком отверстии показалась голова в меховом остроконечном колпаке, с седой бородой и красными слезящимися глазами. Беззубый рот шамкал что-то непонятное.

— Это главный колдун?— спросил Арапша.

— Нет, это его пра-пра-правнук! А сам Газук сидит в глубине пещеры и не может двинуться, потому что от его ног вросли в землю длинные толстые корни.

Помощники колдуна клялись, что войти в пещеру нельзя, что другого хода нет, а из этого маленького отверстия Газук вылетает по ночам, обращаясь в летучую мышь.

По требованию Арапши к горе пригнали пленных с кирками и лопатами. Они стали копать землю около входа. Арапша стоял у отдушины, отдавая приказания. Вдруг в щели показалась сова. Она сидела с широко раскрытыми круглыми глазами и шипела.

— Улетай!— сказал Арапша, подхватил сову, подбросил ее на воздух. Громко хлопая крыльями, сова полетела низко над землей, поднялась и уселась в густых ветвях серебристого тополя.

Один из колдунов сказал Арапше:

— Вот видишь, Газук рассердился, обратился в сову и может принести теперь много бед. Сегодня ночью на реке будет небывалая буря...

— Тем лучше!—ответил Арапша.—Тогда наше войско увидит, что все вы, уракские колдуны, желаете сделать нам зло. За это вас сожгут живыми на костре!

— Нет, нет! Не делайте этого!— испугались колдуны.— Мы молимся о вашем здоровье и удаче... Мы все сделаем для вас!

Пленные продолжали расшатывать плиту, она стала поддаваться, и наконец открылся вход. Арапша с двумя монголами вошел в пещеру. Остальные нукеры остались при входе. Колдуны кричали и бесновались оттого, что нукеры их связали, затем стали плакать навзрыд:

— Теперь небо обрушится на землю и весь мир погибнет! Не трогайте Газука!

У сырых стен пещеры были сделаны нары из жердей и шкур. Древний бронзовый котел на трех ножках стоял посредине пещеры, под ним еще тлели угли. В стороне виднелись открытые кожаные сундуки. Возле них валялись брошенные впопыхах одежды, меха, медные чашки и кувшины. В темном углу высился неподвижный истукан.

Арапша раздул угли и разжег заготовленную бересту. Пещера осветилась, и он увидел каменного идола, в два человеческих роста, с выпученными глазами, с длинными, ниже колен руками и короткими, согнутыми в коленях ногами.

— Газук бежал!— заметил один из нукеров.

— Он где-то недалеко,— сказал другой.

Арапша указал на несколько монет, лежавших на земле. Нукеры бросились и подобрали их. Монеты были древние и потертые, с изображением горящего жертвенника.

Арапша осмотрел идола. Он стоял на каменном основании. На плите были стертые места. Арапша потрогал идола. Статуя неожиданно легко повернулась на оси. Послышался голос:

— Не убивайте меня!

Показался вход в подземелье. Там, сжавшись, сидела старая женщина, умоляюще протягивая руки.

— Кто ты? Где Газук?

— Он лгун!—отвечала женщина.—Он обещал взять меня с собой... а запер меня здесь... и убежал... Захватил золото и молодую жену...

Со стоном и слезами старуха вылезла из ямы и отодвинула сундук. За ним была небольшая низкая дверца.

— Надо пробираться на коленях по этому ходу. Через тысячу шагов будет выход в густой лес. Там его ждут лошади.

Арапша повернул на прежнее место каменного идола, приказал нукерам сторожить старуху и пещеру, а сам поспешил к Субудай-багатуру.

Ждать пришлось недолго. Вскоре вернулись посланные на разведку нукеры. Они гнали лошадей, навьюченных кожаными переметными сумами. На одной из лошадей сидел согнувшись старик в медвежьей шубе. Его лицо густо заросло бородой, седые волосы торчали клочьями во все стороны. Сиплым голосом он пел на непонятном языке тягучую песню, не обращая внимания на встречных и размахивая посохом с золотым набалдашником. На другой лошади сидела смуглая молодая женщина с злыми черными глазами. Косясь исподло-

бья, она бормотала проклятия и огрызалась, скаля зубы на всякого, кто к ней подходил.

Субудай-багатур вышел из юрты, чтобы посмотреть на колдуна, которому «тысяча лет».

— Пусть мой юртджи осмотрит и перепишет все, что привез с собой этот хитрый старик. Если есть ценности, все они должны принадлежать джихангиру. Вечером приведите этого колдуна к Бату-хану. Джихангир хочет послушать его рассказ о том, что происходило здесь тысячу лет назад... Полезно все знать... Наденьте на колдуна цепи, пусть в другой раз они не прячутся от великого владыки вселенной! Пусть и другие их увидят и помнят!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Праздник монгольского войска

Довольный удачной переправой, Бату-хан объявил трехдневный отдых и устроил для воинов торжественный праздник на лугу близ Ураковой горы. В назначенный день прискакали тысячи всадников. Воины сидели на пятках широким кругом. За первыми рядами сидевших и стоявших теснились верховые на крепких небольших конях. Бату-хан и другие ханы расположились на склоне горы Урака на разостланных коврах и конских попонах.

Длинные трубы сипло и свирепо ревели. Глашатаи кричали:

— Приходите на борьбу безбоязненно, бесстрашно! Приходите в добром здравии! Покажите вашу удаль, проявите вашу силу!

Лучшие силачи, оставив коней на попечение товарищей, выходили на широкий круг. Они стояли в разных концах поля группами по нескольку человек. Каждого силача и удальца сопровождали преданные друзья. Они должны были наблюдать, чтобы борьба шла правильно, без злобы, без кусания, увечья и убийства.

— Начинайте! Оге, начинайте!— закричали глашатаи.— Джихангир Бату-хан смотрит на вас! Он даст ловкому молодцу лучшую награду! Каждый должен пройти три трудных состязания, три упорные схватки! Кто ни разу не коснется плечами земли, тот будет объявлен багатуром. Таков закон нашей страны, да и обычай всех людей таков! Славному делу не будет препятствия, чистому небу не бывать мрачным!

Сперва выступили вперед двенадцать воинов — рослых, плечистых, молодых. Отряды заранее отобрали своих лучших удальцов. Остальные соперники, ожидая очереди, опустились на корточки по краям поля.

Борцы стали подпрыгивать на месте, переваливаться с ноги на ногу, взмахивая руками, точно крыльями, припадая на согнутых коленях. Они бросали вверх землю и траву и, подражая орлиным прыжкам, начали приближаться друг к другу.

Шесть пар одновременно сцепились в могучих объятиях. Они схватились за плечи, за руки, за ноги, за шею и стали бросать друг друга, вертеться, приподымать с земли и подставлять подножку, стараясь повалить противника на землю. Около каждой пары топтались, кружили и приседали друзья, возбуждая борцов криками.

Упал один, его тело коснулось земли — он уже выбыл из состязания. Сумрачный уходил он с поля вместе с друзьями. А победитель той же прыгающей походкой направился к месту, где сидели почетные судьи. Там стояли мешки с печеными кусочками сладкого теста. Победитель брал руками пригоршни печений, подносил к губам, точно хотел вкусить, затем неожиданно ссыпал печенье в подставленные подолы друзей, а часть бросал в поле в честь богов, принесших ему победу.

Одна за другой приходили группы соперников; они схватывались, боролись. Побежденные уходили; победители оставались и продолжали бороться между собой.

Лучшим победителем оказался высокий, могучего и страшного вида монгол, по имени Тогрул, поборовший всех противников. Последнего соперника он поднял над головой и с диким торжествующим воплем бросил на землю. Упавший лежал неподвижно и плакал — он перед этим поборол очень многих. Тогрул подошел к нему и, широко расставив ноги, спросил:

— О чем твоя печаль?

— Если бы я был мертвый, не было бы у меня сожалений! А если теперь мне придется ходить живым, то радости мне мало.

Тогрул осторожно поднял его и сказал:

— Исполним славное дело для величия монгольской державы!

Оба вынули ножи, полизали друг у друга лезвия, понюхали щеки и, обнявшись, пошли с поля как побратимы — «аньда».

К ним подъехал на коне нукер и сказал:

— Ослепительный Бату-хан прислал меня похвалить вас за доблесть и объявить, что берет вас обоих в свою охранную тысячу тургаудов.

После борьбы были скачки, стрельба из лука, но скоро пришлось разъезжаться: начался проливной дождь. Буря усилилась. Волны великой реки налетали с шумом на берег, обрушивались и слизывали все, что попадалось. Лодочники не решались более переплывать реку. Все прибывшие на праздник вскочили на коней и помчались в свои лагеря.

— Это здешние колдуны накликали бурю,— говорили монголы.— Что-то еще будет этой ночью! Что мы увидим дальше в стране урусутов?

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Злая ночь

> Ты откудова, удалый добрый молодец,
> Ты коей земли, коей орды?
> Как тя нуть зовут по имечку,
> Величают по изотчине?..
>
> *(Из древней былины.)*

К вечеру непогода усилилась.

Итиль-река бушевала, волны яростно бились о крутые берега. Ветер потрясал шатры, точно пытаясь сбросить их в реку. Потоки дождя обрушивались на татарский лагерь.

Воины, проклиная злых урусутских мангусов, встретивших их холодом и бурей, дрогли около угасающих костров.

В шатрах стало холодно, сыро и мрачно. Верхние отверстия были затянуты войлоком. Огоньки тусклых светильников колебались при каждом порыве ветра. Длинные дрожащие тени падали на стенки.

Арапша прошел вдоль шатров, проверяя охрану. Идти было трудно. Было так темно, что в двух шагах

ничего не было видно. Ветер сбивал с ног. Арапша повторял нукерам:

— Злая ночь! Берегитесь! Такие ночи любят враги.

Арапша вошел в юрту джихангира.

Бату-хан, сидя на пушистых шкурах, беседовал с верным своим советником Субудай-багатуром. Арапша почтительно остановился у входа.

— Злые боги урусутов испортили нам праздник,— говорил Бату-хан.— Они нагнали бурю, ливень и холод на моих храбрых воинов, чтобы напугать нас, чтобы не пустить нас в свои земли.

Резкий порыв ветра потряс стенки шатра. Бату-хан поднял голову:

— Слышишь, как ревет Итиль? А мы все же его переплыли.

Бату-хан умолк и снова прислушался к яростному реву волн. Сквозь шум непогоды донеслись спорящие голоса.

Арапша вышел из шатра. Он вскоре вернулся:

— Какой-то незнакомый человек хочет видеть тебя, Ослепительный! Он говорит, что знает важное.

— Пусть войдет.

Арапша приоткрыл дверь. Свистящий порыв ветра вырвал ее и швырнул в юрту дверную занавеску, обдав холодом и ледяными брызгами. Пламя заколебалось. Стало темно.

Но вскоре светильник, мигая, разгорелся. Тусклый огонь снова осветил юрту. У двери стоял высокий худой человек.

Незнакомец снял темный колпак с мокрым бобровым околышем и отряхнул его. Он шагнул вперед и опустился на ковер.

— Кланяюсь великому царю мунгалов!— проговорил он хриплым, низким голосом.— Слава твоя летит впереди твоего могучего войска.

— Будь гостем,— милостиво отвечал Бату-хан.— Что привело тебя сюда в такую непогоду?

Монголы с любопытством разглядывали ночного посетителя. Он говорил по-татарски, но не был похож на татарина. Большой нос с горбинкой придавал хищное выражение его худому и костлявому лицу. Из-под нависших густых бровей горели темные, глубоко сидящие глаза. Он часто проводил по длинной черной с проседью бороде узловатой, сухой рукой.

— Великий хан! Ты видишь перед собой не простого путника, а человека, рожденного богатым и сильным! Я великий князь — Глеб Владимирович Рязанский!

Бату-хан прищурился:

— Ты посол от Резани, коназ Галиб? Почему же ты один?

Князь Глеб поморщился:

— Нет, великий хан! Не послом пришел я к тебе. Я пришел предложить тебе стать твоим союзником.

— Что это значит?

— Я знаю все дороги и города великой Русской земли. Я буду тебе полезен.

— Субудай-багатур! Покажи коназу землю урусутов.

Субудай-багатур развернул на ковре лист пергамента.

— Вот, коназ, смотри: вот Итиль, вот твоя Резан, вот Ульдемир[1]. Здесь все урусутские города, и реки, и дороги.

— Чертеж земель русских! Откуда? Как ты мог промыслить его?

— Я все могу!— Бату-хан положил руки на пергамент.— Вот так земля урусутов будет смята под моей рукой! Я заставлю всех покориться мне! Может, ты за этим пришел, урусутский коназ?

Князь Глеб, пораженный, молчал. Бату-хан продолжал, явно насмехаясь:

— Где же твои покорные нукеры? Где твой народ? Где твои подарки, великий коназ Галиб?

Князь Глеб тряхнул полуседыми кудрями.

— У меня нет больше ни народа, ни дружинников, ни богатства! Враги отняли у меня все. Мне пришлось бежать. Уж много лет я живу изгнанником у половцев.

Бату-хан нахмурился.

— Чего же ты хочешь от меня?

— Я хочу помочь тебе разметать моих врагов.

— Кто твои враги?

— Князья, правящие теперь Рязанью.

— Я сам наказываю своих врагов! Когда мы придем, погибнут все, не только коназы.

---

[1] Ульдемир — город Владимир.

— Я ненавижу весь народ рязанский! Рязанское вече меня изгнало[1].

Бату-хан глянул на молчавшего Субудай-багатура:

— Что скажешь ты, мой мудрый советник?

— Бессмертный воитель, твой великий дед оставил в поучение потомкам мудрые законы «Джасак». Они говорят, что «лазутчики, лжесвидетели, все люди, подверженные постыдным порокам, и колдуны приговариваются к смерти»[2].

Гнязь Глеб невольно отшатнулся, Бату-хан смотрел на него прищуренным глазом.

— Коназ Галиб! Не союзником моим ты будешь, а послушным нукером. Если ты захочешь обмануть меня, то простишься с жизнью. Можешь идти! Арапша, позаботься о нем.

Князь Глеб склонился до земли, ожидая приветливого слова. Бату-хан отвернулся. Субудай-багатур смотрел прямо перед собой немигающим глазом. Арапша с каменным, неподвижным лицом открыл дверь юрты.

Черные глаза князя злобно сверкнули. Он шагнул в ненастную тьму.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Сказка о хане Итиле

> ...Чи-чи, вождь племени Хун-ну, ушедшего на запад, сказал:
>
> — Ведя боевую жизнь наездников, мы составляем народ, имя которого наполняет ужасом всех варваров... И хотя мы умрем, но слава о нашей храбрости будет жить, и наши дети и внуки будут вождями народов.
>
> *(Из восточной летописи.)*

Буря разогнала съехавшихся на праздник монгольских ханов: большое вечернее пиршество было отменено. Бату-хан сказал, что намерен с немногими собеседника-

[1] Князь Глеб Владимирович рязанский, желая захватить единодержавную власть, пригласил на пир своих братьев и родственников. С помощью наемных половцев он их всех перебил. Это вызвало возмущение в народе. Князь Глеб был вынужден бежать к половцам, где он скитался много лет.

[2] Джасак Чингиз-хана, статья 57.

ми провести вечер в шатре своей седьмой звезды Юлдуз-хатун, и приказал баурши[1] приготовить там все для пира.

— На сколько гостей?— прошептал почтительно баурши.

Бату-хан зажмурил глаза, прошипел: «Хи-хи!» — и отвернулся.

Баурши бросился к своим помощникам и приказал быть наготове. Золотая посуда, напитки, копченая жеребятина, сладкие печенья и вяленый виноград, привезенные из Сыгнака,— все должно быть под рукой, сколько бы гостей ни прибыло на пир...

Юрта стояла на возвышении и была окопана канавкой, чтобы дождевые потоки в нее не проникали. Китаянка И Ла-хэ давала последние советы Юлдуз, как одеться, как встретить, что сказать.

— Я буду около тебя и шепну, если понадобится. Ничего не бойся!

Первым по приказу джихангира пришел Хаджи Рахим. Юлдуз сперва испугалась, но затем успокоилась, видя, что факих не узнает ее набеленного и раскрашенного лица. Она почтительно приветствовала его. И Ла-хэ подложила гостю замшевую подушку и стала расспрашивать его о том, что было на Итиле раньше, давно, тысячу лет тому назад. Хаджи Рахим отвечал подробно. И Ла-хэ слушала его внимательно и почтительно.

К юрте подскакали всадники. Впереди был Бату-хан в нарядной одежде и красных шагреневых сапогах. Вместе с ним прибыли Субудай-багатур и ханы, его неизменные спутники и собеседники за обедом.

Юлдуз в шелковой китайской одежде, в высокой бархатной шапке, убранной золотыми кружевами, встретила гостей. Она склонилась до ковра, когда Бату-хан вошел в юрту.

— Маленькая Юлдуз-хатун,— сказал Бату-хан, усевшись на сафьяновых подушках позади костра.— Я вспомнил, что ты умеешь хорошо рассказывать сказки. Поэтому я решил показать тебе замечательного человека, какие бывают только в сказках. Это колдун по имени Газук. Говорят, ему тысяча лет. Но он, конечно, так же обманывает, как теперь любят это делать все.

И Ла-хэ шепнула что-то своей госпоже. Юлдуз сказала:

---

[1] Баурши — заведующий хозяйством, дворецкий.

— Если этот старик прожил тысячу лет, то он должен помнить народ Хун-ну, который жил здесь на реке Итиль, и, вероятно, видел его знаменитого вождя, царя Итиля[1].

— Ты хорошо придумала,— заметил Бату-хан.— Посмотрим, что будет выдумывать старик.

Нукеры привели колдуна Газука. Тощий, сухопарый, с седой бородой, торчащей клочьями, он вошел в юрту, скованный цепью вместе с молодой женщиной. Из-под мохнатых седых бровей колдуна смотрели с испугом и ненавистью колючие глаза. Оба пленных присели на корточки близ стенки юрты.

Все с любопытством рассматривали колдуна. Он сидел, опустив веки с белыми ресницами. Иногда глаза приоткрывались и окидывали всех быстрым, испытующим взглядом. На старике был остроконечный колпак с нашитыми старинными монетами. Его полосатый кафтан, подбитый серой мерлушкой, был расшит цветными узорами и непонятными надписями. На ногах — просторные сафьяновые сапоги с очень длинными, завернутыми кверху носами. Колдун с важностью стащил сапоги и развернул портянки. Ногти на ногах оказались необычайной длины. Они скрутились, как сухие стручки. Между растопыренными пальцами ног были воткнуты высушенные лягушки. Монголы смотрели на колдуна с изумлением: такого шамана им еще видеть не приходилось!

Бату-хан спросил:

— Старик, сколько тебе лет?

— Не помню. Туман окутал пролетевшие годы. Может быть, мне тысяча лет, а может быть, и больше...

— Тогда ты помнишь время, когда здесь, на реке, жил народ Хун-ну? Не можешь ли ты рассказать про царя хуннов Итиля?

Старик наклонил утвердительно голову и зашевелил пальцами ног. Сушеные лягушки зашелестели.

— Я слышал сказку про царя Итиля. Ее здесь раньше рассказывали наши слепые сказочники.

— Расскажи нам эту сказку!

Газук закрыл глаза и стал медленно раскачиваться. Он начал нараспев:

---

[1] Царь Итиль — вождь гуннов Аттила, то есть «человек с Итиля» (Волги), или «волжанин».

— В промежутке между концом давних, минувших истинно прекрасных десяти тысяч веков и началом новых тысяч веков, в одно хорошее, непоколебимое, истинно спокойное время, когда было много отчаянно смелых, широко славных батырей-воителей, здесь, на берегу реки, на этой горе, жил хан Урак. Это был сильный, могучий, славный хан. Дворец его стоял на темени горы, окруженный высоким дубовым тыном, и на каждой тычине торчала человеческая голова, отрезанная ханом в битве с врагами.

На конюшне хана Урака всегда кормились сто жеребцов с золотыми гривами, а в степи паслись табуны кобылиц — их было видимо-невидимо, хан сам не знал им счету. Все народы вверх и вниз по реке подчинялись хану Ураку, и не было ему равного. По реке проплывали корабли иноземных купцов с товарами из далекого Арабистана и из холодной земли Варангистана[1], где полгода стоит ночь. Каждый корабль останавливался около горы Урака и подносил хану дары, от которых его богатства все увеличивались.

Однажды на реке поднялась страшная буря. Все колдуны начали молиться богам, чтобы они перестали сердиться. Но буря все усиливалась. Волны выбрасывали корабли на берег и разбивали их. Главный колдун молился днем и ночью, сидя на скале на берегу реки. Наконец он пришел к хану Ураку и сказал ему:

«Сегодня ночью, когда буря немного затихла и на небе показался месяц, я увидел на реке водяного царя. У него длинные волосы и борода до колен, рыбий хвост и лапы с перепонками, а на голове золотая корона с алмазами, которые горят, как звезды. Он бранился и бил рыбьим хвостом по воде, отчего волны ходили ходуном. «Ваш царь Урак,— говорит он,— только потому могуч, что кормится рекой, все его богатства — от кораблей, которые плывут по Итилю и привозят Ураку подарки, а мне, водяному царю, никто ничего на дает. Так я больше терпеть не буду. Пусть хан Урак каждый год дарит мне свою дочь. Если он этого делать не станет, я буду топить все корабли, и ни один заморский купец к нему больше не приедет».

---

[1] Варангистан — страна варягов.

С тех пор хан Урак завел дружбу с водяным царем. Он вручал главному колдуну дорогие подарки для водяного царя. Колдун вызывал водяного особыми молитвами и заклинаниями и бросал в Итиль ларцы с драгоценностями. Раз в год, осенью после жатвы, хан жертвовал водяному царю свою дочь. Однажды у хана Урака родился сын, и его назвал он Итилем в честь водяного царя великой реки.

Когда подрос молодой хан Итиль, водяной царь подплыл раз к дворцу, высунулся из воды и закричал:

«Эй, хан Урак! Говорят, твой сын подрос и стал батыром. Пришли его ко мне, пусть выберет любую из моих дочерей. Пусть останется в моем подводном царстве и будет моим наследником. Если же он откажется приехать, я подыму такую бурю, что смою волнами и твой дворец, и все твое Ураково царство!»

«Хорошо!— отвечал хан Урак.— Через три дня жди гостей».

А сын царя, Итиль-хан, в это время охотился с соколами в заречной степной стороне. Вернулся он домой, старый хан Урак ему и говорит:

«Водяной царь зовет тебя к себе и хочет отдать тебе свою дочь. Готовься к свадьбе, посылай подарки и сватов!»

Молодой хан Итиль ответил:

«Ты пятнадцать лет отдаешь ежегодно своих дочерей водяному царю, и хоть бы одна из них вернулась тебя проведать и показать тебе твоего внука! И у меня будет такая же судьба. Как окунусь я на дно, как явлюсь в хрустальный дворец водяного царя, так забуду и всю мою прежнюю жизнь, отца и мать, товарищей и родной дом! Нет! Я люблю привольные степи, люблю коней и грозовую бурю! Лучше возьму я с собой джигитов и уйду покорять другие страны!»

Бату-хан, спокойно слушавший сказку, вдруг наклонился к старику и радосто воскликнул:

— Вот это настоящий багатур! Если он ушел покорять народы, он сделает великие дела!

— Слушай, что было дальше!— продолжал старый Газук.— Отец Итиля, хан Урак, так ответил сыну:

«Идти воевать — опасное дело! Можно покорить чужие страны, а можно потерять свою голову в пустынной степи. Оставайся лучше дома, укрепляй мое царство,

построй себе новый дворец в низовьях, где Итиль разделился на сотню рукавов. Там ты воздвигнешь новый прекрасный город, неприступную крепость. Разве ты не можешь построить во дворце горницу из цветных изразцов, наполненную свежей водой? Ты будешь в ней держать жену: водяную русалку, и встречать в ней тестя, водяного царя, когда он приедет к тебе в гости».

«Я знаю, что надо сделать!»— ответил царевич Итиль. Он приказал заготовить много длинных сетей и призвал тысячу джигитов и тысячу рыбаков на праздник по случаю своей свадьбы. На берегу колдуны пели, били в бубны и разжигали большие костры. Они вызывали водяного царя и кричали, что царевич Итиль вместе с друзьями едет в гости в хрустальный подводный дворец.

Хан Итиль сел в большую лодку с двадцатью гребцами, одетыми в парчовые одежды. А сам он был в красном аксамитовом чапане и собольей шапке с алым верхом. Он сидел на задней скамье. Возле него находился великий визирь, который держал в руках ларец с драгоценностями — подарок для дочери водяного царя.

Лодка выплыла на середину реки, где были самые глубокие омуты, и хан Итиль стал звать водяного царя. Три раза вызывал Итиль царя. Наконец на третий раз всколыхнулась река, пошли волны ходуном, разразилась буря с громом, молнии сверкали на небе. Хан Итиль схватил ларец с драгоценностями и наклонился над водой, призывая водяного царя подплыть поближе. А тем временем тысячи рыбаков уже опустили в воду сети и со всех сторон спешили на лодках к хану Итилю.

Когда гром загремел особенно страшно, точно небо обрушилось на землю, великий визирь ударил ножом в спину хана Итиля и столкнул его в воду. Гребцы увидели это, набросились на визиря, избили его веслами и сбросили в реку.

Но рыбаки подплывали со всех сторон. Они выловили обоих. Итиль был жив и невредим: он ожидал измены и надел под чапан стальную кольчугу. Великий визирь был мертв, с переломанными костями, а в его карманах и за пазухой были все драгоценности, все подарки, приготовленные для невесты русалки. Рыбаки выловили ларец — он был наполнен простыми камнями...

Хан Итиль вернулся в лодку и закричал рыбакам: «Закидывайте сети поглубже! Выловите мне водяного царя!»

Тогда рыбаки выловили громадную белугу, такую старую, что у нее на голове выросли большие наросты, похожие на корону, а длинные усы и борода были седыми. Белуга металась и рвала крепкие сети.

— Дзе-дзе!— воскликнули слушавшие.

Хан Итиль сказал:

«Может, это и есть водяной царь? Неприлично мне есть шурпу[1] из моего тестя, водяного царя!— И он крикнул рыбакам:— Отпустите белугу на волю! Пусть еще погуляет!»

Белуга нырнула в воду, но так рассердилась, что подняла бурю еще пуще. Волны, как горы, заходили по реке, набегали на берег и смывали лодки, людей, быков и телеги с конями. Гром гремел не переставая, дождь лил, точно хотел смыть с земли все живое,— это по просьбе водяного царя бог-громовик мстил хану Ураку. Несколько молний ударили в высокий дворец наУраковой горе. Дворец запылал и сгорел дотла. Огромные водяные валы прокатились через Уракову гору и смыли последние обугленные головешки. Тогда буря прекратилась.

Хан Урак от ужаса обратился в каменную скалу. Обливаемая волнами, она смотрела выпученными глазами на гибель Уракова царства. Лодку хана Итиля буря отнесла далеко на берег и посадила на верхушку старой березы. Итиль и его верные друзья спаслись. Когда буря утихла, молодой хан устроил в честь погибшего отца торжественную тризну. Каждый воин принес шапку, полную земли, и высыпал ее на вершине Ураковой горы над каменным телом хана Урака. Так получился на горе высокий курган, на котором каждый год совершаются моления богам водяному и громовому, чтобы они не гневались на жителей Уракова края...

Старый колдун Газук замолчал. Все затихли, только шелестели сухие лягушки, которыми шевелил старый рассказчик.

Бату-хан спросил:

---

[1] Шурпа — похлебка.

— А что стало с молодым ханом Итилем? Выстроил ли он новый город? Пошел ли он завоевывать другие страны?

— Он нового города не выстроил, сказав: «Еще успею!» Хан Итиль собрал большое войско и двинулся против западных народов. За войском потянулись телеги, запряженные волами и верблюдами. В телегах ехали женщины, дети и старики. Войско ушло далеко, на десять лет пути. Хан Итиль разбил все встречные народы, завоевал девяносто девять царств, но умер обидной смертью. Хотя у него было триста жен, все же он решил жениться на дочери последнего покоренного царя. Ночью, после свадьбы, новая молодая жена зарезала хана Итиля, храбрейшего из храбрых... Воины решили сжечь его тело на костре на берегу Дуная. Ночью, при свете луны, из реки вышла девушка-русалка. Она сказала воинам, сторожившим тело Итиля:

«Я дочь водяного царя. Мой суженый, хан Итиль, обещал жениться на мне. Положите его тело в хрустальный гроб и опустите на дно реки. Я буду беречь его и вместе с подругами-русалками петь ему песни...»

Воины так и сделали. Хрустальный гроб с телом хана Итиля был опущен на дно реки Дуная. Когда опускали хрустальный гроб, из воды снова показалась дочь водяного царя, горько плакала и навеки скрылась на дне реки.

— Что же стало с народом Хун-ну, ушедшим так далеко на запад? Вернулся ли он обратно?

— Без хана Итиля народ распался на мелкие племена, которые воевали с другими народами, все редели и наконец исчезли. Остались только сказки и песни про храброго хана Итиля и его отца, хана Урака, обратившегося в камень.

Бату-хан повернулся к задумчивой Юлдуз, прижавшейся к китаянке И Ла-хэ:

— Маленькая хатун! Понравилась ли тебе сказка?

— Нет, мой повелитель! Это очень печальная сказка. Гораздо лучше другая сказка,— мы уже знаем ее начало. Мы видим багатура, более смелого и могучего, чем хан Итиль. Это ты, великий Бату-хан! Ты яркой звездой осветишь победоносный путь монголов!

Бату-хан ударил кулаком по колену.

— Да! Я сделаю это! Клянусь вечным синим небом! Я покорю вселенную! Прославлю монголов!

Все ханы стали кричать наперебой:

— Ты дивный! Ты необычайный! Ты — сердце монголов!..

Бату-хан, взглянув на Арапшу, стоявшего при входе, сделал движение пальцами, показывая, чтобы он вывел из юрты старого колдуна. Встретившись взглядом с баурши, он повел правой бровью, разрешая подавать угощение.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МОНГОЛЫ НАДВИГАЮТСЯ НА РУСЬ

Перед той перед бедой, за великой рекой
Боры древние загоралися.
Загорались боры древние, дремучие.
Черный дым стоял, застил солнце на небе...
А над теми над борами из-за полымя,
Из-за дыма птицам лететь нельзя...
Тогда по земле вести пошли,
Вести страшные, вести ратные...

(Ив. Рукавишников, «Ярило».)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Старшой лесовик

Нелюдимый и угрюмый Савелий Севрюк, по прозвищу Дикорос[1], жил на берегу уединенного озера, затерянного в глубине вековых рязанских лесов. На небольшой

[1] В XIII в. у русских людей, помимо христианского имени, было прозвище, обычно древнеславянское (например, Булатко, Гневаш, Шолох, Прокуда, Шестак и др.); позднее оба имени вписывались в документы. Из этих имен образовались фамилии: Севрюков, Ваулин, Прокудин, Звягинцев, Шестаков, Шолохов и т. п. Вторым именем могло быть не только прозвище (не обязательно языческое), но и другое христианское имя. В то время верили в заклинания, в «черный глаз», в напускание порчи. Поэтому данное при крещении имя скрывалось, чтобы не «сглазили», а в обиходе употребляли второе имя.

поляне стояли избы выселка и бревенчатая часовенка. Кругом густо росли пышные кусты ежевики, малины и смородины. И поляна и выселок назывались Перунов Бор.

Говорили старики, что здесь раньше жили колдуны, поклонялись деревянным истуканам. Один такой истукан, трухлявый и вросший в землю, лежал в малиновых кустах среди ельника.

Во все стороны тянулись топкие болота и бездонные трясины, по которым едва заметными тропами пробегали только зайцы. Эти топи засосали немало неосторожных охотников, прельстившихся заманчивыми изумрудными лужайками.

В выселке, кроме Дикороса, жило еще несколько крестьян-лесовиков. Ближайшего соседа справа звали Ваула. Был он мордвин и бежал со своей родины в поисках лучшей доли. Ростом невысокий, черноволосый и рябой, он и жену имел такую же низкорослую и рябую. Между собой они говорили по-мордовски, отчего и пошло крестьянину прозвище «Ваула» (шепелявый). Детей у них была полна изба — все маленькие, юркие и черноглазые, как мышата.

Другим соседом Дикороса был Звяга, пришедший из Рязани, высокий, худой и костлявый. Жил Звяга в небольшом срубе, крытом дерном и пластами бересты; в избе его главное место занимала глиняная печь. Детей было много, все беловолосые, вымазанные копотью, так как изба топилась «по-черному», трубы не имела, а дым из печи уплывал через волоковое оконце над дверью. Жена Звяги, тоже худая и высокая, едва успевала и по хозяйству и по работе в лесу: она помогала мужу летом рубить вековые сосны и ели, а зимой вывозить их по льду в ближний монастырь.

Был на выселке еще крестьянин Лихарь Кудряш. Пришел он из Суздальской земли позже других вместе с молодой женой. Вдвоем они нарубили ровных сосен, свезли их по первопутку на поляну, поставили себе сруб и пристройку для скота. В новой избе родилась дочка, назвали ее Вешнянка. Заболела жена горячкой и вскоре умерла. Выдолбил Кудряш из липового кряжа гроб, похоронил тело молодой жены под березкой и остался с маленькой дочкой жизнь вековать вдовцом. Кудряш вскормил дочь с рожка, через коровью соску, потом час-

то уходил то на постройки в Рязань, то в Дикое поле[1], где кочуют половцы, торговать у сторожевых застав, то неделями пропадал в лесу, где ловил силками и западнями белок, горностаев, куниц и других зверьков. А Вешнянка тем временем жила как родная в избе соседа Дикороса.

В поселке считали Савелия Дикороса за старшого — он раньше других поселился в Перуновом Бору и всем показывал пример: когда начинать пахать, когда сеять, не боясь утренних холодов, или отвозить по замерзшим трясинам лещей, моченые ягоды и соленые грибы в монастырь. Дикорос был ширококостный, крепкий мужик, с угрюмым взглядом из-под нависших на лоб волос. Своими руками, своим горбом отец и дед Дикороса расчистили лесную чащу, выкорчевали и выжгли старые огромные пни. Первыми засеяли они вспаханную и засыпанную золой целину — сперва овсом, а в следующие годы рожью и коноплей.

С радостью ушел бы Дикорос еще дальше в глубь лесов, чтобы работать на приволье без чужого хозяйского глаза, но все равно не скроешься от длинной руки монастырского сборщика в подряснике или княжеского тиуна[2] с острыми хищными глазами,— все равно сыщут и доберутся до распаханных мест и начнут высчитывать и надбавлять дань[3]. Крякнет Дикорос, бросит в сердцах о землю собачий колпак, тряхнет космами и прогудит:

— Сделайте милость, повремените с данью! И коню дают передышку, пускают на луга пастись. Так зачем же добивать человека? Ведь работаю один не покладая рук. Когда еще подрастет мне подмога! Сынишка еще мал.

---

[1] Дикое поле — так назывались вольные степи к югу от Рязанского княжества, где кочевали с тысячными стадами и табунами половецкие ханы. Около рязанских пограничных застав и сторожевых крепостей возникали временные поселки, куда приезжали половцы и устраивали меновую торговлю, обменивая кожи, баранов, быков, лошадей, шерсть на русское зерно, муку, меха, бортный мед и пр.

[2] Тиун — доверенный приказчик князя, управляющий, сборщик, часто из крестьян.

[3] Налоги и подати крестьян (смердов) в то время назывались «данью». Князь посылал за данью тиунов, иногда собирал ее сам. Это называлось «полюдье».

И опять Дикорос налегал на рогали[1] или брал тяжелый топор и принимался за привычную работу: валить столетние стволы, прорубать просеку или по пояс в грязи выводить из болота канаву.

Всю надежду Дикорос возлагал на единственного сына. Пока тот был мал, звал он его Глуздырем[2], а как паренек стал подрастать и в работе оказался сметливым и расторопным, дали ему соседи кличку Торопка. Было у мальчика и другое имя, каким при крещении наградил его старый поп, на погосте, да то имя нелегко вымолвить: Анемподист. Высокий, вихрастый, в веснушках, с крепкими руками, он походил в работе на отца: и дерево срубит, и целину вспашет, и стрелой из лука собьет прыгающую по веткам веселую белку.

Была в Перуновом Бору еще вдова, звали ее Опалёниха. Считалась за крестьянина — и землю сама пахала, и дрова рубила, и на озере сетью ловила карпов и лещей.

Овдовела она в ту пору, когда в низовьях Оки поволжские разбойники забрали у нее двух детей, мальчика и девочку, и продали булгарским купцам. А мужа, пытавшегося отбить детей, разбойники бросили в костер, отчего он и помер. С тех пор пошло ей прозвище — Опалёниха. Переселилась Опалёниха в Перунов Бор. Работой хотела тоску приглушить. Завела несколько овец. Они у нее жили и плодились, тогда как у других овцы погибали.

Опалёниха все детей своих вспоминала. Крепко привязалась она к Вешнянке, больше других соседей нянчила ее, а в голодный год[3] подобрала на погосте двух сирот, стала их кормить и пестовать, как родных детей.

---

[1] **Рогали** — рукоятка сохи.

[2] **Глуздырь** — птенец *(старин.)*.

[3] За восемь лет до татарского нашествия была страшная засуха, все поля погибли, а затем начался мор и голод, продолжавшийся два года.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Пришельцы из „мира“

Редко кто заходил в Перунов Бор. Лежал он в стороне от большой дороги, и чаще, чем люди, туда заглядывали звери: то огромный лось-сохатый с лосихой и теленком, то неуклюжий медведь, то вылетит на поляну стройный пятнистый олень, спасаясь от рыси, а зимой подходили к избам волчьи стаи, и кругом по пашням петляли и жировали зайцы.

Зимою, когда топкие болота затягивались прочным льдом, к глухому озеру приезжали из «мира»[1] два странных всадника и с ними слуга. Сидели они на отборных конях, и оружие их было в серебре. Один, молодой и с виду силы изрядной, часто шутил и быстро сдружился с обитателями Перунова Бора. Другой был мрачный старый монах, с длинными полуседыми волосами, в черном подряснике под полушубком, в остроконечной скуфейке.

Они расспрашивали Кудряша и Дикороса о диких зверях, где замечены медвежьи берлоги, где проходили сохатые. Затем переодевались, как сподручнее для охоты. Монах сбрасывал долгополую одежду, надевал заячий треух, полушубок и брал рогатину. Оба становились на лыжи и вместе с Дикоросом, Кудряшом и Торопкой уходили загонять лося или подымать медведя из берлоги: целые дни бродили по лесу, пока не находили и не валили зверя.

Вернувшись к ночи в избу Дикороса, охотники ели щи из сохатины и рассказывали, какие с кем бывали случаи на охоте. Как-то Дикорос спросил старого монаха:

— Отчего ты, отче Эпимах, надел на себя черную рясу? Тебе меч или копье были б куда сподручнее. Ты дивно ловкой на медведя. Твое дело ходить на бой, а не отбивать земные поклоны.

Монах ответил:

---

[1] В глухих лесных деревушках «миром» обычно называли густо населенную часть области. Отправляясь из лесу в большие села или города, говорили: «поехал в мир», «вернулся из мира», «что слышно в миру?»

— Не думаешь ли ты, что мне, витязю Ратибору, привыкшему полевать[1] в диких степях половецких, было радостью скинуть бранную кольчугу? Да по своей ли я воле в монастыре сделался заточником? Встал я кой-кому поперек дороги, и вот пришлось смириться и уйти в глухую обитель... Князей и князьков развелось теперь много, все щелкают зубами — кормиться хотят и приглядываются, какой бы стол прибыльнее захватить. Ну и пусть себе князья грызутся! А я сижу в своей келье, пишу летопись о том, что слышу, добавляю то, что помню из моей долгой бранной жизни... А когда за мной заезжает молодой витязь Евпатий, я бросаю гусиные перья и беру медвежью рогатину... Любо мне плечи поразмять да попробовать силушку один на один с медведем.

— А если вороги придут в наши земли?— спросил Дикорос.— Что же, и тогда ты останешься в своей келье?

— Не удержат меня тогда в монастыре ни каменные стены, ни запреты игумена. Вступлю в дружину к смелому витязю Евпатию хотя бы простым воином и лягу костьми за нашу землю святорусскую.

Однажды зимой в Перунов Бор заехал бродячий торговец в санях с плетенным из ивы коробом, запряженных парой мохнатых лошадок. В коробе торговца хранилось много заманчивого товара: иголки, цветные ленты, нитки, платки, шитые цветами, стеклянные бусы, медовые пряники. Денег торговец не брал: искал он только в обмен мехов — куньих, лисьих, бобровых и других. Торопка выменял у него на связку беличьих шкурок зеленые стеклянные бусы и подарил их Вешнянке.

Торговец был не русский. И шапка у него иная, горшком, обмотанная белым полотенцем, и голенища сшиты из цветных кусков сафьяна, и кафтан особого покроя. Бабы сразу приметили, что кафтан его застегивается не на правую сторону, как у всех православных христиан, а налево — как у басурман или у лешего.

От торговца обитатели Перунова Бора впервые услыхали о приходе с востока, из степей, страшного народа, который никого и ничего не щадит, всех избивает, и старого и малого, жжет села и города.

---

[1] Полевать — воевать в степи.

— Ну поведай-ка нам про этих извергов!

— Примчались эти люди к нам, к булгарам, в наш город Биляр, что на реке Каме,— рассказывал торговец.— Упали они на наши головы, как град среди бела дня, и была то передовая рать хана Шайбани, внука Чагониза[1], и зовутся они татары и мунгалы. Разорили они наши города, наловили людей, отобрали тех, кто знает ремесла. Связали их и увезли в неведомую страну. Спаслись только те, кто спрятались в лесах... Татары поставили отряды в пяти городах, чтобы заклепать над булгарами неволю, а главная их рать ушла дальше, в половецкие степи... Скоро и вы их увидите. А бороться с ними нет мочи. Множество их, что комарья над болотом... Нападают они скопом, с диким воем, тысячи за тысячами, страшные, в закоптелых овчинах... И нет от них спасения!

— Это для вас, булгар, татары — страшные вороги,— сказал Дикорос.— Вы, булгары, привыкли торговать да сапоги тачать, а доброго воина из булгарина никогда не бывало.

— Поглядим!— ответил торговец.— Как татары навалятся, что от вас останется?

— Типун тебе на язык!— закричала Опалёниха.— Пусть только эти нехристи сунутся сюда: мы их Чагониза примем в топоры!.. И бабы пойдут биться рядом с мужиками.

— Пусть татары кричат и на нас валом валят,— сказал Дикорос.— И медведь ревет, когда прет на рогатину. И половцы по звериному вопят, когда в бою налетают: запугать хотят... Наши рязанские дружины к этому привычны и знают, как их назад в степь отогнать. Чем татары их страшнее?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Первая тревога

Торговец уехал, мужики поговорили о татарах и мунгалах Чагониза и забыли о них: «До нас далеко! К нам не сунутся!» А полгода спустя, поздней осенью, из ближайшего погоста Ярустова (что стоял за двадцать

---

[1] Чагониз — так русские называли Чингиз-хана.

верст на опушке бора) прибежал запыхавшийся гонец. Он пробрался прямиком, через болота, подмерзшими тропами. Гонец кричал в окошко каждой избы, что от князя рязанского привез он приказ и пусть все соберутся выслушать княжью волю.

Гонец подождал на кладке бревен, пока подошли мужики. Прибежали и бабы с ребятами. Гонец сказал:

— Князь Рязанский Юрий Ингваревич, отец наш...

— Какой там отец!— прервал его Кудряш.— Никогда мы этого отца не видывали!..

Гонец вытер рукавом нос и невозмутимо продолжал:

— Князь кличет народ сбираться в поход. Большая вражеская сила идет на рязанские земли. Пока нехристи подойдут из Дикого поля к нашим заставам, надо выйти к ним навстречу и не пустить на наши пашни...

— Откудова ты это услышал?— прервал гонца Звяга.— Кто тебя послал по нас: волостель, поп али еще кто? Чего нас пужаешь?

— Приехал к нам в Ярустово княжеский тиун и с ним охраны двадцать отроков[1], все нарядные, на хороших конях. Староста расставил всех по избам, и мы их кормим вторые сутки. Ну и едят, что борова, точно в Рязани их не кормили! Тиун собрал сход и толковал, что идет на нас неведомый народ, по прозвищу татары. Тиун приказал, чтобы все мужики и парни от шестнадцати годов с топорами и рогатинами, что у кого есть, шли в Рязань. Там князь собирает «большой полк»[2] и раздает всем мечи, копья и секиры. Тиуны и дружинники княжеские поскакали во все концы: и в Зарайск, и в Муром, и к великому князю суздальскому во Владимир — всюду скликать народ...

Дикорос, мрачно выслушав гонца, закряхтел и спросил:

— Тебя как звать-то?

— Яшка Брех!

— Ты из чьих? Пахома ли рыбака?

— Как раз его. Пахом Терентьич отец мне.

— Он братан мой. Не к добру ты прибежал! Что же это князь так поздно хватился? Татары уже на ря-

---

[1] «Отрок», или «детский» дружинник,— молодой воин из дружины князя.

[2] «Большой полк» — главная часть войска, центр.

занские пашни входят, а вы только раскачивать народ начинаете. Чего же раньше глядели? Почему на сторожевые заставы в Диком поле не пришли суздальские полки? Большой полк суздальский куда сильнее нашего — рязанского. Теперь будут татары напирать на рязанцев, а суздальцы, сидя за стенами, на нас посматривать да приговаривать: «Бейте их по сусалам!» А сами будут почесываться и в усы посмеиваться. Почему всем не пойти одной стеной?

— Ишь чего захотел!— сказал Звяга.— Князья готовы друг дружке горло перегрызть. Станут они помогать один другому!

Дикорос сказал гонцу из Ярустова:

— Скажи волостелю и тиуну, что от нашего выселка пойдут завтра к Рязани все мужики. В Ярустове я зайду к твоему батьке, и обсудим, как и что.

Гонец сейчас же отправился обратно, прыгая через кочки, только лапти замелькали, и вскоре скрылся в просеке между засыпанными снегом елями.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Пошли в дикое поле

Савелий Дикорос стал готовиться к походу. Ободрал последних пойманных белок, вывернутые шкурки повесил под потолком в кладовке.

— В случае чего такого,— сказал он жене,— обменяешь белок на жито.

Отправил и заново обтянул жилами-подтужинами железный нож на рогатине, с которой ходил на медведя. Насадил тяжелый топор на более длинное топорище. Привез из лесу валежнику и сухостою, чтобы бабе легче было щепу колоть и печь топить. Приготовил из обломка косы вторую рогатину для Торопки. А легкий плотницкий топор оставил жене для хозяйства.

Жена его Марьица вместе с Вешнянкой завели тесто из ржаной муки на житном квасе, испекли три каравая и несколько коврижек. Каравай разрезали на тонкие ломти и высушили в печи. Сухарями набили заплечные мешки, положили туда же луковиц, пареных репок и горсть соли в тряпице.

— Соль-то у нас на исходе,— сказала Марьица.— Там, в миру, легче соли найдете.

Утром, чуть между дремлющими елями засветилась багровая заря, мужики собрались около избы Дикороса. У каждого за плечами был удобно привязан мешок с «запасом», на поясе топор и пара новых лыковых лаптей.

Бабы, накинув на плечи зипуны, проводили ратников до незамерзающего ручья, через который были перекинуты три лесины. Здесь они бросились на шею уходившим и стали с воплями причитать:

— Бедные наши головушки! На кого-то вы нас оставляете! На кого вы нас покидаете?!

Дикорос поднял с земли Марьицу и сказал:

— Чего убиваешься? На медведя идти легче? Все одна маета! Гнедка побереги... Да и от зверя и от лихого человека хоронитесь. Может, вернусь домой на добром коне татарском и тебе привезу новый зипун, крытый аксамитом[1], теплую фофудью[2] с оторочкой и чеботы новые...

— Не надо мне ничего, ты бы только, свет мой Савушка, домой цел вернулся! Срубят тебе нехристи буйную головушку, некому будет и поплакать над твоей могилкой! Горюшко наше бабье! Сынка побереги! Зачем я родила, зачем поила, растила его? Зачем сынка с собою берешь? Укрыли бы мы его в лесной чащобушке! Увижу ли я тебя, чадо мое кровное!— И Марьица обхватила Торопку, захлебываясь от плача.

Дикорос положил руку на плечо Марьицы и стал тихо говорить, с необычайной для него нежностью:

— Да постой ты, моя лебедушка! Слушай! Дело тебе говорю.

Марьица затихла.

— Коли здесь, на Глухом озере, станет туго али зверь начнет одолевать, ты избу заколоти и перебирайся на погост Ярустов, хотя бы к Пахому Терентьичу, рыбаку. А туда я к тебе наведаюсь...

Мужики оторвались от цеплявшихся за них баб и гуськом зашагали через ручей по лесинам. Затем, не оглядываясь, пошли дальше, скрываясь в утреннем ту-

---

[1] Аксамит — бархат.

[2] Фофудья — теплая одежда, фуфайка.

мане, среди вековых стволов угрюмого леса, и долго еще слышали они вопли баб, оставшихся за ручьем.

Вешнянка была вместе с бабами. Она не плакала, а только смотрела вдаль расширенными глазами. Бабы, всхлипывая, поплелись обратно. Вешнянка пробралась в сарай Дикороса, где стоял его старый Гнедко. Она обняла коня за шею и зашептала ему в мохнатое ухо:

— Остались мы с тобой, Гнедушка, сиротами. Увидим ли еще наших хозяев? Или пропадут они в поле чистом, как былинки подкошенные, и даже ворон пролетный весточки о них не принесет?!

Гнедко качал головой и мягкими губами хватал Вешнянку за плечо.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Народный сполох

Еще до полудня ратники с Перунова Бора пришли к погосту Ярустову, на большой дороге из Мурома в Рязань. Потемневшая бревенчатая церковь «однодневка», когда-то в один день выстроенная всем «миром», была окружена густо теснившимися крестами кладбища. Между крестами толпились мужики с вилами, копьями и бердышами. Выкрики и гул народный слышны были издалека. Над тысячной толпой тревожно гудел набатным звоном медный колокол.

Вокруг церковного холма извивался ручей, чернея среди засыпанных снегом берегов. Здесь у воды расположился пестрый табор. Около сотни людей, одетых необычно — мужчины в обшитых красными лентами войлочных шапках, женщины в ярких цветных шабурах[1], желтых и зеленых платках, дети, полуголые, в отрепьях,— жались и шумели около костров.

Прохожие останавливались около табора; к ним подбегали дети, протягивая голые, грязные от золы руки, подползали женщины. Все твердили:

— Хлебца!.. Кушать надо!.. Наши булгар... татар резаль...

---

[1] Шабур — верхняя женская одежда из домотканой шерстяной материи.

Прохожие давали беднякам куски хлеба и ускоряли шаги.

— Опять булгары! Сколько их прибежало. Что за беда стряслась над ними?

На ступеньках церковки показался старый священник в лиловой ризе из грубой крашеной холстины с нашитыми желтыми крестами. Двумя руками он высоко подымал небольшой медный крест и благословлял толпу. Дребезжащим голосом кричал:

— Доспевайте[1], провославные! Идут на Русь ратные вои, мунгалы-табунщики, воеводство держашу безбожному хану Батыге! Рать вражья идет от Дикого поля, стан их соглядали на реке Воронеже...

Мужики внимательно прислушивались, а священник продолжал выкрикивать:

— Услыша отец наш князь Юрий Ингваревич, что на рубеже земли рязанской стал Батыга, немилосердный и льстивый хан табуноцкий. Наш князь послал гонцов по братья свои и в Муром, и в Коломну, и в Красный, и по сына своего Феодора Юрьевича в Зарайск, и по другого сына, Всеволода Юрьевича, в Пронск. Все князья ответили, что идут со многими вои на подмогу, не оставят наши земли, станут в ратном бою рядом с рязанцами.

Священник остановился, а из булгарского табора доносились крики:

— Хлебца! Дай хлебца!

Дикорос стоял в толпе, опершись на рогатину. Рядом с ним Торопка искоса посматривал на лицо отца. Хмурой думой заволоклись строгие глаза Дикороса.

— Батя,— спросил тихо Торопка, потянув отца за рукав,— взаправду ли на нас табунщики идут, или старик брешет?

— Посмотрим да послушаем,— сказал Дикорос.— Кудряш, ты как смекаешь?

Грустно покачав головой, Кудряш ответил:

— Поглядел я на этих булгар, что мыкаются внизу у ручья. А раньше булгары все в кожаных сапогах гостя-

[1] В XIII в. многие слова имели иное значение, чем теперь: доспевайте — собирайтесь; вой — воин; воеводство держашу — под начальством.

ми в лодьях приезжали. Нам ли так же босыми мыкаться, убежав от полей наших? Да и куда бежать?

— Доспевайте, православные! Не попустите окаянному царю Батыге владеть русскою землею!— продолжал надрываться священник.— Все вступайте в большой полк князя Юрия Ингваревича!

— А куда идти-то? Где сбор?— прогудел Дикорос.

В толпе послышались возгласы:

— Где собираться? Кто поведет?

Священник ответил:

— Сейчас вам слово скажет дружинник князя рязанского, славный витязь Евпатий Коловрат!— Священник спрятал медный крест за пазуху и засунул замерзшие ладони в широкие рукава.

На паперть вбежал высокий воин в коротком полушубке и железном шлеме. На туго затянутом ременном поясе была привешена длинная кривая сабля в зеленых ножнах. Он взмахнул боевым топориком с золотой насечкой и, выпрямившись, окинул толпу веселым взглядом. Затем низко поклонился на три стороны:

— Бью вам челом, крепкие ратники, медвежьи охотники, лихие удальцы, узорочье и воспитание рязанское! Дайте мне слово сказать!

— Говори, говори, Евпатий! Слушаем!

— Знаю я, кто эти табунщики-татары! Своими глазами их видел, своими руками их прощупал и хребты им сам ломал. Да и мне они оставили немало рубцов на груди. Вот эта железная шапка и кривая сабля сняты с побитого князя татарского.

— Ишь какой наш Евпатий Коловрат!

— Двенадцать лет назад — многие из вас это помнят — ходил я вместе с ростовскими дружинниками против этих татарских лиходеев. Далеко мы зашли, к самому Синему морю, на Калке встретились с татарской ратью. Тогда нам впервой было видеть, как они налетают, как увертываются от боя, как бегут от нас, будто со страху, а сами заманивают нас на свою засадную рать. Здорово бьются, только не стойкие, чуть им что сразу не далось, удирают без оглядки и снова скопляются вдали...

Кудряш подтолкнул в бок Дикороса.

— Слышь, что татаровья делают? Нам бы не сплошать...

— С таким бы нам воеводой пойти, как наш медвежатник Евпатий! Вместе мы на медведей ходили, с ним будет нам сподручней и татар бить.

Евпатий сказал еще несколько горячих слов, призывая всех идти в Рязань, на княжий двор, и там присоединиться к Большому полку. Он быстро сбежал с паперти и, проходя сквозь расступившуюся толпу, увидел Дикороса.

— Здорово, Савелий,— сказал он.— Небось, воевать собрался?

— Вот и сына с собой веду. И соседи идут. В твоей дружине биться хотим.

— Возьму. Поспевайте в Рязань. Найдете меня на княжьем дворе.

Два дружинника подвели большого горячего коня. Евпатий вскочил на него и поскакал в сторону Рязани.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Рязанское вече

...Ответствуй, город величавый,
Где времена цветущей славы,
Когда твой голос, бич князей,
Звуча здесь медью в бурном вече,
К суду или к кровавой сече
Сзывал послушных сыновей?

(Дм. Веневитинов.)

Вечевой колокол с самого утра созывал народ на вече. В тихом морозном воздухе неслись густые тягучие звуки и сеяли кругом тревогу. Далеко слышали их окрестные села. Люди выходили на крыльцо, прислушивались и, торопливо накидывая на себя армяки и полушубки, хватали шапки. По обоим берегам реки, на засыпанных снегом пашнях, зачернели вереницы мужиков, тянувшихся в город.

— Слышь, как «вечник» выбивает сполох!— рассуждали, шагая, мужики.— Что-то деется?

Старая Рязань на высоком обрывистом берегу Оки, вся засыпанная снегом, казалась серебряной. Высокие

земляные валы вокруг города и «детинец»[1] внутри, окруженный тыном и сторожевыми башнями, сложенный из столетних дубовых кряжей, делали город грозной, стойкой крепостью.

Что может угрожать Рязани? Почему так настойчиво гудит медный «вечник»? Опять свара князей? Опять пошлют мужиков бить друг друга, как двадцать лет назад на речке Липице? И для чего? Чтобы спихнуть со своей шеи одного князя и посадить другого? Пусть князья меж собой дерутся, зачем же гнать на бойню мужиков?

Площадь на Сокольей горе, возле Фотьянова столпа, как обычно в базарные дни, была заставлена крестьянскими возами с зерном, мукой, морожеными свиными и телячьими тушами, глиняной посудой, деревянными кадками и прочей крестьянской снедью и утварью. Но в этот день площадь так густо заполнилась толпой, что в ней затерялись крестьянские возы. Мужики и горожане вливались со всех концов на площадь, стараясь приблизиться к паперти соборной церкви Успенья богородицы, где выступали на вече князья с княжичами.

Дикорос и его спутники из Перунова Бора пробрались к самой паперти, где два дюжих молодца, скинув шапки и полушубки, усердно раскачивали железный язык большого медного колокола, подвешенного возле церкви к бревенчатым стропилам звонницы.

После бойкого перезвона мелких колоколов из церкви выбежал служака с заплетенной косичкой, в подряснике, и махнул красным платком молодцам, колотившим в «вечник». Те перестали звонить и отерли рукавами вспотевшие лбы. Толпа еще более потеснилась к паперти. Мужики влезали на возы, садились на упряжных лошадей — все хотели узнать, чего ради народный сполох.

Из церкви с протяжным пением вышел хор певчих. За ними двигались четверо дюжих дьяков-ревунов в церковных облачениях, размахивая дымящимися кадилами. Затем торжественно выплыли десять священников в золотых ризах, с серебряными и медными крестами в руках; наконец показался епископ, поддерживае-

---

[1] Детинец — укрепленная часть внутри города, кремль, где жили «дети» и «отроки».

мый под руки двумя мальчиками в одеянии послушников.

Вслед за духовенством из церкви вышел князь рязанский Юрий Ингваревич в красном плаще «корзно», расшитом жемчугами и драгоценными камнями. Двадцать лихих дружинников с обнаженными прямыми мечами на правом плече охраняли князя и отталкивали теснившийся к паперти народ. А тем временем из собора выходили все новые и новые люди: великая княгиня Агриппина Ростиславна, окруженная снохами, молодыми женами семи сыновей и племянников княжеских, старшие бояре и знатнейшие приближенные князя. Юрий Ингваревич поднялся на каменное возвышение близ вечевого колокола, а свита и духовенство выстроились вдоль паперти.

На другой стороне ее собирались старосты разных концов города и ближних слобод. Они стояли, степенные и скромные, в овчинных полушубках и купеческих кафтанах смурого и домотканого сукна. Один из них, благообразный старик с седой бородой, староста нижней слободы, поклонился отдельно князю и княгине и громко сказал, прижимая к груди соболью шапку:

— Исполать тебе, отец наш князь Юрий Ингваревич! Жить тебе вместе с княгинюшкой Агриппиной Ростиславной в добре и здравии, горя не знать и нас, маленьких людишек, не забывать! А позволь-ко-ся мне слово молвить. Почто ты народ собрал? Почто в «вечник» приказал бить? Что тебе от народа рязанского понадобилось?

Князь, сумрачно посматривавший на толпу, тряхнул полуседыми длинными кудрями и степенно поклонился на три стороны затихшей толпе.

— Слушайте, православные,— заговорил он усталым, потухшим голосом.— По важному делу созвал я вас. Не без тревожной причины с утра гудел вечевой колокол. Надо нам вместе, одной волей, одним сердцем, решить неотложное дело...

— Говори, говори, князь, а мы рассудим!— послышались голоса.

— Уже давно, с весны, из Дикого поля приходили вести недобрые, что среди половецких ханов идет замятня, бьются половецкие полки с народом неведомым, пришедшим издалека, из-за Волги. Народ этот

злобен и силен, побил половецких ханов, погнал их из кочевий по всему Дикому полю и ограбил их дочиста, в прах...

— Слышь-те, православные, что за народ объявился!

— Самых знатнейших ханов потеснили пришельцы, выбили и сделали своими конюхами.

— Какие же это такие люди? Как звать их? Они тоже табунщики?

Князь продолжал:

— Зовется этот пришлый народ — безбожные мунгалы и татары. Разгромили они половецкие вежи[1], порезали их быков и баранов, а теперь пошли в нашу сторону и стали близ наших застав на реке Воронеже. Видно хотят идти войной на нас. Прислали татары нам послов бездельных — про все они расспрашивают, про все выпытывают, все хотят знать — два мужа татарских и одна бабища...

— Давай их сюда! Мы на них посмотрим и скажем, какой дорогой им отъезжать обратно...

— А нуте-ка, приведите сюда татарских посланцев! — сказал князь дружинникам. — Да охраняйте их, как свой глаз, чтобы наши ребята не стали с ними баловаться, долго ли их обидеть! Все же они посланцы могучего царя татарского Батыги.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Послы татарские

Несколько дружинников поспешили в княжеский дом. Они вернулись оттуда с татарскими послами и провели их на высокий помост близ вечевого колокола. Послов было трое: первый — старик в меховой шапке, повязанной белой тканью, в длинной до пят желтой лисьей шубе; другой — коренастый молодой воин в войлочной шапке с отворотами, в синем кафтане и с кривой саблей на поясе. Что-то необычное чувствовалось в этом воине — короткая шея и богатырские пле-

[1] Вежи — шатры, юрты.

чи, угрюмое, безбородое лицо и властный взгляд. Он посматривал на толпу со спокойствием и равнодушием человека, привыкшего повелевать, казнить и миловать. Третий посол своим видом изумил всех. Это была старая женщина с опухшим лицом и бегающими безумными глазами, на плечах — медвежья шкура, на голове — высокий колпак, на поясе висели на ремешках медвежьи когти и зубы, ракушки, узкие длинные ножи и большой круглый бубен, разрисованный звездами. Ни на мгновение она не оставалась спокойной, все время оглядывалась кругом, точно чего-то искала, и бормотала вполголоса какие-то странные слова.

— Да это ведьма-чародейка!— сказали в толпе.

— Скажи нам, княже, чего хотят посланцы? Чего им от нас надобно?

Князь сказал ближнему думному боярину:

— Распорядись, пускай они народу скажут, зачем пожаловали в наш город...

Возле послов появился переводчик.

Лихарь Кудряш толкнул локтем Дикороса:

— Глянь-ка, узнаешь толмача? Ведь он к нам в Перунов Бор приезжал, помнишь торговца-булгарина, что на платки, иголки и бусы меха выменивал? Знать, это был ихний соглядатай, пути и дороги выведывал! Разорви его лихоманка!

Переводчик говорил с послами и вполголоса передавал их ответы думному боярину. Тот, обращаясь к толпе, стал громко объяснять:

— Слушай, князь со княгиней и народ православный, что послы мунгальские от нас требуют. Говорят-де, что ихний царь Батыга Джучиевич над всеми князьями князь, над всеми царями царь. Все народы покорились его деду, хану Чагонизу, и он забрал их под свою руку. Говорят эти бездельные посланцы, что теперь народ русский должен царю Батыге Джучиевичу покориться, а буде не захочет ему бить челом, так Батыга всех растопчет конями, как раздавил всех ханов половецких и сделал их своими пастухами и конюхами...

— Зря похваляется! Не бывать тому!— закричал Евпатий, стоявший близ князя.

— Вестимо, брешет, похваляется,— сказал князь Юрий Ингваревич.— Объясни им, чтобы нам не грозили, а толком сказали, чего они хотят от рязанской земли.

Боярин опять обратился к переводчику, а тот к послам. Молодой монгол говорил резко, топал ногой, хватался за костяную рукоять кривой сабли. Старый посол стоял неподвижно, соединив ладони, а бабища-ведьма дергалась, приплясывала и бормотала непонятные слова.

Боярин снова заговорил:

— Не гневайся, княже, за слова бесстыжие, что я услышал от этих мунгальских посланцев. Требуют они дани неотступной, десятины во всем: и в князьях, и в людях, и в конях, десятое в белых конях, десятое в бурых, десятое в рыжих, десятое в пегих...

В толпе воцарилась тишина, как перед бурей. Четко прозвучали слова князя:

— Когда нас не будет, пусть тогда берут все!

В толпе прокатился гул, послышались возгласы и смех:

— Го-го-го! Вишь, чего захотели! Возьми-ка, выкуси! Гони их, князь, назад в Дикое поле и выпусти на них вдогонку собак!

Поводя злыми глазами, послы наблюдали, как разливается грозный шум на площади.

Князь повернулся к Евпатию и сказал:

— Ты умеешь говорить с нашими крикунами. Успокой-ка их, а то они, того и гляди, разорвут послов.

Евпатий легко поднялся на вечевой помост и, сделав знак рукой толпе, закричал так громко и четко, что слова его донеслись до крайних мужиков, сидевших на возах с сеном:

— Слушай меня, народ рязанский! Раньше Рязань слободой слыла, деревенщиной, а нынче Рязань зовется стольным городом... А для города нужно обхождение не как у мужиков кривопятых, а вежливое, с улыбочкой... Негоже посланников иноземных встречать словами обидными и провожать собаками. Вы же все молодцы, узорочье и воспитанье рязанское, не ударьте лицом в грязь и выступайте соколами...

— Го-го-го!— зашумели в толпе.— Вот как наш Евпатий разливается!

— Послы мунгальские запросили с нас много, а кто из половецких табунщиков, когда коней продавал, не запрашивал втридорога? Мы им скажем: спасибо, гости дорогие, на добром слове, но не мы хозяева! Не мы ре-

шаем! Есть хозяин повыше нас, великий князь Георгий Всеволодович во стольном городе Владимире-Суздальском. Вот к великому князю мы и пошлем послов царя мунгальского Батыги. Отвезем их с почестью на санях-розвальнях, крытых коврами и полостью медвежьей, на тройке с бубенцами и с колокольчиком. И пусть великий князь Суздальский Георгий Всеволодович им свое слово скажет: отдавать ли нам десятого мужика и десятого коня татарам или же еще повременить?

— Верно, Евпат! Верно!

— Проводить гостей в город Владимир!

— А сейчас князь Юрий Ингваревич просит дорогих гостей в свою горницу отведать хлеба-соли, пирогов и калачей.. — обратился Евпатий к послам.

Послы удалились с помоста, а народ долго еще не расходился и волновался на площади. Все говорили, что надо грудью стать за родную землю, отогнать охального ворога, пока он не ворвался в рязанские земли.

Князь угостил татарских послов на славу. Слуги приносили всяких сытных блюд без счета. Вместе с послами ужинали и бояре думцы, и старые дружинники. Послы ели очень мало, остерегались, каждый кусок сперва обнюхивали и ни вина, ни меда вовсе не попробовали.

После ужина к крыльцу подали тройку с плетеным коробом на розвальнях, обтянутым пушистыми мехами, но послы отказались ехать в санях. Они потребовали своих коней и отправились верхом. Князь приказал тройке с санями следовать неотступно за ними на случай, если послам в дороге спать захочется. А охрану послов поручил полусотне верховых дружинников.

Проводив послов до ворот, князь призвал Евпатия и сказал ему:

— Чует мое сердце, грозная туча идет на нас из Дикого поля. Надо сзывать на подмогу всех, кто может держать меч. Вместе с мунгальскими послами я послал во Владимир брата просить великого князя Георгия Всеволодовича подымать весь народ суздальский, ростовский и белозерский, призвать на помощь и Великий Новгород и спешить сюда навстречу татарам, пока мы будем вести с ними переговоры. А в Дикое поле к царю татарскому я пошлю сына своего Феодора с дарами и с ловкими думными боярами, чтобы Батыгу улещивать. Ты же, Евпатий, выезжай в Чернигов, кланяйся там

земно князю Михаилу и приведи его рать нам на подмогу. Боюсь туда послать кого другого: и войско не приведет, и сам не вернется... Тебя же, Евпатий, я знаю. Своих кровных братьев, рязанцев, ты не подведешь и вовремя придешь с подмогой. Бери из моих конюшен сменных коней, сколько тебе надобно, и скорей возвращайся!

И помчался Евпатий той же ночью в Чернигов.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В Диком поле

Уже три дня ратники шли на юг, все более углубляясь в Дикое поле. Рязань, передовой оплот русской земли, со всеми ее тревогами и сумятицей осталась далеко позади. Первым шел конный отряд под начальством князя Всеволода Пронского. Длинной вереницей двигались всадники по веками протоптанному через степь шляху. А еще дальше, под самым небосклоном, рыскали конные разведчики, посланные следить, не покажутся ли где вражеские отряды. Они подымались на отлогие холмы и одинокие курганы, подавали знаки, подбрасывая шапки и кружась на месте, и снова уносились в простор степи.

Кругом тянулась пустынная безбрежная равнина, занесенная снегом. Кое-где по отлогим холмам мелькали кусты осины с еще не облетевшими красными листьями или чернели полосы дубняка вдоль врывшейся в землю извилистой речки.

Шлях уходил на юго-восток сетью тропинок, протоптанных караванами из далекого Сурожа[1], стадами и табунами степняков и отрядами бродивших по степи хищников. Все они ездили к Залесью, как тогда называлась Северная Русь, одни для мены и торговли, другие для набегов и грабежа.

Торопка шагал по тропинке, жадно следя за всадниками. Наслаждаясь развернувшимся перед ним степным привольем, он мало думал об опасности, гордясь, что участвует впервые как взрослый мужчина в походе. И жутко и весело было думать, что ему придется биться с неведомыми людьми, страшными татарами. Может

---

[1] Сурож — торговый приморский город в Крыму, ныне Судак.

быть, он славы себе добудет, отличившись на глазах других ратников. Отец накануне говорил: «С тобой мы ходили на медведя, и ты небось уразумел, что зверь страшнее, пока его не видишь, а как увидел, только и думаешь, как бы он не ушел. Татарин такой же, как мы, человечина, ничуть не сильнее, и кричит он, нападая, потому, что боится, и прет он, выпучив глаза, со страху. А ты гляди в оба, назад не пяться, а не то врагу смелости прибавишь, и принимай его топором или на рогатину».

«Отец знает воинское дело,— думал Торопка.— Он и с суздальцами бился, и в Дикое поле ходил, и не раз возвращался домой перевязанный побуревшими от крови тряпицами».

В дружине, по расчету Торопки, было около двух тысяч ратников. Люди шли вразброд, где кому лучше, разбитые на сотни. В сотне люди теснились друг к другу, не смешиваясь с другими сотнями. Вел сотню «сотский», из княжеских дружинников. Ехал он на дородном коне, украшенном медными бляхами и цепями. Во главе некоторых сотен шли старосты, умевшие «воеводствовать» и раньше ходившие в Дикое поле.

За каждой сотней тянулись «товары»[1]. Они состояли из телег и саней-розвальней с плетеными коробами, в которых везли караваи житного хлеба, мешки с мукой, пшеном, салом. В эти же сани складывались кольчуги, брони, оружие и тулупы, чтобы ратникам было легче идти. На спусках и поворотах сани на деревянных полозьях раскатывались, и ратники сбегались их поддерживать, чтобы они не опрокинулись.

Ратники из Перунова Бора шли дружно, в одной сотне с ярустовскими мужиками. Впереди семенил в лыковых лапотках низкорослый и широкий Ваула-мордвин. Он пел свои мордовские песни и круто обрывал их, когда замечал в пути что-либо новое, им не виданное. Он впервые попал в степь, прожив всю свою жизнь в лесах. Когда стадо сайгаков (диких коз) выбралось из лога и, заметив толпу людей, пустилось прочь длинными прыжками, пригнув к спине изогнутые рожки, Ваула присел от восторга, хлопая себя по бедрам.

---

[1] Товарами в то время назывались обозы.

Звяга, тощий и долговязый, молча шел за Ваулой, погруженный в свои невеселые думы.

— А ну-ка, Звяга, у тебя ноги длинные, поймай-ка козла за хвост!

— А след ли мне за этими козлами гоняться? Это вы, мордвины, все прытки: ловите за уши зайца поскакучего. Ты и скачи за ним!

Лихарь Кудряш шел в стороне. Он часто взбегал на курганы, всматривался вдаль и указывал:

— Там с востока Сосновая Ряса течет, а с запада — Ягодная Ряса. Обе речушки впадают в реку Воронеж. А вон там, под яром, прошлый год стояли белые вежи половецких ханов. Они пригоняли баранов и быков на продажу... Я у них дней двенадцать жил; для ихнего хана набивал на телеги железные скобы и на колеса ободья. Ничего люди! По-ихнему говорить научился, зовут они себя «команами». У меня остались среди них побратаны, кардаши... Весной в степи хорошо. Трава выше человека. Быка с рогами не видно. Весной у табунщиков много молока, они делают из овечьего молока сыр, а из кобыльего — хмельной кумыс. Весной все половцы ходят веселые, у костров песни поют и пляшут...

Дикорос шел молчаливый и угрюмый. Раза два он в раздумье сказал Торопке:

— Не знаю, вернемся ли мы целы домой...

Когда стало темнеть, сотня сделала привал в овраге близ отлогого берега речки. Другой берег был высокий и обрывистый. Там затаились дозорные на ночь. Сани поставили кругом. Внутри круга развели костры. Жгли репей и бурьян: засветло насобирали его много, чтобы всю ночь не погас огонь. Стреноженные кони паслись невдалеке, подъедая прошлогоднюю траву и камыши.

Мужики, разобрав с телег тулупы, лежали вповалку у костров, слушали рассказы бывалых людей о Диком поле, о жизни русских «кандальников» в плену половецком и о смелом их бегстве.

Среди ночи отец разбудил Торопку, приказал идти в дозор и до рассвета сторожить на высоком бугре.

— Затаись там и виду не показывай, не шелохнись — татаровья могут подкрасться и прирезать! А коли что приметишь, гомони и скликай подмогу!

Торопка взобрался на бугор и затаился между куста-

ми сухого репейника. Кругом было темно. В овраге близ речки догорали костры. Около них мирно спали мужики. Невдалеке тревожно, точно чуя близость зверя, фыркали кони.

Торопка сидел насторожившись, крепко сжимая в руках рогатину. Сон убегал, усталость была забыта. Ему казалось, что в темноте к нему подползает татарин, держа в зубах длинный нож. Сквозь туманные обрывки низких туч кое-где проглядывало темное небо с мелкими звездами. Тихо шуршали высокие стебли бурьяна. Задумавшись, Торопка вспомнил последние слова и объятия матери, пронзительные крики баб, цеплявшихся за уходивших мужиков, и в стороне Вешнянку, с неподвижными расширенными глазами. Но другой образ заслонил Вешнянку и еще ярче загорелся перед ним: легкий, стройный половецкий конь, скачущий по степи. Передовым дозором проносился он на коне разыскивать притаившегося татарина — вот куда стремились все мысли, все чаяния Торопки.

Заунывный тягучий крик донесся из степи. Так иногда ночью кричала в лесу неясыть[1]. Другой тонкий вой послышался где-то ближе. Что это? Волки? Или татарские лазутчики подают друг другу весть и подбираются в темноте?..

Среди темной ночи небо светится, и на нем четко видны стебли сухого репейника. В одном месте стебли сильно закачались. Ого! Это неспроста! Кто-то пробирается через за́росли... Показалась голова человека... Человек приподнялся, повернулся, осматриваясь, и снова бесшумно опустился в траву... Свой или враг?.. Закричать, звать на подмогу? Враг убежит. А если это свой, засмеют, что зря сполошил!

Торопка вслушивается в каждый шорох и ждет... не покажется ли снова голова?.. Вот опять поднялся неведомый человек, но теперь справа и ближе. Торопка ждет и слышит сиплый шум слева, точно дыхание зверя... Он чувствует острый запах овчины и шепот... не русский! Непонятная речь... Кто-то затаился совсем близко от него... Заметит — поразит мечом или стрелой... Нельзя медлить!.. Надо его опередить...

---

[1] Неясыть — сова.

«Может, славу получу перед стариками за отвагу?»— вспоминались недавние думы. Рогатина в руках наготове, ее конец отточен, как жало.

Все силы напряг Торопка и бросился вперед. Рогатина воткнулась во что-то упругое... Стон, хриплый, сдержанный, чтобы себя не выдать, и жалобный... В то же мгновение тяжелая туша навалилась на Торопку. Другая туша свалилась под ноги. Жесткие ладони обхватили лицо, сдавили нос, пальцы крепко сжимают рот, не дают вздохнуть...

Торопка забился, стараясь вывернуться, но прибавилась еще тяжесть. Кто-то душит... Нельзя ни крикнуть, ни застонать. Его волокут по земле. Как дать знать отцу? В беде отец сына не оставит... Но Торопке трудно дышать, не только крикнуть... Его тащат через заросли, колючки засохшего репейника царапают и рвут одежду. Руки, жесткие и сильные, пахнут чужим запахом. Ему заталкивают тряпку в рот, завязывают лицо... Ноги и руки крепко спутаны веревками...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Татары пошли

> В лето от сотворения мира 6745 (1237 г.) пришел безбожный царь Батый на русскую землю со множеством воинов татарских и стал на реке Воронеже, близ Рязанской земли.
>
> *Летопись.*

Татары шли на север тем путем, что позднее, протоптанный крымскими татарами, стал называться Калмиусским шляхом, по водоразделу между Доном и Донцом. Здесь дорога была легкая, не приходилось переправляться через многоводные реки; поздний снег слегка запорошил степь, кое-где в оврагах ветром намело сугробы. Бурьяна, репейника было много для костров. Степных пожаров осенью не было, и увядшая трава — готовый корм неприхотливым татарским коням — лежала повсюду, прибитая осенними дождями.

Вели татар половецкие проводники.

Татары шли отдельными отрядами, родами и коленами, тысячными скопищами коней, держась широкими развернутыми крыльями. Была особая ревность и соперничество между отдельными отрядами и племенами, да и грозные приказы Субудай-багатура требовали, чтобы не смешиваться, не попадать на чужую стоянку.

Татарский всадник, почему-либо отставший, затесавшийся в чужой лагерь, встречал насмешливые возгласы:

— Ойе, бродяга, шатун! Какого племени?

Отставший должен был ответить своим боевым ураном: «Уйбас», или «Э-э, бугунам кайда куянм», или другим,— и сейчас же получал ответ:

— Токсабаец! Сразу видно: токсабайцы коня с пришитым хвостом купили!.. Джузнаец никогда не может найти свою плеть, засунутую за спину!.. Карабиркли заснул на краденом коне, а тот привез вора к хозяину!

Каждый отряд через гонцов поддерживал связь со своим ханом, а тот — с главной ставкой, в которой находились распоряжавшиеся всеми войсками джихангир Бату-хан и с ним его военный советник одноглазый Субудай-багатур.

Одиннадцать царевичей-чингизидов шли каждый со своим отдельным туменом в десять тысяч коней. Особые военные советники, приставленные к царевичам, держали в своих руках всю власть над воинами. Царевичи проводили время беззаботно — охотились с борзыми и соколами и пьянствовали, вполне полагаясь на своих советников, прошедших суровую школу войны в походах грозного Чингиз-хана.

Бату-хан вел все отряды на север широким фронтом, особыми тропами в определенные места, указанные строгими повелениями Субудай-багатура. Кипчакские проводники, охраняемые монгольскими дозорными, под страхом казни отыскивали места для стоянок.

В этом походе трехсоттысячного войска на север коренных монголов было мало, всего около четырех тысяч, но в разноязычной армии они играли главную роль, являясь руководителями, военными советниками, телохранителями чингизидов. Они же наблюдали за порядком и выполнением приказов главной ставки — «орьги».

Всадники шли налегке, без юрт. Спали они на земле, близ пасущихся коней: ведь потерять коня в походе —

это верная гибель в бескрайней степи! Многие воины имели двух или несколько коней и в пути пересаживались с одного коня на другого.

Шатры и разборные юрты полагались только самым знатным ханам: им не приличествует часто показываться перед простыми воинами и сидеть рядом с ними у костра. Проворные слуги из пленных кандальников вели десятки высоких быстроногих верблюдов, навьюченных разобранными частями шатров, юрт, грудами расписных войлоков, медными котлами и съестными запасами — мешками муки, рису, сушеного винограда; копченой и вяленой конины и соленого сала.

Звенящие цепями слуги успевали на стоянках поставить несколько юрт: для хана, его жен, военного советника, лекаря, звездочета, писаря, шамана, муллы и главных ханских прихлебателей, а также приготовить для них обед.

Простые воины сами заботились о еде и питались тем, что сумели достать в пути. Голод был главной силой, не позволяющей отрядам долго стоять на одном месте,— они должны были двигаться вперед и вперед, пожирая все запасы, встречаемые на пути.

Хан Баяндер со своим пятитысячным отрядом кипчаков шел впереди монголо-татарского войска. Ему поручено было следить за степью, производить разведки, узнавая, где находятся передовые сторожевые посты русских, и пытаться ловить их, чтобы спешно доставлять пойманного «языка» в шатер Субудай-багатура.

Баяндер выделил из отряда четыре сотни отчаянных нукеров: они гарцевали далеко впереди, были глазами, щупальцами отряда и каждый день доносили своему хану обо всем, что замечали в пустынной равнине между бывшими половецкими владениями и русскими лесами.

Эта пустынная полоса, «ничья», представляла собой отлогие холмы, с редкими дубовыми рощицами по течению реки, оврагами и буераками. Здесь легко было укрыться и наблюдать за степью. В оврагах могли скрываться целые полки, поджидая противника. Поэтому отряд хана Баяндера продвигался вперед осторожно, останавливаясь на ночь у обрывистых берегов речек, опасаясь засад, и высылал вперед лазутчиков из наиболее ловких нукеров.

Каждый день от Субудай-багатура скакали гонцы с приказом: «Давайте пленных! Шлите «языка»! Если не будет пленных, переведу хана Баяндера в тыл войска плестись в хвосте, питаться объедками будущих побед!»

Хан Баяндер сердился, вызывал к себе и бранил тысяцких—«мин-баши»; тысяцкие вызывали и бранили сотников — «юз-баши», а сотники свирепствовали над десятскими — «он-баши».

В одной из передовых сотен находились четыре сына Назар-Кяризека. Начальник сотни, Тюляб-Берген, бывший раньше простым нукером-сокольничим у Баяндера, призвал к себе однажды четырех братьев.

— Вы лихие джигиты, степные волки! Вы, как ящерицы, спрячетесь в песке! Отправляйтесь сегодня ночью вперед, к той далекой дубовой роще... Сегодня там были замечены урусутские всадники. Надо их подстеречь. Проберитесь незаметно логами до самой рощи. Там спрячьтесь и захватите в плен хотя бы одного урусута. Свяжите его и притащите в целости...

Начальник сотни, поглаживая блестящую черную бороду, посматривал исподлобья на четырех братьев. Они стояли хмурые: полученный приказ их не радовал.

— Что же не отвечаете?

Старший, Демир, сказал:

— Если мы приведем урусута, что нам дашь в награду?

— Расскажу про вас хану Баяндеру. В его милости будет вас наградить.

— Э-э, нет! Дай каждому по овчинному тулупу! Видишь, в каких рваных чапанах приходится нам ночевать в открытом поле. А ты везешь с собой два тюка шуб, отнятых в кипчакском кочевье. Мы мерзнем...

— Приведите мне завтра урусута, будет вам по тулупу на каждого.

— Верно должно быть твое слово!

Второй брат, Бури-бай, сказал:

— Ты нам приказываешь отправиться ползком до рощи — ничего из этого не выйдет! Мы не столько боимся урусутов, как боимся идти пешком. Мы привыкли ездить на коне и отобьем себе подошвы раньше, чем доберемся до рощи. Туда надо ехать ночью, в темноте; коней запрятать в овраге. А потом мы пошарим в роще — может быть, засветится костер, где греются их дозор-

ные. Тут мы на них навалимся... А если урусутов будет много? Как мы унесем целыми наши головы? Только кони могут нас спасти!

— Берите коней! За смелым тенью бежит удача. Но только с пустыми руками не возвращайтесь и притащите пленного не полудохлым, а невредимым, чтобы его можно было показать хану Баяндеру! И поджечь ему пятки, чтобы он все нам выболтал. Аллах вам подмога!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В татарской передовой сотне

Передовая сотня Тюляб-Бергена стояла в «Долине бродячих покойников». Здесь протекал ручей, заморозки покрыли его ледяной корой. Сохранились землянки, окруженные валом и бревенчатым тыном. Раньше это была стоянка рязанского сторожевого поста. Узнав о наступлении татар, рязанцы отошли к северу. К этому же посту раньше приезжали русские купцы и торговали с кочевниками, пригонявшими гурты скота. Повсюду земля была засыпана конским навозом и бараньими катышками.

Приехавшая в эту долину сотня Тюляб-Бергена застала в ней только одну тощую старуху с черными горящими глазами и совиным носом. Она равнодушно сидела на пороге полуразвалившейся землянки. Обшарив землянку, татары отобрали у старухи все, что нашли, так что у нее остались только широкие шаровары, изодранный чапан и глиняный треснувший кувшин, которым она черпала из ручья воду. Вечером, когда татары укладывались спать, старуха подходила к костру, подбирала объедки и тихо возвращалась к своему порогу.

— Ты кто?— строго спросил ее проводник из кипчаков Сентяк, приставленный к сотне.

— Ясырка[1].. Родом я из Пятигорья[2]. Пока я была сильна, меня держали на цепи и заставляли работать.

---

[1] Ясырка — пленная рабыня.

[2] Пятигорье — местность на Северном Кавказе.

А стала я слаба и стара — мне сказали: «Иди на все четыре стороны!» А куда я пойду? Да еще через степь.

А степь расстилалась кругом пустынная, запорошенная снегом, на котором скрещивались следы сайгаков, лисиц и волков.

Всадники заглянули в землянки, сырые и развалившиеся, где ползали мокрицы и сороконожки, плюнули и поставили себе близ костра косые навесы из жердей и камыша. Они проводили время, лежа у огня, или уходили на бугры и прятались там в зарослях бурьяна, следя за степью.

Часть стреноженных коней паслась в лощине, где сохранились камыши, остальные кони, оседланные, были всегда наготове.

В лучшей землянке с непроломанной крышей поместился сотник Тюляб-Берген. В этой землянке сохранилась в целости пузатая глиняная печь, сложенная урусутами, и около нее нары из жердей. Сотник подолгу сидел на нарах, подобрав ноги, накинув шубу на плечи, и молча смотрел на огонь, пылавший в печи.

Джигиты проклинали это место с мрачным названием «Долина бродячих покойников».

— Куда нас загнал хан Баяндер? Разве в степи нет лучшего места, чем эти землянки, похожие на разрытые могилы, с тощей старухой, которая сторожит, пока мы здесь подохнем? То мокрый снег, то мороз — нет времени просушить одежду! Когда же пойдем вперед, обогреемся у горящих городов, переоденемся в урусутские шубы из куниц и соболей?!

Суеверные джигиты всю ночь не тушили костров, а дозорные, подымаясь на бугры, тряслись от страха и осматривались, не бродят ли в степи души непохороненных воинов, потерявших здесь свои головы. Тревогу усиливал и разжигал мулла Абду-Расуллы, приставший к сотне еще в Сыгнаке. Тощий, с густой рыжей бородой, мулла своими поучениями не оставлял всадников в покое, требуя, чтобы они пять раз в сутки совершали моления. При каждом удобном случае он распевал молитвы, а ночью пугал слушателей рассказами о проделках лукавого Эблиса, губителя правоверных, о бродящих по степи мертвецах и о летающих ночью джинах, которые пьют кровь у спящих людей. Для спасения от нечистой силы мулла писал узкие бумажки с заговорами, учил закли-

наниям, отгоняющим злых духов, и доказывал, что без его помощи воины давно бы погибли от болезней и дурного глаза.

Мулла Абду-Расуллы много спал на нарах в землянке сотника, но обладал особым чутьем: когда начинали что-либо варить или жарить съестное, мулла немедленно просыпался и подсаживался к огню, чтобы принять участие в еде. Еды оставалось мало — бараны, захваченные в половецких кочевьях, были давно съедены,— и воины не особенно радостно посматривали на муллу. Они садились тесным кольцом вокруг котла с просяной кашей или с «кавардаком» из обрезков вяленого мяса, но мулла настойчиво читал молитву и без стеснения протискивался в середину сидевших, поближе к котлу.

Начальник сотни Тюляб-Берген призвал двух десятских — Кадыра и Джабара.

— Уже двое суток нет четырех братьев. Не бросил ли их аллах на солончак бедствия? Они должны были пробраться к тому дубняку, что виден вдали. Надо пойти по их следам и узнать, что стало с ними. Ты, Кадыр, поедешь по следам четырех лошадей, пока не найдешь братьев. А ты, Джабар, поедешь сторонкой, сделаешь, круг и тоже направишься к дубняку. Если там укрылись урусуты, они выедут из дубняка и погонятся за одним из вас. Вы отходите назад и завлекайте урусутов сюда. А я выеду со всей сотней, наброшусь на них, и тут уже мы наверняка захватим хоть одного «языка». Это поручение важное, оно исходит из ставки Бату-хана; его надо выполнить во что бы то ни стало! Отправляйтесь!

Сотник Тюляб-Берген стоял, прислонившись к столбу землянки, не спуская со степи нахмуренных глаз. Он был коренаст, угрюм и молчалив. Имел крепкую руку, мог шутя сдержать пойманного арканом коня. Черную бороду подстригал лопаткой, выбривая щеки. Один из джигитов, объявивший себя его нукером, следил за стрижкой бороды сотника и за блеском шерсти его гнедого жеребца. Он сидел на корточках в двух шагах, готовый броситься куда угодно по первому знаку сотника. А Тюляб-Берген всматривался в срез бугра и дальше в степь, все еще надеясь, что покажутся четыре брата и с ними пойманный пленный урусут.

Невдалеке вокруг огня сидели джигиты и слушали, что им говорил мулла Абду-Расуллы:

— Вся степь кругом — безмолвная могила. Здесь бились народы с народами, и павшие воины остались без погребения. Потому по ночам слышны здесь стоны и бродят отряды покойников. На призрачных конях они выплывают легким туманом из оврагов, несутся бесшумной вереницей по полям, сшибаются с другими отрядами... Тогда ясно слышен звон мечей, ударяющихся по кольчуге.

Из степи донесся отдаленный крик, оборвался и вскоре повторился снова.

— Засыпать костер!— приказал вполголоса сотник.

Джигиты забросали костер землей. Вспышки огня замерли в трепетных угасавших отблесках. Все погрузилось в темноту. Джигиты бесшумно пробрались на бугры.

Издалека послышался топот. Кони приближались в стремительной скачке. В мутном свете луны, пробившейся сквозь дымчатые тучи, были заметны приближавшиеся тени.

— Это они! Покойники!— прошептал в темноте чей-то голос.

— Молчи и гляди в оба!— послышался ответ.

Табун коней в несколько десятков голов примчался к обрыву оврага, задержался на мгновение и бешено скатился к ручью. Слышался глухой топот ног, всплески воды и похрапывание коней, пивших воду.

Что-то их встревожило. С испуганной стремительностью, толкая и давя друг друга, они снова бросились вперед, в темноту, поднялись по скату оврага и умчались в степь... Невдалеке слышались возня, взвизгивание, глухие удары копыт.

— Зажигайте костер! Сюда, ко мне! Тащите арканы!— кричал сотник.

Джигиты засуетились. Костер снова разгорелся и осветил пегого коня. Аркан захлестнул ему шею и натянулся, как струна. Сотник закручивал конец аркана за ствол рябины. Дерево вздрагивало от прыжков коня.

— Кончайте коня!— крикнул сотник, натягивая аркан.

Джигиты подбежали к дрожавшему от ярости коню. Три длинные красноперые стрелы пронзили ему бок.

Конь упал на передние колени, хотел подняться, но один из джигитов навалился и перерезал ему горло.

— Праведный Хызр прислал нам ужин!— сказал мулла.— Не забывайте молитв, соблюдайте рузу[1], вспоминайте днем и ночью имя всевышнего, и он вознаградит вас!

Джигиты, засучив рукава, быстрыми привычными приемами сдирали пегую шкуру с коня и рассекали его на части. Красная туша уже лежала на содранной шкуре, и джигиты, довольные, посмеивались:

— Лихой джигит наш сотник Тюляб-Берген! Когда все тряслись от страха, думая, что видят скачущих покойников, наш начальник набросил аркан на коня и удержал его одной рукой. Если бы мы не были ротозеями, мы могли бы захватить живьем еще нескольких диких коней...

— Разве это были дикие кони?— сказал проводник Сентяк.— С приходом татар много кипчакских табунов разбежалось по степи, и кони совсем одичали. Таков и этот пегий конь, двухлетка, с тавром хана Котяна... А дикие кони не такие — они песочной масти, с темным ремнем вдоль хребта. Но мы съедим этого пегого коня так же дочиста, как если бы он был диким.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Первый русский пленный

Среди ночи проводник Сентяк рассказывал о набегах кипчаков на урусутское Залесье. Джигиты лежали вокруг костра и в полусне слушали его рассказ. Мороз усиливался. Легкая снежная пыль неслась низко над землей и засыпала лежавших. Сотник, накинув на плечи баранью шубу, сидел среди джигитов и молча немигающими глазами смотрел на прыгавшие по веткам огоньки костра. Издалека донесся вой волка, опять на равнине показались тени! Зверь или человек? Враг или друг?

— Первый десяток!— сказал, не шевельнувшись, сотник.

---

[1] Руза — религиозный праздник у мусульман.

Десять джигитов вскочили и направились к своим коням. Они поднялись по скату, и тени их скрылись во мраке.

Сотник отошел к своей землянке. Остальные джигиты, оправляя оружие и настороженно прислушиваясь, продолжали сидеть у огня.

— Наши,— сказал чей-то голос.

На бугре показались четыре всадника. Возле переднего шел пленный без шапки, со связанными за спиной руками. Светлые, как кудель, волосы сбились. Лицо было измучено. Ноги с трудом передвигались. Второй всадник сидел, пригнувшись к гриве коня, и непрерывно повторяя:

— Вай-уляй! Жжет!.. Огонь во мне!.. Воды, дайте холодной воды затушить огонь в моем животе!

Медленно спустились всадники по косогору и остановились у костра. Сотник, узнав вернувшихся четырех братьев, заложив руки за пояс, подошел к пленному и внимательно его осмотрел. Высокий, худой юноша, в холстинных портках, в расстегнутой рубахе и босой, стоял равнодушный, окаменелый, с посиневшим от холода лицом и только облизывал рассеченную верхнюю губу, из которой сочилась кровь. Метнув недоверчивый взгляд на сотника, он опять уставился в одну точку.

Три брата, соскочив с коней, осторожно сняли четвертого и положили на войлок около костра... Раненый лежал на спине с полузакрытыми глазами, лицо его обтянулось, нос заострился. Рот кривился, и губы что-то шептали.

Мулла Абду-Расуллы опустился на пятки возле раненого и, вглядываясь в его лицо, строго говорил:

— Повторяй за мной: «Бог, царь царей! Слава аллаху! Нет бога, кроме аллаха, и бог велик!..»

Сотник Тюляб-Берген долго стоял возле раненого, подняв правую бровь, всматривался в его судорожно дергавшееся лицо, наконец безнадежно махнул рукой и, сбросив с плеч баранью шубу, покрыл ею умирающего джигита.

К сотнику подошли вернувшиеся братья. Бури-бай сказал:

— Как ты приказал, мы пробрались оврагами до дубовой рощи. Мы оставили коней внизу, а сами проползли на высокий бугор. Увидели лагерь урусутов. Их было

около тысячи. Они храпели на всю степь. Мы стали пробовать, как бы скрасть одного из спящих, и продвигались к ним. Демир двигался первым и наткнулся в кустах вот на этого мальчишку. Мальчишка вскочил и перерезал Демиру кишки. Если бы не твой приказ, мы бы тут же прикончили сосунка,— так обидно было за Демира. Такого смелого брата, укротителя диких коней, потерять из-за такого сопляка! Мы связали его и заткнули ему рот. Если бы Демир закричал, нас бы схватили урусуты: они были рядом. Но Демир молчал, точно откусил язык... Сутки мы просидели в дубняке, выжидали. И справа и слева проходили отряды урусутов. Теперь пленный перед тобой. Мы свое дело сделали, а брата Демира зовет к себе аллах. Давай нам обещанные тулупы.

Сотник сказал сухо:

— Храбрый был джигит Демир! Аллах его успокоит в своих райских рощах... Моя шуба на нем. А почему вы ободрали пленного раньше времени? Зачем сняли с него чапан? Почему он босой? Я должен показать его хану Баяндеру целым и необмороженным, а голый он подохнет этой же ночью.

Ворча и ругаясь, три брата стали одевать пленного, наворачивать ему на ноги онучи и подвязывать лапти. Проводник Сентяк, знавший немного по-русски, расспрашивал пленного, сколько всех урусутских воинов, хотят ли урусуты драться.

Пленный говорил мало и отрывисто. Глядел злобно и все облизывал рассеченную губу.

— Зовут его Торопка, родом он из лесной деревни Перунов Бор. Сколько войска — он не знает. А драться с татарами хотят все урусуты, и все пошли на войну...

Сотник внимательно слушал, что переводил проводник Сентяк, и заставлял муллу Абду-Расуллы записывать все сказанное на лоскутах с заклинаниями... Переводчик скоро использовал все русские слова, какие знал, и больше ничего не мог выпытать от пленного. Несколько ударов по голове плетью не помогли делу: мальчишка упрямо молчал.

Сотник сказал, что сам отвезет пленного к хану Баяндеру. Его гнедой жеребец, давно оседланный, был привязан возле землянки. Десять джигитов должны были его сопровождать. Но выезжать в метель среди ночи бы-

ло опасно. Тропы замело снегом, и вьюга усиливалась. Приходилось ожидать рассвета, и сотник ушел в свою землянку.

Торопка сидел на земле близ костра. Руки, закрученные за спиной, затекли и мучительно ныли. Снег, летевший сбоку, засыпал голову и плечи, и Торопка не мог стряхнуть его с лица. Петля аркана давила шею. Конец аркана держал в руке молодой джигит, сидевший рядом. С другой стороны лежало на конском потнике тело Демира, покрытое бараньей шубой. Демир уже перестал стонать — он навсегда затих.

Прошло много времени. Костер, в котором лежали с вечера большие жерди, почти совсем догорел. Последние огоньки перебегали по тлеющим в золе красным углям. Лагерь заснул. Не спал лишь Торопка, обдумывая, как бы вырваться из плена, и не спала изможденная, тощая старая «ясырка». Она сидела на пороге своей полуразвалившейся землянки и смотрела на огоньки костра злыми черными глазами... Она дождалась, когда джигит, стороживший мальчика, прилег на бок. Тогда она поднялась и бесшумными кошачьими движениями приблизилась к костру. Она не искала остатков еды. Она склонилась к лицу похрапывавшего джигита, отшатнулась и сделала шаг к Торопке. Вытащив из широких складок своих синих шаровар обломок отточенного ножа, осторожно перерезала волосяные веревки и безмолвно указала рукой в ту сторону, где стоял гнедой жеребец сотника. Затем бесшумно исчезла.

Торопка почувствовал, как ослабели веревки, но сразу не мог сделать ни одного движения онемевшими руками. Медленно приливала кровь, постепенно начали шевелиться пальцы. Торопка, выжидая, посматривал на спавшего джигита. Наконец поднялся и осторожными шагами направился по мягкому пушистому снегу к гнедому коню. Дрожащими руками он отвязал повод и оказался в седле...

Он был на бугре, когда услыхал позади себя крики. Но ветер уже свистел в ушах, снег бил в лицо, а сильный жеребец упругими прыжками уносил его вперед, в простор немой беспредельной равнины.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПЕРВЫЕ СХВАТКИ С МОНГОЛАМИ

Во всей нашей истории не было более страшного, рокового события, которое могло бы произвести более потрясающее впечатление на воображение наших предков, чем этот опустошительный ураган, пронесшийся почти над всеми землями Руси, поглотивший сотни тысяч человеческих жизней, покрывший наше отечество пожарищами, развалинами и поработивший остатки населения ненавистному татарскому игу.

(Всев. Миллер. Былины.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Русское посольство к Батыю

Грозные вести о наступлении татарских полчищ заставили крепко призадуматься князя Феодора и обо всем позаботиться перед выездом в Дикое поле. Был он хотя и молодой, но настоящий домовитый хозяин, ничто не ускользало от его зоркого глаза. Он переговорил и с боярами, и с прибывшими с разных концов князьями и воеводами, и с простыми крестьянами, заполнившими своими возами городскую площадь. Хотел он знать, крепко ли они будут стоять за Русскую землю и о чем и как придется ему договариваться с татарским царем.

Все говорили одно: «За нас не бойся! Мы своей грудью встретим первый удар. Суздальцы, хотя и сосе-

ди, но, как это и раньше бывало, не захотят нам помочь. Еще обрадуются, что рязанцы ослабнут. Суздальцы, пожалуй, надеются, что князь владимирский спрячет под свою полу всю ослабевшую Рязанскую землю и сделает ее старых бояр своими конюхами. Не бывать этому!».

Никто не знал, о чем совещался надменный владимирский великий князь Георгий Всеволодович с молчаливыми угрюмыми татарскими послами. Что он выговорил у них в свою пользу? Что ему пообещали косоглазые соглядатаи?

Приехавшие из Дикого поля раздетые и ограбленные половецкие ханы рассказывали, что татары и мунгалы жалости ни к кому не имеют, что слова своего они не держат. Один половецкий хан, раньше владевший конскими табунами в десятки тысяч голов, прискакал со своим слугой только на трех конях. Он говорил:

— Татары через своих гонцов наобещали: «Сдавайтесь на полную нашу волю, и мы тогда вас не тронем! Мы оставим вам все ваши табуны и стада!» Кто им поверил и поклонился в ноги хану Батыге, тот был ободран в тот же день, как баран. Татары заставили их работать конюхами. Татары хвастают: «Мы-де отдыхаем в Кипчакских степях, коней подкармливаем и готовимся к набегу на урусутов. Мы охватим облавой, как петлей, все урусутские города и выгребем из них все дочиста». Эй, рязанские друзья, готовьтесь к смертному бою! Не верьте татарским уговорам!

Князь Феодор Юрьевич страха не имел. С юных лет он был удалой охотник — и на медведя был ловок, и на тура. Он и теперь решил ехать в лагерь царя Батыя, как раньше ходил на лютого зверя: «Где не возьмешь силой, попытайся взять уловкой!»

Уже все было готово к отъезду, обо всем князья договорились; подарки отобраны и уложены в кожаные сундуки и переметные сумы, часть навьючена на коней, часть погружена на повозки. Глиняные запечатанные кувшины с хмельным медом и бочонки с пивом бережно укутаны войлоком и уложены в сено. Из повозок торчали ноги мороженых телячьих и свиных туш.

Узнав от бежавших половцев, что с царем Батыем соединились десять мунгальских царевичей, князь Фео-

дор, по совету отца, отобрал одиннадцать лучших рослых жеребцов с пышными хвостами, шелковистыми вьющимися гривами. Жеребцы были вымыты, гривы намочены квасом, заплетены и перевиты красными лентами. Крутые гладкие спины покрыты пестрыми шамаханскими коврами. Двенадцатого коня Феодор решил подарить главному полководцу Батыя, его правой руке — «темнику Себядяю».

Что же медлит князь Феодор? Уже возы пущены вперед; уже все двенадцать коней один за другим с заплетенными хвостами и гривами ушли под охраной опытных конюхов; уже к крыльцу княжеских хором подвели статного рыжего коня, легкого, как ветер,— подарок половецкого хана, уже и спутники Феодора, князь Ижеславский и с ним четыре хитроумных боярина — все в походных полушубках и собольих колпаках,— столпились у крыльца, а Феодор все еще возвращается в гридницу, выходит на крыльцо и озабоченно посматривает по сторонам.

Кто-то воскликнул:

— А вот и гостья долгожданная!

В конце площади из-за угла дома вылетели несколько всадников. Во весь мах, взбивая снежную пыль, помчались они к крыльцу. Два дружинника соскочили с коней и схватили под уздцы серого в яблоках иноходца. С него легко спрыгнула молодая женщина в бараньем полушубке и зеленом бархатном колпаке, отороченном темным соболем. С первого взгляда ее можно было принять за юношу — и сапоги у нее высокие сафьяновые, и подпоясана ремнем с коротким мечом, но радостный смех и румяное лицо с блестящими карими глазами были всем знакомы: всегда рязанцы видели в соборной церкви рядом с князем Феодором его молодую жену, заморскую[1] греческую царевну Евпраксию.

Как мальчишка, побежала она навстречу Феодору, сходившему с крыльца, и бросилась ему на шею.

---

[1] До монгольского ига русские во многих случаях женились на западноевропейских принцессах, герцогинях... а русские княжны тоже часто выходили замуж за владетельных особ Западной Европы. Вообще древняя Русь до монголов была в очень тесных сношениях с Западом, в глазах которого она стояла тогда весьма высоко.

— Все боялась, что не захвачу тебя, Феодор. Всю дорогу мчалась, меняя лошадей. Зачем уезжаешь?

Феодор, обняв за плечи Евпраксию, поднялся на крыльцо. Навстречу спешила княгиня-мать Агриппина в темном лисьем шушуне, наброшенном наспех. Дрожащими руками обняла она молодую невестку, и обе залились слезами.

— Успокойся, Евраксеюшка! — утешал Феодор.— Не воевать еду, а о крепком мире договориться. Все улажу, да и опытные мои советчики мне помогут и придумают, как утихомирить татарского царя Батыгу. А где же наш Ванятка?

— Едет в возке. А я не могла больше ждать и помчалась вперед.

— Ну и девчонка ты! — сказала старая княгиня Агриппина.— Бегаешь, как заяц!

— И я то же говорю,— прервал Феодор.— Тебе бы еще хороводы водить! — Шепотом на ухо добавил: — Вот за это и люблю тебя! Знаю, что ты готова со мной ехать на охоту, хоть в поле полевать.

— Возьми меня, Феодор! Может, я сумею лестью да шутками смягчить татарского царя.

Феодор приблизил к себе юное розовое лицо с блестящими карими глазами и поцеловал побледневшие губы. Он бережно отнял цеплявшиеся руки и мигнул матери. Та сзади обняла Евпраксию. Молодая княгиня торопливо расстегивала свой полушубок.

— Постой, Феодор! Возьми с собой мое заветное жемчужное ожерелье из Царьграда! Может быть, ты сумеешь им ублажить татарскую царицу, а она успокоит своего яростного мужа. Да еще возьми с собой мое благословение...— Она сняла с шеи золотой круглый образок на серебряной цепочке. Феодор скинул колпак; он наклонил к молодой жене голову с прямым пробором и расчесанными на две стороны русыми волосами. Она надела ему на шею иконку. Феодор поцеловал в последний раз Евпраксию в лоб, резко повернулся и, стуча подковами красных сапог, сбежал с крыльца к нетерпеливо перебиравшему ногами коню.

Евпраксия забилась в крике и плаче на руках старой княгини, а князь Феодор, сдерживая сильного коня, направился, не оглядываясь, через засыпанную снегом площадь. Хмурый, со сдвинутыми бровями, вглядывался он

в сизую туманную даль. С площади и с крепостных валов видна далеко на десятки верст снежная равнина с черневшими кое-где небольшими рощицами. Низкие серые тучи медленно плыли над пустынными полями. Слышался унылый свист ветра и хриплое карканье и гомон галок и ворон, стаями летавших над широким шляхом, уходившим в Дикое поле.

Рязанское посольство ехало в лагерь Батыя четыре дня. По пути встречались русские сторожевые заставы.

Хотя князь Феодор вез с собой шатер, но поставил его только на четвертый день, когда вдали показались татарские посты. Спал Феодор на земле, у костра, подостлав бараний тулуп, кормился, как и другие, всю ночь держал охрану: от татар можно было ожидать всякого предательства.

На последней русской заставе ему рассказали о молодом воине, который сразил рогатиной татарина, был захвачен в плен, ночью перехитрил татарских сторожей и на отличном коне прискакал обратно.

Князь Феодор потребовал его привести, спросил имя, кто отец и с какого он погоста. Похвалил его и приказал выдать ему в награду пару новых кожаных сапог.

— Ах да Торопка-расторопка!— сказал он.— Порадовал ты меня! Коли придется воевать, у нас найдется еще немало таких удальцов. Не удастся косоглазым нас задавить!..

ГЛАВА ВТОРАЯ

В татарском лагере на реке Воронеже

Пишет Хаджи Рахим: «Да сохранит скитальца небо от новых напастей, которые надвигаются отовсюду, как черные тучи перед ураганом!

Бату-хан остановился большим лагерем на реке Воронеже, среди дубовой рощи. Даже зимой в богатой травою степи привольно татарским коням. Разгребая копытами снег, неприхотливые кони находили себе достаточно корма.

Лагеря других чингизидов растянулись по степи далеко на восток.

Воины говорили о скором набеге на урусутские земли, о том, что там откормятся и разгуляются вволю. Каждый самый простой воин награбит столько добра, что станет богат, как хан, владеющий целой областью и тысячами подданных.

Говорили, что урусуты — народ сильный и злобный, как волки, и в бою упорный и стойкий. Они не отдадут без борьбы, без защиты свои пашни, свой скот.

Неожиданно прибыло посольство урусутов. Во главе — Феодор, молодой сын рязанского коназа. Бату-хан, желая показать свое величие, сообщил через векиля, что он занят государственными заботами и примет коназа Феодора через несколько дней.

Урусуты поставили на берегу шатры. Один большой княжеский, с золотой маковкой, и три малых, пестрых, из бухарской ткани. Субудай-багатур окружил лагерь стражей, чтобы оберегать урусутов от дерзостей татарских воинов, которые сразу полезли в шатры и стали хватать все, что попадало под руку. Это вызвало несколько драк приезжих урусутов с татарами. Наконец «бешеные» Субудая установили порядок, колотя древками копий любопытных.

Бату-хан, подготовляясь к приему урусутов, долго беседовал с сыном Субудай-багатура Урянх-Каданом, который ездил в рязанские земли, все высмотрел там и только что вернулся. А сопровождавшая его шаманка Керинкей-Задан колдовала, напуская на урусутов страх и болезни, чтобы их сердца разорвались.

Урянх-Кадан рассказывал, что он видел города Рязань и Ульдемир.

«Это,— говорил он,— не простые города, а сильные крепости, и взять их будет нелегко. Потребуется много приступов, чтобы проломить высокие толстые стены. Летом дороги урусутов как западни: всюду ручьи и топкие болота. Можно ехать только зимой по замерзшим рекам. Летом урусуты ездят друг к другу в лодках. Всюду дремучие леса. Эти леса — защитные крепости. Поэтому надо идти на урусутов зимой, когда замерзнут реки».

Бату-хан пожелал видеть привезенные урусутами подарки. Но послов он все же к себе не допустил.

Урусутские воины привели под уздцы двенадцать прекрасных коней с налитыми кровью глазами. Один вороной конь в прекрасной сбруе, под седлом, украшенным золотом, жемчугами и парчовым чепраком. Это подарок Бату-хану. Другие кони были покрыты нарядными коврами.

На повозках было много шуб, лисьих и собольих, крытых аксамитом и парчой. Десять воинов несли по связке мехов. В каждой связке — по сорок лучших темных соболей.

Для Бату-хана были еще подарки: прямой меч с золотой рукоятью, серебряное блюдо, чаши и кубки, а для его жен — украшения из драгоценных камней: повязки на голову, золотые ожерелья, перстни и запястья.

Бату-хан стоял суровый и недовольный возле шатра. Он равнодушно следил, как мимо проносили подарки. Все драгоценности складывались на коврах в его шатре. Он сказал, что получал из китайских дворцов более роскошные и искусно сделанные дары. Обрадовался только, когда перед ним провели двенадцать коней, один прекраснее другого. Каждого вели под уздцы, на серебряных цепях, два конюха. Кони были высокие, широкозадые, с волнистыми гривами и хвостами. Они плясали, вставали на дыбы, подымая на воздух конюхов.

Бату-хан отобрал себе вороного жеребца с белыми до колен ногами, который косился огненным глазом, поджимая зад, и пытался укусить державших его конюхов. Остальных коней Бату-хан велел отвести к другим царевичам.

Бату-хан принял, наконец, урусутских послов. В его шатре собрались чингизиды и главные военачальники. Джихангир сидел на золотом троне, в шапке, украшенной большим алмазом, в одежде, расшитой золотыми драконами. Он поддел стальную кольчугу, не доверяя урусутам. По левую сторону сидели на ковре его жены, «семь звезд» Бату-хана. Они уже украсились подарками, привезенными рязанским князем. На старшей жене было ожерелье из крупных жемчугов, на других золотые запястья. У младшей — на лбу повязка из жемчужных нитей. По правую сторону трона сидели ханы и военачальники.

Князь Феодор рязанский оказался совсем молодым воином, роста среднего, статный, с широкими плечами. Держался прямо, смотрел гордо в глаза, не опуская взгляда, без улыбки — как дикий непокорный сокол. Он вошел без оружия, которое отобрали нукеры при входе в шатер. За ним вошли шесть человек его свиты и четыре боярина — его советники. Они выстроились в два ряда. Феодор снял соболий колпак и низко поклонился Бату-хану, коснувшись пальцами ковра. Его свита сделала то же самое.

Феодор сказал:

— Здравствуй на много лет, царь татарских стран, владыка и вождь храброго татарского войска!

Бату-хан долго молчал. Затем, зажмуря глаза, прошептал сидевшему у его ног рязанскому князю, Глебу Владимировичу:

— Как этот невежа мне кланяется? Скажи ему, что он мне не ровня, а мой слуга.

Глеб Владимирович сидел на пятках, подобострастно прижавшись к трону. Он сказал послам:

— Князь Феодор Юрьевич! Ты стоишь перед кем? Перед величеством мунгальским и, дерзяся, не сгибаешь колен? Ты забыл, верно, что царь Бату-хан владеет половиной мира, что он внук царя Чингиз-хана, владыки всех восточных земель? Скорее пади лицом на землю и покажи, что ты чтишь его величие.

— Что-то мне лицо твое знакомо,— ответил Феодор.— Не ты ли князь Глеб Владимирович? Не ты ли изменой завлек своих братьев на пир и всех перебил? Теперь же ты переметнулся и помогаешь татарам губить русские земли? Объясни царю, твоему новому хозяину, что мы, христиане, земной поклон делаем только перед святой иконой, когда творим молитву царю небесному, и до сих пор у нас царя земного не было. Эх, князь!.. Встретились бы мы с тобой в поле — не так бы заговорили...

Бояре перешепнулись:

— Живуч! Иуда!

Глеб перевел слова Феодора. Пеной покрылись губы Бату-хана. Взбешенный, он заговорил:

— Вся вселенная поклонилась моему деду, Священному Воителю. По всему миру он пронес ужас монгольского имени. Вы ли, урусуты, думаете спорить с нами?

Все народы, которые дерзко с нами спорили, обращены в пыль и пепел! На что вы надеетесь? Вы ли нас сильнее?

Феодор спокойно сказал:

— Я слышал о твоем великом деде, хане Чагонизе. Я почитаю этого великого воителя и тебя, его внука, и желаю тебе здоровья и благоденствия на много лет. Но для чего тебе, столь богатому и сильному, нужны еще наши бедные рязанские земли? Вы, татары, живете в степях, кони ваши любят ковыльную траву. Мы же, как медведи, запрятались в лесах, живем в дымных избах. Почему нам не жить с тобой как добрым соседям?

Глеб прошипел:

— Сосунок! Как ты смеешь так отвечать повелителю непобедимых монголов?

Бату-хан сказал несколько слов сидевшему рядом по правую руку Субудай-багатуру. Феодор догадался, что этот старый толстый монгол с единственным выпученным глазом — прославленный полководец, советник татарского царя.

Субудай сказал:

— На небе — одно солнце, на земле — один владыка, монгольский каган. Все должны ему поклоняться и целовать перед ним землю. И вы, урусуты, это сделаете доброй волей иль неволей. Вы будете платить дань кагану и прославлять в молитвах его имя, когда Бату-хан поставит свой священный сапог вам на шею. Напрасно вы, дерзкие, до сих пор не покорились.

В это время в шатер вошел баурши и, пав на землю, прошептал:

— Обед готов. Разреши, Ослепительный, принести все, что приготовлено для твоего пира.

— Неси! — сказал Бату-хан, сделавшись снова неподвижным и непроницаемым.

Феодор и его спутники продолжали стоять. О них как будто забыли.

Князь Глеб, поглаживая черную с проседью бороду, насмешливо наблюдал за русскими послами. Он был одет в потертый кафтан и походил на облезлого, но все же страшного степного орла, прикованного цепью за ногу. Он сказал русским послам:

— Что ж вы стоите, гости дорогие? Вас не звали,

сами напросились, но коли попали на пир, то и вам угощения хватит. Садитесь, где стоите.

Дородный, осанистый князь Ижеславльский, стоявший рядом с Феодором, прошептал ему:

— Потерпим ради земли Русской. Потрудись, князь Феодор, ради чести твоей и нашей. Воротиться домой легко, а договориться с татарами трудно.

Молодой князь Муромский сказал:

— Чую, что никому из нас не вернуться, ни мне, ни тебе. Сядем да посмотрим, сладка ли честь татарская.

— Садитесь. Бату-хан приглашает вас обедать,— сказал баурши.

Русские послы отступили к стенке шатра. Опустились на ковер, подобрав под себя ноги.

Князь Феодор и его спутники не раз бывали у половецких ханов, знали их обычаи: на пирах, во время угощения, всякое блюдо, всякий кусок мяса имеют свое значение, свой порядок и показывают больший или меньший почет. Поэтому русские зорко следили, будет ли им, как послам, оказан почет, и какой именно.

По татарским обычаям, сваренный баран или другое животное — жеребенок, дикая коза — разнимаются на части согласно особым древним правилам. Поручается это специальному лицу, опытному в этом важном деле. Туша разрезается пополам — правая и левая стороны животного — и раскладывается на особом блюде. Животное делится на 24 части, и эти части раскладываются либо на 24 блюда, либо на 12 блюд, по числу гостей. И каждый гость получает либо целое блюдо, либо, когда гостей много, одно блюдо едят двое или трое.

Слуги входили парами, торжественно неся перед собой на вытянутых руках одно золотое и следующие — серебряные блюда.

Баурши, взяв золотое блюдо из рук слуги, остановился перед Бату-ханом и опустился на колени. На блюде лежали тазовая кость с мясом и голова барана.

Бату-хан принял двумя руками блюдо и поставил перед собой. Он выхватил из-за пояса тонкий нож, отрезал одно ухо барана и передал голову своему брату, хану Шейбани, сидевшему справа. Тем временем ловкие слуги бесшумно проскальзывали между гостями и ставили перед ними блюда. Четыре гостя получили по блю-

ду каждый — знак высшего почета. Следующим подавали по одному блюду на двоих.

Русские послы внимательно следили за разносимыми блюдами и понимали: вот эти два хана, получившие правую и левую лопатки,— начальники правого и левого крыла войска; эти, грызущие коленные кости,— находятся в передовом отряде.

Грудинка была передана старшей жене. Мелкие части розданы другим женам.

Баурши произнес молитву, после чего все татары принялись за еду.

О послах все забыли... Нет, и им слуги принесли два блюда и поставили перед ними на ковре. Но что тут было: конечности ног, кишки и хвостовые кости!

Послы поняли, что все это делается с умышленной целью их оскорбить, что им дают те части, которые уделяются низшим слугам, женщинам, очищающим внутренности, и мальчишкам, которые подкладывают катыши кизяка под котел. Ни один из русских не протянул руки к блюду, все спокойно наблюдали за обедом. Некоторые шутки, которые отпускались на их счет, были поняты послами.

Князь Глеб ел из одного блюда с двумя ханами. Он повернулся к послам:

— Что же вы, гости дорогие, мало едите? Хозяин обидится.

Князь Пронский ответил:

— Мы помним половецкую пословицу: «Иди на пир, поевши дома досыта». Благодарим ласкового хозяина за щедрое угощение!

Наконец все обедавшие покончили с мясом и стали вытирать вымазанные в сале руки о цветные ширинки[1], о полы шуб, а то и о голенище правого сапога. Слуги принесли серебряные подносы, где стояли разной величины и формы золотые кубки и чаши с хмельными напитками: кумысом и хорзой, кто что пожелает.

Все взяли в руки чаши. Русским послам также принесли чаши, полные хмельной хорзы.

Тогда баурши встал на колени перед Бату-ханом и произнес благодарственную молитву:

---

[1] Ширинка — полотенце.

«Тебе, неодолимому доблестному хану, за гостеприимное угощение да пошлет небо благословение на голову твою!

Преобразившись в счастливую птицу, да посетит наш покровитель бог Сульдэ этот золотой шатер, где мы сидим.

Пусть хозяйки этого шатра двенадцать раз будут плодоносны, и их глаза озарятся радостью, увидев, что у них родился сын, а не дочь.

Да не отступит никогда от тебя богатство! Данное тебе небом счастье да не будет никем растоптано!

Да окружат твой шатер тысячи верблюдов, у которых задние горбы свешиваются от сала, и громко ржущие друг перед другом стройные жеребцы, и жеребята, и стада овец и баранов, и жирные коровы и быки, у которых на ходу хрустят казанки.

Если кто умыслит злое против тебя, пусть у того лошадь умрет в походе, и жена умрет, не увидев возвращения мужа, и пусть кибитка завистника разломится с треском, и спицы юрты сломаются и воткнутся твоему врагу в спину!..»

Все стали пить. Русские тоже поднесли чаши к губам. Но тут один из ханов воскликнул:

— Пусть погибнут урусуты, как саранча под ногой верблюда!

Другие ханы поддержали:

— Да разлетятся урусуты, как воробьи перед кречетом, как шакалы перед борзой-волкодавом!

Послы опустили чаши и поставили их перед собой.

Бату-хан увидел, что русские не пьют, и стал издеваться над ними:

— Зачем вы приехали одни? Вы бы привезли с собой своих жен.

Князь Глеб, вторя общему смеху, сказал:

— Вот князю Феодору особенно следовало бы привезти свою молодую жену Евпраксию. Она заморская царевна и славится красотой, как звезда на небе.

Сильно охмелевший Бату-хан сказал Феодору:

— Скачи скорей домой и привези нам молодую жену. Она бы нам и попела, и поплясала, и красотой своей усладила нас.

Князь Феодор ответил спокойно:

— Так поступать недостойно! Если ты нас в войне одолеешь, тогда завладеешь всем, что у нас есть.

Жены Бату-хана, сидевшие неподвижно, как идолы, зашевелились, узнав, что ответил русский князь. Две из них захлопали в ладоши. Младшая сказала:

— Этот урусут храбрый и благородный муж.

Князь Ижеславльский шепнул князю Феодору:

— Нам здесь больше делать нечего.

— Я тоже это замечаю.

Князь Феодор встал, Бату-хан прищурив глаза, смотрел на него.

— Ты прости меня, светлейший хан, но мы должны ехать домой...

— Зачем вам ехать? Угощайтесь кумысом!

— Мы бы рады быть друзьями с тобой и заключить нерушимый союз доброго соседства. Однако у нас говорят: «Насильно мил не будешь». Быть твоими верными рабами-колодниками — этого не будет никогда. Если ты пойдешь на нас войной, то спор решат наши мечи.

Феодор и все послы поклонились Бату-хану до земли, сняв колпаки. Феодор выпрямился, тряхнул кудрями, пристально взглянул на похвалившую его юную жену Бату-хана, набеленную, с подведенными сурьмой глазами, закутанную в парчовые блистающие одежды. Он надвинул на брови соболий колпак и, прямой, смелый и гордый, вышел из шатра. Бату-хан шепнул несколько слов Субудай-багатуру. Тот, сильно кряхтя, поднялся и, пятясь, поковылял к выходу.

Бату-хан, вцепившись в ручку трона, сидел неподвижно. Все замерли, прислушиваясь и ничего не понимая. Послышался конский топот... Всадники пронеслись мимо шатра.

Отчаянные крики... Сдавленные, хрипящие стоны. Звон и стук мечей...

Бату-хан сидел по-прежнему неподвижно. Никто не решался шевельнуться и встать с места.

Вернулся Субудай-багатур. Его глаз сверкал, лицо покрылось каплями пота. Он задыхался.

— Ну что?— спросил Бату-хан.

— Все перебиты!.. Остался в живых один старик-слуга. Отняв татарский меч, он бился над телом своего господина, коназа Феодора, и до сих пор стоит над ним

с мечом в руке. Я приказал его не трогать. Твой дед, Священный воитель, не раз говорил: «Нужно возвеличить верного слугу, даже если господин его был твоим врагом».

— Я хочу его видеть. Коназ Галиб, приведи его!

Князь Глеб Владимирович поднялся и, разминая ноги, пятясь по-монгольски, вышел из шатра. Он вернулся с высоким седым стариком. Два монгольских воина держали старика за локти. Лицо его было рассечено, кровь стекала по белой бороде.

— Кто ты?— спросил Бату-хан.

— Я пестун и слуга князя Феодора Юрьевича.

— Как звать тебя?

— Апоница.

— Хочешь служить у меня? Ты будешь в почете!..

— Прикажи меня зарубить, а служить у тебя не стану.

Младшая жена Бату-хана, Юлдуз, сказала дрожащим, слабым голосом:

— Джихангир, отпусти его!

Бату-хан покачал одобрительно головой и сказал:

— Ты человек верный. Я тебя прощаю. Я дам тебе коня. Разрешаю ехать обратно. Расскажи коназу рязанскому, что его сын за дерзкую грубость перед царем вселенной казнен. Субудай-багатур, приставь к этому урусуту четырех надежных нукеров. Прикажи, чтобы они его в пути не убили, а довезли невредимым до первого урусутского сторожевого поста.

Монголы вывели из шатра Апоницу. Бату-хан и его гости продолжали пир и обсуждали планы наступления на землю урусутов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Мирная встреча с монголами

Заметив исчезновение Торопки, ратники передового дозора, где находился Савелий Дикорос, были охвачены тревогой. Они поднялись на бугор, обошли его кругом, рассматривали следы, нашли лужу крови. Толковали, спорили, решили, что была борьба. Капли крови потянулись по снегу к месту, где обнаружились следы

четырех коней. Дальше следы уходили прямо в татарскую сторону. Савелий, всегда угрюмый, стал совсем нелюдимым. Он скитался по степи, залезал в валежник, ночевал там не смыкая глаз, все хотел поймать татарина, чтобы выпытать, жив ли Торопка. Лихарь Кудряш ему разъяснил:

— Если бы Торопку прирезали, ироды бы его бросили раздемши. Видно, захватили живьем и уволокли с собой.

Морозы крепчали. Ветры наметали вороха сухого колючего снега. Небо стояло ясное, безоблачное. В степи было видно далеко, но татары куда-то исчезли. Уже дня три не показывались татарские всадники, ранее быстро проносившиеся вдали под самым небосклоном.

Савелий стал уговаривать своих продвинуться вперед.

— Попытаем! Быть может, наши князья договорились с царем Батыгой и татары уже отступили назад в теплые края, а мы здесь зря стынем.

Ратники из Перунова Бора согласились пойти вперед. Кудряш взялся привести всех к выселку, где он когда-то торговал с половецкими гуртовщиками. Остальной отряд обещал выжидать около дубовой рощи.

Четверо — Кудряш, Ваула, Звяга и Савелий — вышли ночью, захватив топоры. Они уже хорошо изучили все овраги, курганы и холмы, сбиться с дороги в лунную ночь было трудно. Взяли с собой хлеба на несколько дней. Подойдя к логу, залегли в кустах. Долго ожидали рассвета. Выселок был в низине среди оврага, где протекала мелкая речка...

Солнце поднялось в багровом тумане. Надвигались, клубясь, серые тучи.

Из-за холма вынырнул конный татарин, держа в руке гибкую пику. Лошадь лохматая, рыжая. Сам в шубе, старой, темной, как земля. Головой вертит, смотрит по сторонам — настороже,— не видать ли чего? Направился к выселку. Около зарослей, где притаились мужики, стегнул коня. Поскакал вперед, оглянулся, постоял и поехал дальше. Спустился в лог. Слышно было, как копыта ломали тонкий хрупкий лед. Остановился — видно, коня поил. Скоро снова выехал из лога и показался

на бугре. Одинокий поехал по снежной пустынной равнине, пока не скрылся за холмами.

Савелий сказал:

— В выселке никого нет. Иначе косоглазый остался бы там, татары загуторили бы, и мы бы услыхали.

— Ты все чаешь тело Торопки найти,— сказал лежавший рядом Звяга.— Твоему Торопке еще смерть на роду не написана. Он нас переживет.

— Душа моя неспокойна,— ответил Савелий.— Всего меня крутит и днем и ночью. Я пойду вперед. Коли что увижу, крикну — тогда выручайте.

Савелий, согнувшись, пополз и спустился вниз в лог. Долго он пропадал. Тучи надвинулись и обложили все небо. Снег повалил гуще, дали затянулись пеленой.

Мужики все ждали.

Внезапно вылез из-за кустов Савелий.

— Начинается метель,— сказал он.— Она может крутить и день и два. В поселке пусто, лежит одна зарубленная старуха. Переждем в логу — там есть сарай с крышей. Хлеба-то у нас хватит, а в степи мы застынем.

Снег валил непрерывно. Ветер подхватывал его и бросал в лицо, залепляя глаза. Теснясь друг к другу, мужики спустились в лог. Полуразрушенные сараи были мрачны и пусты. Около одного из них сидела старуха, прислонясь к стене. Седая голова в платке была рассечена. Один глаз всматривался как живой. Из сарая выскочил серый зверь. Большими скачками, поджимая зад, взлетел на косогор и скрылся.

— Волк!— сказал Савелий.— Я тоже спугнул двоих. Они грызут здесь кости зарезанного коня.

Забрались в глиняную мазанку с крышей. Приставили кол к двери. Стало тихо. Буря завывала уже за стеной.

— Если подъедут татары, они нас захватят, как щенят.

— Я сяду у дверей снаружи. Не засну. Если меня засыплет метелица, вы меня отгребайте. Все одна дума, не грызут ли волки моего Торопку.

Утром Савелия вытащили из сугроба. Он, упираясь, говорил:

— Я вас затянул сюда. Мой черед и сидеть!

Но его втолкнули в мазанку, где уже горели в очаге сучья и бурьян и кипел горшок с мучной болтушкой.

Внезапно послышались снаружи голоса. Кто-то хрипло закричал:

— Есть ли тут душа живая? Откликнись — или силой войдем.

Схватив топоры, мужики встали у входа и отодвинули дверь. Вошел покрытый инеем старик. Лицо и седая борода его была в крови. За ним показались четыре татарина.

— Хлеб да соль! Дайте передохнуть и согреться. Всю ночь мотались по степи, чуть не поколели. Я Апоница, слуга князя Феодора Юрьевича рязанского. Татар не бойтесь, они мне даны провожатыми до первой нашей заставы. Вас они не тронут.

Мужики отступили, убрали топоры за пояс. Кудряш сказал по-половецки:

— Зайдите хлеба переломить.

Татары толпились у входа, переговариваясь между собой. Двое пошли треножить коней, двое шагнули в мазанку, скрестили на груди в знак привета черные руки.

Все опустились на пятки тесным кругом, косясь друг на друга. Татары протянули руки к огню. Кудряш вытащил из берестяного кошеля каравай. Разрезал ножом и дал по куску татарам.

— Куда и откуда бог несет, Апоница? Кто тебя так попотчевал?

Апоница рассказал о злодейском избиении русского посольства. О том, что ему сам царь Батыга позволил уехать в Рязань, рассказать князю Юрию Ингваревичу о гибели его сына. «Эти ироды меня не трогали. Верно, живым доберусь до Рязани».

— А какой из себя Батыга? Неужто его видел?

Мужики жадно рассматривали татар, о которых столько слышали ужасов. Теперь они сидели рядом и, довольные, грызли сухой хлеб. На них были меховые долгополые шубы шерстью вверх. Шаровары такие же, но шерстью внутрь, из конской кожи, а шубы—бараньи. На ногах широкие сапоги, выложенные внутри войлоком. На голове остроконечные собачьи малахаи с наушниками и надзатыльниками. На поясе длинные кривые мечи и кистени с цепочкой, на конце которой железная гиря.

Татарин вытащил из-за пазухи деревянную чашку, накрошил в нее хлеба и показал на горшок в печи. Ваула отлил ему из горшка болтушки и спросил:

— Юрта твоя далеко?

Кудряш перевел по-половецки.

Монгол подумал, понял и махнул рукой:

— Два года ехать!

— А сколько лет ты воюешь?

— Уже двадцать лет...

Лицо у татарина было темное, в морщинах, как сосновая кора. Редкие усы свешивались на губы.

Съев хлеб, намоченный в болтушке, татарин выпил всю чашку. Он вылизал ее языком и дал соседу. Тот тоже попросил болтушки.

Лица у всех были угрюмые, темные, узкие черные глаза косились на русских и осматривали их с головы до ног.

Кудряш сказал:

— Хотя они наш хлеб едят, а все же готовы нас прирезать. Выбирайтесь потихоньку отсюда. Мы сами проводим Апоницу.

Монголы о чем-то между собой переговаривались, показывая глазами на русских. Когда мужики стали выходить один за другим, монголы вскочили и выбежали из мазанки, хватая короткие копья с железными крюками.

— Эти крюки, чтобы нас с седла стаскивать!— сказал Кудряш.

Апоница взобрался на коня. Монголы тоже сели на маленьких заиндевевших коней и ждали.

— Идем, православные,— сказал Апоница,— глядите в оба. Они что-то задумали.

Мужики, проваливаясь по колено в снег, стали подыматься по откосу.

Выйдя из лога на равнину, мужики потянулись за Апоницей. Монголы остановились и закрутились на месте. Вдруг, припав к гриве коней, помчались на мужиков, пронеслись совсем близко и лихо повернули обратно. За ними волочился по снегу ошеломленный, сбитый с ног Ваула, захваченный двумя арканами.

— Выручайте, братки!— кричал Ваула.

Монголы удалялись вскачь.

— Пропал мужик!— воскликнул Звяга.

— Эх, беды я наделал,— простонал Савелий.— Зачем я завел вас сюда?!

Монголы остановились далеко на бугре. Они подняли Ваулу. Он зашагал за передним всадником с петлей на шее, а другие следовали за ним.

Уставший конь Апоницы плелся с трудом через сугробы. Мужики шагали хмурые, часто оглядываясь, и говорили, что теперь надо ждать больших бед и кровавых боев.

— Уж коли татары князя Феодора и послов перебили, то мира и дружбы от табунщиков не жди!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Метель над орьгой

Желтый шатер с золотым драконом на шесте возвышался над татарским станом. Он был прикреплен волосяными арканами к кольям с медными головками. В шатре ежедневно совещались ханы, по вечерам там пировали. Бату-хана окружало много приспешников, охотников до арзы, хорзы[1], кумыса и медовых напитков, привезенных рязанским посольством.

Хотя дни стояли морозные, но солнце, яркое и блистающее, слегка пригревало, и в лагере было весело, оживленно и шумно.

Кони паслись в широкой степи, никогда не знавшей ни серпа, ни косы. На необозримых равнинах Дикого поля повсюду подымались к небу дымки костров и виднелись круглые, похожие на шапки, черные с белым верхом юрты, привезенные ханами. Были и белые юрты, отнятые у разгромленных кипчаков.

От солнечных лучей снежная поверхность подтаяла и к ночи покрывалась хрустящим настом. Когда с севера задул холодный режущий ветер, он погнал по степи горы мелкого оледенелого инея, который со звоном и шорохом катился по ледяной коре и густо засыпал жавшихся к кострам и юртам монгольских воинов. Ветер к ночи

---

[1] А р з а и х о р з а — хмельные монгольские напитки, изготовленные из молока.

усилился и вскоре обратился в воющий ураган. Легкие юрты сотрясались. Многие были снесены. Ветер сорвал золотисто-желтый шатер Батыя и повалил его на ближайший костер. Слуги с трудом старались сложить полотнища шатра и прикрыть драгоценные вещи и золотой трон. Батый перешел в походную войлочную юрту, где дым от костра крутился по земле, забиваемый ветром из отверстия в крыше. Ледяной ветер проникал всюду, заносил юрты сугробами снега.

Привычные к монгольским буранам, воины расправляли обычно засученные рукава своих шуб и, разрыв снег, сворачивались в нем, как сурки. Лежа в снегу, они спокойно прислушивались к завываниям «завирухи», затихающим человеческим голосам, к яростному свисту ветра.

На рассвете монголы стали вылезать из сугробов. Отряхивались и брели к юртам или в лога и овраги, отыскивая костры своих родичей. У костров они пили из деревянных мисок болтушку из муки и сала, заедая ее хрустящим жареным просом. Еды было мало. Воины говорили, что пора выступать в поход, так как уже приходили к концу награбленные у кипчаков запасы. Татары садились на коней и разъезжали по степи, отыскивая свои табуны, которые метель угнала неведомо куда.

Все посматривали на белую юрту Субудай-багатура. К ней были прикреплены девять бунчуков с конскими хвостами, принадлежащих главным туменам личного войска Бату-хана. Скоро ли эти бунчуки поплывут впереди войска, увлекая за собой десятки тысяч всадников на север, в неведомую страну упрямых, неподатливых, озлобленных урусутов?

Из белой юрты вышли два монгола. Распутав узлы и поводья заиндевевших коней, они вскочили в седла и помчались в разные стороны. Только снежная пыль заклубилась за ними.

Затем вышел Бату-хан в шубе из белых песцов, крытой желтым китайским шелком. Нукеры личной охраны подвели Бату-хану вороного коня с белыми до колен ногами, подарок рязанского князя.

Бату-хан проехал в овраг, к небольшой белой юрте. Спрыгнув с коня, он скрылся за ковровым пологом. Два нукера с копьями встали на страже у двери. Другие

отвели в сторону вороного коня и уселись на корточки, обмениваясь вполголоса короткими замечаниями:

— Кто здесь?

— «Седьмая звезда».

— Долго ли ждать?

— Совещание будет. Нойоны уже собрались.

— О чем, не знаешь?

— Может, о выступлении?

— Не пойдем ли назад?

— Молчи, или тебя придушат!

— Нельзя больше ждать. Кони объели траву.

— В земле урусутов погреемся.

— Сожжем их города.

— Коней накормим хлебом.

Прозвенели удары в медный щит. Нукеры считали: Девять! Гарди-Гель, это тебя!

Один из сидевших засучил правый рукав желтой нагольной шубы и приподнял полог двери. Он просунул голову в малахае внутрь юрты. Выслушав приказ, повернулся к нукерам.

— Ойе, Ору-Зан! Ослепительный требует привести немедленно шаманку Керинкей-Задан! Пойдем вместе. Я один с ней не справлюсь.

Плосколицый молодой нукер с приплюснутым носом замотал головой:

— Не пойду, Гарди-Гель! Она кусается.

— Иди, когда зовут. Сам ее укуси!

Ору-Зан встал. Шагая по колено в снегу, оба монгола направились к черной юрте под одиноким дубом. На нем оставалась половина желтых листьев, со звонким шорохом трепетавших от ветра.

Юрта не подавала признаков жизни,— веселый дым не вился над ней. До половины ее занесло снегом. Ору-Зан и Гарди-Гель окликнули несколько раз шаманку. Никто не отвечал. Они отгребли руками снег от решетчатых отверстий в середине крыши. Послышались глухие звуки, похожие на ворчание и лай. Подошли еще два монгола и открыли дверь. В юрте, под грудой войлоков и овчин, слышалась глухая ругань. Нукеры разбросали войлоки, из-под них показалась лохматая голова с черными блестящими глазами. Злой голос прохрипел:

— Вы откуда приползли, желтые ребята, у которых спереди слезами да слюнями проедено, у которых сзади

солнцем да ветром опалено? Как ваше глупое имя? Кому нужда, кому дело?

Старший нукер, зная обычаи вежливого обхождения, ответил, не сердясь:

— К кому у нас нужда, к кому дело, к тому мы и пришли с просьбой и поклоном. Ослепительный прислал нас, крошечных и маленьких, к тебе, великой шаманке, разговаривающей с онгонами, к тебе, всеведущей Керинкей-Задан. Зовет он тебя немедленно в свой шатер по важному делу, по тяжкой заботе.

Из-под войлоков вылезла худая старуха и уселась на корточки, обняв руками колени.

— Пожравшие мясо своего покойного отца, глупые желтые дураки! Кто же так зовет? Юрту трясет, войлоки с крыши стаскивает, на мороз слабую женщину выталкивает? Вы сперва огонь разведите, руки и ноги мне согрейте! Я три дня под войлоками лежу, вся застыла. Никто мне лепешки сухой не дал, похлебки мне не принес. Уходите отсюда, дикие невежи, пока я на вас не наслала тучу ворон с медными носами и железными лапами!..

Нукер стал высекать искры быстрыми ударами стального огнива. Другой подставил сухую бересту. Третий складывал ветки можжевельника посреди юрты, а четвертый, старший из них, Гарди-Гель, продолжал отворачивать войлоки и шкуры, так как шаманка упрямо лезла обратно в середину вороха.

Скоро береста и сучья загорелись и весело затрещали. Гарди-Гель, ухватив за руки Керинкей-Задан, тащил ее к костру. Смуглое лицо шаманки было вымазано красными и синими узорами. Седые волосы, заплетенные во множество косичек, мотались, как змеи. Она укусила Гарди-Геля за руку, и тот ее оставил. Тогда шаманка быстро напялила на себя шапку, украшенную головами птиц с длинными клювами и лисьими хвостами, на спину накинула медвежью шкуру, на грудь привесила медную тарелку, подпоясалась ремешком. На нем висели войлочные божки. Шаманка схватила большой бубен и колотушку, прицепила сумку, из которой торчали дудка, баранья лопатка и передняя нога козы.

Делала она все это быстро, бормоча молитвы, приплясывая и напевая.

Нукеры у костра молча со страхом косились на нее.

Наконец Гарди-Гель решил, что приготовлений хватит, и встал.

— Теперь идем к Бату-хану.

— Я не пойду без главного шамана Беки.

— Ору-Зан! Бери ее за локти, поведем великую с почтением к Бату-хану.

Четыре нукера подхватили Керинкей-Задан и, подталкивая ее сзади коленями, быстро вышли из юрты.

Крепко придерживая вырывавшуюся шаманку, нукеры дотащили ее до юрты, где на страже стояли «непобедимые» Бату-хана. Керинкей-Задан вошла в дверцу с важностью, подобающей знаменитой предсказательнице, умеющей разговаривать со святыми онгонами, узнавать волю неба и предсказывать будущее.

В юрте собрались главные ханы. От костра веяло теплом. Позади огня, подобрав ноги в красных сафьяновых сапогах, сидел на ковре Бату-хан. Прищуренными глазами он рассматривал шаманку. Она остановилась при входе, склонилась, звеня и грохоча побрякушками, и пала ниц.

Затем со звоном и грохотом вскочила и подбежала к молодой ханше, которая испуганно отшатнулась к стене. В знак высшего восхищения шаманка схватила ее за уши, понюхала обе щеки и вылизала языком уголки глаз. Погладила, поласкала и уселась рядом.

Шаманка уставилась безумным взглядом на Бату-хана.

— Ты — отрада всех людей, благороднейший храбрейший Саин-хан! Ты — падение быстрого беркута! Ты — черно-пестрый барс, бродящий с рыканием на вершине снежной горы! Ты — одинокий сизый коршун, с клекотом носящийся над скалами! Ты — сердце всего народа! Скажи, зачем ты позвал меня? Все могу я, все для тебя сделаю!..

Бату-хан ответил:

— Я призвал тебя, великая шаманка Керинкей-Задан! Ты носишь шапку, наводящую на народы ужас и тоску. Я видел сегодня сон.

— Рассказывай!..

— От него мой ум помутился и сердце расстроилось. Объясни мне сон, мой путь зависит от этого. Ты умеешь беседовать с грозными желтыми духами — онгонами семидесяти сторон вселенной. Призови их и спроси, что мне

делать: идти ли мне сейчас, в эту метель, на север, в леса длиннобородых урусутов, или мне следует переждать? Или повернуть на юг и кочевать там в теплых долинах на берегах Синего моря? Идти ли мне на Рязань или на юг к городу Кивамень[1]?

Шаманка закатила глаза так, что были видны одни белки, и, раскачиваясь из стороны в сторону, завыла «Аюн-ее! Аюн-ее!» Затем она вынула из сумки кожаный мешочек и посыпала из него на угли костра зеленый порошок. Заклубился голубой дымок, юрта наполнилась ароматом медовых степных трав.

— Рассказывай свой сон, а я призову семьдесят желтых онгонов и спрошу их: что тебе принесет счастье-удачу, а что — горе-слезы.

Бату-хан наклонился к шаманке и заговорил вполголоса:

— Увидел я сон, будто макушку моей головы жжет, точно раскаленные угли упали на меня из серой тучи. От этого запрыгали мои легкие и сердце. Увидел я, что мое девятихвостое знамя покатилось и покривилось. Увидел я еще, будто злобные, красные, как мясо враги-мангусы завладели всеми моими стадами и подданными. Увидел еще я, как они мучают моих верблюдов, как заставляют подыматься юрту за юртой и откочевывать в далекие места. Объясни мне, шаманка Керинкей-Задан, что этот сон значит, что мне хан-небо говорит.

Шаманка вскочила, подхватила свой бубен, забила в него и, закрыв им лицо, завыла, загукала, заголосила, подражая волку, медведю и сове. Она стала прыгать на месте, приплясывая, и вдруг, скача на одной ноге, выбежала из юрты. Нукеры бросились за ней. Она подбежала к одинокому дубу и с необычайной ловкостью влезла на его вершину. Там она продолжала кричать, ударяя в бубен и бросая на север, в сторону урусутов, кости, вынимая их из кожаной сумки. Потом она быстро соскользнула вниз и, так же вприпрыжку пробежав по снегу, вернулась в юрту. Бату-хан стоял при входе, наблюдая за всем, что выделывала колдунья. Пропустив ее в юрту, он снова уселся на ковре.

Шаманка опустилась на колени, прикрыла лицо бубном и низким мужским голосом сказала:

---

[1] Кивамень — Киев.

— Я подымалась на верхушку дерева. Я была на небе под облаками. Я говорила молитвы. Онгоны вслед за мной пришли сюда. Вот они сейчас будут говорить и объяснять твой сон.

Другим, визгливым, голосом шаманка продолжала:

— Рожденный повелителем земли Рязанской, молодой коназ, лучший из витязей, приезжал с поклоном к тебе, владыка всех народов, а сам он смотрел на все восемь сторон и пересчитывал твоих воинов. Он привез тебе подарки, двенадцать прекрасных коней, и среди них черного коня, на котором могут ездить только желтые духи-онгоны. Что ты сделал с этим красавцем-конем?

Бату-хан зажмурил глаза, отмахнулся рукой и несколько раз покачал головой, точно хотел сказать: «Знаю, знаю, о чем ты будешь просить!» Он ответил:

— Что я сделал? Я убил коназа Рязани и буду ездить на его вороном коне.

Шаманка снова заговорила низким голосом:

— Объясни, великий желтый дух онгон, что означает сон Бату-хана? Не грозит ли он бедою? Не нужно ли совершать моление, чтобы отогнать ползущее к нам горе?

Шаманка переменила голос и тонким волчьим воем стала продолжать, как будто говорил другой небесный дух:

— Задуманный поход будет труден. Бородатые урусуты — сыновья рыже-красных, как сырое мясо, мангусов. Драться с ними опасно: на месте одной отрубленной головы вырастают две, вместо отрубленных двух голов вырастут сразу четыре. Без молитвы нельзя воевать с урусутами, надо принести в жертву девяносто девять черных животных: коней, быков, баранов и коз — черных без отметины. Надо первым зарезать черного коня, подаренного рязанским коназом...— последние слова шаманка говорила все тише, и казалось, что они доносились с крыши юрты. Тут шаманка склонилась к земле и свалилась на бок.

В юрте было тихо. Все ждали, что скажет Бату-хан. Ослепительный, зажмурив глаза, говорил:

— Ты умная, как старый волк, ты хитрая, как побывавшая в капкане лисица! Может быть, ты мне скажешь: не лучше ли мне вовсе не идти на север в леса и берлоги урусутов? Может быть, там все мое войско погибнет, съеденное рыже-красными урусутами? Может быть, мое

девятихвостое знамя наклонится, как подрубленное, а мои монголы станут кандальниками других народов?

Шаманка молчала.

Бату-хан продолжал:

— Мне многие, у кого душа трясется, как овечий хвост, говорят: «Зачем идти на урусутов? Там непроходимые старые леса, где бродят колдуны, а им служат медведи. Лучше уйти в степи, к Синему морю, где ветер гонит волны серебристого ковыля, где пасутся стада белых быков, белых баранов, белых коз. Там кочевать привольно...» Не эти ли трусливые души научили тебя, Керинкей-Задан, твоим испуганным песням? Где мой учитель Хаджи Рахим?

Из-за широких спин монгольских ханов поднялся факих, сухой, изможденный, с длинной седеющей бородой, в высоком колпаке дервиша.

Скрестив руки на животе, он тихо сказал:

— Внимание и повиновение! Я слушаю тебя, Бату-хан!

— Как поступал Искандер Двурогий, когда предпринимал поход? Искал ли он земли с хорошими пастбищами?

— Нет, джихангир, он искал только отряды своих врагов и обрушивался на них как падающий с неба беркут.

— Съедал ли он перед боем своего лучшего вороного коня?

— Нет, джихангир! Своего любимого вороного жеребца Буцефала он водил с собой всюду в походах, даже когда Буцефал сделался старым.

— Спасибо тебе, мой мудрый и верный учитель Хаджи Рахим. А что скажет мой боевой учитель Субудай-багатур? Нужно ли нам идти на урусутов или отступить для отдыха к Синему морю?

Субудай-багатур, ворочая злым и недоверчивым глазом, сказал:

— Войско здесь застоялость. Запасы кончились. Метели усиливаются. Пора направиться быстро на города урусутов. Там можно откормить и людей и коней. На вороном коне рязанского князя ты въедешь в город Рязань, хотя бы семьдесят семь тысяч мангусов старались тебе помешать. Шаманке Керинкей-Задан, чтоб она не голодала, подари привезенную рязанцами мороженую тушу черной свиньи, большую, как лошадь. Жертвы семидесяти

семи желтым духам онгонам мы принесем в городе Ульдемире, захватив табуны урусутских коней. Пусть Керинкей-Задан старательно помолится, чтобы онгоны прекратили метель. Трудно идти по такому глубокому снегу. Если метель будет еще злиться девять дней, она засыплет нас снегом навсегда.

Субудай-багатур замолчал. Задрав шаровары на левой ноге, он усердно чесал искусанную вшами волосатую ногу. Военачальники посматривали друг на друга, и веселые искорки играли в их глазах.

— Спасибо тебе, всегда мудрый Субудай-багатур! Я ожидал от тебя таких слов. Завтра мы снимаемся с нашей стоянки. Войско пойдет девяносто девятью черными потоками и ворвется в рязанские земли. Я поеду на вороном коне с белыми до колен ногами и белой звездочкой на лбу. Он принесет мне счастье-удачу. Мой белый конь Акчиан, завернутый в войлоки, будет уведен кипчакскими конюхами к Синему морю. Он родился в Арабистане и едва ли перенесет медвежий холод. Мы не будем вырезать всех урусутских харакунов[1]— земледельцев. Нужно захватить их как можно больше и гнать впереди. Мы погоним их первыми на приступ городских стен.

— А чем их кормить?— спросил один хан.

— Зачем кормить пленных? Пусть они сами кормятся! Пусть едят павших коней и все, что хотят. Сегодня мы будем отдыхать без заботы. Завтра снова начнется кровавый пир.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Монголы наступают

Первым в вихре снежной пыли ушел тумен «бешеных» Субудая-багатура. Своими знаменитыми переходами, меняя в пути коней, Субудай пробивался через сугробы. Он посадил на коней нескольких половецких пленных проводников. Они указывали ему едва заметные степные тропы. Субудай держал проводников возле себя и расспрашивал обо всем, что ему казалось странным, необычным.

---

[1] Харакун — простой народ, буквально — черный человек.

Быстрым налетом его передовой разъезд захватил в лесу трех охотников. На поясах у них мотались десятка два белок. Около них вертелась черная лохматая собачонка. Пленных привезли к Субудаю. Он сидел на саврасом заиндевевшем иноходце. Из-под лилового малахая с наушниками виднелся только его сверлящий глаз.

— Что вы тут делаете?— спросил Субудай через половецкого переводчика.

— Белкуем.

Переводчик объяснил Субудаю, что охотники ходят по лесу, бьют и ловят в западни белок.

— А где вы спите ночью? Уходите назад в свой дом? Где ваша юрта?

— Нет! Пока мы промышляем, мы спим в лесу. Изба далеко. Разве можно в нее возвращаться с охоты?

— Как далеко?

— Дней шестнадцать ходу.

— Как же вы спите в лесу? Как заяц в снегу?

— Зачем как заяц! Мы копаем в снегу яму до самой земли, чтобы было сухо. И тогда уже на земле разводим костер. Мы спим возле костра, как на печке, или ложимся на то горячее место, где горел костер.

— И тепло?

— Как в избе. Снимешь полушубок, набросишь на плечи, согреешься и спишь.

— А какой делаете костер? Из чего? Из веток?

— Зачем? Свалишь рядом три лесины, разожжешь их посредине,— лесины и пылают всю ночь, одна от другой разгораются, жар берут. Ночью встанешь, передвинешь обгорелые концы лесин в огонь и опять заснешь.

— Трудно срубить лесину?

— Почему трудно? Дело привычное.

— Покажи, как ты рубишь.

— Почему не показать?

Охотники вытащили из-за спины топоры, поплевали на руки. Один из них хотел сбросить полушубок. Другой заворчал:

— Не скидывай, украдут твою лопоть[1]!

Охотники ловко и быстро срубили три еловых лесины, оттащили их и сложили рядом, обрубив ветки. Посредине, быстро высекая из кремня железным огнивом искры

---

[1] Лопоть — одежда.

на трут, разожгли бересту. Положили на бересту еловые ветки, и лесины запылали веселым пламенем.

Субудай внимательно следил за работой охотников и сказал своим помощникам:

— Вперед урусутов не убивать, а брать в плен и гнать перед собой. Эти охотники будут показывать пленным, как прорубать просеки. По ним мы протащим к Рязани наши китайские камнеметные машины. Они разгромят рязанские стены.

Субудай показал пальцем на лохматую собачонку, которая жалась к ногам охотника и огрызалась на монголов.

— Как по-урусутски зовется эта зверушка?

Охотник ответил:

— А пес! Пустобрех!

Субудай спросил другого:

— Как зовут зверушку?

— Жучка! Тютька!

Субудай спросил третьего охотника. Тот сказал:

— Лайка! Охотницкая собачонка.

Субудай покачал головой:

— Трудный язык урусутов. По-монгольски все просто и ясно: одно слово «нохой»—и все знают, что это собака. А урусуты — путаники. Каждый называет по-своему. Вот они и не понимают друг друга.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Княгиня Евпраксеюшка

Проходили дни, а от посольства, отправившегося к татарам, все не было вестей. В Рязани стали тревожиться не на шутку. «Что с послами? Почему не шлют гонцов? Скоро ли приедут?»

Княгиня Евпраксеюшка места себе не находила:

— Зачем я отпустила Феодора? Почему не упросила его взять меня с собой? Берегла бы его там.

Часами просиживала она в высоком тереме. Без устали глядела в окно на далекую снежную равнину — не покажутся ли долгожданные путники!..

Но уныло простиралось бескрайнее поле, пустынное, неприветное. Напрасно искали темные глаза Евпрак-

сеюшки,—не видно было поезда посольского. Туманились прекрасные глаза, бледнело молодое лицо. Заливаясь слезами, роняла она голову на беспомощные руки.

— Ну что ты, родная, убиваешься!— уговаривала ее старая нянька.— Ладно ли так? Приедет князь-батюшка — что скажет? Не уберегли тебя... Смотри, как исхудала!

— Измучилась я... Чует сердце беду...

— Полно, что ты! Еще накличешь...

Старуха торопливо крестилась и кланялась иконам в переднем углу.

Евпраксия, в тоске и тревоге бродя по хоромам, услышала озлобленные, раздраженные голоса и вошла в гридницу. Там собрались съехавшиеся на совет князья, бояре и воеводы. Они сидели и спорили, кричали, шумели. Один говорил одно, другой не соглашался, и решить ничего не могли. Ели и пили за длинным столом и снова принимались за споры.

— Надо еще раз послать гонцов во все большие города,— говорил угрюмый седой князь.— Надо собрать всех князей, весь народ, надо всем миром, сообща, идти против татарских полчищ.

— Соберешь вас!— возражал Юрий Ингваревич.— Посылал я во Владимир-Суздальский к князю Георгию, а что толку? Даже не ответил!

— Неужто великий князь Владимирский не оставит своей гордыни? Неужто не двинет свои полки на подмогу?

— Будет медлить! Наше разорение ему на руку: он давно хочет себе примыслить рязанские земли...

Старый князь, сдвинув брови, покачал белой головой.

— Пора бы оставить раздоры и ссоры. Каждого из нас в отдельности легко татары осилят. Будем вместе стоять, тогда им с нами не справиться! Надо всем соединиться, одной головой думать!..

Молодой князь вспыхнул и вскочил с места.

— А этой головой не тебя ли назначить?

— Куда мне! Я стар!

— Знаю я тебя! Ты давно ищешь власти, а я к тебе под начал не пойду!

— Довольно ссориться!— вмешался Юрий Ингваревич.— Если к Батыге под начал попадем, хуже будет! Я мыслю выйти с моими рязанцами навстречу татарам в

Дикое поле, чтобы задержать их там, пока из Владимира не подойдет подмога.

— Одних рязанцев больно мало,— возразил старый князь.— Надо поднять народ всей земли русской, призвать всех — и земян, и городских.

— Что толку от простых смердов сиволапых!— запальчиво вставил слово один воевода.

— Может, больше толку, чем от иных воевод!— вызывающе ответил молодой князь.

Сидевшие вскочили и бросились друг на друга.

— Стыдитесь, князья!— успокаивал споривших князь Юрий.— Одумайтесь! Всем нам погибель грозит, а вы что делаете?

— А сам ты что сделал?— крикнул дерзкий голос.

— Я сына не пожалел, к татарам отправил!— с достоинством ответил Юрий Ингваревич.— Бог знает, что с ним случилось! Нет ли беды? До сих пор нет вестей...

— Может, удалось ему уговорить царя Батыгу? Может, не пойдут на нас татары?

— А чего нам их бояться? Кто их видел? Может, и не страшны они вовсе?

Князья снова заспорили, снова зашумели, стараясь перекричать друг друга.

Евпраксия постояла в дверях, послушала и печально вернулась в свой терем. Еще тоскливее стало на душе.

Упросила Евпраксия старушку позвать ворожею. Пришла гадалка в платке затейного узора. Зерно сыпала, воск лила, на тень смотрела...

— Скоро гость к тебе будет, княгинюшка! Подарков привезет заморских, радость тебе будет дивно хрушкая[1]... Ты о чем все кручинишься? Твое сердце далеко, здесь его нет... Взял с собой его добрый молодец... Ты о нем не спишь ночи долгие? Успокойся: беда не грозит ему. Видишь — путь его ждет какой дальний. Ну смотри сама, коль не веришь мне: вон соколик твой, а вон дорога длинная-предлинная!..

Евпраксия посмотрела, и неясная тень на белом полотенце казалась действительно милым обликом мужа. Обрадовалась Евпраксия. Отпустила ворожею, щедро одарив ее. Ободрилась и нянька.

---

[1] Дивно хрушкая — очень большая.

— Видишь — правда моя! Говорила тебе — нечего раньше времени плакать! Вернется голубчик, князь наш. Чай, путь ему не близкий...

Позвала девушек Евпраксеюшка, работа закипела в ее проворных руках. Надо приготовить новое красивое платье для встречи мужа. Князь Феодор любил рядить ее, часто баловал свою княгинюшку, любовался ее красотой. Девушки с песнями мелкими стежками сшивали мягкий шелк, а Евпраксия взялась за вышивание — искусным узором покрывала цветными шелками атласную сорочку, подарок любимому мужу.

Работа спорилась дня два, потом снова выпала из рук. Напрасны были уговоры нянюшки, напрасно девушки старались развлечь княгиню. Снова тоскливо смотрела она на далекую безлюдную дорогу, снова лились из глаз непослушные слезы. Старая княгиня, скрывая собственную тревогу, утешала любимую сноху. Даже невестки пытались развеселить ее, но Евпраксия никого не слушала. Бесцельно бродила она по опустевшим горницам и думала все ту же безрадостную думу:

«От князей защиты не дождешься, а Феодора все нет!.. Придут татары. Кто укроет, кто заступится? Князья все спорят да ссорятся, каждый верховодить хочет... Погубят они землю Русскую! Придут татары... Зарежут аль уволокут к себе».

Семеня ножонками, подошел к ней сынишка. Крепко прижавшись к матери, поднял на нее отцовские глаза. Хоть и мал был, а чувствовало дитя, что у матери горе. Обняла Евпраксия любимца и с трудом сдерживала слезы.

— Нет! Не отдам тебя татарам, Ванюшка! Не будет рабом татарским сын Феодора! Не будет татарской наложницей и жена Евпраксеюшка!

Снизу послышался странный шум. Захлопали двери, раздались громкие вопли и рыдания.

Сердце оборвалось у Евпраксии. Не помня себя, с ребенком на руках, опрометью бросилась она вниз, вбежала в горницу... На руках у плачущих женщин билась старая княгиня Агриппина. Князь Юрий, казалось, потерял разум. Он рвал на себе одежду и кричал:

— Я виноват в его кончине! Я!..

Впереди стоял старый Апоница, верный слуга и пестун князя Феодора. В рваной и грязной одежде, с за-

пекшимися кровавыми ранами, измученный и похудевший, он тоже заливался горькими слезами:

— Изрубили его окаянные! Никого в живых не оставили! Меня отпустили вам поведать... На моих руках скончался наш соколик!

Евпраксия не закричала, не забилась в слезах и причитаниях. Молча повернулась и, прижимая к груди сына, вышла из горницы. Поднялась по витой лестнице в свой терем, подошла к окну, распахнула его и вместе с ребенком бросилась на черневшие внизу камни.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Пленные монголы

Рязанское войско вошло в глубь Дикого поля. Застигнутое метелью, оно остановилось боевым лагерем.

Князья и воеводы сидели в шатре тесным кругом на большом ковре. Думали, как сберечь Русскую землю. В шатре, сквозь полотнища, слышались завывание метели, унылый свист ветра. Лучины в двух поставцах горели трепетными огнями. Угольки, шипя, падали в деревянные ковши с водой. Чадь[1], сидя на коленях, присматривал за огнем. Нападения не жди в такую ночь: буря с ног валит!

Кто-то подъехал на коне. Стал расспрашивать, где найти князя. Приподняв тяжелый полог, в шатер пролез засыпанный снегом отрок в нагольном полушубке. Скинув запорошенный колпак, отрок сказал:

— Приехал старый воевода Ратибор. Говорит, важные вести привез. Ждать до утра не может.

— Какой он воевода!— сказал один из князей, давно враждовавший с родичами Ратибора.— Не поп и не расстрига! Сидел бы в монастыре и отбивал усерднее поклоны и молитвы! Бродит по ночам, как леший! Видно, на душе немало тяжких грехов, если не спится, не сидится и сон не берет.

— Истину ли ты говоришь? Бог тебе послух!— ответил из угла другой голос.— Силком доброго витязя в поруб[2] засадили и постригли в монахи.

---

[1] Чадь — слуга.

[2] Поруб — подвал, погреб.

— Довольно старой розни!— сказал третий голос.— Имемся отныне во едино сердце!

Все замолкли. Отрок приподнял полог, и в шатер вошел большой грузный Ратибор. Он снял меховой треух, расстегнул нагольный полушубок. Вытащил и расправил окладистую седую бороду. Перекрестился трижды на образ в золоченой ризе, стоявший на кожаном сундучке в углу, и поклонился в пояс князю Рязанскому.

— Проходи, отче Ратибор!— сказал князь Юрий Ингваревич.— Садись с нами. Трудные думы сейчас у нас. Может, ты что доброе скажешь?

Ратибор опустился на ковер и начал свой сказ:

— Я держал сотню дружинников в засаде, в камышовой заросли. Хотел выловить татарина. Надо у них выведать,что они надумали. Метель нас засыпала снегом, да обидно было отступать с пустыми руками. На счастье наше, заметили мы нехристей. Видно, сбились с пути или сами пробирались, чтобы достать у нас языка. Мы дружно набросились на них. Они пустились наутек. Двоих удалось стащить с коней. Один, попроще, легко сдался, другой — как дикий зверь, отбивался, визжал, не хотел покориться. Насилу мы его ошарашили секирой и перевязали ремнями.

— Живьем забрали?

— Забрали и допытывали. Видно, много знает, а сказать ничего не хочет.

— Пытать не умеешь,— сказал кто-то— Привез бы ко мне.

— Я и привез.

— Давай-ка сюда!— сказал князь.

Отроки ввели в шатер монгольских пленных. Руки их за спиной были затянуты ремнями. Один — побогаче, в суконном чекмене, подбитом мерлушкой, с синими нашивками на левом плече и в замшевых белых сапогах. Лицо сухое, точно выкованное из красной меди, напоминало голову рассерженного сыча. Глаза, надменные и зловещие, на мгновение острым испытующим взглядом остановились на каждом из сидевших в шатре. Это были глаза гордого, непокорного, но затравленного зверя, готового к прыжку при первой надежде на битву и свободу.

Другой пленный — совсем молодой, лет семнадцати, в полуистлевшем домотканом чекмене, надетом поверх облезлого, изодранного полушубка. Ноги завернуты об-

рывками старой овчины. Он смотрел с испуганным любопытством, впервые видя перед собой урусутов, против которых царь Батый повел свои полчища.

Князь приказал крикнуть Лихаря Кудряша.

— Ты будешь отвечать?— обратился Лихарь к старшему пленному.

Тот покосился на него и отвернулся.

— Если молчать будешь, тебя прижгут огнем.

— Буду отвечать.

— Кто ты? Как тебя зовут?

— Я сотник Урянх-Кадан, из тумена всех владык Бату-хана.

— Сколько у него войска?

— Войска у Бату-хана столько, что пересчитывать его придется девяносто девять лет.

— Где находится Бату-хан?

— Здесь в степи. На расстоянии полета стрелы. Прямо перед вашим войском.

— Куда он идет?

— Бату-хан идет покорить урусутов и сделать их своими кандальниками.

— Почему он стоит, а не идет вперед? Боится нас?

— Бату-хан ничего не боится. Он выжидает, пока успокоится метель. Злые духи урусутов плюют снегом нам в лицо, не хотят пускать нас в свои земли. Когда наши онгоны прогонят урусутских мангусов, Бату-хан пойдет вперед, прямо на город Рязань.

— Кто главный начальник у монголов?

— Их много. Главные начальники — одиннадцать царевичей священной крови Великого воителя, Чингиз-хана.

— Все ли идут на Рязань?

— Чтобы идти всем на Рязань, не хватит места войскам, корма коням. Войска идут рядом, широкими крыльями, как облавой на охоте. Самый правый — Шейбани-хан, самый левый — Гуюк-хан.

— Кто из них идет на Рязань?

— На Рязань сперва пойдет Гуюк-хан, а за ним Бату-хан.

— А что делают другие начальники?

— Они идут на другие города урусутов.

Князь Юрий Ингваревич обратился ко второму пленному:

— Как тебя зовут?

— Меня зовут Мусук, сын Назара-Кяризека.

— Верно ли то, что говорил твой товарищ, Урянх-Кадан?

— Почти все верно.

— А что неверно?

— Сами догадайтесь. Я говорить не стану.

— Это твой начальник?

— Да, это мой большой начальник.

— Как вы попали в плен?

— Мой начальник хотел посмотреть, где войска урусутов. Мы сбились с дороги. Здесь нас схватили.

Князь задумался, и воеводы поникли головами. Поняли, что тяжелой будет борьба с надвигающимися, как тучи, татарскими войсками.

— Кто же скажет бодрое слово? Кто даст дельный совет?— спросил Юрий Ингваревич.

На лице монгольского пленного как будто мелькнула насмешливая улыбка. Князь Юрий сказал Лихарю Кудряшу:

— А ну-ка, Кудряш, возьми обоих пленных и держи их крепко. Завяжи им ноги сыромятными ремнями, веревки они перегрызут зубами и убегут. Уведи их отсюда!

Кудряш вышел с пленными. Ратибор, расправляя бороду, кряхтел и вздыхал, словно что-то душило его.

Воеводы молчали. Князь обратился к Ратибору:

— У тебя, отче Ратибор, опыта воинского много. Ты бы сказал, что думаешь о тех вестях, какие нам поведали нечестивые мунгалы?

— Прихвастнул мунгал перед нами. Войско у них большое, верно, но тут для них и выгода, тут им и горе. Большое войско, такое, как у них, стоять долго на месте не может. Монгольские кони уже объели всю траву, выбили копытами даже корни из земли. Еще несколько дней — и у мунгалов начнется падеж их табунов, кони друг у друга начнут отгрызать хвосты. Поэтому не все идут на Рязань, а широкими крыльями движутся на другие города за хлебом и сеном. Если бы наши князья дружно стояли одной ратью, никакие мунгалы нам бы не были страшны.

— Верно ли говорили мунгалы?

— Конечно, врут, что татарское войско надо считать девяносто девять лет, ну а все прочее — правда.

— Что же, по-твоему, надо делать?

— Мунгалы растянулись отсюда до самого Пронска. Одним валом они на нас не ударят. Если не соврал мунгал, то перед нами стоят полки Гуюк-хана и самого Батыги. Надо, не теряя ни часа, двинуться вперед и отколоть Гуюка от середины, где стоит войско Батыги. В такую метель они ничего не заметят. Нападем на войско Гуюка и погоним его. Затем повернем на Батыгу. Это будет трудное дело,— но если на нас навалятся мунгальские полки, то будет нам еще труднее. Тогда наш конец! Кто только защищается — будет разбит. Мы должны сами наброситься на татар...

Воеводы заговорили, заспорили, каждый давал свой совет. Князь Юрий Ингваревич принял в конце концов совет Ратибора, приказал с рассветом поднимать войско и наступать на левое крыло татар.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Битва на Диком поле

> ...Лежали на земле пусте, на траве ковыле, снегом и ледом померзоша, ником брегоми, и от зверей телеса их снедаеми, и от множества птиц растерзаеми. Все бо лежаша купно, умроша, едину чашу пиша смертную.
>
> *(«Повесть о приходе хана Батыя», XIII в.)*

На рассвете полки были наготове. Дружинники ночевали в снегу. Костров не разводили. Метель затихла, снег повалил крупными хлопьями. За холмами занималась заря. Воины подымались, отряхали снег, брали мечи, секиры и копья. Кто имел, надевал кольчугу.

Князь Юрий Ингваревич проезжал вдоль полка. Воины строились плечом к плечу.

В тихом воздухе четко разносилась речь князя:

— Готовьтесь, братья мои младшие, воины смелые, удальцы, узорочье рязанское! Окаянный враг стал с мечом у русских пределов. Занес он руку над нашей волей. Готовьтесь к борьбе. Зачем поднялся на нас лукавый враг средь мира и покоя? Он уже владеет всей землей половецкой. Чего он от нас еще хочет? Огонь и меч пустит по нашей земле! Поганые мунгалы камня на камне

не оставят в свободной Рязани. Только ваша храбрость — ваша защита, судьба родного города, наших пашен, сел, любимых детей, жен и родителей наших. Грозный враг не дремлет. Он спешит на Рязань, чтобы отогреться пожарами, поживиться добром нашим. Враг здесь, перед вами. Скоро начнется бой. Не отступите перед врагом!.. Я, брат ваш, наперед вас иду испить чашу смертную. Умрем за вольную отчину отца нашего Ингваря Святославича!

Лицо князя было угрюмо и хмуро, но строгие глаза горели несокрушимой волей. Он сжимал рукоять меча, сдерживая нетерпеливого, застоявшегося на морозе гнедого коня.

Воины отвечали короткими криками:

— Постоим! Не печалься! Скорее Ока назад потечет, чем мы отступим!

Тысячные и сотники объезжали ряды своих отрядов и объясняли:

— Мы пойдем навстречу окаянным мунгалам. Будем пробиваться в их середину, раскалывать их надвое. Покончим с одним крылом, тогда навалимся на другое. Будьте стойки! Мунгалы хитры. У них старая волчья сноровка. Они притворно побегут, как будто поджали хвосты, чтобы увлечь наши полки в засаду. Не верьте им и не гонитесь за ними. Стойте так же дружно, плечом к плечу, и ждите второго удара. Так мы отобьем мунгалов...

Запорошенные снегом воины слушали сурово и спокойно, опираясь на шестоперы, копья и секиры. Их потемневшие от времени и непогоды полушубки и рыжие армяки, подпоясанные узкими ремнями с ножами в деревянных ножнах, их лапти и шерстяные онучи, обвитые до колен и затянутые лыковыми бечевками,— все говорило о скудной жизни, о повседневной тяжелой работе. Они встали на защиту рязанской земли и готовы жизнь свою отдать, только бы не допустить ворога к оставшимся позади родным избам.

Войско двинулось вперед медленным шагом, взбираясь на отлогие гребни холмов. Идти было трудно. Буря нанесла снегу до колен.

Уже поднялись на гребень передние ряды и остановились. Вдруг резкий крик прорезал напряженную тишину:

— Урусут! Урусут!

Это закричали во всю силу, подавая знак своим, связанные пленные, шедшие рядом с Ратибором. Этот крик повторился и впереди, и справа, и слева и перекатился вдали. Степь, засыпанная глубоким снегом, казавшаяся мертвой пустыней, вдруг ожила. Из снега поднялись темные фигуры, послышались гортанные выкрики, и с гулом и топотом множество людей и коней понеслось по снежной равнине прочь, все дальше теряясь в сумеречном тумане. Гул затих, и только вдали слышались отдельные выкрики. Вскоре все исчезло...

— Ну и татарва! Ну и окаянные мунгалы!— говорили дружинники.— Чего ж они побежали? Нас испугались? Нет,— завлекают! Нас не проведешь!

Сотники успокаивали воинов и указывали места, где им ложиться, прячась за бугры.

Русские ряды опустились в снег, выжидая, прижимаясь друг к другу. Багровое солнце прорезало низкие тучи и длинными розовыми лучами осветило белоснежную равнину. Вдали ясно виднелась извилистая линия монгольских всадников. Они уже направлялись обратно, выставив вперед копья, положив блестящие кривые мечи на правое плечо.

Дружинники продолжали безмолвно лежать в снегу, прячась за грядой холмов.

Уже слышался равномерный глухой топот мчавшихся монгольских коней. Казалось, вся степь гудела и дрожала от удара десятков тысяч копыт. В облаках снежной пыли и пара от разгоряченных коней приближались разъяренные монголы.

Они дико визжали:

— Кху, кху, кху, уррагх!

Татары стали взбираться по отлогому скату холмов, где затаились русские. Несколько коней споткнулось и грохнулось, другие продолжали мчаться нестройной лавиной. Они были шагах в двенадцати от гребня. Рязанские воины вскочили и бросились на врага с криками:

— Вперед, Рязань! Вперед за отчую землю!

Кони были ошарашены. Одни повернули назад, другие, сбросив всадников, поднялись на дыбы и упали. Остальные продолжали мчаться, встречая повсюду удары секир и топоров.

Русские яростно нападали на всадников, разрубая меховые шубы и железные шеломы. Кривые мечи татар

мелькали в воздухе. Они пустили в ход большие луки, метали длинные стрелы с закаленными стальными наконечниками. Воины падали, снова вставали, продолжая бой, и продвигались вперед, вниз с холмов, куда стала откатываться монгольская конница.

Рязанцы одолевали. Монгольский удар не опрокинул русских рядов. Ополченцы, стиснув зубы, хрипя, бились отчаянно, прорубая страшную дорогу среди быстро вертевшихся монгольских всадников.

Прозвенели удары в медные щиты. Послышались резкие выкрики монгольских сотников. Татарская конница круто повернула обратно и помчалась назад, откатываясь черными волнами от снежных холмов, устланных трупами. Пытаясь встать, окровавленные кони бились на земле. Другие, спотыкаясь, старались ускакать в сторону, волоча зацепившегося ногой за стремя всадника.

Русское войско медленно отходило. Ряды рязанцев сильно поредели. Много мертвых тел лежало на отлогом скате холма, открытыми глазами уставившись в низкие свинцовые тучи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Поход на Рязань

Бату-хан двинул войско на север. Для постоянной связи с отдельными отрядами он посылал к ним особых гонцов. Каждые два дня к нему в орьгу прибывали с мест расторопные нукеры. Они привозили вести и получали приказы джихангира.

Разгулявшаяся метель разметала гонцов. Отряды сбились с намеченных путей. Вскоре Бату-хан знал только местонахождение его тумена «непобедимых» и стоящего рядом тумена «бешеных» Субудай-багатура.

Идти дальше казалось невозможным. Войско остановилось. Кормить коней стало трудно. Под глубоким снегом они с трудом докапывались до сухих растений. Бату-хан приказал из вьючного обоза выдать коням своей личной охраны по миске пшеницы. Если метель протянется еще несколько дней, кони полягут, а с ними погибнет и все монгольское войско.

— Вперед, к Рязани!— твердили монголы.

Бату-хану и знатнейшим ханам снова поставили юрты. Приходилось у костра лежать — сидеть было невозможно. Через верхнее отверстие валил снег. Дым наполнял клубами юрту и резал глаза.

Бату-хан лежал на животе, рассматривая пергаментный лист, на котором были грубо начерчены главные города, дороги и реки земель урусутов. Он высчитывал расстояния, которые ему придется спешно пройти.

Около него теснились ханы, его тысячники. Они молча слушали, что бормотал Бату-хан, и хором поддакивали ему.

Вернулись посланные Субудаем разведчики. Вошел засыпанный снегом старый нукер в разорванном малахае, в овчинной шубе, туго подпоясанный сыромятным ремнем. Подоткнув полы, он опустился на колени около костра. Засучив длинные рукава, стал греть заскорузлые скрюченные пальцы.

На вопрос Бату-хана старик сказал:

— Впереди близко залегло в оврагах войско урусутов. В такую черную ночь они проберутся к нам и вырежут наших воинов.

— Что ты еще знаешь?

— Слева, невдалеке, идет войско хана Гуюка, два тумена. Нукеры бранятся, говорят, что надо зарываться в снег и выжидать, пока пройдет буря. Иначе кони свалятся. А хан Гуюк гонит всех вперед, говорит: «Мы должны взять Рязань раньше Бату-хана, иначе нам ничего не останется. Там много хлеба, вина, женщин и золота».

Бату-хан спокойно сказал:

— Очень похвально, что Гуюк-хан, в пример другим туменам, рвется к Рязани; хорошо, что он хочет захватить этот большой город урусутов. Знаешь ли ты, где сейчас стоит Гуюк-хан? Сумеешь ли найти его?

— Знаю,— сказал нукер,— и найду.

— Субудай-багатур даст тебе полоску бумаги с моей печатью. Поезжай к хану Гуюку и скажи ему: «Джихангир повелевает войску Гуюк-хана спешно двинуться вперед, найти в степи войско урусутов, загородивших нам путь, и раздавить его. Если же Гуюк-хан считает себя слабым, чтобы напасть на урусутов, пусть непременно ждет меня и об этом известит. Тогда я пошлю тумен Субудай-багатура, и он уничтожит урусутское войско без помощи Гуюк-хана».

Лежавший рядом Субудай-багатур достал из-за пазухи золотую коробку с печатью и красной краской. Он оттиснул на небольшой полоске бумаги имя джихангира. Старый нукер спрятал полоску за подкладку своего разорванного малахая и выполз из юрты.

Среди ночи добрался до юрты Бату-хана другой гонец, молодой, черноглазый, в синем суконном чекмене, обшитом парчовыми полосками. Он сел на пятки, тонкий, с высокой грудью и прямыми плечами. Зоркими проницательными глазами оглядывал находившихся в юрте.

— Где Субудай-багатур?

Бараний тулуп зашевелился, из-под овчины показалось красное лицо с выпученным глазом.

— Зачем я тебе?

— Я привез тебе горе. Не казни меня.

— Говори,— сказал Бату-хан.

— Я ехал к Гуюк-хану. В пути я встретил сына Субудай-багатура, смелого витязя Урянх-Кадана. Он ехал с четырьмя нукерами...

— Он выехал с девятью.

— Мы спустились в овраг, тихо ехали гуськом. Напали урусуты. Их было много. Мой конь вынес меня из схватки. Я привязал его наверху, затем снова спустился в овраг. Я нашел убитых нукеров, но тела твоего сына я не нашел. Может быть, его увели в плен? С ним исчез молодой кипчак по имени Мусук.

Субудай-багатур сидел согнувшись, с искаженным от гнева красным опухшим лицом. Его выпученный глаз медленно зажмурился и стал похожим на щелку. Одинокая слеза скатилась по морщинистой щеке...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Мертвое поле

О поле, поле, кто тебя
усеял мертвыми костями?

(Пушкин.)

Утром лучи багрового солнца, как полоски крови, протянулись низко над снежной равниной. К Бату-хану прискакали гонцы и рассказали, что тумен Гуюк-хана напал на войско урусутов. Урусуты дрались с отчаянной яростью, как злые духи мангусы. Они рубили топорами и

людей, и коней. Войско Гуюк-хана не удержалось, не могло одолеть урусутов и отхлынуло обратно, потеряв очень много воинов.

Бату-хан спросил мнение своих ханов и под конец Субудай-багатура. Все говорили, что Гуюк-хан должен снова напасть на урусутов. Но Бату-хан сказал:

— Если Гуюк-хан не мог взять холмы, где залегло небольшое войско урусутов, то где же ему захватить Рязань с крепкими высокими стенами? Он опозорил славу и ужас монгольского имени. Пусть он сперва нашьет заплаты на дыры своих шаровар, лопнувших после боя с урусутами. Мы повелеваем: наш тумен «непобедимых» и тумен «бешеных» Субудай-багатура пусть немедленно выступают, нападут на холмы, где залегли урусуты, и, не задерживаясь, идут на Рязань. Гуюк-хана мы ждать не будем. Моя тысяча пойдет со мной. Я буду сам наблюдать за боем. Пленных не брать! На поле битвы не задерживаться! В пути сделать самую короткую остановку, чтобы только подкормить коней и дать им передышку. Ханы поставят юрты только перед стенами Рязани.

Метель кончилась внезапно. Солнце появилось на светлом бирюзовом небе. Ветер угнал к югу серые тучи.

Ярко блестела равнина, гладкая, спокойная, похоронившая под снежным покровом тысячи убитых и раненых.

Вереница волков пробиралась трусцой по прямой, как струнка, тропинке. Каждый волк ставил лапу в след переднего. Вожак шел в ту сторону, откуда доносился острый запах крови.

На снегу чернело много трупов. Звери приближались. Иногда лежавший шевелился. Тогда вожак делал прыжок в сторону и отходил в новом направлении.

Стаи ворон и галок летели к полю битвы. Они садились возле павших, медленно, косыми прыжками приближались к ним. Изредка взмахивала рука. Стая взлетала с хриплым карканьем, искала новой поживы.

Волки повернули к оврагу. Начали спускаться. Вдруг бросились обратно. Из оврага выехал всадник. На рослом рыжем жеребце сидел молодой воин в блестевшей на солнце броне и стальном шлеме. Он вел за собой монгольского коня. Остановившись, стал беспокойно осматриваться. Тяжелый стон привлек его внимание. Невдале-

ке лежал в снегу богатырского вида воин с седой окладистой бородой.

Всадник спрыгнул с коня и наклонился к лежащему:

— Ратибор! Жив ли ты, Ратибор?

Достав глиняную флягу, он прижал ее к губам раненого.

Ратибор жадно отпил, тяжело вздохнул и открыл глаза.

— Вставай, Ратибор! Очнись! Невдалеке монгольские разъезды...

— Кто ты?

— Роман, княжич рязанский... Помнишь, вместе на медведя ходили?

— Трудно встать мне! Помоги...

Ратибор, кряхтя, поднялся и с помощью Романа взобрался на крепкого монгольского коня. Оба всадника скрылись в овраге.

На мертвом поле волки и вороны продолжали свой кровавый пир.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

РЯЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯ ГОРИТ

...О родина, святая!
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя!..

(В. Жуковский.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Держите крепко топоры!

Твердым, мерным шагом Савелий Дикорос шел на север, обратно к Рязани. Белая равнина, пересеченная голыми рощами и засыпанными снегом оврагами, была пустынна. Иногда вдали виднелись темные точки. Это были немногие, случайно уцелевшие рязанцы; все они тянулись к родной земле.

Когда-то здесь, на большом шляху, были мелкие поселки, торговавшие со степняками. Они стояли теперь пустые, и ветер свистел в открытых настежь воротах. Стаи галок и ворон опускались на безлюдные дворы и, не найдя ничего, каркая, улетали.

В пути Савелий не встречал монголов: «Видно, отдыхают после боя, отыскивают своих раненых и грабят наших упокойничков».

Его обогнали несколько плетеных коробов на полозьях. Сани везли крепкие лохматые лошаденки. За ними брели коровы, телята, бараны. Из коробов выглядывали детские головенки. Мужики и бабы плелись сзади, подгоняя хворостиной усталый скот.

— Откуда бог несет, добрые люди?

— С заставы за Пронском. Вовремя поднялись, едва ушли от степняков — ночь и вьюга нас укрыли. Спешим до Рязани, там найдем защиту. Здесь боязно: нагрянет татарва — тогда свету божьего не увидим! Ну, ходи, Пестрянка! Вперед, Рыжуха! Вперед!..

Савелий равномерно шагал, как привык ходить по лесу или за сохой. Он шел и ночью и днем, отдыхая неподолгу, прислушивался к каждому шороху и крику, опасаясь снова увидеть татар. Наконец ранним утром вдали, под нависшими тучами, показались засыпанные снегом высокие валы и бревенчатый тын Рязани. За ним виднелись разноцветные церковные купола. Голубоватый дымок вился над избами пригородных посадов. Бабы в полушубках гнали коров и коней на водопой к речной проруби. Все было так мирно, как будто ничего страшного не происходило, как будто и не было битвы на Диком поле.

У раскрытых городских ворот Савелия задержали сторожа в тулупах и железных шишаках. Опираясь на секиры, они загораживали проход.

— Кто? Откуда? По какой нужде идешь в Рязань?

Узнав, что Савелий идет с Дикого поля, где полегли рязанские полки, сторожа кликнули отрока и поручили ему отвести Савелия к воеводе. На улицах стояли распряженные возы с сеном, зерном, дровами и пожитками беглецов, прибывших в надежде укрыться за стенами стольного города.

Старый хмурый воевода, накинув шубу на одно плечо, стоял на крыльце бревенчатого дома и, печально покачивая головой, слушал рассказы нескольких ратников. Все они были повязаны окровавленными тряпками: у кого ранена голова, у кого плечо или рука.

— Тяжело было!— говорил лохматый мужик, без шапки, с повязанной головой.— Бились-то мы крепко, да татар было больно много. На одного навалится десять. Отобьемся — думаем: передохнём! Куда там! Глядишь — опять несутся, проклятые. Не по-людски орут: «Кху, кху!

Уррагх!» Многих мы порубили. Но и наших не осталось. Все полегли там! И государь наш, князь Юрий Ингваревич, свою голову сложил на Диком поле.

— Как ты-то спасся?

— К ночи татары затихли. Я спустился в овраг, перевязал рубахой голову и зарылся в сугробе. К утру завыли волки. Я подался на север, обошел дорогу на Пронск. Тут сбеги[1] меня подобрали.

Воевода снял меховой колпак, перекрестился на золоченый крест соборной церкви и сказал:

— Вечная память сложившим свои головы за родную землю. И внуки и правнуки не забудут этой крови, залившей Дикое поле. Не мы напали на татар. Это они пришли сюда жечь наши избы, отымать наших коней. Это они хотят резать мужиков наших и полонить детей и жен. Будем драться, братья! Не отдадим родной земли.

Твердая решимость была у всех на лицах. Кто-то сказал:

— Не отступим! Будем биться!

Воевода продолжал:

— Если мы и падем, то в лесах укроются наши дети и внуки. Они подрастут, ответят сыновьям царя Батыги в урочный час. Чую, татары скоро прискачут сюда, к стенам Рязани. Они дерзки и напористы — полезут и дальше, на Суздаль, Ростов и Новгород. Но удержатся ли они там?.. Это мы вспахали пустыри и осушили болота. Мы вырубили древние леса, выкорчевали вековые пни, а татарам здесь будет не любо. Пронесутся они по дорогам, сорвут зипуны, шубы и бабьи телогрейки, а затем все одно повернут назад в свои степи. У них кони легкие, к ковылю привыкли, на болотной трясине они завязнут, нашей сохи-кормилицы не потащат. Не опускайте рук, братья-други, держите крепко топоры! Идите на стены рязанские! Будем крепко биться! Выдюжим!

---

[1] Сбеги — беженцы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На рязанских стенах

> ...В войне надежда светит нам,
> не в мире!
>
> *(Из старинной трагедии.)*

Расположенная на высоком обрывистом берегу над Окой, Рязань казалась неприступной. Земляные валы были огорожены тыном из дубовых стояков. Крутые скаты, политые водой, покрылись наледью, по которой взобраться было невозможно.

Все население города и ближних поселков поднялось на защиту родной Рязани. Немало рассказов вспомнили бойцы о том, как в старину осаждали город и половцы, налетавшие из степей, и безжалостные суздальцы, грабившие своих же, русских, братьев. Нелегкое дело одолеть эти огромные откосы стен, когда сверху польется горячая вода и кипящая смола. Нужно только дружной ратью встретить врагов. Воевода и бояре не сзывали больше охочих людей: теперь все улицы, все концы сами собрали свои дружины. Каждый являлся в дружину и приносил с собой меч, секиру, копье или тугой лук. День и ночь стучали молотки, кузнецы «надыманием мешным»[1] «творили разжение железу» и ковали добротные булатные мечи. Искусные «ремественники» готовили шлемы, кольчуги, щиты и стрелы.

Готовились к долгой, тяжелой осаде.

Савелию Дикоросу было указано место на городской стене — над обрывистым скатом к реке. Сам воевода назначил его быть старшиной над полусотней ратников. Савелий не стоял без дела. Он позаботился о запасных стрелах и о камнях, сложенных грудами возле каждого защитника. Достал он и тяжелые секиры и шестоперы. Вместе с другими вырыл землянку, чтобы можно было в ней укрыться от непогоды.

Невдалеке находился лабаз Живилы Юрятича, новгородца, где хранились пенька, соль, хлеб и другие товары. Савелий прошел к купцу и сурово спросил:

— Ты, Живила Юрятич, греешься на теплой лежанке,

---

[1] «Надыманием мешным» — раздуванием мехов.

а почему к нам на стену не заглянул? Мы и днем и темной ночью, в непогоду и в стужу стоим на страже и не видим даже горячей похлебки-пустоварки. Ты как же нам помочь думаешь?

Рослый дебелый купец в лисьей шубе поежился и заговорил грустным слабым голосом:

— Я ведь не тутошний, я новгородец. Да и когда выкатывал бочку с варом, с пупа сдернул, и теперь мне в нутре жгет. Лучше я моих молодцов-сидельщиков на стену поставлю. Только вот с делом управлюсь. Князю Юрию Ингваревичу я подарил для ратного дела десять лодок с хлебом. Теперь я вас кормить стану. Сегодня же прикажу поварихам каждый день давать твоим молодцам котел похлебки и котел крупяной каши. Может быть, Спас-Нерукотворный простит мне по грехам моим.

Савелий ночевал на стене, завернувшись в тулуп. Ему не спалось, на сердце было тревожно. Он часто вставал, прислушивался, всматривался в туманную даль: не видать ли татарских огней?

Утром подъехали на небольших пегих конях два половчанина в цветных клобуках с меховыми отворотами и в одеждах, обшитых красными тесемками. Один из них окликнул:

— Савелий, аль меня признать не хочешь?

— Кудряш?! Что же ты так чудно́ переоболокся?

— Еду в Дико́е поле вместе с половецким побратимом. Воевода послал разыскивать тело князя Феодора. Проберемся на реку Воронеж, где стоял царь Батыга. Там теперь татар нет, один ветер да волки гуляют. Кружными малоезжими дорогами привезем тело в Зарайск. Похоронят его рядом с женой, княгиней Евпраксией, и маленьким сыном.

Савелий снял колпак и перекрестился.

— Упокой, господи, их светлые души! Кудряш, ты ведь понапрасну едешь. Татары бегают по дорогам. Поживы ищут. Слыхал, царь Батыга идет сюда с повозками, с вельбудами, с огнем и молоньей. Схватят тебя татары и кожу сдерут.

— Пустое! Пусть не хвалится Батыга!— отвечал Кудряш.— Может, и споткнется. У него две руки, да и меня мать родная не с одной рукой родила. Погодим сегодня, посмотрим, что будет завтра. Коль увижу, что проезда

нет, соберу ватагу молодцов. Будем за татарами и мунгалами следом ходить, за пятки их хватать. Не дадим покою, пока в землю их не вобьем или сами не свалимся. Пойдем, Савелий, со мной!

Савелий в раздумье покряхтел.

— Нет, Кудряш. Меня здесь, на валу, поставил воевода. Своей волей этого места не покину. Ты на коне, а я с топором. Оба будем одно дело делать.

— Ну ин так! Прощай, Савелий!— Кудряш, отъехав несколько шагов, вдруг вернулся:

— Главное-то сказать тебе и запамятовал! Видел я твоего Торопку. Он жив, ускакал из плена на татарском коне. И конь же у него — отборный! Как бежит — земля дрожит, из ушей и ноздрей дым валит.

Савелий подбежал и радостно обхватил Кудряша.

— Скажи верное слово: не врешь? Меня утешить хочешь?

— Ей-ей, не вру! Торопка сюда приезжал гонцом от князя Пронского. Привез от него грамотку и помчался обратно. Я его мельком видел. Он мне сказал: «Передай, коли встретишь, тятеньке, Савелию Микитичу, мой низкий поклон. Чести своей, сказал, не замараю и татарам спину не покажу. Раз я перенес татарскую неволю, второй раз меня туда не заманишь...» Ну, прощай, Савелий! Бог весть, увидимся ли с тобой еще! Времена-то настали какие!

Лихарь Кудряш махнул плетью и вместе со своим спутником-половчанином ускакал. Савелий вернулся на стену. Теперь, когда он услышал, что сын его жив, все ему казалось светлее: и снег ярче, и голубая даль привольнее... Он сел на приступок стены и опустил голову на руки. На него, казалось, смотрели серые глаза Торопки, улыбалось веснушчатое худое его лицо. «Теперь Торопка — ловкий удалец,— думал Савелий,— ездит он на красавце коне, точно сам Егорий храбрый...»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

„Татары идут!“

На городских валах Рязани установилась своя жизнь, свой порядок.

Каждый «конец» города выделил дружину, которая выбрала участок на стене, где ей предстояло отбивать-

ся от врагов. Определенные участки занимали «ремественники», плотники, каменщики, шорники, кузнецы и прочий рабочий люд. Отдельно стояли купцы со своими сидельцами. Была тут и смешанная толпа. Защитой города ведал боярин Вадим Кофа. Избрали его на вече всем народом за прямоту, усердие и воинские заслуги. Князь Юрий Ингваревич утвердил его, отправляясь в Дикое поле.

На старом белом длинногривом коне, под стать седым кудрям и серебристой бороде всадника, боярин Кофа, Вадим Данилыч, и днем и ночью показывался в разных местах города, объезжал валы, проверяя, всюду ли стоят защитники. Много ли сложено камней для метания, вострые ли мечи, сколько заготовлено запасных колчанов с закаленными стрелами? Привезена ли вода с реки?

— Выливайте больше воды на скаты,— говорил воевода Кофа.— Надо, чтобы валы так обледенели, чтобы нельзя было ноги поставить. Имейте под рукой котлы с кипятком, запасную воду в бочках и дров вволю. Каждый стой на своем месте, знай свое дело и не покидай сторожевого поста. Не смотри перед собой, а поглядывай во все концы. Враг хитер, подберется темной ночкой, а днем притаится. А ты не зевай!

— Где им добраться сюда!— говорили ратники.— Как на вал заберется, так вниз и скатится!

Воевода Кофа заставал Савелия на стене во всякое время. Всегда Дикорос был занят: то он волочил бревно, то тащил на салазках кадушку с водой, то нес вязанку дров. Как-то боярин прискакал на стену туча тучей. Остановился около Савелия, приставил козырьком ладонь к глазам, долго смотрел вдаль, туда, где расстилались засыпанные снегом рязанские поля, застонал и сказал:

— Зачем только мы с тобой родились в такие тяжелые времена! Нам еще придется увидеть горе-горемычное, придется кровью умыться.

— Что ты стонешь, боярин? Ежели ты, воевода наш, будешь охать да кручиниться, что же делать нам, простым ратникам? Еще солнце светит над Рязанью, еще мы вольным морозным ветром дышим, еще руки наши не опустились, еще мы можем постоять за отчую землю!

— А где все войско рязанское? Где три моих сына и зятья, где наш государь, храбрый князь Юрий Ингваревич? Где все витязи, богатыри, удальцы, узорочье рязанское?

Савелий тяжело вздохнул.

— А может, татары к нам сюда и не придут?

— Нет!— сказал воевода.— Татарская сила идет сюда, она нагрянет на русские земли и, пока не насытится нашей кровью, отсюда не уйдет!

— А может, подавится!

Савелий всю ночь простоял дозорным на стене. На рассвете, упорно отгоняя сон, он все так же зорко смотрел вдаль, на снежные равнины. Солнце поднялось из-за золотисто-багровых туч, протянувшихся над самым небосклоном. С высокого вала было видно далеко, на десятки верст. Равнина была пустынна, кое-где чернели одинокие дубки.

Вдруг что-то привлекло внимание Савелия. Он протер глаза, всматриваясь в дымчатую даль. По снежной равнине рассыпались черные точки. Они двигались, прибывали, ползли торопливо, точно муравьи по белой холстине. Они уже разделились потоками, отклоняясь в разные стороны. Вскоре можно было различить мчавшихся всадников.

«Татары! Кому ж другому быть!»— понял Савелий и побежал изо всех сил по пустынным улицам к дому воеводы. Тот ехал навстречу, подгоняя белого коня.

— Они! Татары!— задыхаясь, крикнул Савелий.— Они!.. Большим валом валят!

— Беги в собор!— распорядился воевода.— Подыми звонаря, пусть бьет в набат!

Савелий побежал в соборную церковь на площади. Главные двери были открыты. Внутри перед иконами в золотых и серебряных ризах мирно светились лампады. Старый пономарь в длинном подряснике, с заплетенной косичкой, подметал веником каменный пол.

— Где звонарь? Звоните в большой колокол!

— Оба звонаря ушли на стену сторожить, а отец протопоп без своего благословения звонить не приказывает.

— Да ты пойми — татары идут! Что ты мне тычешь протопопом! Давай звонаря!— Савелий ухватил пономаря и поволок его за собой.

— Да что ты, нечестивый, дерешься? Чего толкаешь духовное лицо?

— Где звонарь? Беги за ним! Сам буду звонить!

— Вон наш старый звонарь!— сказал пономарь, стараясь вырваться из крепких рук Савелия.— Он теперь на покое, слепенький.

В углу, около свечного ящика, сидел старик с бельмами на широко раскрытых глазах. Он слышал разговор и, протянув руки, уже шел, спотыкаясь, к Савелию.

— Можешь звонить?— спросил Савелий.

— Как не могу? Сорок лет звонил, каждую веревку знаю, от какого колокола, большого или малого...

Все трое поспешили в звонницу, внизу колокольни. Через отверстия в потолке свешивались разной толщины веревки. Слепой звонарь ощупал их, уцепился за одну крученую, самую толстую, и переспросил:

— Большой набат звонить? Отец протопоп ничего не скажет?

— Твоему отцу протопопу влетит по загривку от воеводы, что звонарей около колокола не было! Валяй вовсю! Бей тревогу, бей набат!

— Как при пожаре?

— При самом большом пожаре!

Слепой привычным движением, двумя руками, стал изо всех сил равномерно натягивать веревку. Сверху, с колокольни, полились частые, необычные удары большого колокола, вызывая тревогу, щемящее чувство неизвестной беды, набежавшего горя.

Спящий город ожил. Беда, которую ждали, но в которую до последнего дня не хотели верить, теперь обрушилась воочию: колокол сзывал всех на стены, на защиту города.

Застучали калитки, залились лаем дворовые псы. Люди выбегали на улицу, останавливались, прислушивались и бежали дальше, к стенам. Во всех концах города церкви подхватили призыв, и звонари ударили в большие колокола.

Услышав набат в Рязани, откликнулись церкви ближних поселков. Всюду набатный звон призывал людей браться за мечи и топоры — встречать незваных страшных гостей.

Савелий бегом вернулся на стену. Опираясь на секиру, он жадно всматривался, как приближалась черная

конная масса, ощетинившись копьями. Он видел, как по ту сторону реки выбегали из дворов люди, размахивая руками, указывали на зачерневшую степь. Одни бежали к воротам Рязани, другие, на санях и пеши, подхватив узлы на спину, уходили вверх по берегу реки, угоняя скот в сторону засыпанных снегом лесов.

Татары надвигались быстро, и чем ближе к городу, тем сильнее они ускоряли бег коней. Наконец передовой отряд на светло-рыжих конях с диким бешеным воем, гиканьем и свистом прискакал к стенам Рязани и остановился в облаке пара от разгоряченных коней. Всадники замолчали. Неподвижно рассматривали они высокие земляные валы, покрытые ледяным накатом, на валах дубовый тын с узкими прорезями, сквозь которые показывались головы защитников Рязани.

Татары зашевелились. От них отделилась сотня. Всадники, по трое в ряд, медленно потянулись вокруг города. Передний монгол держал значок: длинное копье, с верхушки которого свешивался рыжий конский хвост. За ним ехал всадник в золоченой кольчуге и в серебряном сверкающем шлеме с пучком белых перьев.

Далее двигалась вереница монголов в панцирях и кольчугах, с короткими копьями и круглыми щитами на левой руке.

Вторая сотня отделилась от толпы монгольских воинов и поскакала в ближайший поселок, где с колокольни еще слышался беспокойный звон. Вскоре звон прекратился. Над избами густым облаком стал, крутясь, подыматься черный дым.

Третья сотня монголов оставалась на другом берегу Оки, наблюдая, что делается на стенах Рязани. Десяток всадников отделился от отряда, спустился на лед реки и не торопясь поднялся к большим дубовым воротам города.

Рязанцы с любопытством глядели на не виданных раньше татар и, забыв боязнь, влезали на тын и высовывались из бойниц. Враги были в долгополых шубах, прикрывавших ноги до пят. У некоторых на груди виднелись ряды железных и медных пластинок. На спине защитных пластинок не было[1]. К седлам были прикреплены

---

[1] По монгольским понятиям, воин должен прикрывать свою грудь, а спину прикрывают только убегающие трусы.

саадаки[1] с луками и красными стрелами. Женоподобные лица монголов были темны, как сосновая кора.

Один из татарских всадников, старик с длинной бородой, подъехал к воротам, постучал рукоятью плети и закричал по-русски стоявшим на стене:

— Здравствуйте, рязанцы! К вам приехал великий царь Бату-хан, покоритель всех народов. Присылайте к нему послов с хлебом-солью, бейте челом и покоряйтесь ему с почтением и верностью...

— Долго ему придется ждать!— ответили со стены.— Уезжайте-ка назад, откуда приехали, и забирайте с собой вашего царя Батыгу!.. А ты сам откуда явился, злодей, перевертыш окаянный? Не рязанец ли ты родом?

— Отворяйте ворота, принимайте дорогих гостей,— продолжал кричать бородатый всадник.— Если вы покоритесь, то никакой беды вам не будет. А ежели ослушаетесь, то татары перебьют вас всех до последнего, город будет сожжен и все ваши избы растасканы по бревнышку!

— А много ли ты получил от своего царя, чтобы продавать родную землю? Иуда злодейский, изменник проклятый!

Со стены полетели камни, метнулись стрелы. Татарские кони шарахнулись. Всадники стремглав ускакали обратно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Осада Рязани

Пишет Хаджи Рахим: «О, какие времена настали, сколько жестокости и горя видишь кругом! После битвы в Кипчакской степи с отчаянным рязанским войском Бату-хан не пожелал ждать и отдыхать. Он послал гонцов к Гуюк-хану, приказав ему первым двинуться на Рязань и напасть на город. Гуюк-хан и сам имел затаенную мысль — опередить джихангира и дать своему войску радость ограбить богатый город. Но когда это повеление пришло от ненавистного ему Бату-хана, Гуюк-хан

[1] Саадак — кожаный футляр для лука.

раздулся от важности перед гонцами и ответил: «Мое войско утомилось после славного боя, я хочу позволить ему отдохнуть. После этого я вступлю. Рязань от моих рук не уйдет».

К такому ответу Гуюк-хана побуждало еще то, что его тумен был сильно потрепан после боя с урусутами. Шаманы неумело перевязывали раненых.

Бату-хан посоветовался с Субудай-багатуром,— что делать? После свирепой метели в степи стало тихо. Солнце ярко освещало серебряные дали. Гонцы других отрядов, разметанных вьюгой, начали снова прибывать с донесениями. Бурундай сообщал, что идет на Пронск, но его задерживают узкие тропы и густые леса. «По таким дорогам нашим повозкам ехать очень трудно, а пороки[1] невозможно протащить».

Субудай-багатур от имени Бату-хана ответил Бурундаю: «Ты храбр, но не находчив! Заставь пленных урусутов рубить широкие просеки, чтобы могли рядом ехать три воза. Возьми Пронск и немедля иди на Рязань. Гони туда пленных. Вокруг Рязани встретятся татарские войска. Кто не исполнит приказания и запоздает — увидит смерть».

Бату-хан и Субудай-багатур, не дожидаясь ответа, ускоренными переходами двинулись на север. Раненые следовали позади в повозках и на верблюдах.

Бату-хан заявил: «Рязань я захвачу сам».

Два дня спустя Бату-хан во главе тысячи «непобедимых» был перед стенами Рязани. Джихангир послал переметчика-толмача, старого рязанского князя Глеба, с десятком всадников к запертым городским воротам. Князь кричал стоявшим на стенах, чтобы они сдали город. Со стен его забросали камнями, и он вернулся, ругаясь, вытирая платком рассеченное камнем лицо.

Желая устрашить рязанцев, Бату-хан приказал жечь окрестные селения. Он сам объехал кругом Рязани вместе с князем Глебом, подробно расспрашивал его, откуда лучше всего сделать приступ на стены, где их проломать, где подкопать. Войти в город было очень нелегко: со всех сторон подымались крутые обледенелые валы.

---

[1] Пороки — стенобитные машины.

Монголы начали пригонять пленных урусутов, полуголых, ободранных и избитых. Татары стегали их плетьми и понуждали строить штурмовые лестницы. Урусуты спросили, кто будет их кормить. Они голодны, два дня ничего не ели.

— Кони и другая скотина нас возят, а еды не спрашивают,— ответили татары.— Они сами себе находят корм. Можете есть корни растений или конский навоз, а лестницы стройте.

Упрямых татары били по голове дубинками с железным шаром на конце. Угрюмые, почерневшие от голода, урусуты молча разыскивали в брошенных избах топоры и ручные пилы. Они выламывали из домов бревна и доски и строили лестницы. На другой день прибыли первые пороки, поставленные на полозья. Против главных городских ворот выдвинули стенобитную машину. С грохотом начала она метать большие камни. Другая машина, когда ее повезли через реку, проломила лед и погрузилась в воду. Пленных урусутов заставили ее вытаскивать, и они работали, проваливаясь под лед...

«Аллах велик! Бату-хан упрям. Что-то страшное будет!»

ГЛАВА ПЯТАЯ

„Слышишь, как собаки лают?“

Лунная, серебристая ночь окутала дремой Перунов бор. Избы, вытянувшись вдоль опушки заснувшего векового леса, глубоко зарылись в снежные сугробы. Тишину изредка прерывал сухой треск плетня и неподвижных деревьев. Затихли и собаки, свернулись кольцом и уткнули носы в пушистый мех.

В голубоватом свете смутно подымались горбатые скирды, засыпанные снегом, черные стволы оголенных деревьев и высокий шест с пучком еловых веток возле избы старосты.

На окраине выселка несколько раз тявкнула собака, потом вдруг залилась тонким протяжным лаем. Другие подхватили. Со всех концов Перунова Бора собаки завели неумолчный лай. Где-то стукнула калитка, звонко заржала лошадь.

В крайней избе дремавшая Опалёниха соскочила с полатей, осторожно отодвинула задвижку окна, затянутого рыбьим пузырем. Припав глазом к заиндевевшей трещине пузыря, Опалёниха увидела сидящую на плетне темную фигуру человека в долгополой одежде и чудном колпаке. Он соскочил во двор и направился к гумну.

— Вешнянка, вставай! — расталкивала Опалёниха крепко спавшую девушку.— Слышишь, как собаки лают? Это они! Во дворе недобрый человек... Побежал к гумну... Боязно: не подпалил бы он нас! Мужики-то все ушли! Как мы, бабы, одни справимся?

Обе женщины всунули ноги в чеботы, повязали платками головы и накинули полушубки. Опять припали глазами к окну. Все казалось спокойным в серебристом лунном свете. Только собаки продолжали заливаться безудержным лаем и рвались с привязи.

— Тетя Опалёниха, и мне боязно! Что-то будет?—шепотом спрашивала девушка.

А баба торопливо подпоясывалась кушаком, в зубах держала рукавицы, складывала в платок куски хлеба и вытаскивала из-под скамьи топор.

— Думаю, не татары ли это? Бери хлебный нож. И деревянную миску. Не забудь огниво!..

Обе женщины тихо вышли из избы и притаились в тени. Неведомый человек ворошился около сенного сарая и высекал огнивом искры.

Страшный крик донесся с конца деревни. Эхо повторило его из глубины спящего бора. Снова пронесся крик, полный ужаса и боли, звериный крик тяжело раненной женщины.

Деревня быстро просыпалась. Заскрипели ворота, застучали копытами по доскам кони. Крича, проскакал согнувшийся старик без шубы и шапки на неоседланном коне.

— Горим! Татары! Спасайтесь!

Опалёниха крадучись подбежала к человеку, возившемуся около сена.

В лунном свете Опалёниха различила длинную до пят синюю шубу старинного вида, белые сапоги из собачьих шкур, кривую саблю у пояса. Неизвестный оглянулся, когда она уже занесла над ним топор... Меткий удар...

Убитый свалился лицом вниз, и кровь темным пятном растекалась по белому снегу.

— Убежим по задворкам, огородами! — шепнула Опалёниха.— Идем скорее, забирайся в тень...

Пройти уже не удалось. Через забор перелезали татары, подобрав и заткнув подолы шуб за пояса. Обе женщины прятались в груде наваленного хвороста и жердей.

Деревня запылала сразу с нескольких концов. Горели также две избы, стоявшие в стороне, и гумно со скирдами.

Огонь стал вскидываться огромными языками, черный дым клубами понесся ввысь.

Жалобно мычали испуганные, выгоняемые на улицу коровы, метались кони. Отовсюду неслись отчаянные вопли и плач женщин. Бабы бегали, не зная, что спасать, куда бежать, и вытаскивали из загоравшихся изб плачущих детей и мешки с хлебом.

Новый, никогда не слыханный страшный рев приближался из лесу:

— Кху, кху, кху, уррагх!

Лавина всадников наполнила деревню суматохой, ржанием коней, хриплыми криками и острым запахом неведомого, страшного народа.

Собаки заливались отчаянным лаем и визгом, гоняясь за чужими всадниками, которые носились по деревне, били кривыми саблями наотмашь всех, кто попадался на пути, и ловили арканами убегавших женщин.

Татары ворвались с обоих концов деревни и гнали всех встречных к середине, на пустырь, к избе старосты.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В пригородном посаде

Объехав городские стены, Бату-хан вернулся в селение на противоположном берегу реки. В брошенных жителями избах толпились татарские воины. Они рыскали по улицам, тащили охапки сена, сдирали солому с крыш — все годилось на корм их диким, неприхотливым коням. Повсюду над избами вились дымки: татары заставили захваченных в плен женщин печь им блины и ржаные лепешки.

Бату-хан проезжал через посад на вороном коне с

белыми ногами и белой отметиной на лбу. Загорелое лицо было неподвижно, суженные глаза смотрели поверх людей,— никто не мог прочесть на его лице ни радости, ни заботы. За ним ехали, по трое в ряд, преданные ему ханы. Они носили почетные звания тысячников и десятитысячников, но своих отрядов не имели. Их обязанности состояли в том, чтобы участвовать в обедах Бату-хана, есть за четверых, рассказывать прибаутки и необычайные приключения славных витязей. Когда же они оставались наедине с Бату-ханом, каждый из них передавал сплетни про других ханов, про своих же собеседников за обедом. Бату-хан внимательно выслушивал каждого, жмуря глаза, иногда милостиво шипел: «Дзе-дзе!» Он хотел знать все, что делается вблизи и вдали от него, в войсках других чингизидов, потому терпел этих ханов, как нужных ему людей.

В посаде баурши показал Бату-хану просторную избу и предложил избрать ее для ночлега.

— Кто жил в этой деревянной юрте?

— Урусутский шаман. Зовут его «поп».

Бату-хан сердито отмахнулся.

Вмешался великий советник Субудай-багатур. Подъехав на саврасом коне, он хриплым голосом сказал:

— Разве подобает джихангиру жить в юрте шамана, да еще урусутского? А это что за дом?— Он указал плетью на бревенчатое строение с остроконечной высокой крышей и золоченым крестом наверху.

— Это дом урусутского бога.

— Джихангиру подобает жить там, где обитают боги,— сказал строго Субудай-багатур.

Бату-хан искоса посмотрел на потупившего глаза баурши, на ханов, начавших горячо поддакивать великому советнику, и повернул коня к церкви.

Баурши бросился к церковной двери. На паперти около входа сидели четыре монгольских воина.

— Сюда нельзя!— сказал один из них.

Баурши начал спорить с монголами.

— Кто вас поставил сюда?— спросил подъехавший Субудай.

— Сотник Гуюк-хана, Мунке-Сал.

— Возвращайся к своему сотнику и скажи, чтобы он выбирал для своего хана более подходящую юрту. Убирайся, живо!

Четыре монгола посмотрели друг на друга, посвистали сквозь зубы и, подобрав подолы длинных шуб, пошли через глубокий снег к своим коням, привязанным к церковной ограде. Один повернулся и сказал Субудаю:

— Когда Гуюк-хан начнет нас бить по щекам костяной лопаткой, ты ведь за нас не заступишься?

— Кто тебе отрезал ухо?— спросил Арапша.— Смотри, второе отрежу!

Монгол, оскалив зубы, присел, вытягивая меч, задвинул его обратно в ножны и быстро вскочил на коня.

— И ты того же дождешься!— крикнул он и поскакал.

Арапша злобно посмотрел ему вслед.

— Гуюк-хан опять подсылает к джихангиру убийц!

Нукеры привели старика, найденного в соседней сторожке. Он был в собачьем колпаке, холщевых портах, рубахе и лыковых лаптях. Он весь посинел и дрожал от холода, но не выказывал страха. Старик отпер ключом большой замок на двери. Баурши вошел первый и, сложив руки на животе, встал около двери. Бату-хан соскочил с коня и, разминая онемевшие ноги, прошел в церковь. Татары ее не тронули. Сквозь узкие окна, затянутые пузырями, тускло проникал свет. Впереди поблескивал золотом алтарь с резными деревянными дверьми. Перед некоторыми иконами мигали огоньки лампад, освещая темные, насупившиеся лики святых.

Бату-хан прошел в алтарь, обогнул кругом престол. На столике в углу нашел пять круглых белых просвирок. Приказал следовавшему за ним баурши попробовать эти хлебцы — не ядовиты ли? Баурши откусил, пожевал и сказал:

— Авва! Да сохранит хан-небо и тебя и меня от несчастья! Хлеб вкусный!

Бату-хан вернулся на середину церкви, опустился на конскую попону. Возле него полукругом уселись ханы.

— Разожгите здесь костер,— сказал Бату-хан,— и сварите мне чай[1].

Баурши заметался и, переговорив с толмачом и пленным стариком, подобострастно доложил хану:

---

[1] Монгольская аристократия в XIII веке уже знала употребление чая; получали его из Китая в обмен на кожи, шерсть, скот и прочее (см. китайские летописи XIII века).

— Здесь огонь разводить нельзя — это прогневает урусутского бога, и его дом загорится.

Субудай-багатур приказал, чтобы его военные помощники — юртджи — поместились в доме урусутского шамана. Бревенчатый дом состоял из сеней и двух горниц, разделенных стеной. Большая сложенная из камней и глины квадратная печь выходила в обе горницы.

В первой половине поместились четыре монгольских юртджи и два мусульманских писца-уйгура. Вторую горницу взял себе Субудай. Он увидел рязанского князя — переметчика Глеба, сидевшего вместе с юртджи, и спросил:

— Что такое «гречишные блины»?

— Это трудно объяснить, надо попробовать. Заведи себе бабу, она тебе будет каждый день печь, а ты будешь радоваться.

— А что такое «баба»?

— Во дворе монгольский воин предлагал купить у него двух баб. Покупай!

— Сколько он хочет?

— Сейчас их приведу.

Глеб вышел во двор и вернулся вместе со старым монголом, который толкал в горницу двух упиравшихся женщин. Одна, высокая, дородная, в синем сарафане, войдя, поискала глазами и трижды помолилась на тот угол, где остались киоты от содранных образов. Сложив руки под пышной грудью, она пристальным взглядом уставилась на Субудай-багатура, который сидел возле скамейки на полу, на конском потнике. К бабе тесно прижалась девушка с русой косой и испуганными глазами, в рваном дубленом полушубке, из-под которого виднелся подол красного сарафана.

— Вот тебе две отборные бабенки,— сказал по-татарски князь Глеб.— Старшая — опытная повариха, а эта — садовый цветочек, макова головка.

Субудай обвел женщин беглым взгядом и отвернулся.

— Станьте на колени!— сказал князь Глеб.— Это большой хан. Отныне вы будете его ясырками.

— Большой, да не набольший!— ответила женщина.— На колени зачем становиться? Пол-от грязный, гляди, как ироды натоптали!

— Поклонись, говорю, своему хозяину!

— Мой хозяин, поди, лет десять как помер. Ну, Вешнянка, давай, что ли, поклонимся.

Низко склонившись, они коснулись пальцами пола.

Субудай пристальным взглядом уставился на женщин, и глаз его зажмурился. Он покосился на князя Глеба, присевшего на дубовой скамье, поднялся и, положив потник на скамью, взобрался на нее, подобрав под себя ногу.

— Как зовут?— спросил он у Глеба. Тот перевел вопрос.

— Опалёнихой величают, а это Вешнянка.

— Дочь?

— Нет, сирота соседская. Я ее пестую.

— Почему тебя так зовут?— продолжал спрашивать Субудай.

— Моего мужа спалили на костре.

— Кто? Мои татары?

— Куда там! Наши воры — разбойники новгородские. С тех пор я стала Опалёниха, а это Вешнянка, весной родилась и сама как весна красная.

— Трудные урусутские имена, не запомнишь!— сказал Субудай.— Работать для меня будете, или позвать других?

— Всю жизнь на кого-нибудь работала. Такова уж наша бабья доля!

— Пусть они мне испекут и блины, и ржаные лепешки, и каравай.

— Был бы житный квас да мука, тогда все будет.

— Вам старый Саклаб все достанет,— вмешался князь Глеб.— Он, поди, не забыл говорить по-русски.

Обе женщины живо обернулись к старому слуге Субудая, стоявшему у двери.

— Ты наш, рязанский?! Ясырь?

— Сорок лет мучаюсь в плену. Нога с цепью срослась. И с вами то же будет: как надели петлю, так до смерти не вырваться...— Старик тяжело вздохнул.— Вот вам мука, а вот квас...[1] — И он придвинул к печи мешок и глиняную бутыль. На ногах звякнула железная цепь.

— Батюшки светы!—воскликнула Опалёниха, всплеснув руками.— И ты сорок лет таскаешь на ногах

[1] В то время не было дрожжей, хлеб выпекали на квасе.

железо!— Опалёниха погрозила пальцем невозмутимо наблюдавшему за ней Субудаю.

— Ладно, поговорим потом... Сейчас натаскаю дров,— сказал старик.

— Ну, Вешнянка, война войной, а тесто ставить надо!

Опалёниха вздохнула и направилась к печи, но ее удержал монгол, натянув ремень, наброшенный на шею. Она остановилась, посматривая на Субудая. Тот обратился к монголу:

— Откуда достал этих женщин?

— Я был в сотне, которую послали обойти город. Мы ехали через лес, там бежали люди, много женщин. Одних мы зарубили, других погнали назад в наш лагерь.

— Так!

— Этих двух я сам поймал и притащил на аркане.

— Так!

— Я хочу их продать!

— Так!

— У меня очень старые рваные сапоги. Ноги мерзнут...

— Так!

— На урусутах я не видел кожаных сапог, они ходят в лаптях из липовой коры.

— Так!

— Я хочу обменять этих женщин на пару новых сапог.

— Значит, ты хочешь, чтобы я снял свои сапоги и отдал тебе? Ты хочешь ободрать своего начальника? Ты знаешь, что тебе сейчас за это будет?

Старый монгол с клочками седых волос на подбородке смотрел испуганными глазами, раскрыв рот.

— Я этого не хотел, великий хан! Прими от меня этих женщин в дар. Пусть хранит тебя вечное синее небо!

Монгол отвязал ремень и, пятясь, вышел из избы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

„Мы и скотину милуем"

К крыльцу избы, где помещался Субудай-багатур, был привязан его саврасый жеребец. Перед ним лежал ворох сена и соломы.

Бату-хан потребовал к себе старого полководца. Су-

будай вышел, нукер подвел ему коня. «Неудобно хану идти пешком, касаться ногой земли». Субудай верхом пересек улицу. Навстречу бежала толпа нукеров. Все кричали, толкались, стараясь ближе подойти к монголу в заиндевевшем малахае, сидевшему на запорошенном снегом коне. Он держал на поводу другого коня. Поперек седла был привязан человек. Сознание оставило его. Лицо, побелевшее от мороза, казалось мертвым.

Внезапно Субудай заревел как безумный. Он хлестнул коня, врезался в толпу, свалился с седла и подбежал к замерзшему.

— Урянх-Кадан, очнись! Раскрой глаза! Услышь меня!— кричал Субудай и, припав лицом к платью замерзшего, хватал и ощупывал неподвижное лицо.

— Это сын Субудай-багатура,— загудели в толпе.— Видно, любил сына, Урянх-Кадана! Хоть молодой, а был он отчаянный храбрец.

— Куда его везти?— спрашивал верховой монгол.— Не лучше ли положить его прямо на костер и сжечь? Все одно жить ему больше не придется.

Субудай вырвал повод из рук всадника и сам повел коня через деревянные ворота обратно к крыльцу дома. Всхлипывая, он кричал:

— Урянх-Кадан! Ты не должен умереть! Я буду дуть тебе в ноздри, пусть мой дух перейдет в твое тело. Я вырву свое сердце и вложу к тебе в грудь вместо твоего замерзшего. Лучше я, старый, умру, а ты, молодой, будешь снова блистать победами... Подожди оставлять этот мир!..

Привлеченная шумом и криками, на крыльцо вышла Опалёниха. Сдвинув брови, она смотрела на кричавшего Субудай-багатура и поняла: «Косоглазый сына жалкует!»

Она быстро сбежала по ступенькам. Сильной рукой оторвала Субудая от сына. Уверенными, спокойными движениями развязала и сняла тело Урянх-Кадана, взвалила себе на плечо и, осторожно придерживая, поднялась по ступенькам, вошла в сени и положила замерзшего на соломе.

Князь Глеб оказался тут же. Опалёниха, стоя на коленях, расстегивала замерзшему одежду и приговаривала:

— Жив еще покойничек! Мне не впервой застывших оттирать. Дайте суконку, войлок, лампадное масло и миску снегу. Нельзя, косоглазый, тащить его в избу — мясо будет отрываться клочьями.

Субудай, пораженный властными движениями Опалёнихи, сидел на корточках рядом с неподвижным телом и наблюдал, положив палец в рот.

Опалёниха стянула с Урянх-Кадана замшевые гутулы[1] и стала быстро и умело растирать побелевшие ступни снегом и войлоком. Два монгола, поняв, что она делает, начали тереть кисти рук. Опалёниха переходила поочередно от одной части тела к другой, наконец ловко и осторожно занялась лицом.

— Вот возьми, чадо мое, потри гусиным сальцем,— косясь на Субудая, сказал священник, хозяин дома, протягивая деревянную миску.— Да еще влей ему в рот винца.

Долго возилась Опалёниха. В сенях стало темно и душно от набившихся нукеров. Наконец раскрылись глаза; взгляд, далекий и неясный, скользнул по собравшимся, остановился на искривленном лице Субудай-багатура и засветился сознанием.

— Отец! Слушай...— прошептали губы.— Урусуты — дикие волки... Их нужно убить... Они не сдаются!..

— Что ты видел, сын мой, Урянх-Кадан? Что с тобой случилось? Кто тебе причинял зло? Я его живого рассеку на мелкие куски.

— Я был в плену!

Урянх-Кадан снова забылся.

Субудай принялся теребить его.

— Не мешай!— строго отстранила Субудая Опалёниха.— Не трогай!

— Слышишь ты, урусутка,— робко попросил Субудай.— Спаси жизнь моему сыну, славному багатуру Урянх-Кадану! Я дам тебе свободу и награду, которой ты не видела даже во сне.

— Постараюсь и без награды. Мы и скотину хворую милуем. А он хоть и нехристь, а душа все же человечья...

---

[1] Гутулы — монгольские сапоги без каблуков, выложенные внутри войлоком.

Субудай спустился во двор, подошел к своему саврасому жеребцу, шептал ему в ухо, дул в ноздри и слушал, что́ ему скажет, какой знак подаст мудрый конь.

— Укажи мне, мой верный товарищ: срубить ей голову или одеть ее в парчовую шубу? Взять ли с собой дальше в поход или раздеть и вытолкать в лес? Какая урусутка! Багатур — а не женщина! Я таких еще не видел...

Конь качал головой, точно соглашаясь, и мягкими губами хватал хозяина за рукав.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Тревожные ночи

Враг замыслов своего врага не знает.

(Восточная поговорка).

Всю ночь Савелий провел в тревоге. Всматривался сквозь бойницы вдаль, прислушивался к шуму взбаламученного города. Обычная ночная тишина вокруг Рязани исчезла. Тысячи огней горели внизу под стенами и на равнине за рекой, точно щедрая рука разбросала вокруг раскаленные угли. Это татары всю ночь напролет жгли костры, безжалостно растаскивая для этого избы, сараи и заборы. Вдали, под небосклоном, полыхали огромные пожары. На низких тучах дрожали их багровые отблески.

Подошли ратники. Беспокойно смотрели вдаль.

— Вон горит Пронск!

— Сказал тоже! До него верст пятьдесят будет.

— А что́ же это?

— Ведь в самом деле Пронск...

— Гляди, Соболевку подпалили!

— Братцы, братцы!.. Ухорскую жгут...

— Где?

— Да вон, за лесом...

— А не Переволоки?

— Нет, их пока не тронули...

— Да что же это, братцы?! Изверги проклятые!..

— Вон еще горит! Вон — далеко!..

— Это Ярустово...

— Как Ярустово? — застонал Савелий. — Да ведь Ярустово верст тридцать за Рязанью! — И он подумал о своих, которым советовал, в случае беды, бежать к Пахому-рыбаку в Ярустово.

— Зачем им ждать, пока возьмут Рязань? Что им, окаянным, тридцать верст! Вишь их сколько! Кругом так и рассыпались. Жгут да грабят погосты...

В стороне Ярустова зарево было особенно сильным. Яркое желтое пламя поднялось высоко и лизало облака.

— Дурни! — сказал молодой ратник. — Это татары себе на голову стога с сеном подожгли.

— Нет! Зря сказал! — возразил Савелий. — Татарам сено дороже хлеба. Кони-то без сена пропадут... Куда эти стервецы тогда денутся? Это наши сами сено подожгли. Будем жечь скирды и стога, татар выморим...

— Да! Уж им здесь не житье!.. Мы им не покоримся!

Ночь прошла тревожно. Стража не смыкала глаз.

Утром за рекой пропели петухи. В Рязани отозвались другие. Покрытые инеем воины всматривались в затухавшее зарево. Татарские костры продолжали мигать тысячами огней.

Солнце поднялось над синей бахромой дальних лесов. Пробежавшие по снежной равнине розовые лучи осветили татарские отряды, черными потоками направлявшиеся к городу.

Лошади и люди тащили розвальни с бревнами, жердями, досками. На стене с любопытством и волнением толпились рязанцы и гадали, что будут делать татары. Стали прибывать группы пленных. Вокруг них вертелись татары и стегали плетьми, подгоняя отстававших. Со стены было ясно видно, что на многих татарах уже надеты русские крестьянские полушубки и армяки, а пленные идут раздетые, оборванные, многие в одних портах и рубахах. Некоторые падали; на них набрасывались татары и били, пока те не вставали снова или же не затихали навсегда.

Пленные начали возводить внизу, вокруг города, деревянный забор, складывая растасканные из домов бревна и доски.

— Гляди, точно баранов огораживают!..— говорили на стенах.

— И шкуру сдерут, как с барана...

— Посмотрим, кто кого! Пусть сюда, стервецы, сунутся!..

К воротам подъехало несколько всадников. Среди них был князь Глеб. Он кричал, клялся, что никакого вреда никому в Рязани не будет.

— Откройте ворота и выходите в поле! Только добро свое оставьте дома. Свободно пойдете, куда хотите, татары пальцем вас не тронут.

— Это Глеб Владимирович,— заволновались на стене.— Братоубийца окаянный! Сродственников обманом перебил. Каин проклятый!.. Недаром тебе анафему поют!

— Братьев сгубил, теперь родину продаешь... Кол тебе осиновый в спину!

Со стены полетели стрелы. Ловко пущенный камень ранил Глеба. Он поспешно повернул коня и умчался обратно.

На рассвете камнеметная машина придвинулась ближе к городским воротам. Татары, скрываясь за большими деревянными щитами, начали обстрел. Они оттягивали бревно с железной чашкой на конце, опускали в чашку большой камень. Бревно с грохотом откидывалось вперед, швыряя камень. Невдалеке, за развалинами дома, скрывались в засаде татарские всадники, поджидая, не выйдут ли смельчаки из ворот.

Воевода Кофа приказал строго-настрого:

— Сохраняйте свою силу! Отбивайте неверных! Но не выходите из ворот. Они нам готовят лукавую затею!..

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

„Чей бог сильнее?“

Вечер накануне штурма Рязани Бату-хан проводил в той же церкви. Юртджи писали последние приказы отрядам. Самые строгие наказания угрожали тем, кто не ворвется в город, а откатится обратно.

Субудай-багатур сидел около Бату-хана мрачный и неразговорчивый. На вопросы кивал головой или отрицательно подымал палец. Наконец сказал:

— Сегодня ты, Ослепительный, дал приказ о наступлении. Нельзя вернуть пущенную стрелу. Прикажи завтра сделать из глины тысячи дзаголма[1], чтобы варить мясо для пира, для праздника победы. Но эту ночь надо спать и готовиться к бою.

Ханы, сидевшие около Бату-хана, поддакнули и сказали обычное пожелание:

— Да не будет у нас недостатка в кровавой войне и в пирах, залитых жиром и маслом!

Бату-хан забеспокоился:

— Я приказал привести моего учителя, мирзу Хаджи Рахима.

— Он здесь, около твоего шатра. Он охраняет иноземных мусульман.

— Это не его дело. Я звал его — он должен быть здесь.

— Ослепительный! Он сам не идет.

Бату-хан встал и быстро вышел из церкви. Около паперти, прижавшись друг к другу, сидела группа людей в больших белых тюрбанах и цветных ватных халатах, отороченных мехом. Одни причитали, другие твердили молитвы. Около них стоял Хаджи Рахим с поднятой рукой, в которой при ярком лунном свете блестела золотая пайцза.

Группа монгольских воинов стояла в нескольких шагах, подняв над головой мечи. При каждом их движении мусульмане принимались кричать, а Хаджи Рахим поднимал выше золотую пластинку.

Бату-хан сказал несколько слов стоявшему рядом толмачу. Сторожившие монголы отшатнулись. Они попытались убежать, но из темноты выступили «непобедимые» с обнаженными мечами и остановили их.

Толмач обратился к монголам:

— Пожравшие своего отца, желтые дураки! Бродячие глупые собаки! Зачем вы здесь, около порога джихангира? Пожалейте свою красную жизнь толщиной в нитку!

---

[1] Дзаголма — восточная круглая земляная печь.

Монголы загалдели, перебивая друг друга:

— Мы поймали добычу, она наша... Ее у нас отнимают. Это торгаши... Мы их зарубим, возьмем их золото и серебро. Они были вместе с урусутами! А этот мусульманский колдун с длинной бородой поднял над ними золотую пайцзу Священного Воителя. Пока он держит пайцзу, мы их не тронем. Когда он опустит руку, мы заколем торгашей и разделим добычу...

Бату-хан топнул ногой.

— Сейчас вы услышите мое решение. А вы, мусульмане, отвечайте! Где ваша родина? Как ваши имена? К кому у вас нужда? Говорите скорее!

Купцы, стоявшие на коленях, склонились до земли. Один, благообразного вида, с длинной черной бородой, выпрямился и сказал:

— Мы люди разных стран, но мы одной веры — сыны Мухаммеда. Мы, купцы, приехали торговать в твоем войске. Наши золото и серебро послужат для общей пользы: мы скупаем у воинов продаваемые ими вещи, а сами продаем сушеный виноград, фисташки, имбирь, вино, хлеб и все, что нужно для твоих великолепных храбрецов.

Бату-хан указал на Хаджи Рахима.

— Вы знали раньше этого человека?

— Нет, мы его увидели впервые в тот миг, когда он поднял над нами золотую пластинку.

— Вы обещали ему награду?

— Мы обещали и снова обещаем награду за наше спасение. Но он сказал, что дервиши имущества не имеют и золото презирают.

Хаджи Рахим прервал:

— Да, презирают золото, кроме золотой пластинки с твоим именем.

Бату-хан заговорил горячо и резко:

— Слушайте вы, купцы! Бату-хан проходит по разным странам и покоряет народы. Кто мне не покоряется, тот увидит смерть. Кто вносит беспорядок, как вы,— указал он на монголов,— тому мои «непобедимые» ломают спину...

Монголы упали в снег и завопили:

— Прости нас, великий джихангир!

— Вы, купцы, пойдите к Субудай-багатуру. Он проверит, кто из вас действительно купец. Каждый купец

получит пайцзу и будет ездить с моим войском и свободно торговать. Кто же окажется лгуном, тому разобьют затылок и бросят собакам. А вы, шатуны, бродяги, отошедшие от своего отряда, вы из какого тумена?

— Из тумена сына великого кагана Гуюк-хана.

— Я так и знал. Вы не цените того, что находитесь в войсках будущего кагана, и позорите имя Гуюк-хана. Субудай-багатур, проверь, из каких отрядов эти шатуны, отрежь каждому правое ухо и с охраной отошли их обратно в лагерь Гуюк-хана.

Монголы снова подняли вопли, прося милости. Бату-хан, не обращая на них более внимания, взял за рукав Хаджи Рахима и повел его за собой.

В церкви, у широко раскрытых царских врат, были разостланы ковры и шубы. На них, поджав ноги, сидел Бату-хан. Он рассеянно кивал головой, слушая, что рассказывал сидящий рядом Хаджи Рахим. Дервиш был в русском нагольном полушубке и меховых сапогах — подарке Бату-хана.

Священник в рясе, придерживая рукой серебряный крест на груди, тихо ходил по церкви и, крестясь, прилеплял восковые свечи перед каждой иконой. Это он делал по приказу монгольского владыки, который ему заявил через толмача: «Я хочу выразить почтение каждому урусутскому богу. Я не хочу, чтобы какой-нибудь урусутский бог на меня сердился и мне вредил».

Священник косился на Бату-хана, который продолжал безмолвно сидеть. Хаджи Рахим ему говорил:

— Я снова умоляю тебя — отпусти меня. Я не хочу быть в этом море крови. Зачем ты истребляешь столько народов, которые хотят жить мирно и свободно?

— Пусть охраняют мечом свою свободу! Монголы сильнее всех. Вся вселенная должна покориться потомкам моего деда — Священного воителя.

— Зачем я тебе? Отпусти меня.

— Нет, ты будешь следовать за мной. Я слышу кругом одну лесть. Правду говорят мне только Субудай-багатур, Юлдуз-хатун и ты... Мое желание—иметь всегда человека, который говорит правду. Конечно, ты должен говорить правду, только когда мы вдвоем. Если ты начнешь меня осуждать при других, я прикажу переломить и тебе хребет, чтобы другие меня боялись...

— Кто говорит правду, умирает не от своей болезни,

Бату-хан повернулся к священнику, проходившему мягкими шагами по церкви.

— Почему хорошо пахнет?

— Я кадил перед священными иконами.

— Что такое «кадил»? Покажи.

Священник подсыпал на угли кадила ладана и начал кадить перед иконой. Бату-хан засопел.

— Дзе-дзе! Это хорошо! Махай на меня!

Священник испуганно перекрестился.

— Господи, прости мое прегрешение!..— И он стал размахивать кадилом перед Бату-ханом.

— Чьи боги сильнее?— продолжал Бату-хан.— Урусутские или монгольские?

— Бог один.

— Неправда. Сколько у вас богов навешано по стенам? Богов много и добрых и злых. А самый могучий — наш бог Сульдэ, бог войны. Он даст нам победу, и все покорятся нашему мечу. Тогда монголы будут править всей вселенной!..

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Последние дни Рязани

> ...Погибе град и земля Рязанская, изменися доброта ея, и не бе что в ней благо видети, токмо дым и земля и пепел.
>
> *(«Повесть о приходе хана Батыя», XIII в.)*

С утра татары подошли близко к рязанским стенам, подтаскивая лестницы. Они были разные: и связанные из нескольких коротких тесин, и сбитые сосновые лесины с перекладинами, были и сделанные наспех из длинных бревен с двухсторонними зарубками.

Под городскими стенами раздавались крики татар, вопли избиваемых пленных, стук топоров и заунывный визг дудок, которыми татарские воины подбодряли себя перед штурмом.

Лестницы стали выдвигаться на стены одновременно со всех сторон. Они представляли некоторую опору для нападающих.

Первыми полезли русские пленные, подкалываемые

сзади копьями. Полуголые, в рваных посконных рубахах, посиневшие от холода, они с трудом подымались по лестницам и кричали, умоляя защитников Рязани не бить их:

— Пощадите нас, братья! Дайте перевалить через тын. Вместе с вами обернемся на татар... Не своей волей идем, нас сзади рубят...

Сверху отвечали:

— Поворачивайте назад! Трусы, заячьи хвосты! Вырывайте мечи у татар, бейте их, ломайте лестницы!

Некоторые пленные, не желая биться со своими же братьями-рязанцами, дойдя до половины лестницы, бросались вниз и скатывались по застывшим наледям. Внизу они схватывались с татарами и падали изрубленные.

Повсюду кипел отчаянный бой.

Савелий, вооруженный топором на длинной рукояти, ждал на стене, готовый сбить всякого, кто подымется по лестнице. Приблизились сразу концы трех лестниц. По ним быстро, один за другим, карабкались люди. Кто они — русские или татары? Полуголые, в отрепьях, с дубинами в руках, они лезли с отчаянием ужаса и кричали, не помня себя.

Савелий крикнул:

— Наш аль нет?.. Перекрестись!

Первый не ответил, он вопил диким голосом, держа над головой дубину, и хотел ударить ею Савелия. Но дубина вылетела, и он покатился вниз со ската.

Следующий кричал:

— Дикорос! Сват! Не тронь... Я Ваула! За мной Звяга...

Топор Савелия застыл в воздухе. Мужики грузно перевалили через дубовую стену. За ними быстро карабкался молодой татарин с кривым блестящим мечом. Он полетел вниз с рассеченной головой. Савелий бил с яростью и силой, так же уверенно, как привык рубить в лесу старые вековые ели.

Звяга и Ваула встали рядом с Савелием. Они сталкивали жердями каждого, кто подымался по лестнице. Тут же на стене отчаянно защищались остальные рязанские ратники, отбивая приступ.

Им помогали женщины. Они выливали ведра кипящей воды на штурмующих. Бросали камни и глыбы льда на всех, кто пытался взобраться по лестнице.

К полудню штурм был отбит. Татары притихли и отошли. Внизу, под стенами, двигались, ползали и отчаянно кричали раненые. Татары ходили между ними, своих они оттаскивали, а русских добивали.

Штурмы повторялись и днем и ночью в течение пяти суток. Рязанцы упорно стояли на своих местах. Но ряды их уменьшились, и некому было заменить павших. Женщины становились вместо мужчин, убитых стрелами или раздробленных пудовыми камнями. А татары посылали на приступ все новые, свежие отряды. Они лезли упрямо, надеясь на скорую поживу: кто первый ворвется, будет грабить все, что захочет.

Савелий, Звяга и Ваула помогали друг другу, чередуясь. Во время недолгого затишья они ложились тут же, на стене, и засыпали мгновенно, сунув под голову руку.

Вслед за камнеметной машиной к воротам подползли два тарана — большие бревна с железными концами, подвешенные на прочных подставках. Работавшие возле таранов монголы и пленные, прячась за кожаные щиты, раскачивали бревна, с страшной силой ударяя ими в городские ворота. Дубовые ворота трещали, отлетали щепки. Со стены лили кипяток, горячую смолу, метали стрелы и камни.

А тараны упорно били и били без остановки и наконец раскололи ворота.

С криками торжества ворвались в ворота татары и натолкнулись на толстую каменную стену, наглухо закрывавшую вход. Ее сложили за дни штурма рязанские женщины, которым помогали дети.

Татары не прекращали натиска и, добавив лестниц, снова посылали отчаянных воинов, старавшихся сломить упорство рязанцев.

Защитники города видели, что силы их слабеют, понимали, что конец близок.

Двадцатого декабря вдова князя рязанского, Агриппина, с молодыми снохами и ближними боярынями сошлись в соборной церкви. Они решили встретить здесь неминуемую гибель. Их окружили многие рязанские женщины. Епископ и священники пели молитвы и сулили райское блаженство всем, принявшим мученическую кончину.

Слепой звонарь продолжал неустанно звонить в большой набатный колокол. Звон, казалось, говорил, что борьба продолжается, что никто не сдается, что русские люди лягут костьми за родную дедовскую землю.

На шестой день осады, 21 декабря, татары снова двинулись по лестницам, неся горящие факелы. Непрерывные потоки татар ползли одновременно со всех сторон. Одни бились кривыми саблями, другие стрелами сбивали защитников.

Наконец татары стали одолевать. Дикий, радостный вой несся со всех концов города. Татары уже бежали по улицам, врывались в дома и рубили всех, старых и малых, никому не давая пощады.

Они разбили церковные двери, вбежали внутрь храма, изрубили женщин и священников, подожгли здание. Они бросали в огонь маленьких детей, вырывая их у матерей, которых тут же, на глазах у всех, насиловали, после чего распарывали им животы.

К вечеру в Рязани в живых не осталось никого. Современник пишет:

«Некому было стонать и плакать, некому скорбеть о погибших, родителям о детях, детям о родителях, братьям о братьях— все вместе лежали мертвые...»

Савелий, взглянув в этот день со стены, ужаснулся: к нему ползли восемь лестниц, а внизу чернела толпа татар, готовых идти на приступ. Савелий, сбрасывая глыбы земли, сбивал влезавших, но лестницы поднялись и справа и слева. Татары перевалили через стену. Савелия они не тронули: им было не до него. Стараясь перегнать друг друга, побежали они к Детинцу, где были княжеские хоромы, кладовые, склады и скотные дворы.

Савелий попал в волну убегавших рязанцев, которые, отбиваясь от татар, теснились к выступу стены, нависшей над рекой. Рязанцы перелезали через стену, скользили по обледенелым накатам и падали в реку в том месте, где был проломан лед. У кого хватало силы, тот переплывал реку и бежал полем в сторону леса.

Татары спешили поскорей начать грабеж и не преследовали убегавших. «Далеко не уйдут, все равно наши будут».

В числе немногих спасшихся был Савелий. Несмотря на ледяную воду, он переплыл Оку. В мокрой одежде, с топором за поясом, он вылез на противоположный берег и остановился. В последний раз оглянулся на Рязань.

В вихре пламени и дыма выделялись колокольни горевших церквей. Савелий ясно слышал покрывавший вой и крики победителей, равномерный одинокий звон набатного колокола, в который продолжал бить слепой звонарь.

Так, до последнего вздоха, пока его не прикончил разъяренный татарин, звонил старый слепой звонарь, призывая русский люд на защиту Родины.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Прощание с павшими

Штурм окончен. Пожар угасал. Рязань, за ночь засыпанная снегом, вся в обугленных развалинах, лежала, как страшно изуродованная покойница, под парчовым серебристым покровом.

Бату-хан пожелал проехать через покоренный им стольный город. Гонцы поскакали в ближайшие отряды «непобедимых» с приказом через день к восходу солнца выстроиться против ворот Рязани.

Татарские отряды растянулись неровной волнующейся линией вдоль берега замерзшей Оки. Сотни построились в десять рядов. Перед каждой полусотней с копьем, увенчанным цветным лоскутом, сидел на коне лихой багатур. Сотню возглавлял полновластный джагун[1]. Позади неподвижно застыли барабанщик с двумя котлами, обтянутыми кожей, трубач с рожком на перевязи через плечо и щитобоец с круглым медным гонгом[2].

Сотни заметно поредели. Во многих десятках не хватало где по одному, где по три всадника. Среди оставшихся было немало перевязанных — со следами русских мечей и стрел.

---

[1] Джагун — сотник.

[2] Гонг — медный щит для сигнала спешного сбора или отступления.

Вдоль реки, на скатах городских валов и на дороге, валялись трупы. Голые человеческие тела, уже запорошенные снегом, лежали в самых необычных положениях: одни — свернувшись, другие — раскинув руки и ноги, некоторые — упав головой вниз, в выбоину. Из глубокого снега торчали разутые ноги, на которых сидели крикливые галки.

Тысяча «непобедимых» уже давно выстроилась вдоль реки. Кони застоялись и тянули повод. Вдали протрубил боевой рожок. Другие рожки повторили сигнал. Джагун первой сотни проревел:

— Внимание и повиновение!

— Внимание и повиновение!— повторили за ним сотники и десятники. Воины выпрямились, подобрали поводья. Тысяча замерла в напряженном ожидании.

Из посада, со стороны уцелевшей от пожара церкви, выехала группа всадников. Впереди скакали трое, средний держал белое пятиугольное знамя с девятью широкими развевающимися лентами. Под золотой маковкой копья висел рыжий конский хвост жеребца Чингиз-хана. На знамени был вышит золотыми нитками кречет, державший в когтях ворона.

Позади ехал другой всадник. Он вез воткнутую на копье голову рязанского воеводы Вадима Данилыча Кофы. Глаза были закрыты, лицо строгое и спокойное; ветер развевал длинную седую бороду и серебряные кудри.

Далее, два скорохода в белых кафтанах, белых замшевых сапогах и высоких белых шаманских колпаках вели под уздцы ослепительной красоты белого жеребца с черными горящими глазами. Он изгибал шею, перебирал легкими ногами с черными копытами и плясал, стараясь вырваться. Покрытый малиновой бархатной попоной с золотыми вышивками, конь, как нарядная игрушка, блистал в лучах утреннего солнца.

Монголы с почтением смотрели на белого коня. Они верили, что на нем невидимо едет бог войны Сульдэ, любящий монголов, давший им новую победу.

— Бату-хан своеволен,— шептали монголы.— Сегодня он посвящает белого коня богу Сульдэ, а захочет — завтра сам на нем поедет. Сегодня он сел на вороного коня урусутов, а завтра взберется на бурого медведя...

Бату-хан ехал на рослом вороном жеребце с белыми до колен ногами и белой отметиной на лбу. Джихангир был в серебристой переливающейся в солнечных лучах кольчуге и в золотом шлеме с длинным белым пером. На коне была серебряная с золотыми бляхами сбруя, чепрак, расшитый золотом,— все сделанное русскими мастерами. Конь был убран так, как обычно ездили русские князья.

За джихангиром на разукрашенных жеребцах ехали ханы. Среди них выделялся странный толстый и сутулый Субудай-багатур на саврасом коротконогом иноходце в самой простой ременной сбруе.

Бату-хан проехал вдоль линии войск. Татары и монголы кричали: «Уррагх»! Им вторили кипчаки! «Яшасын!»[1]

Джихангир повернул обратно. Сотня «непобедимых» отделилась и последовала за ним. Бату-хан со своей свитой переехал реку, где на льдинах чернели большие промоины и человеческие трупы.

Городские ворота были уже расчищены. У стены работали пленные. За ними присматривали монгольские воины, держа на правом плече блестящие кривые мечи.

Город был совершенно разрушен. Деревянные дома сгорели. Повалившиеся обугленные бревна чадили. Пахло паленым мясом. Из тлеющих пожарищ стекали грязные ручейки.

Бату-хан подъехал к развалинам соборной церкви и поднялся на каменное возвышение, возле которого прежде собирался народ. Здесь еще сохранился почерневший от дыма медный колокол. Перекладины, на которых он висел, обгорели, и колокол-вечник боком лежал на снегу.

Мрачное зрелище открылось перед глазами монгольского владыки. На середине площади были сложены бревна, доски, двери, оконницы, колеса, сани, оглобли и обугленные остатки рязанских домов. На этой груде правильными рядами тесно лежали мертвые воины Бату-хана — монголы, татары, кипчаки — все, кто пал, штурмуя Рязань.

Сколько их? Кто сосчитает! Кто узнает, откуда они родом? Кто скажет, что будет с юртами, где целыми

---

[1] Яшасын! — Да живет!

днями родные глаза смотрят на запад, ожидая возвращения сына, отца, брата, обещавшего вернуться с конями и верблюдами, нагруженными богатой добычей?..

Безмолвные, со страшными ранами, с застывшими лицами, искаженными страданием, лежали они на спине, уставив открытые глаза в чужое холодное небо.

Шумливые спутники джихангира затихли при виде недавних товарищей. Они ушли навсегда в тот неведомый небесный мир, где за облаками умершие воины призрачными тенями собираются в отряды Священного Воителя. Так учили шаманы...

Мертвые воины оставались в своих обычных одеждах. Никто не осмелился бы снять с покойника синий чапан или расшитую узорами безрукавку: воин должен явитья к тени Чингиз-хана в благообразном виде. У многих воинов на груди стояла медная или деревянная чашка, наполненная зерном или кусочками мяса. Выдающиеся багатуры уходили в царство сказок и песен со своим кривым мечом, привязанным к застывшей ладони.

В наступившей тишине прозвучал протяжный жалобный стон. Он донесся из середины нагроможденных оледеневших тел. Стон повторился, отчетливо донеслись слова:

— Тяжело... Воды!..

Монголы заволновались:

— Нельзя разбирать священный костер!..

Бату-хан оставался неподвижен. Он процедил сквозь зубы:

— Начинайте скорей!

Один из приближенных ханов сказал нараспев:

— Счастлив тот, кто вместе с багатурами, павшими за величие монгольского улуса, улетит, захваченный дымом священного костра! Он попадет за облака в алмазный дворец бога Сульдэ!

Загремели барабаны. Затрубили рожки. Тридцать шаманов в белых одеждах, с медвежьими шкурами на плечах, издавая пронзительные вопли, приплясывая и ударяя в бубны, пошли вокруг огромного костра. Некоторые монголы, потерявшие близких, сойдя с коней, последовали за шаманами, подняв в правой руке шелковый расшитый платок.

Китайские мастера с восьми сторон подожгли паклю, намоченную горючей жидкостью. Черный дым заклубился над костром и быстро побежал по сухим бревнам и доскам. Пламя разгоралось, охватывало лежащие тела и желтыми языками взлетало к небу.

Жар становился все сильнее. Монголы попятились от костра, но никто не смел удалиться, пока джихангир, неподвижный и молчаливый, прощался со своими нукерами. Джихангир не уезжал, ожидая, пока его верные слуги не пошлют ему прощального привета.

Пламя облизывало трупы. Промасленная одежда вспыхивала желтыми языками. От жара трупы шевелились, скрючивались, двигали руками. Мертвый монгольский сотник, большой и могучий, приподнялся и, точно прощаясь, повернул голову и оглянулся на стоящих вокруг боевых товарищей.

Воины, прикрывая глаза ладонями, жадно вглядывались в огненные языки и клубы сизого дыма. Им казалось, что багровые языки пламени обращаются в призрачных скачущих всадников на коротконогих монгольских конях, которые в снопах ярких искр взметаются вверх, улетая в заоблачный мир, в священное царство воинственного правителя, Чингиз-хана...

Жар стал нестерпим. Горячий вихрь закрутился по площади. К небу полетели раскаленные головни и обломки досок.

Бату-хан, закрываясь рукавом, крикнул:

— Бай-аралла, баатр дзориггей![1]

Он хлестнул плетью коня и, вырываясь из дыма, поскакал с площади вниз к реке. За ним, звеня оружием, теряя порядок и сталкиваясь, помчались монгольские всадники с прощальными криками:

— Байартай! Байартай![2]

Подожженная поминальным костром Рязань загорелась вторично. Целые сутки были видны вспышки огней и доносился удушливый запах паленого мяса.

Войско отдыхало три дня. Воины резали пригнанный скот. Ханы ели вареную жеребятину и пили вино,

---

[1] Спасибо, доблестные богатыри!

[2] Байартай! — До свидания.

найденное в подвалах Рязанского князя. Простые нукеры пили чай, сваренный с коровьим салом и мукой, и переговаривались шепотом:

— Гей, о-й-о! Если при штурме каждого города будет гибнуть столько воинов, то много ли багатуров вернется на родину... Чуй! Не будем думать о завтрашнем дне! Сегодня будем веселиться, пить и наедаться!..

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ЧЕРНАЯ ТУЧА НАД РУССКОЙ ЗЕМЛЕЙ

Приде весть зла... смятошася люди.

(Летопись.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

„Скрипит!“

Долгой зимней ночью на каменной стене стольного города Владимира Суздальского стоял дозорный. На нем был бурый армяк, надетый поверх овчинного полушубка. Похлопывая ногой об ногу, дозорный ходил взад и вперед от одной бойницы до другой, и новые лыковые лапотки его поскрипывали на хрустевшем снегу. На уши он надвинул собачий меховой треух. Его жесткая борода стала серебристой от инея, глаза зорко посматривали по сторонам и вдаль, туда, где засыпанные снегом леса дремали в голубоватом свете ущербной луны.

Дозорный Шибалка следил за дорогой на юг в сторону Рязани. Там, говорят, рубятся. Какие вести прилетят

оттуда? Отбили рязанцы безбожных татар, напирающих из Дикого поля, или вороги обошли город стороной и теперь скачут по снежным полянам через суздальские погосты прямо на Владимир?

Шибалка стар. Но по-прежнему крепко держит копье его жесткая мозолистая рука. По-прежнему Шибалка готов идти биться туда, где чуется опасность для родной земли. Многое может вспомнить старый воин, и сейчас тяжелые думы охватывают его, как серые тучи, медленно ползущие по небу.

Город мирно спит. Ни звука, ни шороха в морозном неподвижном воздухе.

Тонкие, будто детские, голоса послышались внизу, под стеной. Шибалка прислушался. Голоса приблизились. Три тени, вынырнув из-за угла, скользили по стене. Три мальчика в длинных шубейках, прижимаясь друг к другу, быстро семенили лапотками.

— Кто идет? Зарублю!— сказал хриплым голосом Шибалка и стукнул копьем.

— Дедушка Шибалка, не серчай! Это я, Булатка!— ответил голос.— Со мной суседские, Поспелка и Незамайка!

— Вижу, что ты, бесенок! Чего не спите? Зачем ночью по стене бродите? Князь узнает — распалится!

— Мы, дедушка, только посмотреть, что такое скрипит.

— Чего?

— Вот он, Незамайка, говорит, что земля стонет. А я смекаю, не татары ли ползут к нам. Если придут татары, мы тоже хотим драться с ними,— кажись не маленькие! Вот мы и прибежали узнать, что за скрип.

— Ишь, чего выдумал! Какой такой скрип?— сказал Шибалка.

— Да ты сними колпак, в нем не слыхать.

Шибалка снял меховой треух и наставил ухо.

В тишине лунной голубой ночи ясно доносился отдаленный неумолчный скрип и звуки, похожие на приглушенные голоса и тонкий плач.

Шибалка пристально смотрел вдаль, желая понять, что за стон, что за горе несется из глубины снежных полей.

— Смотри-ка туда, дедушка!

Шибалка махнул рукой.

— Эх вы, малые ребята! Да это Зима ходит по полям в медвежьей шкуре, стучится по крышам, будит баб ночью топить печи. За Зимой бредут метели и просят дела: засыпать снегом обоз или заморозить запоздавшего путника... А Зима идет лесом, сыплет из рукава иней, идет по реке и под следом своим кует воду льдом на пять локтей... Вот откуда скрипит и потрескивает,— то метелица бабьим голосом воет!..

Но мальчишки не успокоились, а продолжали всматриваться и, указывая вдаль, говорили:

— Да вот там, дедушка, на реке!..

Луна выплыла из-за туч, и в мерцавшем серебристом свете были ясно видны кони, сани, шагавшие люди, двигавшиеся по укатанной дороге вдоль реки. Несмолкающий тягучий скрип полозьев, жалобный тонкий плач и всхлипывания нарушали торжественную тишину морозной ночи. Люди и кони тонули в голубом тумане, а за ним появлялись новые обозы розвальней, которые опять, как тени, почти бесшумно, с легким поскрипыванием уходили вперед.

— Кто это там едет?— спрашивал мальчик.

— Это сбеги... спасаются в леса. Знать, татары близко...

— Дедушка! А какие такие татары? Ты видел их?

— Не видел, а слышал, что эти дикие люди не имеют смысла человеческого, живут в Диком поле и злобой всех одолевают.

— А нас они тоже одолеют? Придут они сюда?

— Может, придут, а может, их уже порубили и отогнали рязанцы. С табунщиками драться надо, что с медведем: коли побежишь от него, он догонит и задерет, а как полезешь на него с рогатиной, так опрокинешь его и будешь с медвежьей шкурой.

— Глянь-ка: сюда сбеги едут! А за ними воины на конях. Не татары ли это?

Вереница саней направлялась к воротам крепостной стены; за ними следом ехала группа всадников. Лунный блеск вспыхивал на коротких копьях и железных шишаках, на пластинках нагрудных броней.

Шибалка схватил колотушку и начал ударять в ви-

севшее между бойницами чугунное било, подымая тревогу, вызывая стражу.

Груженые розвальни и десятка два всадников подъехали к запертым крепостным воротам, прозванным «Золотыми».

Снизу отчетливо доносились разговоры прибывших. Некоторые всадники сошли с коней и стучали в ворота.

На стену прибежали воины, и медленно поднялся, запахивая медвежью шубу, степенный сотник.

— Кто такие?— крикнул он со стены.

— Князь Роман Ингваревич с важной вестью из Рязани.

— А другие возчики кто такие?

— Пустите в город. Пострадали от безбожных татар. Мы сбеги. Ищем тихие места.

— Какие у нас тихие места! Ждем ворогов каждый день! Князя с его дружинниками пустим, а вы поезжайте в дальние погосты, там и отдохнете...

На нескольких санях послышались крики и плач. На стене толпа воинов прибавилась. Часть их спустилась к воротам. Тяжелые дубовые створцы раскрылись, пропустили всадников и снова закрылись.

Сбеги, громко проклиная владимирцев и их князя Георгия Всеволодовича, поехали дальше искать крова и приюта.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Длань князя широка и прижимиста

Князь Георгий Всеволодович Суздальский был высок, плечист и дороден. Окладистая полуседая черная борода украшала могучую грудь. Взгляд темных строгих глаз из-под черных бровей пронизывал насквозь, приводил в трепет. Когда князь стоял в соборе на узком шемаханском ковре, отставив ногу в пестром сафьяновом сапоге с серебряной подковкой, и, заложив левую руку за золотой пояс, правой истово совершал крестное знамение, касаясь перстами белого открытого лба, золотой пуговицы на животе и широких плеч, мо-

лящиеся дивились его величественным движениям, любовались, как степенно он оправлял вьющиеся полуседые темные волосы и откидывал их назад.

В народе говорили, что «хозяин он крепкий и прижимистый, спуску и поблажки никому не дает». Когда он отправлялся по княжеству, никто не мог отвертеться от дани и подарков, со всякого он умел получить хоть шерсти клок.

Он считал себя на голову умнее и смышленее всех, любил каждого поучать и не терпел спорщиков.

— Ты еще молод, чтобы мне перечить! Если бы ты на моем стольце[1] посидел, то многому бы научился и многое бы понял! Богом указано мне княжить и судить людей.

Когда пришли первые вести о нашествии на булгарское царство неведомого народа татар и мунгалов, а затем, когда толпы булгарских сбегов с женами и детьми начали прибывать в Суздальское княжество, князь Георгий Всеволодович только посмеялся:

— Ну что ж! Булгарам худо, а мне от того лучше. Милости просим, гости многоценные, скусники кожевенники и сафьянники! Всем место найдется. Мне такие мастера нужны. Я их расселю по разным городам, пусть сколачивают дубильные чаны, пусть мочат и мнут кожу, пусть шьют сапоги. Через год все мои бояре и старшие дружинники будут ходить не в лаптях-шептунах, а в кожаных сапогах.

И князь расселил булгарских кожевенников в Кинешме и в других городах княжества, и стали они выделывать разные кожи — бычьи, конские, козьи, кабаньи — и шить из них сапоги, черевья и чеботы.

Пришли новые вести: татары появились в Диком поле близ рязанских пределов. Князь нахмурился, но не особенно встревожился.

— Рязанцы всегда носы задирают, своего князя «государем» зовут. Мы же, суздальцы, рязанцев били и их город сожгли, князей и бояр рязанских сажали в порубы, а мужиков рязанских расселяли у себя по дальним погостам. Казалось, Рязань никогда уже не справится,— а вот гляди! Снова заселилась и растет

---

[1] Стольце — кресло.

Рязань пуще прежнего, как трава-лебеда на пожарище....

Когда рязанцы направили во Владимир прибывших к ним татарских послов — двух соглядатаев и чародейку,— князь Георгий Всеволодович принял их пышно, показывая свое богатство и могущество: сам сидел в золоченом кресле в парчовом кафтане; бояре и боярыни были в парчовых и аксамитовых одеждах. С послами говорил он властно, не подслащивая свои речи. Он отослал их обратно, одарив помалу, не так, как мог бы.

Рязанцы прислали к нему челобитчиков. Оставив свою гордость, они слезно просили подмоги:

— Присылай свои полки! Сам веди их, главенствуй над рязанской ратью! Надо соединиться, станет русская сила грозна. Половецкие лазутчики доносят, что бесчисленно татарское войско, что и не бывало еще такого. Надобно всем, кто может, схватить топоры, грудью встретить ворогов, иначе обратят они русские земли в золу и пепел.

— Ишь, как испугались, невесть чего выдумали!— ответил князь Георгий Всеволодович. Сам прийти отказался и от своих полков не захотел дать ни одного ратника:— Вы бы, рязанцы, раньше подумали с Владимиром и Суздалем в дружбе жить и смуту с нами не заводить. А коли ко мне сюда татары и мунгалы докатятся, я сам с ними справлюсь.

Уехали рязанцы ни с чем. И пришлось полкам рязанскому, пронскому, муромскому и зарайскому одним выйти в Дикое поле, чтобы задержать татарский набег.

Бояре стали осторожно спрашивать князя, что́ он будет делать, если татары прискачут к стенам стольного города Владимира. Георгий Всеволодович, грозно поводя очами, сказал:

— Не мне их бояться! Я знаю хорошо повадки табунщиков-удальцов: приедут, повертятся, пошарпают в погостах и предложат уплатить им дань. Тут наше дело переманить их послов, угостить их доотвалу белорыбицей и пирогами, напоить старым медом и с ними отослать дары: тысячу пар красных сапог, сотню аксамитовых и собольих шуб и в придачу подарки ханским женам, всего, что у нас припасено в сундуках и кладовых. Захотят татары еще чего-нибудь — коней вороных, рыжих, пегих и других, так и это дадим. От этого не

обеднеем. А стены городские у меня крепкие, ворота прочные. Степнякам и на коне их не перескочить, и лбом не пробить.

Все же князь Георгий Всеволодович некоторые меры принял. Он отправил своих лучших коней в дальние северные города, склады зерна и сена, бывшие за рекой, перевез в город, усилил дружину, переписал в городе охочих людей, всех призывая вступать в дружину. Назначил воеводой Еремея Глебовича, написал другим князьям — Новгородскому, Ростовскому, Белозерскому и прочим,— чтобы готовились и по первому зову спешили к Владимиру, отбивать врагов от русских земель.

Он объяснял всем, что бояться нечего, что он обо всем подумал, все предвидел, все предусмотрел, что татарские табунщики три года будут стучаться в стены, а потом все же уйдут.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Татары близко

Был двадцать третий день десятого месяца Студня[1]. Князь Георгий Всеволодович вечером за ужином, после жареного гуся с кислой капустой, закусил еще парой моченых яблок и прилег на лежанке, крытой бараньими шкурами.

Среди ночи его осторожно разбудил старый дружинник, раскачивая за плечо. Князь, разогретый жарко натопленной печкой, с трудом очнулся. Ему снился архиепископ владимирский, суровый владыка Митрофан, в полном облачении. Будто он с амвона грозил перстом и уговаривал его: «Вставай, княже, очнись, солнцеворот прошел, солнце повернуло на лето, и медведь в берлоге повернулся с одного бока на другой...»

— Ин и я повернусь!— бормотал князь, поворачиваясь, но твердая рука дружинника крепко держала его за плечо.

— Вставай, княже, очнись!— говорил старый преданный воин.— Плохие вести привезли гонцы из Рязани.

---

[1] До XV в. декабрь, или, по древнерусскому наименованию, Студень, считался десятым месяцем в году. Год начинался с 1 марта.

— Какие гонцы? Какие вести?— спросил князь, с трудом приходя в себя.

— Прибыл из Рязани князь Роман Ингваревич. Мы его впустили в город.

— Что говорит?

— Сам тебе хочет поведать.

— Прибыл из Рязани? Что там стряслось?— говорил князь, натягивая сапоги.

— Рязани больше нет.

— Да ты в уме ли? Где князь Роман?

— Здесь, в гриднице.

Дружинник подал беличий охабень.

Сильные руки князя Георгия дрожали и долго не попадали в рукава.

Князь Георгий Всеволодович прошел в гридницу, где обычно происходили его беседы с боярами. Там уже находилось несколько ближних советников.

Слабый свет лампад перед старыми темными иконами озарял бревенчатые стены, кое-где завешанные сукном и коврами. Впереди безмолвных бояр стояли княжеские сыновья — Владимир и Всеволод, спешно среди ночи прибывшие на совет.

Воеводы Жирослав Михайлович, Еремей Глебович и Петр Ослядюкович стояли спокойно. Ничто не могло их удивить: в долгой боевой жизни они всякое видели.

За столом, на скамье, крытой ковром, сидел, положив кудрявую голову на руки, приехавший из Рязани князь Роман. Он крепко заснул, устав от бессонной дороги и скачки на переменных лошадях.

Громко, властным голосом заговорил вошедший князь Георгий Всеволодович:

— Что ты привез из Рязани? Что сделали с нею татары? Крепко ли бились рязанцы или показали пяты и отдали родной город?

Князь Роман Ингваревич ничего не слышал и продолжал сидеть неподвижно. В тишине ночи слышались легкое дребезжание слюдяного окошка и ровное дыхание спящего.

— Я спрашиваю: как бились рязанцы? Наверное, уже сдали город?

Князь Роман очнулся, услыхав последние слова. Он вскочил и крикнул хриплым голосом, сдерживая ярость, согнувшись, готовый броситься на князя Георгия:

— Не тебе так говорить, не тебе с нас и спрашивать! Отвернулся ты от нас в тяжелый час — и сам не пришел и подмоги не прислал... Нет больше Рязани! Сожгли ее мунгалы, и на горящих развалинах города полегли все рязанцы! Но никто не отступил, и не отдали мы нашего города. Только через наши тела ворвались к нам окаянные мунгалы!

— А князь Юрий Ингваревич?

— Убит в Диком поле...

— А князь Пронский, князь Муромский, Василий Красный, Глеб Михайлович Коломенский?

— Все полегли, отбиваясь!.. Все оглядывались, не идут ли на помощь суздальцы, ростовцы, новгородцы! Где там! Заперлись вы за своими стенами, взобрались на печи и, ворочаясь, только почесывались и тараканов давили.

— Не смей говорить такие речи! — закричал Владимирский князь.

— Где вы были, суздальцы, сальники[1], кулики? Что вы делали, на болоте сидючи?

— Больно ты дерзок приехал! — захрипел князь Георгий.

— А ты не порочь рязанцев! Лежат они, застывшие, на снежных полянах, и некому даже бросить на них горсть родной земли... Разобью тебе голову, если услышу хоть слово издевки!..

Князь Роман схватил лежавший рядом с ним меч, но бояре и оба княжеских сына бросились вперед и повисли на руках споривших. Князь Георгий, стараясь вырваться, кричал и тянулся к мечу, висевшему на стене:

— Не ему меня учить! Зарублю! Нищий и безродный пришел ко мне просить помощи, а каркает, что ворона, залетевшая в боярские хоромы...

— Батюшка! Не надо так говорить с гостем! — старались успокоить князя Георгия его сыновья.

Сильный низкий голос вдруг покрыл шум. Послышались протяжные, произносимые нараспев слова:

— Мир, тишина и благодать дому сему!

Все оглянулись. В дверях стоял высокий худой монах в черной до пят одежде и в черном клобуке. Длинная

---

[1] Сальники, кулики — иронический эпитет, который укрепился за суздальцами.

черная с проседью борода, большой с горбинкой нос и запавшие под густыми бровями темные глаза делали лицо монаха мрачным и неприветливым. В правой руке он держал медный крест, а в левой длинный посох.

— Я вижу распрю, слышу спор в высоких княжеских хоромах. Не время заводить ссору, рагозу и котору! Я пришел оттуда, где дымом заволокло небо, где горят города, где движется на нас нечестивый страшный народ и несет миру смерть и гибель...

— Кто ты? Откуда пришел? Что тебе надобно?— спросил князь Георгий Всеволодович.

— Я раб божий, странник Феофил Неврюй, родом новгородец. Иду из святой земли, из града Иерусалима, где поклонялся гробу господню и кресту животворящу. В Диком поле попал я в узы немилостивых татар, но чудесным промыслом божиим я спасся из неволи и пришел сюда, в славный город Владимир. Пришел я сказать вам: покайтесь, пока не поздно! Народ мунгальский идет с велбудами, с пороками на колесах и в невиданном скопище. Нет стены, которую бы они не проломили, нет города, которого не захватили бы и не сожгли... Мунгалы и татары бесчисленны, аки прузи[1], и посланы творцом вседержителем в наказание людям за их грехи. Скоро мы все погибнем, аки обре[2], и забудется в людях даже память о том, что была когда-то святая Русь!

— Перестань говорить речи страшные!— воскликнул старый воевода Жирослав.

— Зарастут наши пашни повиликой, репьем и волчцом. Жития миру сему осталось всего три месяца и три дня. И когда мы все поляжем убиенными, вострубят трубы архангельские, молоньей поразятся орды татарские, и будет воскресение мертвых и последний страшный суд. Покайтеся!..

Монах перекрестился три раза и поцеловал свой медный крест.

— Клянусь на этом животворящем кресте, что все, мною сказанное,— святая истина. Тайну сию открыли мне непорочные отцы-отшельники на Афонской горе...

---

[1] Прузи — саранча.

[2] Обре — авары, древнее племя, населявшее черноморские степи, уничтоженное воинственными соседями.

Князь Георгий Всеволодович перекрестился, приложился к медному кресту и сказал монаху:

— Отче Феофил! Мы беседуем о деле порубежном. Сейчас не до тебя. Время позднее. Что ты по ночам бродишь? Кто пропустил тебя сюда? Пройди-ка в сенницу, там мои дружинники проведут тебя в теплую истопку[1]. А завтра я пошлю за тобой.

— Исполать[2] дому сему!— сказал монах и степенно удалился.

У князя Георгия Всеволодовича гнев отошел, и он заговорил своим обычным самоуверенным, властным голосом:

— Я виноват, что сказал слово неудачливое, речь повел не по-ученому. Вечная память сложившим свои головы за землю Святорусскую. Поднимем светлый меч, выпавший из мертвых рук. Продолжим бой. Выгоним из нашего княжества татарских воров-грабителей, истребим их злобное племя. Я разделю мои полки: с одним ты, мой старший сын, князь Всеволод, пойдешь в Коломну, с другим полком пойдет в Москву мой младший сын Владимир. Ему в подмогу я дам воеводу Филиппа Няньку. Скачите изгонной ратью,— татары могут налететь раньше вашего... А здесь, во Владимире, на время моего отъезда останется воеводой Петр Ослядюкович...

Все молчали, пораженные желанием князя в тревожное время уехать из Владимира. Княжич Всеволод сказал:

— Батюшка, мы выполним твою волю. Мы не уступим родной земли. Мы будем биться, пока хватит сил.

Князь Георгий Всеволодович встал, обратился к киоту с образами и, торжественно крестясь, стал молиться:

— Боже всесильный, боже милостливый! Помоги мне собрать святорусское войско, вложить мужество в души русских людей! Помоги единой могучей стеной поднять их против нечестивых татар! Помоги прогнать злое племя обратно в дикие поля!..

---

[1] Истопка, истоба — отапливаемая изба.
[2] Исполать — хвала, слава.

Повернувшись к сыновьям, князь обнял и благословил их. Затем он сделал знак воеводам подойти ближе. Он говорил тихо, чтобы не услышали женщины в соседней горнице:

—Я вместе с племянниками выезжаю на Волгу — в Ярославль, Кострому, Углич. Я найду укромное поле среди густого леса, где построю боевой стан. Там соберу новую могучую, несокрушимую рать. Князья — ближние и дальние, с Бела-Озера, и псковичи, и смоленцы, и новгородцы — все пришлют ко мне свои доспешные дружины и простых воинов. Пока татары будут осаждать суздальские города и укладывать здесь свои рати, я соберу во един сноп свежее могучее войско и наброшусь на них. Они уже рассыпались отдельными отрядами и беспечно бродят по нашей земле. Я буду на них нападать врасплох, пока они не собрались опять в одну силу. Буду разбивать их по частям. Я сделаю то, что не удалось самохвальным рязанцам,— одолею татарского царя Батыгу!

— Дай-то бог! Исполать тебе!— воскликнули все.

Воеводы хотели расспросить князя о воинских приготовлениях в городе Владимире, но он отказался им отвечать.

— Теперь вы сами распоряжайтесь! Теперь вы головы, вы начальники. А ко мне приведите сейчас этого черного монаха. Я выпытаю у него все, что он видел у татар.

Младший сын князя, Владимир, еще безусый и розовый, как девушка, побежал из гридницы искать монаха.

Роман Ингваревич Рязанский, все время молчавший, сказал:

— Не нравится мне этот черный монах. И лик его дьявольский мне что-то знаком. Откуда он свалился? Каким путем сюда прошел?

Владимир вернулся со слугой, который низко склонился перед великим князем.

— Княже Георгий Всеволодович! Прости ты нас! Этот старый монах бог весть какими хитростями пробрался в твои хоромы. Он клялся, что приехал-де вместе с князем Рязанским. Только, проходя через узкую дверь в сенях, задел он за притолоку, и его клобук сва-

лился! А волосы-то у него стриженые. Какой же старый монах может быть стриженым? Тут он стал браниться. Не успел я оглянуться, а его уже нет! Точно сквозь стену прошел! Не иначе как это был волкодлак, оборотень! Я слышал, как он шел и шептал нечестивое заклятие: «Них-них, запалам, бада кумара!» Еще, поди, напустил черную немочь, а сам обернулся крысой-пасюком и убежал.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

„Спешите на оборону Родины!“

Прощаясь с отцом, князем Георгием Всеволодовичем, младший сын Владимир поцеловал ему руку с большим золотым перстнем на указательном пальце.

— Батюшка, сколько дружинников я могу взять с собой?

— Мои дружинники понадобятся здесь, для защиты моего преславного города. Я передумал. Вместо войска я даю тебе Филиппа Няньку. Он дороже всякой дружины. Он ополчит[1] горожан, призовет крестьян, быстро соберет целую рать. Под его опытным глазом ты отобьешь всех врагов-недругов. Бейся крепко и не бойся! Я хорошо знаю этих табунщиков: поторкаются в стены, покрутятся и отхлынут назад в свои дикие степи.

— Батюшка, а Рязань-то пала? Стены ее не спасли?

— Рязань! Вон что сказал! Какие у Рязани стены,— кошка перескочит! А сами рязанцы что такое? Разве это воины? Коротконогие, широкие, как пни. То ли дело мы — суздальцы да владимирцы: грудь колесом, росту саженного, красавец к красавцу. Мы всегда били и будем впредь бить рязанцев. Смотри же, сынок, не отдай Москвы!

— Все же, батюшка, дай мне сколько-нибудь ратников. Ты ведь дал моему брату Всеволоду шесть сотен.

— Так ведь Всеволод едет в Коломну. Она поважнее Москвы. Коломна — передовой порог Дикого поля. А Москва так себе, перекресточек промеж четырех речонок. Татары, пожалуй, и смотреть-то на Москву не

---

[1] Ополчить — собрать полк, организовать воинский отряд.

станут. Впрочем, выбери десять дружинников, чтобы тебя охраняли. Ты будешь их посылать ко мне с вестями, что у тебя делается. Ну, господь бог да сохранит тебя в боях ратных! Вернешься со славой — награжу тебя знатно.

— Дай мне тогда в княжение Рязань.

— Ну и дам. Я давно хочу примыслить себе всю Рязанскую землю.

Великий князь Георгий Всеволодович уехал на рассвете вместе с двумя племянниками и сотней верховых дружинников. Княгиня Агафья Ростиславна, высокая, дородная в собольей шубе, провожала мужа до последней ступеньки резного крыльца. За ночь, подняв всех поварих, она приказала напечь ему на дорогу пирогов и уложить их в дорожный возок. Она тихо плакала, стараясь сдержать катившиеся слезы, кланялась, прощаясь, в пояс. Верила словам князя, что скоро он вернется.

Кутаясь в медвежью шубу, князь поудобнее уселся в открытом плетеном из лозы возке. Три коня, запряженные гуськом, потащили скрипучие сани. Верхом на переднем коне ехал старый слуга, искусный аргун[1]. Выезжая из ворот, князь высоко поднял бобровый воротник шубы, чтобы его не узнали встречные.

На узких кривых улицах города было еще темно. Кое-где в маленьких окнах деревянных домов тусклый красный свет пробивался через пузыри, показывая, что начиналась повседневная жизнь: топили печи, месили тесто, выкладывали на доски караваи и пироги.

В городских воротах княжеский поезд из двадцати саней и сотни всадников задержался. Сторож Шибалка допытывался, кто едет, а князь приказал дружинникам и слугам никому себя не называть. Шибалка заглянул в возок и узнал пронизывающие черные глаза. Низко снял он колпак и побежал открывать тяжелые дубовые ворота.

Вслед за всадниками проскользнул за ворота высокий бородатый монах с длинным посохом.

---

[1] Аргун — древняя кличка, прозвище плотников. До сих пор владимирских плотников зовут аргунами.

— Ишь, сколько их бродит, чернохвостых!— проворчал Шибалка.— Пересек чернец дорогу великому князю, как черный кот. Недоброе сулит такая встреча!..

Юный князь Владимир и воевода Филипп Нянька помчались немедленно, чтобы скорее попасть в Москву. Сопровождали их десять дружинников верхами. У каждого был заводной[1] конь. За ними следовали десять саней, груженных кольчугами и другим оружием, с запасом еды для ратников и ячменя для коней.

Ехали сперва по реке Клязьме, потом направились зимними путями, напрямик, чтобы избежать речных извилин и перевертов. Всюду, в глухих лесных деревушках, встречали тревогу. Вся северная земля всколыхнулась. Мужики вострили топоры и рогатины и расспрашивали, где собирается ратный люд. Но никто толком ничего не знал, и не было одной головы, чтобы собрать воедино всю русскую силу.

Князь Владимир остановился в лесном поселке покормить лошадей. Он сидел возле избы на завалинке. Из лесу показался высокий человек с большой рогатиной в руке и луком за спиной. Он нес на плече дикую козу и шел мерным твердым шагом. Охотник остановился перед Владимиром и снял меховой колпак. На плечи упали белые волосы, пожелтевшие на концах. Он вытащил из-за воротника седую бороду, рассыпавшуюся по груди.

Узнав, что перед ним сын князя Владимирского, старик спустил к ногам молодого князя козлиную тушу.

— Кушай, княжич, на здоровье! Полдничай вместе с твоими ратниками. Слышал я от монаха-странника, что на Русь навалилась несметная сила. Вот и я не удержался и вышел из своего звериного логова. Уж много лет живу я в болотах с медведями и сохатыми да еще бортничаю[1] — кормят меня дикие пчелки!.. Теперь я поднялся скликать на войну сыновей и внуков, а их у меня двадцать семь молодцов. Все вместе пойдем отбивать лихих ворогов. По паре коней на каждого у них да отнимем! Где нам собираться?

---

[1] З а в о д н о й — запасной.

[1] Б о р т н и ч а т ь — добывать дикий пчелиный мед, который пчелами откладывался в «бортях», дуплах старых деревьев. При отсутствии сахара в ту эпоху торговля медом играла большую роль и внутри страны и в вывозе за границу.

— Иди в город, что поближе,— во Владимир.

— Это к батюшке твоему, князю Георгию Всеволодовичу? Нет, к нему я не пойду! У него рука тяжелая и незадачливая. Тому назад двадцать годов стоял твой батюшка с суздальским войском на реке Гзе, а потом на Липице. Оттуда он перешел на Авдову гору и зря уложил там все свое войско. Десять тысяч мужиков-суздальцев тогда пало. Да какие все молодцы! А кто нас рубил? Свои же земляки: новгородские, смоленские, ростовские. А для чего рубились? Ты не скажешь? Нет, ты этого не знаешь!..

— Знаю. Они хотели отнять княжение у моего отца, князя Георгия Всеволодовича.

— Князья промеж себя не поладили: сидеть ли во Владимире князю Георгию Всеволодовичу или его родному брату Константину Ростовскому? Брат на брата с ножом полез. Каин Авеля хотел зарубить. Заставили братья за себя биться простых мужиков. Нам-то не все ли равно, какой брат будет сидеть на нашей спине — Константин или Георгий? Там князья мужиков не пожалели, и покатились глупые крестьянские головы! О татарах тогда и не слыхивали, а братья резались хуже татар. Теперь князь Георгий Всеволодович, твой батюшка, небось почесывается да охает: как бы у колдунов найти живой и мертвой водицы и поднять против татар этих десять тысяч покойничков? Эй, княжич Владимир, в том-то и беда, что покойничков никакими заговорами, ни молитвами не подымешь! А кто из стариков остался жив, как я, кто бился в Липице и помнит, что с нами князья сделали, так те за князем Георгием не пойдут!

— Ты что же речи ведешь супротивные!— рассердился молодой князь Владимир.— Да как звать тебя? Да я тебя за такие слова зарублю на месте!

— Еще одним покойником больше будет, а татары все равно придут. И мы, мужики, будем с ними драться и гнать из нашей земли, угодно это князьям или нет. А как будет с ними драться князь Георгий Всеволодович — мы еще посмотрим! Я с сыновьями и внуками свою ватагу соберу и других сторонников[1] призо-

---

[1] Сторонники — в то время так назывались свободные, не княжеские отряды, своего рода партизаны.

ву. Будем татар ловить и на рогатину насаживать... А ты, княжич Владимир, не серчай на старика и кушай мою козлятину на здоровье, да в бою не показывай татарам хвоста своего коня...

Старик снял колпак, низко поклонился князю Владимиру и, тряхнув седыми кудрями, пошел прочь, высокий и прямой. Из кустов вышло несколько мужиков с рогатинами и луками, таких же высоких, стройных в овчинных шкурах, и пошли за своим родовиком след в след, нога в ногу.

ГЛАВА ПЯТАЯ

„Идем на Мушкаф!“

Субудай-багатур сказал Бату-хану:

— Выслушай, джихангир, твоего верного слугу. Немаловажное дело впереди. Мы должны немедленно двинуться к городу Машфа[1] и взять его раньше, чем его займут другие ханы. Там устроены склады товаров, привезенных из других стран. Там живут иноземные купцы. Там мы захватим большие богатства, заморское серебро и золото, греческое красное вино и германское сукно.

Бату-хан с полузакрытыми глазами ответил усталым голосом:

— Сейчас я занят важным делом. Мы успеем это сделать завтра.

Субудай засопел, наклонился к уху Бату-хана с висящей тяжелой золотой серьгой и едва слышно злобно прошептал:

— На войне один упущенный день, упущенный час— это потерянная победа и пропавшие труды девяноста девяти лет. Ты тратишь по-пустому важный день. Гони, выметай к красным мангусам этих плакальщиков и тунеядцев. Прогони их—или я сам это сделаю! Сейчас пришлю тысячу моих «бешеных» и сам всех здесь разметаю.

---

[1] Машфа, или Мушкаф,— так в древних восточных летописях называлась Москва.

Подбородок Бату-хана задрожал от гнева. Глаза раскрылись и уставились в упор в лицо Субудая. Он увидел прищуренный глаз, изборожденное шрамами, никогда от рождения не мытое лицо с клочками жестких волос, искривленные морщинистые губы, покрывшиеся пеной. Субудая начинала охватывать ярость.

Бату-хан боялся вспышек гнева своего воспитателя и смирился. Он перевел взгляд на просителей-монголов, стоявших на четвереньках, склонив головы до земли. Вереница их тянулась через всю деревянную церковь, выходила сквозь двери во двор, на снежное поле. Бату-хан, стараясь скрыть свое беспокойство, сказал:

— Меня недаром зовут «хороший», «милостивый хан»— Саин-хан! Все, кто мне предан, имеют ко мне доступ, могут сказать моему лицу свои жалобы...

Субудай быстро облизывал длинным языком губы. Бату-хан еще раз покосился:

— Я окажу милость еще двум жалобщикам, и мы поговорим с тобой.

Бату-хан сидел, подобрав ноги, на церковном престоле. Сквозь раскрытые двери иконостаса к нему на коленях приблизился старик в полосатом кипчакском халате. Бату-хан остановил на нем равнодушный взгляд, и глаза его опять полузакрылись:

— На что ты жалуешься?

— Меня зовут Назар-Кяризек. Я от самого Сыгнака сопровождаю твое непобедимое войско... Я служу с трепетом и почтением...

— Что ты, слабый старик, у меня делаешь?

— Я сторожу и кормлю будильного петуха у храбрейшего из богатырей, Субудай-багатура...

Бату-хан любил слушать жалобы на своего свирепого воспитателя. Он прошептал: «Дзе-дзе!»

— На что же ты жалуешься? Разве Субудай-багатур тебя обидел?

— Нет, Величайший! Но меня наказал аллах — да будет прославлено его имя! Со мной вместе ушли в поход четверо моих сыновей — все лихие джигиты, один лучше другого.

— Это для тебя почетно! Они заслуживают похвалы!

— В первых же битвах с урусутами пал мой старший сын, храбрый Демир,— да упокоит аллах его ду-

шу в садах своих!— И старик, прикрыв глаза рукавом, всхлипнул.

— Гордись, что твой сын умер в битве. Чем я могу наградить тебя?

Назар-Кяризек, вытирая нос ладонью, прошептал:

— Я твоя жертва! Твои милостивые слова — моя лучшая награда!

Субудай прошептал:

— Я его знаю, этого старика. Он старается изо всех сил, и ему можно дать полезное для нас поручение. Стань в сторонке, старик, и жди.

Следующий проситель был в арабской одежде — полосатом шерстяном плаще и мусульманском белом тюрбане. Его кафтан был изодран и висел клочьями. Купец подполз к престолу на коленях и стал с хриплым стоном причитать, ударять кулаками в грудь.

— Чего он хочет? Я не понимаю его речи.

Толмач объяснил:

— Это бухарский купец. Старшина двенадцати других купцов. Они сопровождают твое блистательное войско и скупают у воинов одежду и вещи, захваченные в битвах. Бухарский купец жалуется, что его обидели твои воины, избили и отняли все имущество.

Бату-хан оживился. Лицо исказилось хищной улыбкой. Он сказал, ударяя ладонью по колену:

— Купцы мне полезны! Купцы привозят нужные товары! Купцы необходимы моим воинам, которые не могут тащить за собой по вселенной все богатства, захваченные в долгой войне. Кто обидит преданных мне купцов, тот увидит смерть. Можешь ли ты указать желтых собак, которые тебя ограбили?

— Число твоих воинов бесконечно, как число перелетных птиц весной. Но если я встречу моих обидчиков, я их укажу.

Субудай вмешался:

— Позволь мне дать скромный совет. Назначь этого старика, хранителя будильного петуха, защитником и толмачом иноземных купцов. Он хитрый: сумеет их охранить и себя не забыть.

— Пусть будет так!— сказал Бату-хан, спуская ноги.

Нукеры помогли ему слезть с престола. Бату-хан прошел через церковь к выходу. Просители застонали, и вопли понеслись со всех сторон:

— Выслушай нас, великий, доблестный Саин-хан!
Субудай шипел:
— Говорил я тебе, гони к красным мангусам всех этих просителей! Твое дело воевать, а не суд творить. Нукеры, гоните всех отсюда, очищайте от них юрту!

Татарские тумены шли вперед отдельными самостоятельными отрядами. Они раздвигались в ширину, как растопыренные пальцы ладони, чтобы не мешать друг другу при грабеже городов и сел. Как на облавной охоте, монголы старались охватить петлей русские земли и загнать население в середину, чтобы там прикончить всех, кроме отборных мастеров, нужных для выделки кожи, оружия и шитья одежды.

Монгольские и кипчакские воины рыскали по всем посадам и погостам, обшаривали каждую избу и бранились:

— Куда нас завел Бату-хан! Он соблазнял, что урусуты ходят в собольих шапках и бобровых шубах, что мы все переоденемся, как важные нойоны и богатые купцы, а мы не видели ни одного урусута в кожаных сапогах. Все ходят в заплатанных домотканых зипунах да старых овчинных шубах, на ногах носят лыковые лапти. Не стоило нам и ходить сюда! Кони наши болеют от старой соломы с крыш и ржаного зерна. Они не находят травы под глубоким снегом. Скоро мы потеряем наших коней, а захваченные урусутские кони для набегов не годятся. Мы не знаем, что нам везти в повозках — только коровьи туши и ни одной лисьей шубы! Все попрятали эти хитрецы в своих вековых лесах, где тропы занесены снегом выше пояса, где нет сена, где всаднику грозит смерть из-за каждой ели...

Монгольские воины становились все более озлобленными из-за неудачной поживы и вымещали гнев на захваченных пленных. Они раздевали их догола. Даже тех, кто были в отрепьях, и тех обдирали. Брошенные на произвол раненые и пленные замерзали на лютом морозе.

Отряды Бату-хана и Субудай-багатура пошли ускоренными переходами по извилистому течению Оки. Они торопились первыми примчаться к небольшому городу Мушкафу, где, по слухам, находились склады иноземных товаров.

Одноглазый полководец держал при себе нескольких булгарских купцов. На остановках он расспрашивал, как они приехали, какими путями. Что за товары везут они из заморья и что они закупают у диких неподатливых урусутов? Что за город Мушкаф? Где там живут купцы и где их склады? Где они запрятали свое золото? Выгодно ли торговать? Где купцы научились торговому делу?

Жены Бату-хана, его «семь звезд», ехали вслед за головным отрядом. Такова была воля Ослепительного. Джихангир не позволил им остаться в прочном теплом монастыре, где он устроил склад захваченной добычи. «Мои звезды» будут со мной всюду, куда я ни поеду!» — сказал Бату-хан. И жены вместе со служанками ехали в простых плетенных из лозы коробах, поставленных на розвальни. Только старшая жена монголка имела нарядный красный возок, разрисованный сказочными цветами и золочеными крестами. В нем, бывало, разъезжал по епархии рязанский епископ. Видя красный возок с крестом, встречные урусуты по привычке крестились и становились на колени.

На одном из поворотов реки Бату-хан сдержал вороного жеребца и пропустил двигавшиеся мимо него отряды. Позади него выстроилась охранная сотня.

Многие проезжавшие мимо всадники имели возле себя на поводу одну-две лошади, навьюченные мешками с зерном и кожаными баксонами[1] с разным добром.

После передового отряда приблизилась вереница саней, в которых ехали семь жен Бату-хана и их прислуга. Бату-хан подозвал к себе нукера и что-то шепнул ему.

Красный возок первой жены тянули три белых коня. На переднем сидел конюх с копьем. Сзади следовало пять саней с разной кладью, покрытой медвежьими шкурами. Возок остановился. Жена джихангира, толстая, в просторной лиловой одежде, с трудом протиснулась сквозь дверцу. По монгольскому обычаю, она опустилась в глубокий снег на одно колено и стала ждать.

Бату-хан оставался неподвижен. К первой жене подъехал нукер и сказал:

— Джихангир повелевает войти в сани. Сейчас будет быстрая скачка.

---

[1] Баксоны — кожаные переметные сумы.

Подъехала вторая жена, закутанная в кунью шубу, крытую парчой. Три небольших конька гуськом тянули сани. Все три коня, желтые, как воск, были с белыми гривами. На переднем сидел молодой конюх в парчовой, потускневшей от дождя и времени одежде.

Сани двигались медленно, так как за ними тащилась привязанная рыжая корова. За коровой бежал пленный молодой урусут в лохмотьях, перевязанных лыковыми бечевками. Иногда корова трусила, как могла, рысью, пленный настегивал ее хворостинкой. За коровой следовали трое саней, груженных кладью. На последних санях сидели три пленницы-урусутки.

Так же были перегружены сани остальнх жен. У каждой кони были разного цвета: у одной вороные, у других рыжие, гнедые, красно-пегие. За санями шестой жены, дочери кипчакского хана Баяндера, шли два скаковых коня, закутанных в попоны. Их вел на поводу кипчакский всадник. Последние сани, запряженные тремя черно-пегими, как барсы, конями, были пусты.

Все сани остановились, из них вышли жены, и каждая, преклонив колено, ждала милости джихангира.

— Где Юлдуз-хатун?— спросил Бату-хан.

Нукер поскакал к вознице, сидевшему на коне барсовой масти, и стремглав вернулся обратно, взбивая снежную пыль.

— Юлдуз-хатун вместе со своей служанкой верхом на скаковых конях проехала вперед, к разведочному отряду.

Подозвав сотника Кундуя, Бату-хан резко, со злобой проворчал:

— Скажи всем хатунам, пусть немедленно едут в мой лагерь близ Рязани. Пусть они там отдыхают и не отдаляются в сторону: всюду бродят шайки урусутских деренчи[1]. А нас ждет бой, где женщинам грозит гибель.

Бату-хан помчался вперед по дороге. За ним бросилась охранная сотня.

Жены стали плакать и кричать:

— Дуругэй[2]! Почему с джихангиром поехала одна «черная, рабочая» жена? Пусть Юлдуз-хатун тоже возвращается назад! Мы поедем за джихангиром всюду, до конца вселенной...

---

[1] Деренчи — разбойники.

[2] Дуругэй!— не хочу!

По указанию Кундуя, строго выполнявшего приказы Бату-хана, нукеры насильно усадили жен в сани и повернули по дороге в Рязань.

Полсотни нукеров охраняли обоз. Жены сперва рыдали, потом стали пересаживаться друг к другу, перешептываться и смеяться. Рассказывали, какие роскошные убранства джихангир захватил в Рязани, Переяславле, Ижеславле и других городах.

— Как жаль, что не удастся попасть в Мушкаф, где много заморских товаров! Но джихангир щедр и нас не обидит!..

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Бату-хан перед Москвой

Бату-хан торопился первым прибыть в Мушкаф.

— Это новый город,— рассказывали булгарские купцы.— Там иногда останавливаются купцы из разных стран, едущие в богатый Ульдемир и Булгар.

Джихангир решил: не надо допускать в Мушкаф других чингизидов. Они без толку и выгоды разрушат городок, а он может ему пригодиться. У Бату-хана были свои мысли, свои планы, и о них он не раз говорил с молчаливым Субудай-багатуром, который сумрачно и коротко отвечал: «Так! Приедем — посмотрим!»

Утром передовая тысяча, с которой ехал Бату-хан, прибыла к берегу, поросшему старым сосновым лесом. Внизу изогнулась заснувшая подо льдом река.

На другом берегу, на холме, виднелся небольшой деревянный городок, опоясанный бревенчатыми стенами. В беспорядке теснились дома, пестрые терема, амбары, небольшие церквушки. Засыпанный снегом городок был окутан сизым дымом, клубившимся над деревянными крышами.

Хотя великий князь уже послал в Москву своего младшего сына, Владимира, однако здесь, видимо, еще не ожидали такого скорого прихода врага. К городу тянулись обозы, шли люди к реке и обратно. Бабы на коромыслах несли деревянные ведра. У проруби на реке стояли сани

с бочкой. Человек доставал черпаком воду. Несколько женщин, стоя на досках у проруби, били вальками по вымытым портам.

Черные маленькие срубы, из которых валил густой пар, выстроились вдоль берега реки. Голые люди выскакивали оттуда, бежали к проруби, окунались с головой и стремглав возвращались назад.

Бату-хан указал плетью на черные трубы.

— Что делают эти безумцы?

— Эти домики называются «мыльни»,— объяснил толмач.— Там люди бьют себя березовыми вениками, моются горячей водой и квасом, затем окунаются в проруби на реке. Это очень полезно. Оттого урусуты такие сильные.

Бату-хан важно заметил:

— Кто смывает с себя грязь, тот смывает свое счастье. Не потому ли монголы счастливы в боях, что никогда не обливаются водой и не моются?

Бату-хана заинтересовали большие лодки, перевернутые кверху днищами и лежавшие рядом на берегу. Другие барки застыли во льду. Около них ходили люди, дымились костры.

— Здесь живут купцы и их слуги,— сказал толмач.— На этих лодках купцы ездят отсюда в Булгар и к латынянам[1] через Смоленск. Купцы эти из-за ранних морозов застряли в Мушкафе.

— Я хочу видеть иноземных купцов. Я буду с ними говорить!— сказал Бату-хан.— Их не надо резать, а поймать и привести ко мне.

Бату-хан на вороном коне остановился около высокой вековой сосны. Невдалеке в снегу зарылась крохотная осевшая набок избенка. В ней, несомненно, были люди: через волоковое оконце над дверью выходил дымок. Два нукера стали трясти грубо сколоченную дверцу. В избушке послышался кашель и сердитый окрик.

— Что надо? Леший тебя задери! Не ломай избу-то! Опрокинется.

Монголы продолжали дергать дверь.

— Да постойте, окаянные! Сейчас заверну подвертки. Дайте обуться.

---

[1] Латыняне — так в то время на Руси обычно называли иноземцев, исповедовавших «латинскую» католическую религию.

Маленькая дверца открылась. Согнувшись, вылез тощий человек в сером армяке. Его сморщенное лицо обросло белыми волосами, торчавшими в стороны, как перья. Красные глаза слезились. Подняв ладонь к седым бровям, он всматривался в обеспокоивших его нукеров. Они подхватили его под локти и притащили к Бату-хану. Старик был длинный и высохший. Жизнь в низкой избушке приучила ходить согнувшись, и он напоминал колодезного журавля, который то наклоняется, то выпрямляется.

— Ты кто такой?— спросил Бату-хан.

— Я здешний могильщик.

— Как тебя звать?

— Неупокоем звать, а по-хрестьянскому — Никитой, про него же сказано, что «его беси не приемлют».

— Что такое?

— Что?! Да святой Никита — мой покровитель, а его беси боятся и от него бегают.

— Такой человек мне нужен!— сказал Бату-хан.

— Какой с меня ляд! Стар я да болен.

— Что ж ты тут делаешь?

— Грехи замаливаю, и если кто попросит, так от того бесей отгоняю.

— Какие такие «беси»?

— Такие смрадные паскудники, со рогами, со хвостами, иногда человеческий лик имеют. А коли человеку нагадят — так радуются.

— Я их знаю!— сказал Бату-хан.— У нас они называются красные мангусы. И у нас они на людей похожи, и мне делают много зла. Ты полезный человек. Проси у меня, чего ты хочешь.

— Не знаю я, как и величать тебя,— позволь мне с моей клячонкой ездить вокруг Москвы по красным селам и хоронить покойников. А кто брошен, без сродственников, тому несчастному глаза закрыть. Ты уж дай мне какую-нибудь грамотку, чтобы твои стервецы меня не изрубили.

Бату-хан кивнул головой.

— Юртджи, надень ему на шею деревянную пайцзу. Она спасет его от нашего меча.

Помолчав, Бату-хан обратился опять к могильщику Неупокою:

— А можешь ли ты отгонять болезнь?

— Могу, великий хан мунгальский. Заговоры такие

бывают и настойки, травы сушеные — отгоняют болезнь и кручину. Как рукой сымают...

Но Бату-хан уже не слушал Неупокоя.

Вдали, позади городка Мушкафа, к небу поднялся густой черный дым. Загорелись сразу три села. В клубах дыма вспыхивали дрожащие красные языки огня. Старые дома горели сухим высоким пламенем, выбрасывая пылающие головни. Головни падали на соседние дома, и пожар разгорался все сильнее. На реке и в городке́ забе́гали люди. Водовоз, бросив черпак и нахлестывая коня, помчался к городским воротам. Бабы, схватив порты, врассыпную побежали в разные стороны.

— Шейбани!.. Хан Шейбани пришел!— заговорили монголы.— Шейбани набросился на Мушкаф с другой стороны, раньше нас!

Подъехал Субудай-багатур и прищуренным глазом всматривался в горевшую сторону.

— Откуда свалился Шейбани?— спросил Бату-хан.

— Шейбани-хан поджигает город,— говорил Субудай.— Он примчался по льду через реки Жиздру и Угру, торопясь обойти нас. Он не дает жителям скрыться в лесах. Прикажи окружить город с этой стороны и вылавливать купцов и ремесленников. Скоро молодой князь Ульдемир придет к тебе с поклоном и мольбой.

— Я останусь здесь, на горе,— сказал Бату-хан, сходя с коня.— Пусть мне ставят юрту.

Субудай-багатур возразил:

— Невдалеке отсюда, в лощине, где нет ветра, стоит селение. Там ты, джихангир, можешь выбрать себе теплый чистый дом.

— Не хочу! Мы с тобой привыкли спать у костра.

— Верно,— сказал Субудай.— Но для чего в этот сердитый мороз коптеть в дыму? Мушкаф голыми руками не взять. Там сидит хитрый старый воевода. С ним придется повозиться немало дней.

— Пусть, но Мушкаф будет мой!

Бату-хан и его брат Шейбани осаждали Москву пять дней. Жители укрылись за прочными бревенчатыми стенами и отчаянно бились, сбрасывая татар, влезавших по приставным лестницам. Воевода Филипп

Нянька и князь Владимир руководили защитой, сменяли усталых бойцов и посылали помощь в особенно опасные места.

На пятый день прибыли метательные машины. В город полетели длинные стрелы с пылающей паклей, намоченной горючей жидкостью. Деревянные дома загорались сразу в нескольких местах. Жители уже не поспевали их тушить.

На берегу, между двумя дымящимися кострами, на ковре, переброшенном через упавший ствол сосны, сидел Бату-хан. Рядом — Субудай-багатур. Они равнодушно смотрели на горящий город. Что для них пылающий Мушкаф?— одним городом больше или меньше, не все ли равно? Много лет они разоряли Китай, Хорезм и другие страны, сжигая и громя города...

К джихангиру подъехали нукеры, гоня пленных. Раздетые, без шаровар, посиневшие от холода, они все же старались сохранить гордый вид, хотя и были перевязаны веревками.

Среди них выделялся один пленник, хорошо одетый,— видно, его не коснулась татарская рука. На нем была широкая малиновая шуба-безрукавка, отороченная соболем. Рукава шелкового кафтана, шерстяные полосатые чулки, башмаки с металлическими пряжками, бархатная шляпа с широкими полями и пышным пером — все это говорило об иноземном происхождении пленника.

Пленных, кроме нукеров, провожал факих Хаджи Рахим и старик Назар-Кяризек. Они подошли к Бату-хану и остановились.

Сухой, с морщинистым лицом, козлиной бородкой и бегающими глазами, Назар-Кяризек выступил вперед, стараясь придать себе особую важность. В одной руке он держал конец веревки, которой были связаны пленные, в другой — обнаженную кривую саблю. Назар снял малахай и опустился на колени перед владыкой монгольского войска. Нарядно одетый пленный тоже снял шляпу.

— Становитесь на колени!—крикнул Назар-Кяризек. Пленные опустились в снег.

— Кто эти люди?— спросил Бату-хан.

— Ты пожелал увидеть иноземных купцов. Вот они здесь перед тобой. Они владеют большими ладьями и

складами товаров. Мне и факиху Хаджи Рахиму с большим трудом и опасностью удалось освободить их из арканов и привести сюда. Вот этот нарядный купец — их старшина. Он тоже был ободран дочиста, и синяки на его лице говорят, что он близко познакомился с могучей татарской силой. Но все же, стремясь почтить тебя, Ослепительный, он вытащил из тайника спрятанную праздничную одежду, чтобы в достойном виде предстать перед твоим сверкающим лицом.

— Пусть он расскажет,— сказал Бату-хан,— кто он такой, как его имя, из какой страны и города он прибыл? Какие у него дела в городе Мушкафе?

Старшина купцов поднялся, выставил вперед ногу, склонился низко перед Бату-ханом, махнул широкой шляпой с пёром перед собой, точно сметая снег. Купец заговорил по-русски, видимо хорошо и давно зная этот язык, а толмач переводил его речь:

— Я, как и два моих почтенных товарища, родом из Любека, богатого города Вендской области Германской земли. Остальные из других городов: Дитмар из Брюггена, Рудольф из Дортмунда, Рейнгольд из Сеста и Карол из Медебаха. Все мы принадлежим к купцам «Рузариям», потому что, как и отцы наши, давно, десятки лет, ведем торговлю с русами. Здесь, в этом городе, мы имеем склады товаров и несколько больших лодок; на них мы ездим летом по русским рекам. На родине нас зовут еще «ганзейцы»[1]. Так именуются те купцы, которые на короблях, не боясь опасностей, торгуют с далекими странами. Главный город, через который мы ведем торговлю с русами,— это достопочтенный город Смоленск. От него мы направляемся вниз по реке Днепру, в Киев и дальше на восток. Некоторые наши ганзейцы ез-

---

[1] Ганза, или Ганзе,— древнее готское слово, означает товарищество германских купцов, торговавших за границей. Позднее, в XIV—XVII столетиях, объединение отдельных ганзейских товариществ разных городов образовало могущественный союз, имевший свой торговый и военный флот и заграничные конторы в портах от Гибралтара до Новгорода. Во времена Батыя ганзейские купцы (еще не объединенные в один союз) доходили до Владимира и до Булгара и вели оживленную торговлю по Западной Двине, Днепру и Дунаю. Нашествие татар разрушило южное направление торговли Запада с Востоком через Киев и усилило северное направление, создав вышеупомянутый Ганзейский союз и особую их «Контору святого Петра в Новгороде».

дят за товарами и в отдаленный, но славный город Новгород и в еще более далекий и богатый город Булгар на реке Каме.

— Какими товарами вы торгуете?— спросил Батухан.

— Мы покупаем у булгар и арабов восточные товары: имбирь, перец, гвоздику, изюм, сушеные фрукты. У русов мы покупаем воск, мед, меха, шерсть, щетину, смолу, деготь, кожи, сало, кудель.

— А сами вы что продаете?

— Мы торгуем славным добротным германским сукном и белоснежными холстами. Мы привозим также оружие и железо, отличное вино рейнских виноградников, искусные изделия из благородных металлов, золота и серебра. Продаем предметы из меди, оловянные тарелки и кружки, имеем также свинец, краски и синьку.

— Можете ли вы сейчас показать мне ваши товары?

Купец снова низко поклонился.

— Для нас было бы величайшей частью представить вашему ханскому величеству все, чем мы торгуем. К сожалению, произошла маленькая неприятность, ничтожное недоразумение, которое легко исправить при благосклонной милости вашего величества.

— Что случилось?— спросил Бату-хан, стараясь сохранить величественное равнодушие, хотя в глазах его замелькали веселые искры.

— Склад наш посетили гости, твои почтенные и храбрые воины. Они взяли, что каждому понравилось. Воинов было много, а товаров недостаточно. Каждый воин отрезал себе кусок сукна или холста, выпил вина. Так как почтенных гостей было очень много, то мы не смогли ничего сберечь, чтобы поднести вашему величеству для выражения нашей преданности.

— Прикажи их зарубить!—тихо прошептал Субудай-багатур.— Все они хитрые соглядатаи.

— Нет! Я награжу и возвеличу их,— ответил невозмутимо Бату-хан.

— Это опасно!..

— Молчи! Так нужно!— ответил Бату-хан и снова обратился к купцам:— Вы, значит, жалуетесь на моих воинов?

— Нисколько!— ответил спокойно старшина.—Я жалею только, что мы были недостаточно богатыми хозяе-

вами. Все же мне удалось сохранить для вашего величества этот скромный подарок,— и купец вытащил из-за пазухи большой серебряный кубок прекрасной работы, с фигурными украшениями.

Улыбка скользнула по лицу Бату-хана, и он покосился на хмурого Субудай-багатура. Приняв кубок, он стал рассматривать его, приподнял крышку, заглянул внутрь.

— Почему здесь только половина птицы? И что значит этот ключ?

— Это герб нашего ганзейского товарищества в Любеке: половина германского черного орла, а на другой стороне — ключ святого Петра, покровителя купцов. Он, как известно, хранитель ключа от двери в рай, сад господа, куда после смерти улетают праведники.

— Дзе-дзе!— засмеялся Бату-хан.— Это вы, купцы, праведники? Скоро вы будете вырезать на кубках и на ваших монетах: «Бату-хан, джихангир, Покоритель вселенной». Я проеду через ваши земли и возьму приступом ваш город Любек.

Ободранные ганзейские купцы воскликнули:

— Пока ты возьмешь город Любек, согрей нас и верни наши теплые одежды!

— Я вас помилую. Вы получите от меня в дар татарские шубы. Вы мне нравитесь, смелые купцы. Мне полезны такие люди. Теперь не будет больше царств булгарского, урусутского или германского и прочих, а будет только одно — великое монгольское... И вы, купцы, свободно будете ездить по всему моему царству и торговать нужными мне товарами. Скоро вы вернете себе богатства, покроете свои убытки и станете самыми счастливыми из заморских купцов. Есть у вас еще просьба ко мне?

— Мы боимся за свои лодки. Твои почтенные воины начали рубить и жечь их на кострах. Прикажи своим воинам, чтобы они перестали уничтожать этот полезный город, наши склады и лодки.

Бату-хан нахмурился и сжал кулаки.

— Говорите о том, что вас касается,—о коже, воске и сукне, но не трогайте моих воинов! Когда стрела пущена, ее удержать нельзя. Когда дан приказ брать город, моя воля кончается. Воины знают, что, по законам «Ясы», три дня они могут грабить и жечь город, и никто не смеет остановить их радость и веселье. Через три дня

я сломаю хребет каждому, кто останется в покинутом городе. Довольно просьб! Разрешаем идти!

Купцы со страхом посмотрели друг на друга, не зная, что делать. Перед ними появился старый Назар-Қяризек и поманил их пальцем:

— Пойдемте! Надо вырвать у баурши обещанные шубы.

— Қакой умный, приятный человек этот купец!—сказал Бату-хан, повернувшись к Субудаю.

— И поэтому особенно опасный,— ответил тот мрачно.

Город Мушкаф продолжал пылать. Деревянные строения быстро превращались в горящий костер. По небу в темных облаках дыма метались белые точки голубей. Проносились с хриплым карканьем стаи галок и ворон. Было дымно и жарко возле горящих зданий. Захватив добычу, татары спешили выбраться из города. Некоторые гнали перед собой женщин или везли на седлах плачущих детей. Другие тащили на арканах пленных со связанными руками.

Два дня город и окруженные села были во власти татар. Они скакали во все стороны, рылись в развалинах и рубили пленных, в которых больше не нуждались.

На третий день татары стали собираться в отряды. Повсюду складывались костры. На них монголы положили рядами своих убитых воинов. Қостры задымились вокруг развалин Москвы. Татары сидели кругами, ели жеребятину, пели, раскачиваясь, заунывные песни и кричали: «Байартай!», прощаясь с павшими товарищами.

Утром следующего дня татары ушли так же быстро, как и появились. Ни одного человека больше не было видно. Тогда тощий Неупокой на худой взъерошенной клячонке переехал усеянную трупами реку. Его розвальни поскрипывали и точно охали, ударяясь о лежащие повсюду замерзшие, твердые как камень тела...

Неупокой останавливался, пробовал оттащить трупы с дороги. Не всегда это ему удавалось.

— Земля цепко держит покойников. Не хочет отдавать!— бормотал он и направлялся медленно дальше. Вскоре к нему присоединились еще двое: старик и

юноша, вылезшие из погребов. Старик потерял своих детей. Юноша, беспрерывно вытирая рукавом лицо, искал тело любимой девушки.

— Чего носом шмыгаешь?— говорил Неупокой.— Почем ты знаешь, где твою Любашу зарезали? Своим глазом, что ли, видел? Ее какой-нибудь хан татарский к себе в жены взял.

— Сердце мое чует!— хныкал парень.

— Подумаешь, чует! Помогай лучше! Видишь, сколько покойников! Всех надо похоронить, чтоб души их не скитались по ночам.

Они стали свозить трупы на лед, обыскивали лохмотья, искали куски хлеба, складывали трупы рядом. Среди них оказалось несколько татар. Неупокой крестился и ворчал:

— Теперь вы не поссоритесь. А река вскроется — всех унесет в синее море. Больно вас много! Где же мне вырыть всем могилки!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Хан Кюлькан под Коломной

Еще до гибели Москвы монголы осадили крепость Коломну[1]. Старые бревенчатые стены казались городу прочной защитой. Ворота с ржавыми железными щитами, бляхами и перекладинами были закрыты. Жители взбирались на стены и со злобой смотрели, как кругом разъезжали группы невиданных всадников. Их небольшие крепкие кони то неслись вскачь, легко перелетая через бугры и кусты, то останавливались, крутились на месте и снова мчались в другом направлении.

Иногда железные ворота с визгом открывались, из города выезжали в поле сотни русских всадников. Они бросались на вертевшихся перед стенами монгольских удальцов, гонялись за ними, чтобы захватить пленных, как приказывал воевода. Но монголы близко к себе никого не подпускали и не считали постыдным удирать во

---

[1] Коломна — передовая крепость, ограждавшая Рязань от набегов кочевников.

всю прыть. Русские всадники, помня наказ воеводы, боялись отъезжать далеко от городских стен.

Некоторые отчаянные татарские удальцы показывались перед самыми воротами. Они стреляли из луков в защитников Коломны, наблюдавших сверху, со стен. Монгольские стрелы были длинные с железными закаленными остриями. Татары стреляли почти без промаха, стрелы их пронизывали грудь насквозь.

Старый воин, кряхтя и ругаясь, вытащил стрелу из кровоточащей раны. Все с любопытством рассматривали невиданную стрелу. К ней была приделана глиняная свистулька, издававшая при полете пугающий визг.

Группа татарских всадников на легких, быстрых конях оказалась близ городских ворот, дразня и вызывая на схватку. Коломенские удальцы просились у воеводы на битву с татарами, но старый, опытный воин их удерживал:

— Еще не пришел последний час. Не верьте хитрому татарину: он вас заманивает!

Защитой Коломны ведал Еремей Глебович, прославившийся в войнах с половцами. Помогали воеводе сын великого князя Всеволод Георгиевич и спасшийся из Рязани князь Роман Ингваревич. Оба начальствовали полками: князь Всеволод — суздальским, а Роман — собранным из ратников, прибежавших из Рязани.

Сперва казалось, что татар не особенно много. Хотя они окружали город кольцом своих отрядов, все же их было нисколько не больше, чем коломенских защитников. Молодые князья, Всеволод и Роман, порывались схватиться с татарами, разбить их и с боевой славой двинуться дальше, на другие татарские полчища.

Воевода приказал десяти сотням приготовиться, чтобы с рассветом сразу выйти из всех ворот города. Воевода хотѐл сделать налет на татарский лагерь.

— Захватите татарских пленных. Надо у них выведать: сколько у татар войска, кто из ханов перед Коломной и где другие ханы; придут ли они тоже в Коломну или поведут свои отряды на другие города? Без пленных не возвращайтесь!

Главным начальником войска, осаждавшего Коломну, был молодой хан Кюлькан, младший сын великого

Чингиз-хана. Он вел тумен монголо-татарских всадников в десять тысяч человек; кроме того, у него было пять тысяч кипчаков хана Баяндера и смешанный тумен из воинов разных татарских племен. Но отряды эти к Коломне не явились, а рассыпались по суздальской земле, занимаясь грабежом убегавшего в леса населения. В течение месяца они сожгли и пустили на пыль и ветер четырнадцать городков.

Хан Кюлькан подъехал к Коломне в суровый зимний день. Он приказал поставить походные юрты на противоположном берегу реки, у опушки соснового леса. Оттуда отчетливо виднелись зубчатые бревенчатые стены Коломны, запертые железные ворота и вооруженные люди между бойницами. Безлюдная равнина замерзшей реки, где над льдинами стаями перелетали черные вороны, была хорошим полем для передвижения войск и предстоящей битвы.

Высокий, сильный Кюлькан, такого же богатырского сложения, как и отец его Чингиз-хан, стоял возле своей юрты и жадно всматривался в крепость, разгром которой принесет ему первую воинскую славу. Лицо Кюлькана было неподвижно, но в душе его кипели страсти, стремление к богатырским подвигам и в то же время недовольство собой.

«Мне уже девятнадцать лет,— думал он,— а я еще ничего не сделал! Правда, в мои годы отец тоже ничего еще не сделал. Он был в то время лишь бедным сыном простого десятника, от которого разбежались его голодные нукеры. Он был рабом и находился в плену с тяжелой колодкой на шее стучал молотком по наковальне, подгоняемый ударами жестокого хозяина-кузнеца. Я же — могущественный хан Кюлькан! Я сын повелителя всех народов вселенной, у меня прекрасные кони, под моей властью двадцатипятитысячное войско. Одним движением руки я могу послать его в любую сторону. Я, хан Кюлькан, закончу то, чего не мог выполнить отец, я покорю вселенную до последнего моря. Мне мешают соперники! Первый — Гуюк-хан. С ним нужно дружить до моей победы. Сильнее всех Бату-хан. Зачем его избрали джихангиром? При первой же неудаче Бату-хана надо казнить, объявив его неспособным. А потом убрать и Гуюк-хана. Но главное — здесь, под Коломной, надо прославиться удальством, смелостью, щедростью к нукерам,

чтобы они говорили у костров, как они любят Кюлькан-хана. Потом они же помогут мне сделаться великим каганом...»

В отряде хана Кюлькана находился хан Баяндер с пятью тысячами кипчаков. Как правоверные мусульмане, кипчаки стояли особым лагерем, не смешиваясь с монголо-татарскими отрядами. Здесь с ними были сеиды[1] в зеленых чалмах, затянутые матерчатыми зелеными поясами. Они наставляли кипчаков в правилах мусульманской веры, поучали их, как держаться в бою, говорили им, как радостно пасть за веру. При этом пена выступала у них на губах. Речи их кончались призывом:

— Избевайте иноверцев! Кто падает в бою за веру, тот попадет в райские сады, там он испытает неомрачаемое счастье и блаженство!

Среди мусульманских воинов были еще подразделения по вере: сунниты и шииты. Суннитского толка придерживались кипчаки, а шиитского — воины из иранцев, говорившие по-персидски. На остановках сунниты и шииты никогда не садились рядом и ели из разных котлов. Имамы — проповедники шиитов — рассказывали у костров о приходе «Ожидаемого», или «Господина времени», имама Мехди, давно исчезнувшего, но не умершего.

— Когда зло и насилие в мире достигнут предела, исчезнувший имам Мехди явится вторично, и тогда в мире установится справедливость, не будет ни бедных ни богатых, а все будут равны и счастливы.

Шиитские воины любили слушать такие рассказы. Они освобождали сеиду место около своего котла и расспрашивали, не скрылся ли Мехди у иноземцев и как найти колодец, куда пролилось молоко из сосцов святой Мариам и приняло там вид отраженного в воде месяца.

— Мы непременно пойдем прямо к этому колодцу,— уверенно заявлял сеид, захватывая тремя пальцами кашу и величественным жестом отправляя ее в рот.— Верьте мне: глаза того, кто заглянет в этот колодец и заметит там молочный полумесяц Мариам, никогда не увидят адского огня...

---

[1] Сеид — духовное лицо, считающее себя потомком пророка Магомета.

Кипчакские воины любили слушать былины про подвиги богатырей или смешные рассказы о приключениях плешивого силача Кечеля. Но особенно любили они подшучивать на сотником Тюляб-Бергеном, вспоминая, как связанный урусутский пленный угнал у него красавца коня.

Под Коломной заговорили, что среди урусутских всадников, выезжавших из ворот, многие видели удальца на гнедом коне Тюляб-Бергена. Каждый давал свой совет, как бы вернуть скакуна.

Тюляб-Берген отворачивался, скрипел зубами и готов был зарубить шутников.

— Такого коня, как был мой гнедой, не найти во всем нашем войске. Я на нем догонял всех. На каком теперь я смогу нагнать моего гнедого? Не на тех ли одрах, на каких вы привыкли ездить?

Мулла Абду-Расуллы озабоченным голосом стал объяснять:

— Здесь опять, как и всегда, поможет только женщина.

— Как? Почему?— воскликнули кипчаки.

— Такого коня, какой тебе нужен, может дать только хан Кюлькан. Лишь у него имеются кони, быстрые как ветер. Но он щедр только на выпивку, а коней бережет с жадностью. Поймай чернобровую и румяную урусутскую красавицу и приведи ее к хану Кюлькану. Подари ему пленницу, а он тебе подарит скакуна.

— Хотя бы не дарил, а только дал для охоты за моим гнедым!— простонал Тюляб-Берген.

— Берегись, —добавил мулла,— чтобы урусут не отобрал у тебя и второго коня. Машалла... Машалла![1]

Сотник Тюляб-Берген отправился искать помощи к хану Кюлькану. Два запорошенных снегом дозорных после долгих уговоров пропустили сотника в юрту. Позади костра из сосновых веток, на ковре из барсовых шкур, сидел светлейший сын Священного Правителя. Налево от хана, тесно прижавшись друг к другу,— шесть тысячников. У каждого в руке была круглая деревянная чашка. Слуга монгол, без сапог, в войлочных чулках стоял на ковре близ бурдюка, подвешенного на крюке, и подливал ковшиком крепкую арзу в деревянные чашки. Тюляб-

[1] Машалла!— Не дай бог!

Берген скромно выжидал, сняв меховой колпак и повесив на шею пояс — знак того, что он всецело отдает себя на волю вечного синего неба. Кюлькан, желая показать свое величие, продолжал беседу. Наконец он заметил безмолвного просителя.

— На что ты жалуешься и что просишь, храбрый и славный Тюляб-Берген? Проходи сюда к нам.

— Я твоя жертва! Ты один можешь спасти меня. Если ты не поможешь, я брошусь в бой и отдамся мечам урусутов. Если я не способен сам проложить себе дорогу доблести, то лучше мне умереть.

— О чем тебе горевать?— сказал старый темник Бурундай, прославленный опытный полководец Чингиз-хана.— Ты молод, но в рассказах у наших костров уже отмечен как отчаянный рубака и лихой разведчик. Продолжай начатый путь! Добивайся новой славы!

— Это все было. А теперь каждый желторотый юнец при виде меня гогочет, хотя сам еще не умеет поднять правильно меч и отрубить одним взмахом голову врагу.

— Что же ты просишь?— спросил хан Кюлькан.

— Прошу... искру жалости! Из крепости Коломны каждый день вместе с урусутскими всадниками выезжает молодой урус на украденном у меня гнедом коне. Мое сердце не может перенести этого...

— Разве воин может допустить, чтобы кто-нибудь из врагов ездил на его коне? Поймай дерзкого да изруби.

— Ты читаешь, как по книге, скрытые мысли твоих верных слуг и знаешь, о чем я хочу просить.

— Я все понял! Дай чашу арзы верному Тюляб-Бергену. Я устрою облавную охоту на этого дерзкого урусута... Надо захватить живьем коня и ездока. Даю тебе сорок всадников на лучших моих конях. Ты расставишь их вдоль реки по четыре человека через каждые триста шагов. Как только урусут выедет из ворот, сотня моих всадников врежется в толпу урусутов, расколет их и отгонит молодого щенка в сторону. Охотники погонятся за мальчишкой, готовя арканы. Все время будет прибавляться новая четверка всадников на свежих конях. Самый лучший конь не выдержит такой скачки. И мы захватим арканами усталого коня...

— Ты великий, ты щедрый!

— Потом я сам буду допрашивать мальчишку, а ты, Тюляб-Берген, будешь прикладывать к его спине раскаленные угли, чтобы он говорил правду. Для этой веселой охоты я дам тебе лучшего коня.

— Я твоя жертва на всю жизнь!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Облавная охота

...Он догадлив был:
Вымал из налучника тугой лук,
Из колчана вынул калену стрелу.
А и вытянул лук за ухо...
А спела ведь тетива у туга лука,
Угодила стрела в сердце молодца.

(Из древней русской песни.)

Торопка приехал в Коломну в рязанском отряде князя Романа Ингваревича. Он остался рассыльным при князе, оценившем юношу за точность и быстроту.

— Что ни поручишь Торопке,— говорил князь Роман,— он все исполнит, хотя бы пришлось спуститься в пылающее пекло, да еще прихватит ротозея чертенка.

Любимым товарищем Торопки был стройный гнедой жеребец, который вынес его из татарского плена. Торопка и холил, и лелеял его, и кормил его из рук хлебом, и, сам часто голодая, отдавал коню последнюю корку. Доставать в Коломне хлеб и сено становилось все труднее, и конь стал худеть. Жители берегли и прятали хлеб, не зная, сколько времени продолжится осада. Народу в городе набилось много, после того как съехались сбеги из окрестных погостов. Уже начали есть конину.

Торопка, чтобы спасти своего любимца, решил взяться за самую опасную задачу, самое трудное поручение, лишь бы выйти из города. Седло его коня и сбруя были всегда в исправности, кожаные переметные сумы полны ячменя для дороги и плотно прихвачены ремнями, чтобы не свалились при скачке.

Он стал упражняться в стрельбе из лука, найденного на убитом монголе. Доставать стрелы было легко: каждый день они летели в крепость из монгольского лагеря, сбивая на стенах воинов.

Торопка прикрепил к стене мешок с опилками и учился попадать в него с коня. Сперва это казалось невозможным: монгольский лук, сделанный из черных рогов горного козла, был очень тугой. Торопка мог натянуть его только до половины стрелы, которая летела вяло и скоро валилась на землю. Монголы же не натягивали лук, а держали тетиву у подбородка и сразу выпрямляли всю левую руку. Коснувшись тетивой правого уха, они пускали стрелу, которая летела с визгом, готовая пробить любую цель. Постепенно Торопка добился такой же сноровки.

Однажды князь Роман призвал Торопку и дал ему сложенный листок бумаги, завернутый в красную тряпицу:

— Тебя недаром прозвали Торопка-расторопка. Князь Всеволод поручает тебе важное дело. Завтра мы неожиданно ударим на татар. Будет горячая сеча. Татары не заметят, если во время схватки ты бросишься через реку в сторону соснового леса. Там охотничьими тропами попытайся уйти на север. Князь Всеволод извещает в этой грамоте своего отца, великого князя Георгия Всеволодовича, как тяжело идет у нас защита города, и просит его о помощи. Татарва к Коломне валом валит и скоро нас задавит. Ты дорогу держи на Киржач, Ростов и Углич. Туда еще татары не дошли и проезд свободен. Месяц, два мы выдержим. Но если к тому времени великий князь не поспеет, все мы до единого здесь поляжем. И спасения нам нет. На тебя надежда, что ты доспеешь, найдешь великого князя и с его дружиной вернешься к нам на выручку.

Перед рассветом назначенного дня, еще в темноте, вооруженные всадники заполнили узкую улицу, ведущую к городским воротам.

Торопка и с ним еще три княжеских отрока находились у самых ворот. Этим отрокам тоже был дан наказ: в темноте пробиться через татарские посты и отвезти грамотки в три разных города.

Уже с ночи закрутила метель. Ветер сметал с крыш снег и осыпал всадников. Немногие были в кольчугах, большинство только в нагольных шубах с нашитыми на груди и плечах железными и костяными пластинками.

— Ну, чего еще ждать!— зашумели хриплые голоса.— Эй, сторожа, открывай!

Заскрипели с лязгом и скрежетом ржавые петли ворот, и обе дубовые створки открыли путь в жуткую темную пустоту. Там затаилась смерть. Там ждали тысячи скошенных глаз и отточенные кривые мечи.

Гнедой конь Торопки сам тронулся вслед за другими всадниками. Впереди отряда, окруженный телохранителями, ехал князь Роман Ингваревич. Отряд знал свою задачу — налететь на спящий татарский лагерь среди леса на другой стороне реки.

Отряд перешел в рысь, всадники подтягивались, держась теснее друг к другу. На белом снегу выделялись черные фигуры. Небо, закутанное облаками, начинало светлеть на востоке.

Доехав до середины реки, Торопка свернул в сторону и стал ускорять бег коня. Вдруг высокий тонкий голос совсем вблизи закричал:

— Кху-кху, кху-кху, монголы!..

По льду застучали копыта. Впереди двигались всадники, они перекликались между собой на неведомом языке.

Торопка круто свернул в сторону, но впереди, среди льдин, опять выросли человеческие и конские тени. Торопка бросился назад, смутно заметив протоптанную тропинку, и помчался по ней, боясь, что гнедой грохнется на скользком льду.

Сбоку вылетели три монгола. Просвистела около уха стрела. Гнедой мчался, перелетая через бугры и льдины. Татары с яростными криками преследовали его некоторое время, но потом отстали. Впереди снова были слышны глухие голоса и топот коней. Торопка бросился опять в сторону и налетел на монголов, державших под уздцы лошадей. Послышались радостные крики:

— Тюляб-Берген! Твой гнедой сам скачет к тебе! Держи его!

Монголы вскочили на коней и помчались за Торопкой. Они все были на отличных конях, легко гнались за гнедым, и скоро один стал настигать. Гнедой уже несся из последних сил. Торопка предоставил коню выбирать дорогу. Оглянувшись, он натянул лук и спустил стрелу, целясь в голову. Всадник вскинул руками и упал с коня. Скакавшие сзади монголы дико завыли:

— Горе! Горе! Хан Кюлькан! Убит хан Кюлькан!

Гнедой уже уходил от погони. Монголы отстали.

Торопка свернул на боковую замерзшую речку с ровной наезженной дорогой среди частых береговых кустов. Места были знакомые. Эта речка вилась бесконечно, начинаясь в тех трясинных болотах, где стояла родная деревня Перунов Бор. Конь, тяжело дыша, перешел на шаг и остановился. Кругом тихо дремали засыпанные снегом старые ели. Небо светлело. Ветер шуршал в неосыпавшихся сухих листьях одиноких дубков.

Торопка, сдерживая коня, поехал охотничьей тропой, чутко прислушиваясь к каждому лесному шороху.

«Почему я поехал к Перунову Бору, оставив дорогу на север?— думал он. — Что потянуло меня сюда? Не серые ли глаза Вешнянки? Нет, это монголы согнали меня с пути, а своя деревня недалеко. Как же мне не заехать? Может быть, кто жив остался, расскажет, что делается в наших местах?»

К полудню пошли глухие опасные места. Болота затянуло льдом. Только трясинные «окна» чернели и дымились странными вьющимися облачками. Осторожно ехал Торопка козьими тропочками, зная, что опрометчивый шаг может столкнуть коня в бездонное «окно», откуда нет спасения.

Наконец в просвете между деревьями показались знакомые вековые дубы невдалеке от Перунова Бора. Точно к старым друзьям, подьехал Торопка к громадным деревьям. Он нашел валявшегося под ними большого деревянного истукана, перед которым молились прадеды. Кто-то, совсем недавно, сметал с него снег, и веник лежал рядом. Выпученные глаза истукана смотрели в небо, и лицо как бы жаловалось: «За что меня повалили?»

Кругом на снегу виднелись свежие следы. Видимо, недавно здесь бегали в лапотках бабы и ребята. Смелее тронул коня Торопка и въехал на бугор.

Половина избенок погорела. Уцелели только крайние. Кто сжег? Кому нужно было выкинуть на мороз бедных лесовиков?

Избы Савелия Дикороса не было. На месте ее подымались только закоптелая пузатая глиняная печь и высокий шест с привязанной на верхушке метелкой. Кругом торчали полузасыпанные снегом обугленные бревна.

С лаем бросился навстречу мохнатый пегий пес. Где-

то залились ответным лаем другие сабаки. Неужели это Пегаш? Жив еще? Пегаш узнал своего молодого хозяина, стал прыгать и бросаться к седлу.

Торопка приблизился к закоптелой избе, где жил когда-то Звяга. В щель окна пробивалась тонкая полоска света. Торопка подъехал к оконной заслонке:

— Эй, живые люди! Отомкнитесь! Свои приехали, принимайте!

Шепотом переговаривались тонкие детские голоса:

— Не отмыкай, мамка! Может, недобрый человек? Спроси сперва — кто?

Из окошка донесся голос:

— Да ты чей будешь? Откуда?

— Или не хочешь признать? Торопка я, Савелия Дикороса сын! Скорее отомкнись! Мне недосуг. Должон дальше ехать!

Застучал засов, отворились ворота. Высокая сухая жена Звяги, кутаясь в рваную шубу, взяла за повод коня и отвела под навес.

— Сена найдется?

— Есть немного, родимый. Сейчас принесу. Куда его теперь беречь: и коня и коровенку злодеи зарезали. Проходи в избу.

Дымная лучина горела неровным огнем, потрескивая и вспыхивая красноватым пламенем. Жена Звяги и трое белоголовых детей сидели кругом Торопки. Разинув рты, смотрели на него, пробовали пальцами кольчугу, остроконечный шишак, высокие красные сапоги.

— Они у нас и здесь были, точно с неба свалились, окаянные!— рассказывала изможденная женщина.—Награбили хлеба, пожгли скирды, избы, захватили с собой баб и девок и много детей. Вот эти трое моих забились под хворост, их и не сыскали татаровья, а троих увезли... Не увижу их больше никогда. Опалёниху угнали, и твою,— она всхлипнула,— твою Вешняночку угнали. Помолись за них. Из татарского плена разве кто вернется? А где мой Звяга? Одни говорят, будто видели его на рязанских стенах, другие—что ушел, в лесу скрывается. Если так, то домой скоро вернется... Покушай, родимый, хоть хлебушка. Мы теперь хлеб пополам с сосновой корой печем: натолчешь кору и с аржаной мукой замесишь. Муку беречь надо, а не то до весны не дотянем... Иногда выловишь мережкой на озере рыбку. А греемся мы горя-

чей водой с березовой чагой[1]. Заболтаешь в котелке воду мукой, сделаешь болтушку, вот ребятки и хлебают...

— А что о других мужиках слыхала?

— Все, кто в лесах укрылись, все ополчаются в отряды, ловят отсталых татар, садятся на их коней. Татар, говорят, очень много. Такая сила, что и в сказке не сказать. Но и наши мужики дерутся, как волки, ни за что не сдаются. Думаю, что татары здесь побудут да и уйдут когда-нибудь, а мы тогда снова построимся...

Передохнув, Торопка отправился дальше. Впереди, задравши высоко хвост, важно бежал Пегаш. Он показывал, на зависть другим собакам, что теперь с хозяином не расстанется: тоже будет воевоть.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Гнев Бату-хана

Гонцы, посланные один за другим, примчались к Бату-хану с известием о гибели хана Кюлькана, младшего сына Священного Правителя, Чингиз-хана.

Джихангир не пожелал никого видеть. Гонцы твердили, что они не могут ждать «ни на кормежку коня», что они сейчас же должны мчаться обратно с ответом джихангира.

— У нас нет полководца! Войско не знает, что делать!— кричали они.

Дозорные тургауды их грубо отталкивали:

— Нельзя! Ждите!

Гонцы шепотом спрашивали проходивших мимо нукеров:

— Чем занят джихангир?

— Важными делами: колдует вместе с урусутским колдуном, узнает пути дальнейших побед.

Гонцы привязали поводья коней к своим поясам и ждали, сидя на пятках близ юрты. Подъезжали новые гонцы и садились возле.

Проходя мимо, на них обратил внимание начальник охранной сотни Арапша. Высокий, худой, с несмеющимся взглядом, он остановился перед ними, точно оценивая и стараясь узнать каждого.

---

[1] Чага — древесные наросты на березе.

— Отличились!— сказал Арапша.— Плохо теперь ваше дело!

— Чем мы виноваты? Мы преданно исполняем приказы и привезли джихангиру донесение от темника Бурундая.

— Вы привезли черную весть, в которой виноваты только вы. Знаете ли вы, что вас ожидает?

Гонцы вскочили, некоторые хотели садиться на коней.

— Внимание и повиновение!— крикнул Арапша.— Нукеры, не выпускайте никого из этих «черных вестников». Держите их коней. А вы ждите, скоро с вами будет говорить джихангир.

Арапша вошел в юрту. Буту-хан сидел мрачный, скрестив ноги, опустив голову, и пристально смотрел на концы соединенных пальцев.

Рядом сидел на пятках Субудай-багатур. Он взглянул на вошедшего Арапшу, остановившегося у входа. На тихий вопрос: «Можно ли остаться?»— ответил движением головы.

— Он и Гуюк-хан были моими злейшими врагами,— сказал Бату-хан.— Что же мне остается, как не радоваться? Никакого утешения я дать не могу. Я радуюсь: злого змееныша нет!

— Бату-хан может радоваться, джихангир обязан горевать!— тихо, но твердо возразил Субудай.

— Кюлькан искал моей гибели, Кюлькан громко говорил, что я баба с бородой. Только ты помешал мне распороть ему грудь и вырвать ядовитое сердце. Многие из моих врагов еще живы. Главный из них Гуюк-хан, я с ним разделаюсь.

— Зачем ты напоминаешь об этом? Разве я, твой верный слуга, не сторожу тебя днем и ночью?..

— Арапша трижды спасал меня от подосланных черных собак, наемных убийц...

— Тише!..— Субудай начал сердито сопеть.— Никто в войске не должен знать об этом. Не говорил ли ты сам, что полководец должен быть скрытным?.. Если бы ты стал радоваться, все бы сказали: «Буту-хан такой же, как все!» А ты, как внезапный гром с неба, порази вокруг всех ротозеев, зубоскалов, гуюкских блюдолизов! Укажи цель, куда идти и что делать. Оставайся необычайным, неведомым, непонятным...

Бату-хан очнулся, вскочил:

— Где эти «черные вестники»? Теперь я знаю, что делать.

Арапша ответил:

— Они здесь, близ юрты, ждут твоих повелений.

Бату-хан с мечом в руке вышел из юрты, обвел взглядом сидевших гонцов. Они упали на колени.

Бату-хан начал говорить тихо, сквозь зубы. Постепенно голос его усиливался. Под конец он выкрикивал слова:

— Вам было вверено великое счастье, кусок солнца — сын Священного Правителя. А как вы сберегли его?

— Он сказал, что сам хочет биться,— лепетали гонцы.

— А вы и обрадовались? Разве дело полководца рубить мечом в передовом отряде? Разве так поступал Священный Правитель — великий Чингиз-хан? Он был настоящим полководцем. Он находился позади войска и передвигал девятью словами десятки и сотни тысяч всадников. Так он одерживал победы, потрясавшие мир...

— Мы это знаем... Мы это помним...

— А что вы сделали с ханом Кюльканом? Вы обрадовались, что хан Кюлькан стал простым нукером и скачет впереди в драке с урусутами, и никто не удержал его, не отвел назад, не закрыл его своим телом. Вы предатели, и нет вам пощады...

Гонцы распростерлись на земле, лицом в снег.

— Скачите назад! Скажите войску, что джихангир приказывает загладить вину и взять крепость Коломну до моего прихода... Если же я приеду, а вы все еще будете скакать вокруг города, я прикажу всех вас перебить, как отбросы великого войска, созданного Чингиз-ханом. Прочь отсюда, желтоухие собаки, пожравшие труп своего отца! Чего вы еще лежите?

Батый, хрипя, взмахнул мечом.

Гонцы бросились к своим коням, вскочили на них. Через несколько мгновений ни одного из них не осталось.

— Ты слышал, Субудай-багатур?

— Да, Ослепительный. В твоих словах я узнал голос твоего деда.

— Я покажу урусутам, что значит убить сына величайшего из людей— Чингиз-хана!.. Я залью кровью всю урусутскую землю... Я перебью все живое, всех живущих, последнюю собаку и последнего ребенка. Страшным пожаром пронесется монгольское войско и обратит урусутскую землю в молчаливое кладбище, где будут слышны только крик ворон и вой волка. Скорее подавайте мне коня!..

Глаза Бату-хана стали круглыми. На губах выступила пена. Он топал ногой и кричал в бешенстве:

— Коня мне! Скорее коня!

Зазвенели медные гонги, сзывавшие нукеров. Задребезжали рожки, извещавшие о походе. Только Субудай-багатур и Арапша оставались спокойными и неподвижными.

— Позволь, Ослепительный, тебе напомнить,— тихо сказал Субудай,—что гонцов ты отослал, а преемника погибшему хану не назначил.

— Пока будет начальствовать, по обычаю, старший темник Бурундай. Он воин опытный, а через день я сам буду на месте и покажу, как надо брать приступом крепости!..

Через день передовые отряды Бату-хана и Субудай-багатура были перед Коломной. Бой был в полном разгаре. Монголы непрерывной лавиной старались взобраться на стены, откуда их сбивали защитники города. Но силы русских воинов слабели, помощь ниоткуда не приходила. Татары ворвались в город.

С великим мужеством бился среди рязанских дружинников и пал доблестной смертью князь Роман Ингваревич рязанский. Рядом с ним сложил седую голову воевода Еремий Глебович.

Татары резали всех без милости. Немногие оставшиеся в живых попали в тяжелый плен. На дымящихся развалинах Коломны татары гуляли и пировали три дня. В середине города, на площади, где стояла сгоревшая церковь Воскресенья, Бату-хан приказал сложить большую кладку бревен, на которую положили тело молодого хана Кюлькана. Вместе с ним монголы сожгли сорок самых красивых коломенских девушек. Два любимых коня в нарядной золотой сбруе были убиты в ногах ха-

на Кюлькана. И девушки и кони должны были последовать в заоблачный мир, чтобы там верно служить юному погибшему господину.

На той же площади был устроен второй костер для павших монгольских воинов. Костры запылали одновременно. Бату-хан, на вороном коне, мрачно наблюдал за погребальным торжеством. Иногда кричал вместе с другими воинами прощальный привет:

— Байартай, байартай!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Дикари грозят стольному городу

Княгиня Агафья, супруга великого князя Владимирского, переживала тревожные дни. Она старалась забыть о надвигавшейся грозе. Проводила время в заботах о семье, о дворцовом хозяйстве, утешала всех, убеждая быть мужественными. Молодые снохи ее, княгини Мария и Христина, и многие боярские жены плакали навзрыд, твердя, что пришел конец миру. Дети убегали из княжьего двора на стены.

— Не хотим учиться в школе!— кричали они.— Теперь и нам нужно воевать. Мы будем помогать дружинникам, пускать стрелы в татар, бросать в них камни.

Днем и ночью молилась княгиня Агафья. По утрам она посещала соборную церковь Успения богородицы, где вела беседу с мрачным и угрюмым епископом Митрофаном.

— Молись,— говорил ей владыка,— чтоб всевышний помог войску и отогнал безбожных татар. Молись за мужа твоего князя Георгия Всеволодовича и за сыновей, чтоб господь сохранил их от злого врага!

Княгиня Агафья непоколебимо верила обещанию мужа скоро вернуться с большой ратью и освободить землю Русскую от татар. Молясь горячо, со слезами, она закрывала глаза и видела мужа перед собой как живого: высокого, сильного, с уверенной речью, с могучей рукой... Он знает ратное дело, быстро соберет полки, разгонит татар. Он въедет на своем верном белом коне

в Золотые ворота Владимира, где княгиня вместе со снохами будет встречать его. Она сама возьмет повод коня и поведет его на княжеский двор...

Князь Всеволод с малой дружиной внезапно примчался из Коломны. Княгиня Агафья сейчас же устроила совещание ближних бояр. Присутствовали воевода Петр Ослядукович, некоторые тысяцкие и обе княжеские снохи.

— Я прорвался к вам чудом: архангел уберег меня. Татары обложили город Коломну со всех концов. Войска у них очень много. Правил ими молодой хан, сын ихнего самого главного Чагониза. Третьего дня вдруг поднялся в татарском стане звериный вой и барабанный перестук. Пленные сказали, будто их вождя, хана Кюлькана, убило русской стрелой. Оттого они завыли, своему богу жаловались. В этой суматохе я и проскочил. Татары придут сюда огромной силой, разольются по полям, как вода весной в половодье, и не будет нам тогда выхода... Кто из женщин может, пусть бежит на север в Новгород, Кострому, Галич или на Белоозеро. Надо прятаться в лесах, в пустошах. Во Владимире будет резня, и вряд ли мы удержимся до прихода князя-батюшки.

Княгиня Агафья твердо заявила:

— Мы вас не покинем! Вместе будем пить горькую чашу!

Обе снохи заплакали и сказали:

— Никуда мы от вас не уйдем! Зачем нам ехать в холодные пустоши? Там все едино пропадать с малыми детьми! Лучше мы здесь на стене будем биться рядом с вами!

— Не женское это дело!— заметил воевода Петр Ослядукович.

Сидевшая между снохами приемная дочь-сирота юная княжна Прокуда вмешалась:

— А я вот слышала, что у татар женщины на конях бьются рядом с мужьями и братьями.

— Молчи, Прокуда!— строго заметила княгиня Агафья.— Совсем ты от рук отбилась. Вместо того, чтобы в терему сидеть, на стену бегаешь да с простыми смердами речи ведешь!

— Все одно убегу от вас и проберусь в заволжские леса к батюшке-крестному. Чего нам сидеть да взды-

хать? Лучше биться в лесу или в поле. Все одно, когда смерть захочет, то нас поймает.

— Запру тебя в терему!— закричала княгиня Агафья.

— Придут сюда татары — и терема не будет, и нас с тобой не будет!

— Что за бесстрашная девка!— застонала княгиня.— Эй, нянюшка! Отведи-ка Прокуду в теремок!

— Сегодня урок в школе. Позволь сходить проститься с учителем!— и Прокуда убежала.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

В греко-русской школе

В небольшой каменной пристройке при Соборной церкви собирались мальчики. В сенях они отряхали и веником обметали лапотки. Входили в избу, скидывали шубейки и бросали в угол, затем, достав с полки деревянный гребень, расчесывали волосы, остриженные в скобку. Выходили на середину светлицы, медленно и чинно крестились на икону с горящей лампадкой и подходили к учителю, сидевшему в резном деревянном кресле. Громко говорили:

— Здравствуй на многие лета, Максим Далматович.

Учитель, смуглый, чернобородый, с большим острым носом, строго посматривал на ребят и отвечал сухо:

— Садись за стол, расправь книжицу!

Мальчиков было двенадцать. Они чинно усаживались на скамьях по обе стороны длинного узкого березового стола и раскидывали перед собой рукописные книги из сшитых пергаментных листов, замусоленные, засаленные, по которым уже учились до них.

— Встать!— сказал учитель и, сняв меховой колпак, повесил его на стенке на деревянном гвозде возле полочки с книгами. Мальчики встали. Один из них прочел молитву.

— Сядьте.

Ребята сели. В это время дверь распахнулась и в избу вбежала Прокуда. За ней вошла пожилая нянюшка. Сняла с Прокуды шубейку, оправила сарафанчик и села в углу на ларец.

Прокуда поклонилась в пояс учителю, сказала приветствие и уселась рядом с другими учениками, отодвинув локтем крайнего.

Учитель провел темной, смуглой рукой по черной бороде, откашлялся и начал:

— Сегодня я должен сказать вам особое поучительное слово. Булатко, смотри на меня. Верещага, перестань толкать Чапыру. Глядите мне в глаза.

Учитель сильно кашлянул.

— Я чернец Максим, мое дело писать книги и учить таких младых детей, как вы, грамотной хитрости. Вы изучили все буквицы, и я уже намеревался, яко по лестнице, подымать вас на изучение часовника, псалтыри и прочих божественных премудростей.

Ребята, раскрыв рты, слушали. Прокуда подперла щеку кулачком и, сдвинув брови, старалась понять туманные для нее слова учителя.

— Эта школа основана великим князем Константином Всеволодовичем, доблестным и мудрым государем, великим князем Владимир-Суздальским. Держал он при себе многих ученых людей, любил книги и сам их писал. Одних греческих книг у него было более тысячи, частью сам их купил, частью получил в дар от царьградского патриарха...

Учитель закрыл лицо руками, склонился к столу и замолчал.

Ребята подталкивали друг друга локтями и спрашивали на ухо: «К чему это он говорит? Что с ним делается?»

Учитель отнял руки, тряхнул головой:

— Пришло время тяжкое, невыносимое. На славный город наш Владимир, где светится, яко лампада в нощи, эта школа, надвигаются темные тучи с грозой и молоньей, хотят все обратить в угли и пепел. И эта школа, и эта драгоценная вивлиофика — что все это значит для народа зверского и дикого? Схватит татарин эти драгоценные книги — памятники веков минувших — и бросит в костер, чтобы поджарить лошадиную ногу.

Учитель вытер рукой глаза и обвел внимательным, прощальным взглядом ребят.

— Сегодня наш последний урок. Отныне ваше место на стенах города. Мы, взрослые, возьмем мечи и копья, а ваше дело помогать отцам и братьям — подбирать стрелы, приносить воду и хлеб..

— Мы только этого и хотим!— воскликнули мальчики.

— Теперь еще одна, последняя, моя к вам просьба. Может быть, татары ворвутся в школу и сожгут ее. Снесем книги этой вивлиофики в подклеть, сложим в ларцы и закроем камнями. Кто из вас выживет, тот вспомнит после ухода татар об этой подклети, вынесет книги на свет божий, и ваши дети и внуки будут по ним учиться. Наш святой долг — спрятать сей драгоценный светоч знания... Надевайте ваши хламиды.

Ребята вскочили и стали одеваться, радуясь предстоящему занимательному делу. Прокуда подошла к одному из мальчиков и оттянула его в сторону.

— Булатко! Никому ни слова о том, что скажу! Разыщи и принеси мне какой-нибудь зипунишко, порты, рубаху и лапотки...

— Да у меня ничего нового нет, все рваное!

— Вот рваное мне и нужно. Мамонька задумала запереться в соборе и сжигаться, если татары придут... А я переоденусь мальчишкой и убегу в лес. Буду биться с татарами, пока мы их не выгоним...

— И я с тобой, Прокуда! Все тебе достану!— обрадовался Булатко.— И другие ребята с тобой пойдут!..

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Скорбные дни города Владимира

Татары появились перед городом внезапно. Еще на рассвете из городских ворот выехало несколько десятков крестьянских саней: на них уезжали горожане, желавшие спасаться в лесах,— а в полдень город Владимир уже был отрезан от всего мира.

Сперва татары подходили к городу медленно, мирно, совсем как народ, в праздник съезжавшийся на торжище. С каждым часом их становилось все больше, и вскоре они заполнили все окрестные поля. Всюду задымили костры, возле них расположились обозы. Татары отпрягли коней и вели себя так, точно ничто им не угрожало, точно они совсем не боялись русского войска.

Потом их всадники на крепких ногах, держась кучно, стали быстро проноситься под стенами Владимира. Одеты они были в долгополые бурые, как земля, шубы и

меховые колпаки, прикрывавшие опущенными отворотами лицо и шею, так что видны были только раскосые глаза. Татары громко кричали, бранились. В тихом морозном воздухе ясно звучала их непонятная странная речь и дикие возгласы.

Все население Владимира поспешило на стены взглянуть на воинов невиданного народа, о странных обычаях и жестокостях которого передавалось столько жутких рассказов.

Княгиня Агафья и снохи ее, княгини Мария и Христина, в сопровождении ближних боярынь и нянюшек тоже поднялись на крепостную стену близ Золотых ворот. Здесь уже находились воевода и молодые князья Всеволод и Мстислав. Все они внимательно следили за передвижением татарских войск.

К Золотым воротам подъехал отряд, в котором выделялись нарядно одетые ханы в красных полосатых и пестрых одеждах. Под ними были отличные рослые кони с дорогой сбруей, отделанной золотом. Некоторые всадники были в кольчугах, другие в блестящих панцирях. Ханов сопровождала сотня воинов с длинными тонкими копьями.

Толмач, по виду половецкий перебежчик, на чубаром коне приблизился к воротам и обратился к стоявшим на стене:

— Не стреляйте! Слушайте! Великий джихангир Бату-хан прибыл сюда со своим могучим непобедимым войском. Знает ли великий князь и государь Георгий Всеволодович о прибытии в его земли великого хана? Почему же ваш князь до сих пор не явился к великому хану с поклоном? Почему он не шлет даров, не дает клятв верности, не открывает городских ворот? Где прячется ваш князь? Приведите его сюда, мы с ним будем говорить!..

Стоявшие на стенах бояре тихо перешептывались. Воевода вздохнул

— О времена тяжкие!

Некоторые из нетерпеливых владимирцев пустили стрелы. Раненый татарский конь закружился на месте. Татары сейчас же ответили десятком стрел. На стене кто-то вскрикнул.

Татарский толмач продолжал:

— Не стреляйте! Смотрите сюда: узнаете ли, кто перед вами?

Два всадника тащили на аркане высокого худого юношу. Он не упирался, а шатался от слабости, ноги передвигались, как деревянные. Его поддерживала веревка, закрученная на шее. Всадники натягивали концы веревки. Так иногда охотники ведут опасного дикого зверя, натягивая веревки в разные стороны, не давая зверю броситься на провожатого.

Отчаянный крик донесся со стены. Это закричала княгиня Агафья, узнав в пленном своего сына, князя Владимира, уехавшего оборонять Москву. Женщины, стоявшие рядом с княгиней, громко зарыдали, видя юношу, оставленного в жестокую стужу в одних холщовых портах и рубахе, с тряпками на ногах вместо сапог.

— Сын мой, Владушка!— стонала в слезах княгиня Агафья.— Что они с тобой сделали!

— Матушка моя, не плачь!— ответил снизу князь Владимир.— Крепко стойте за родной город! Побивайте их и ничего не бойтесь! Они долго в нашей земле не останутся и скоро уйдут в Дикое поле! Они мучили и ущемляли меня, но сломить не могли. Не бывать их воле над нами! Стойте крепко! Отбивайте недругов!

Проводники стали стегать Владимира плетьми.

— Довольно!— вмешался толмач.— Замолчи! Слушайте, упрямые владимирцы! Перед вами неразумный гордец, молодой князь Ульдемир. Смотрите, какую жалкую судьбу он себе приготовил. Он наказан за то, что не хотел покориться великому джихангиру. Вот что ожидает каждого, кто дерзок и упрям. Города Рязань, Пронск, Ижеславль, Мушкаф и девяносто девять других взяты и обращены в пепел. Непокорные жители перебиты или уведены в плен. Князь Ульдемир перед вами, и мы его водим на веревке, как медведя, на потеху людям. И вы хотите того же? Сдавайте ключи от городских ворот, и вам, под властью нашего великого Бату-хана, будет хорошо, спокойно и светло!..

— Не слушайте его!— кричал Владимир.— Отбивайтесь. Татары жалости не знают. Если вы покоритесь, они все равно вас вырежут! Врут они, окаянные!

— Умрем, но не покоримся!— ответили со стены.

Князья Всеволод и Мстислав и толпа на стене подхватили:

— Умрем, но не покоримся! Уезжайте в свои степи! На Русской земле делать вам нечего!

Татары повернули обратно. Два всадника, сторожившие Владимира, сбили его с ног и потащили за собой по снегу, как мертвую тушу.

В тот же день татары поставили на бугре против Золотых ворот желтый шатер и по обе стороны его десяток круглых, как шапки, белых и черных войлочных юрт. Кругом задымили костры многочисленной стражи.

Жители Владимира жадно наблюдали с крепостных стен за поведением татар. Никто не говорил о сдаче, о покорности. Все знали, какая участь ждет пленников, все слышали об уловках татар, старавшихся хитростью проникнуть в город: «только пусти их, а потом жителям пощады не будет».

Князья Всеволод и Мстислав хотели вместе со своими дружинниками выйти из городских ворот для битвы с татарами:

— Умрем, но умрем с честью, в поле!

Старый воевода Петр Ослядукович не дал им на это разрешения:

— Умереть мы сумеем и даже много татар перед тем уложим. Но разумнее выждать. Наш государь, великий князь Георгий Всеволодович, даром не сидит. Он собирает великую рать, скоро явится сюда на выручку и спасет нашу землю и стольный город

Пока татары готовились к приступу, большой их отряд отделился и направился к Суздалю. Город защищался два дня. На третий — татары ворвались в Суздаль, разграбили его, подожгли княжий двор и Дмитриевский монастырь, перебили жителей. Спаслись из суздальцев только те, кто ранее убежал в леса. Татары безжалостно рубили всех: стариков, беспомощных старух, калек, слепых и, вопреки своему обыкновению щадить церковников, перебили в Суздале и попов, и монахов, и монахинь. Остались в живых только молодые монашки, уведенные татарами в плен.

От разгрома спасся стоявший в стороне среди густого леса Богородицкий девичий монастырь. Татары его не нашли, торопясь вернуться обратно в свой лагерь под Владимиром.

Шестого февраля[1] тысячи татар подтащили к стенам города странные, сложенные из бревен сооружения, каких владимирцы раньше не видывали. Это были стенобитные и камнеметные машины. Татары подвозили на санях большие камни, глыбы замерзшей земли, хворост и бревна и сваливали все это грудами, возводили леса и складывали примёт, по которому собирались взобраться на крепостные стены.

Они спешно окружили город сплошным тыном, чтобы перехватывать убегавших горожан.

Никаких надежд у владимирцев больше не оставалось. Татар было так много, что на одного горожанина приходилось по двадцати противников. Владимирцы в слезах прощались друг с другом.

— Завтра, в день памяти святого Феодора Стратилата, снежная вьюга споет всем нам вечную память!

Седьмого февраля на рассвете татары бросились со всех сторон на город.

Княгиня Агафья и две ее снохи, ближние боярыни и старейшие попы и монахи укрылись в каменной Соборной церкви. Там их ждал епископ, владыка Митрофан, высокий, худой, с черной бородой и воспаленными черными глазами. Рядом с ним на амвоне перед иконостасом, в погребальных черных ризах, стояло все духовенство. Они пели хором молитвы. Епископ низким сильным голосом призывал всех спокойно, мужественно, с верой встретить неизбежную мученическую кончину.

— Вместо сопротивления врагу покоряйтесь воле божьей и думайте о спасении душ наших. Я постригу вас великим постригом, и вы, облекшись в схиму, обретете лик ангельский, убиенные безбожными татарами, возлетите прямо ко господу нашему вседержителю в обители райские... Воззри на нас, господи, и простри невидимую руку твою! Прими в мире души рабов твоих!

Бывшие в храме поочередно подходили к владыке Митрофану. Он отрезал у каждого прядь волос, в знак пострига, и чертил священным маслом крест на лбу. Посвящаемые в схиму надевали себе на голову черные

[1] В 1238 г., а по летоисчислению того времени — в 6746 году от сотворения мира.

куколи[1] и брали друг друга крепко за руки. Все стояли тесными рядами и пели священные псалмы. А снаружи доносились грубые голоса разъяренных татар и дикие пронзительные вопли убиваемых женщин.

Уже слышались тяжелые удары бревен в церковные двери, треск ломаемых досок, как вдруг княгиня Агафья хватилась, что приемной дочери Прокуды нигде не видно. Прокуду стали звать, нянюшки подымались наверх, на хоры и колокольню, но нигде Прокуды не нашли.

— Погибнет девка без пострига, без покаяния!— стонала княгиня Агафья.— Не попадет она со мной в обители райские! Бедная я, бедная! Всех родных сразу потеряю!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Живой костер

С высокого берега Клязмы Бату-хан внимательно следил за штурмом города Владимира. Багровые отблески пожара переливались на золотой сбруе его коня. Красными искрами вспыхивала золотая насечка стального шлема.

К главным воротам, волна за волной, подъезжали все новые и новые татарские всадники. Они оставляли коней внизу, лезли вверх по примету и осадным лестницам.

Наверху, на каменной стене, шел отчаянный бой. Владимирцы упорно отбивались. Татары схватывались с ними, старались спрыгнуть со стены внутрь города. Русские ратники спешили на место погибших, но бойцов становилось все меньше, а новые толпы татар непрерывным потоком с буйными криками влезали на стены.

Слева от Бату-хана на низком саврасом коне, как неподвижный истукан, сидел широкоплечий, приземистый Субудай-багатур. Он молча смотрел в сторону города, откуда слышались грохот и протяжный вой. Справа от Бату-хана на толстоногом иноходце съежился худой и сутулый темник Бурундай.

---

[1] Куколь — остроконечный черный колпак с нашитым белым крестом.

— Смотри, джихангир!— Бурундай повернул к Бату-хану желтое безволосое лицо.— Воины хана Гуюка подожгли город с двух концов!

Лицо Субудая перекосилось.

— Воины Гуюк-хана всегда опаздывают! Это не они, а сами урусуты подожгли свой город...

— Что же медлят «непобедимые»?— крикнул Бурундай.

— Не слушай Бурундая!— огрызнулся Субудай-багатур.— Осажденные храбры и упрямы только по утрам. Надо выждать, в полдень сюда приплетутся дрожащие старики в парчовых шубах и поднесут тебе на золотом блюде ключи от города... Да!.. Так всегда бывало в Китае, и в Тангуте, и в Бухаре, и в Самарканде! Так будет сегодня и здесь!

Но Бату-хан не хотел ждать. Он визжал и бесновался. Его вороной жеребец перебирал ногами, прыгал на месте и порывался броситься вперед.

— Темник Бурундай! Скачи к воротам, проверь, не улегся ли там спать китайский мастер Ли Тун-по.

Бурундай хлестнул плетью. Чалый иноходец стрелой унесся вперед.

У ворот длинный тяжелый таран с железным набалдашником с грохотом выскакивал из бревенчатого сруба на полозьях и ударял в ворота. Полуголые пленные раскачивали таран под равномерный счет:

— Вдарь сильней! Вдарь еще!

Монголы стегали плетьми пленных, понуждая их бить сильней. Некоторые пленные отказались помогать врагам. Монголы их тут же зарубили.

Сверху, из бойниц и из окон церковки на Золотых воротах, в монголов швыряли кирпичи, горящие головни и метали стрелы. Под ударами тарана дубовые створки ворот трещали и наконец развалились. Татары с ликующим воем бросились вперед, сбивая натиском коней встречных защитников.

Узкая улица была загорожена бревнами, телегами, санями, наваленными заборами. Владимирцы встречали татар ударами топоров и тяжелых дубин. Защитники сидели на крышах домов, стреляли из тугих луков, швыряли сверху тяжелые камни... Улицы все более загромождались трупами, но ничто не могло удержать ворвавшихся разъяренных кочевников. Они прыгали с коней, сдирали

одежды с мертвецов, грабили дома и лавки, снова вскакивали в седла и пробивались дальше. Их маленькие крепкие кони, спотыкаясь, карабкались на преграды, перебирались через бревна, падали вместе с всадниками. Нукеры упорно расчищали путь для следовавшего за ними Бату-хана и его свиты.

Джихангир ехал медленно. Вороной конь поводил ушами, храпел, прыгал через еще двигавшихся раненых. Стоны, дикие вопли и торжествующие крики неслись со всех сторон.

Бату-хан остановился перед каменным собором на главной площади, где толпились «непобедимые». При его приближении воины прекращали грабежи и падали лицом в снег. Бату-хан, не глядя на них, сохранял надменное величие. Изредка хищная улыбка кривила его неподвижное лицо. Он сказал Субудай-багатуру:

— После Булгара и Рязани я беру уже третью столицу!

Субудай прохрипел:

— Да! К концу великого похода монголов на твоем ожерелье будет девяносто девять столиц!..

— Где же обещанные тобой старики с ключами?— насмешливо спросил тонким голосом подъехавший Бурундай.

— Если они сейчас не придут, тем хуже для них!— отвернулся Субудай.

— Тем хуже для них!— повторил Бату-хан.— Я не стану слушать просьбы о милости... Весь город будет вырезан! Сегодня оскорбленная тень хана Кюлькана напьется вдоволь урусутской крови.

Высокий величественный собор, сложенный из белых камней, казался неодолимой твердыней. Около его входных дверей суетились татары, стараясь разбить топорами темные дубовые створцы, украшенные тонкой резьбой. Из собора доносилось плавное протяжное пение многих голосов.

— Что там поют? Где толмачи?— спросил джихангир.

— Я здесь!— откликнулся князь Глеб.— Люди, укрывшиеся в соборе, сами поют себе панихиду, чтобы легче было умирать.

Нукеры притащили длинное бревно. Раскачивая его на руках, они стали равномерно ударять в соборные двери и вскоре разломали их.

Пение послышалось сильнее. В темном отверстии под входной аркой показались искаженные ужасом женские лица. В черных куколях с нашитыми на лбу белыми крестами и в черных одеждах, держа зажженные восковые свечи, женщины протяжно пели: «Со святыми упокой!..»

На возвышении посреди собора, в черной ризе, с золотой митрой на голове, стоял епископ Митрофан. Двумя руками он высоко подымал золотой крест, благословляя им на четыре стороны, и кричал звучным голосом:

— Кайтесь, братья и сестры! Настал день судный! Страха не имейте!.. Души убиенных в селениях праведных упокоятся!.. Кайтеся!..

Бедные трепещущие женщины, держась цепью ряд за рядом, в страшной тесноте, широко раскрывая рты, кричали:

— Спаси нас, господи!.. Каемся!..

Другие продолжали заунывно петь: «Со святыми упокой!..»

Бату-хан влетел по ступеням на каменную паперть, заглянул внутрь собора и бросил толпившимся нукерам:

— Уррагх! Смелые соколы! Перед вами белоснежные цапли и жирные утки. Хватайте их, добыча ваша!

Монголы радостно закричали:

— Уррагх! Кху-кху, монголы!

Двери были слишком узки для толпы теснившихся монголов, желавших проникнуть в собор. Монахи в длинных черных подрясниках встречали их яростными ударами топоров, избивая напиравших воинов. Куча изрубленных тел росла в дверях, закрывая доступ к добыче.

— Огня!— шепнул джихангиру Субудай-багатур.

— Разведите костер!— крикнул Бату-хан.

Нукеры выломали соседние заборы и сложили на паперти огромный костер. Высокое пламя закрыло темный вход. Огненные языки врывались внутрь собора, лизали прочные каменные стены. Из верхних окон собора повалили клубы черного дыма. Сквозь дым и огонь из собора доносилось все то же протяжное заунывное пение, прерываемое отчаянными криками женщин.

Все выше взвивалось пламя, все тише становилось пение. Монголы ждали, пораженные упорством и непримиримостью владимирских женщин.

Последние крики затихли. Донесся одинокий жалоб-

ный плач и оборвался. Слышался только треск горевших досок.

Монголы разметали костер и бросились внутрь собора. Они вытаскивали полубесчувственных женщин, волокли их на площадь, вырывали из их рук детей и швыряли в пылающие кругом дома. Они срывали с женщин одежды, набрасывались на них; насытившись, отрезали им груди, вспарывали животы и спешили к своим коням. Нагрузив их узлами с добычей, монголы отъезжали в поисках новой поживы.

Бату-хан сохранял надменное спокойствие, ожидая на площади своей доли «священной добычи»[1].

На разостланных женских шубах росли груды разноцветных ожерелий, серебряных и золотых крестов, запястий, колец и других дорогих украшений. Сюда же бросали парчовые поповские ризы, боярские шубы, серебро с икон, золотые священные чаши. Поверх всего красовалась золотая митра епископа Митрофана.

Сюда же монголы приволокли потерявшую сознание великую княгиню Агафью и положили ее у копыт вороного коня.

Бату-хан равнодушно смотрел, как воины сорвали с нее шелковую одежду, головные жемчужные подвески, красные чеботы с серебряными подковками, складывая все в общую груду.

— Дзе-дзе! Кто хочет урусутскую красавицу?— спросил Бату-хан.— Уступаю!

— Конечно, темник Бурундай!— закричали, смеясь, монголы.— Бурундай любит больших женщин!..

Бурундай подъехал к обнаженному беспомощному телу, долго рассматривал его. Чалый конь, опустив голову, фыркал и пятился. Бурундай, кряхтя, слез с коня. Несколько тысячников, сдерживая нетерпение, почтительно теснились полукругом, желая после Бурундая попробовать почетную добычу.

Княгиня Агафья очнулась... Она не плакала, не кричала. Стараясь прикрыть руками свое обнаженное тело,

---

[1] Согласно строгим законам «Ясы», каждый нукер и просто воин после битвы должен был подъехать к джихангиру и, опустившись на правое колено, сложить перед «ослепительным» самую ценную пятую часть всего захваченного. Кроме того особая часть откладывалась для отправки в Монголию великому кагану.

она вся съежилась от стыда и ужаса и остановившимися глазами смотрела на приближавшуюся к ней сухую костлявую фигуру.

Монголы притащили к Бату-хану могучего старика. Он был скручен арканами, но упрямо старался вырваться.

— Джихангир! Ты приказал показывать тебе смелых вражеских багатуров!— сказал подошедший сотник Арапша.— Этот старик оставался последним в доме урусутского бога. Он бился один против всех... Ни дым, ни огонь, ни три стрелы в боку не свалили его.

— Берикелля!— сказал Бату-хан.— Коназ Галиб, расспроси старика!

Князь Глеб спросил пленного, как его зовут, давно ли он служит в войске.

— Меня зовут Шибалка. Я тридцать лет простоял дозорным на городской стене у Золотых ворот.

— Я прощаю твою вину!— сказал величественно Бату-хан.— Я беру тебя к себе нукером.

— Шибалка!— перевел князь Глеб.— Великий царь татарский оказывает тебе большую милость. Он прощает тебе, что ты по неразумию осмелился биться против его царского величия. Он берет тебя к себе на службу. Стань на колени и земно благодари!

Шибалка свирепо поводил налитыми кровью глазами, широко·раскрывал рот, задыхался — три стрелы торчали в его боку.

— Ладно, послужу я ему верой и правдой! Дайте мне мою рогатину, я воткну ее в толстый живот великого царя татарского! И тебя, отступника, зарублю!— И, собрав последние силы, старик плюнул кровавой пеной князю Глебу в глаза...

— Желтоухая собака!— завизжал Бату-хан, стегнув плетью по лицу Шибалки. Тот, не дрогнув, продолжал стоять. Четыре монгола крепко повисли на его руках.

— Эй, нукер!— прохрипел Субудай-багатур.

Ближайший нукер соскочил с коня, вытащил из ножен кривую саблю и наискось вонзил ее по рукоять в живот Шибалки.

Кровь показалась на губах старика и ручейком потекла по седой бороде.

— Придет день! Будет свободной наша земля!— крикнул Шибалка, медленно осел и упал лицом в снег...

Так погиб славный город Владимир — краса Северо-Восточной Руси, быстро поднявшийся сзади остальных городов Русской земли, как бы на смену великому Киеву.

Замечательные белокаменные храмы украшали его. Далеко славился его великолепный княжеский дворец, вызывавший восхищение всех иностранцев. Его Золотые ворота — соединение триумфальной арки с крепостным сооружением — говорили о мощи города как военной твердыни. Подобно тому как в Киеве на его торговой площади шумели купцы, прибывшие с востока, юга и запада. В его ремесленных кварталах шла постоянная работа. Высоко ценились повсюду искусные изделия владимирских мастеров, еще шире разносилась слава владимирских каменных дел мастеров, создавших в городах Суздальщины прекрасные храмы, украшенные снаружи художественной скульптурой.

Богат и славен был Владимир не только своим материальным благосостоянием, не только богатством своих бояр и купцов, но и своим просвещением, своей библиотекой, чудесной стенописью своих храмов, собранием художественных произведений великокняжеской казны.

И вот теперь, растоптанное дикими монгольскими ордами, все это лежало в прахе и пепле.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

ЕВПАТИЙ НЕИСТОВЫЙ

Какая тишина повсюду гробовая!
Какая пустота унылая кругом!
Все те, что жили здесь, судьбу благословляя,
Лежали на камнях и спали мертвым сном.

(В. Гюго, «Восточные, песни».)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Корень рязанский

Отряд всадников—все в железных кольчугах, кованых шлемах, стальных наколенниках — ехал Диким полем по дороге из Чернигова на Рязань. Отряд растянулся длинной молчаливой вереницей, сверкающей на солнце. Не слышно обычных шуток, веселых возгласов и споров. Чем ближе к Рязани, тем чаще попадались разоренные погосты, опустошенные гуменники без единого снопа... Видно, здесь успела похозяйничать татарская орда!

Впереди отряда, на беспокойном половецком коне, ехал молодой витязь... Он часто подымался на стременах, пытливо всматривался в туманную даль. Росла тревога: что ждет его там, в родной Рязани? Ужéль отряд опоздает, ужели помощь больше не нужна?..

И он вспомнил недавние дни.

Неласково встретил князь Михаил Черниговский Евпатия Коловрата[1], прибывшего послом из Рязани. Смирив гордыню, Евпатий воздал князю великий почет — поклонился земно:

— Челом бью тебе, княже, помоги! Великий князь и государь Юрий Ингваревич Рязанский прислал молить тебя — не оставь нас без помощи в злой беде!..

И Евпатий рассказал князю и боярам черниговским о грозных полчищах мунгальских, которые, как тучи саранчи, надвигаются через Дикое поле на Северную Русь. Все рязанцы, и стар и млад, встали на защиту родной земли. Но одних рязанцев мало, не справиться им с бесчисленными татарами!..

—Красно говоришь ты, Евпатий!— ответил Михаил Черниговский.— Да над просьбой твоей поразмыслить надо... Не можем мы отдать своих ратников!

Бояре зашумели:

— Нельзя вести на мунгалов наш большой полк!

— С чем тогда останется Чернигов?

— Кто его оберегать будет?

Долго спорили бояре. Долго убеждал и упрашивал их Евпатий. Порешили наконец созвать охочих людей.

Бирючи[2] кликнули клич, собрали народ черниговский. Вышел на вечевой помост Евпатий, рассказал про угрозу Рязани и всей земле Русской, поговорил с народом так, как привык говорить в родном городе на шумном рязанском вече.

Дружно откликнулись черниговцы. Много набралось охотников, да что толку от такого войска — без оружия, пешие, без теплой одежды...

Нахмурился Евпатий: в Рязани ждут не дождутся помощи, а тут...

— Слушай, Евпатий! Я так решил,— сказал князь Михаил Черниговский.— Выбери триста удальцов. Я им выдам отборных коней, воинские доспехи и запас на дорогу. А больше — не взыщи — помочь не могу!

---

[1] В некоторых древних источниках Евпатий Коловрат именуется «Евпатий Неистовый».

[2] Бируч — глашатай.

Поблагодарил Евпатий народ черниговский, отобрал триста лихих молодцов. Снарядил их князь Михаил, и отряд поспешил в далекую, изнемогающую от врага Рязань.

После трудного пути по степным малоезжим дорогам отряд приблизился к Рязани. Всадники ускорили бег коней. На высоком берегу Оки, где недавно красовался нарядный город, они увидели пустынные, засыпанные снегом развалины.

Всадники провели коней по льду через реку. В полыньях и промоинах виднелись оледенелые тела. Всюду: на отвесных откосах берега, на городских валах и на дороге — лежали в беспорядке скованные морозом трупы.

Крепкие деревянные стены вокруг города были разрушены. Из широкого пролома на месте главных ворот выскочили одичалые, взъерошенные собаки. Они бросились врассыпную и скрылись.

Всадники осторожно пробирались через рухнувшие балки и груды кирпичей и мусора. Они въехали на главную площадь. С трудом узнавал Евпатий места, где еще недавно шумело народное вече, где пестрели разноцветные купола Соборной церкви, где стояли великокняжеские хоромы с нарядными теремами и высоким резным крыльцом, откуда, бывало, князь говорил с народом. Все выжег, все сровнял бушевавший здесь огонь татарского разгрома!

Среди площади виднелись следы огромного костра. Валялись обгорелые людские кости, черепа, закоптелые татарские шлемы и щиты.

— Немало и татар здесь, видно, полегло! — говорили ратники.

Они сошли с усталых коней. Мрачно смотрели на опустошенный город, безмолвный и печальный, как заброшенное кладбище. С высоты вечевой площади вся разгромленная, сожженная Рязань была как на ладони. Куда ни взглянешь — везде смерть, все разрушено.

Около сохранившегося каменного вечевого помоста лежал на боку закоптелый медный колокол, чей

могучий голос сзывал бывало рязанцев на многолюдные шумные сходы.

Евпатий медленно пошел в сторону. Ратники расступились, давая ему дорогу.

Он с трудом разыскал родные места. Вот каменные ступени церкви на углу улицы, а вон там, на пригорке, стояла его старая просторная изба. Среди рухнувших обгорелых бревен одиноко высилась теперь лишь закоптелая большая глиняная печь.

Евпатий пробирался с трудом через валявшиеся бревна, камни, железные прутья. На обломках, опустив голову на руки, неподвижно сидел человек. Что-то знакомое показалось в его могучих плечах, в длинных седых кудрях...

Камень покатился под ногами Евпатия. Сидящий обернулся:

— Евпатий!..

— Ратибор!..

— Я ждал тебя, друже,— говорил Ратибор, обнимая молодого воина.— Я знал, что ты придешь. Твое слово крепко...

— Приехал, но поздно!— и Евпатий показал на обугленные развалины.— Где мои? Не знаешь?

— На все воля божья! Мужайся, Евпатий! Старуха, мать твоя, еще дышала, когда я сюда добрался. Жену твою татары хотели в плен утащить. Она топором отбивалась. Тогда всех зарубили.

— А дети?

— Их в плен увели... вместе с другими...

Евпатий молчал.

— Евпатий,— продолжал Ратибор.— Догоним ворогов! Посчитаемся с ними!.. Привел ли ты черниговцев?

— Привел, да мало: триста человек. Но все удальцы: каждый десяти сто́ит!!

— Найдем еще людей! Много народу в лесах схоронилось. Я был у «сторонников». Их с каждым днем все больше. Соединимся с ними и нагоним татар... Идем, друже!

Евпатий взглянул в последний раз на обломки родного дома.

— Идем!

Друзья пошли к вечевой площади. По дороге Ратибор рассказал Евпатию о гибели рязанских полков в

Диком поле, о том, как его подобрал молодой князь Роман, как они вместе пробирались обратно в Рязань, как раненая нога заставила его задержаться в пути, а князь Роман покинул его, торопясь в Рязань. Едва оправившись, Ратибор поспешил домой и прискакал как раз к разгрому родного города. Теперь татары ушли в сторону Владимира. Здесь их не видно.

Черниговские ратники отдыхали на обугленных балках. Они поднялись навстречу Евпатию и Ратибору.

Широкий кряжистый воин, черниговский старшой, выступил вперед:

— Что надумал, Евпатий? Что будем делать?

Евпатий снял стальной шлем и обвел всех спокойным взглядом:

— А вы чего хотели бы, братья черниговцы?

— Ты звал нас помочь рязанцам. А Рязани больше нет! Татары ее в кладбище обратили!

Евпатий молчал.

— Так неужто мы стерпим это?— продолжал старшой.— Вот тебе наш сказ: порешили мы, черниговцы, на татар идти, отомстить за русских людей!

Евпатий низко поклонился:

— Спасибо, братья! И я и отец Ратибор так же мыслим. Не станем медлить, поедем по татарским следам. Может, пленных кого выручим...

— Пойдем! Пойдем!— загудели ратники.

— Порешите сперва, кому воеводой быть.

— Евпатий! Пусть нас ведет Евпатий...

Старшой снова заговорил:

— Кому же, как не тебе, Евпатий, вести нас на татар? Ты все дороги здесь знаешь, да и человек ты ратный. А мы ведь пахари! От сохи воевать пошли... Да не бойся! Сумеем и мы постоять за Русь! Голов не пожалеем. Будем рубить татар, как лесины рубили. Запомнятся им топоры мужицкие!

— Верно! Верно!

— Спасибо, братья черниговцы!— сказал Евпатий.

Протяжный, будто жалобный звук пронесся над площадью. Евпатий обернулся. Несколько человек поднимали тяжелый колокол. Притащили три бревна, подняли их и связали верхние концы. Одни подтягивали веревками колокол, другие помогали, подхватив его за края. Наконец колокол повис. Ратники обсасывали

пальцы, на которых от натуги выступила кровь из-под ногтей.

— Не валяться же тут ему,— пояснил старшой.— Вечник, чай, наш, народный голос!..

Воины подошли к колоколу.

— А может, и жив еще кто?— сказал Евпатий.— Ну-ка, кто молодший? Бей в колокол! Не всех же рязанцев татары перебили.

Молодой дружинник раскачал язык и ударил с размаху. Раздался сильный, протяжный звук.

— Покойников не подымешь!— заметил один из ратников.

Дружинник продолжал бить в колокол, и медный гул пронесся над опустошенным городом, над спаленными ближними городскими посадами, долетел до разгромленных дальних погостов.

Евпатий стоял на вечевом помосте и зорко смотрел по сторонам. Неужто никто не откликнется?..

Но что это? Из черного погреба, из-под обгорелых обломков, показался человек. Он поднялся и, закрывая глаза от солнца, смотрел в ту сторону, где звучал вечевой колокол. За ним появился другой, третий, Отовсюду: из темных дыр, из-под избиц, незаметных тайников и подклетей — вылезали изможденные, выпачканные в саже и пыли ратники, старики, женщины, дети. Пошатываясь и ковыляя, они спешили к площади.

Мертвый город ожил. Люди прыгали с груды на груду, спотыкались, падали и снова вставали. Их было немного, но все же это были рязанцы!

Вдали, на снежных полях вокруг города, показались черные точки. Прятавшиеся долго люди торопились к развалинам старой Рязани, куда звал их знакомый призывный звон вечника.

Ратибор бросился им навстречу:

— Жива еще Русь!.. Жив еще корень рязанский!

ГЛАВА ВТОРАЯ

На лесной поляне

Тихо в дремучем вековом лесу. Отчетливо слышно, как падает с ветки клочковатый снег, как прыгает белка или вспорхнет одинокая зимняя птица. Иногда треск мороза в стволах разбудит тишину и откликнется вда-

ли в густом ельнике. Изредка высоко в верхушках стройных сосен, покачиваемых ветром, послышится слабый шорох. И опять торжественная тишина наполняет тайной онемевший, словно настороженный старый лес.

Сугробы снега прикрыли кусты вереска, можжевельника и волчьих ягод. Ни пешком не пройти, ни верхом не проехать. Только на коротких лыжах, подбитых конской шкурой, можно пробраться через глухую чащу.

Еле заметная извилистая тропинка, протоптанная в глубину леса, вела на небольшую полянку. На ней собрались «сторонники». Здесь были те, кому посчастливилось спастись от татарского отточенного меча или тугого аркана: мужики из сожженных селений, немногие уцелевшие защитники Рязани, оставшиеся ратники уничтоженных отрядов. Там, за лесом, где протянулись родные снежные поля, обливается слезами горе, сверкают мечи, течет кровь русских людей, пылают родные избы...

Ратники отдыхают, лежа на сосновых ветках, греясь у костров.

Тихий, задушевный голос затянул песню:

Еще что же вы, братцы, призадумались?
Призадумались, ребятушки, закручинились?
Что повесили свои буйные головушки,
Что потупили очи ясные во сыру землю?

Несколько человек дружно подхватили:

Еще ли лих на нас супостат-злодей,
Супостат-злодей, татарин лихой...

Молодой сторонник сердито проворчал:

— Распелись не к добру!..— и отвернулся с недовольным видом. Тяжелая рука крепко ударила его по плечу. Он обернулся. Рядом стоял долговязый мужик в нагольном тулупе и собачьем треухе, с топором за поясом.

— Чего каркаешь?— спросил он.

Парень потирал плечо:

— Тьфу, Звяга! И рука ж у тебя!..

— Чем тебе песня плоха?

— Татары услышат...

— Где им сюда добраться! В снегу утопнут.

— Все одно, какое нонче пенье...

— А почему не петь?

— Избу сожгли... Тятьку зарубили... Любашу увели...— плаксиво протянул парень.

— Вот оно что!.. Да разве у тебя одного? Что ты хлюпишь? Все мы это видели, все горя хлебнули! А завтра сами косоглазым хвосты отрубим! Все одно прогоним их!

Парень недоверчиво покачал головой.

— Нет! Без песни нельзя!—продолжал Звяга, опускаясь на подостланные еловые ветки.— Наше дело правое. Почему татары весело не поют, а волком воют? Их дело неверное. А правильный человек завсегда поет! То-то!..

— У меня вон брюхо с голоду поет,— не уступал парень.

— Ишь ты!— громко засмеялся третий сторонник, подходя ближе.— Щи про тебя еще не сварены.

— Ничего!— спокойно возразил Звяга.— Как закипит в котелке вода, мы болтушки с мучной подпалкой нахлебаемся. Не взыщи только, что соли нет.

— Да и муки-то последняя горсть...

— И это нам впрок: заснем покрепче — во сне пироги увидим!

Неожиданно раздался резкий окрик:

— Стой! Кто идет?

По лесу пробирался на лыжах широкий, плотный и коротконогий крестьянин. Оглядывая сторонников, он часто откидывал голову назад, и тогда черная борода его стояла торчком. На плечах он тащил куль муки. Несколько сторонников подошли ближе. Остальные продолжали лежать, подставляя бока теплым лучам костра.

Насмешливый голос прокричал:

— Эй, удальцы-молодцы, гвозди вострые! Прибежал сват от тещи, прямо с погоста, отмахал верст со ста! Притащил муки аржаной куль большой. Подходи, кто не спесивый, не ленивый, подставляй чашку, ладони аль шапку! Торопись печь блины, не то опара сядет, кумовьев отвадит!..

— Откуда мука? Кто принес?— загудели, приподнимаясь, мужики.

— Да вот человек тароватый, борода лопатой. Татарва его с печи спугнула, косноязычным стал и зовется с тех пор Ваула.

Звяга подскочил:

— Ваула! Сват!..— и бросился обнимать приятеля.

— Смекнул я, что вы здесь голодуете, мучки вам и притащил,— объяснил Ваула.

— Ай да молодец! Накормил нас до отвала, когда в брюхе пусто стало!..— говорили мужики.

— Садись, Ваула, к нашему костру!

— Нет, к нашему!..

— Да ты скажи, что с тобой сталось?— спрашивал Звяга.— Видел я, как ты с рязанской стены в реку скатился. Я думал, ты утонул...

— Знать, день мой смертный еще не пришел,— выбрался! Двое суток по лесу скитался, пока не обсох.

— Го-го-го!— засмеялись мужики.— Своим ли паром сушился?

— А то чьим же? Бежал, как мог, искал сторонников, наткнулся на выселок. Два старика меня обогрели, на лыжи поставили, каравай и куль муки дали. Иди, говорят, на сиверко. Там встретишь удалых сторонников. Скажи: земно им кланяемся, спасибо им, что родину берегут! И мы, старики, рогатины точим и скоро к ним прибежим.

— А что слышно там, у нас?

— Сами, что ли, не знаете? Время лихое, татары носятся то здесь то там, всех рубят, душат петлей, пощады никому не дают.

Издалека послышался протяжный свист, потом оклик дозорного:

— Эй, постой! Кто там едет на коне татарском?

Молодой звонкий голос отвечал задорно:

— Конь из татары, да ездок такой же, как и вы!

На поляну выехал всадник. Конь был горбоносый, с поджарым, как у борзой, животом. На нем была татарская сбруя в сердоликах с серебряными пряжками и пестрые переметные сумы. На коне сидел мальчик в большой шапке и заплатанном зипунишке, обтянувшем узкую грудь. Тонкие ноги в кожаных лаптях были вдеты в короткие татарские стремена. Сзади, вцепившись в хвост коня, плелся второй мальчуган.

— Го-го-го!— грохотали сторонники.— Вот так вояка!

— Да с ним попутчик идет, коня за хвост дерет!

— Давно ли под лавкой медведкой ползал?

— Вишь какого лихого воина нам бабушка прислала!

Юный всадник подъехал к сторонникам.

— Примите нас, люди добрые. Мы из татарского плена удрали!

— Молодцы, ребята!

— Иди, иди к нам, кирпатый! А это что за молодец за тобой плетется?

— Да Поспелка! Он из сил выбился... Мы вдвоем на коне ускакали, а теперь по очереди пешком идем.

— Садись к нам, ребята!

Мальчик сошел с коня, привязал его к елке и подошел к костру. Его темные глаза казались огромными на бледном, исхудалом лице. Мальчик взглянул на своего спутника и прыснул со смеху.

— Брось, Поспелка, нюнить! Спаслись — и ладно!

— А что они с Булаткой сделают?

— А мы его выручим!

— Да как же вы, ребята, из плена-то удрали?

— Сейчас расскажу. Только нет ли у вас, люди добрые, сена хоть клок — коня подкормить? Без него бы мы пропали!

— Чего захотел! Откуда мы тебе сена достанем? Да твои сумы за седлом, поди, сухарями набиты?

— А я не знаю, что в сумах, они не мои!

— Сейчас посмотрим, что тебе татары подарили!

Сторонники подошли к коню, отвязали переметные сумы и распустили ремешки. Разостлав на снегу армяк, вытряхнули сумы. Оттуда посыпались: бабья панева, вышитая рубаха, серебряный кубок, несколько нательных крестов и три цветных узелка. В одном оказались золотые и медные серьги, в другом — горсть монет, черных и серебрянных, в третьем, побольше,— мелко накрошенные сухари.

— Вот это тебе впрок!— воскликнули сторонники.— Хоть мало сухарей, все же коня спасешь!

— Братцы, соколики! Да что же это! Изверги вместе с серьгами у девок уши отрезали!

Мужики вскочили и стали передавать друг другу серьги.

— Ну, мы им это припомним! Где они, воры, разбойники? Откуда вы прибежали, ребята?

Мальчики присели к костру и стали рассказывать быстро, захлебываясь, перебивая друг друга:

— Мы из Владимира. Татары подожгли город. Мы втроем бежали в лес, хотели к сторонникам пробраться... Нас поймали татары из отряда Бай-Мурата — злые, что звери! Они поволокли нас на арканах. У них много пленных! Есть не дают, таскают за собой со связанными руками. В Ярустове татары нашли бочонки вина и браги и все перепились. Они заснули, а мы с Поспелкой перерезали ремни, подползли к коню Бай-Мурата и ускакали. Жаль, Булатку выручить не могли!

Поднялся Ваула:

— Братцы! Ярустово недалеко, я туда тропу знаю. Идем!

Сторонники зашумели:

— Верно! Может быть, разбойники еще опохмеляются...

— Нам со Звягой там каждый пень знаком,— добавил Ваула.— Мы вас проведем!

— Идем, идем!— И сторонники стали быстро собираться.

— Поспелка! Пошли Булатку выручать!— вскочил шустрый мальчуган.

— Молодец, кирпатый! Да как звать-то тебя?

— Меня-то? Прокудой зовут.

— Что? Прокудой? Да ты девчонка, что ли?

— А то кто же?— засмеялся курносый мальчуган, сдернув меховую шапку и лихо тряхнув русыми косами.

Вскоре отряд сторонников потянулся в строну Ярустова. Впереди шел Ваула, за ним Прокуда и Поспелка. Муку и немногие пожитки сторонников нагрузили на татарского коня, которого вел за собой Звяга.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

„Аман!..“

Полная яркая луна светила с беззвездного неба. Быстро набегали мелкие облака. Словно зацепившись за луну, они закрывали ее на мгновение и летели дальше.

Ваула озабоченно покачал головой.

— Скоро пурга будет!— сказал он шагавшему рядом бородатому сторороннику.

— Заметель подымается!— отозвался тот.

— Пурга нам на руку,— сказал Звяга.— Татары, поди, в избы забились нас и не заприметят.

Облака закрывали луну, и лес тогда сразу окутывался густой тенью и сумраком. Сторонники медленно продвигались вперед, гуськом, держась близко друг к другу. Передние шли на лыжах, пешие упорно шагали за ними, проваливаясь по колено в глубокий снег.

— Тесней, соколики! Шагай дружней!..

Пурга разыгралась внезапно. Лес вдали начал гудеть, завыли верхушки вековых сосен и елей. Ветер проносился с пронзительным свистом, подхватывал вороха рыхлого снега и засыпал им сторонников.

Вскоре отовсюду послышался непрерывный гул, треск ломавшихся сучьев и грохот падающих деревьев.

— Не отставай-ай!— кричал Звяга.

Идти становилось все труднее. Колючий снег обжигал лицо. Ветер валил с ног, захватывал дыхание.

— Эй, со-ко-лики! Не отставай-ай!..— глухо доносились перекликающиеся голоса.

Сторонники шли долго, упорно, пробиваясь сквозь бурю, боясь отстать. Знали, что гибель ждет того, кто затеряется в лесу.

Наконец передовой Ваула сказал:

— Теперь пойдем тише. Ярустово близко...

Сквозь свист ветра донеслись злобные голоса собак. Они не тявкали привычным ночным лаем, а заливались яростно, не умолкая ни на мгновение, хрипя и давясь, точно чуя врага.

Сторонники остановились, прислушались и решили:

— Собаки нам весть подают, что татары на погосте!..

— Подходи, сгрудись!— передавали они друг другу.

Сторонники собрались на опушке леса. Они настороженно всматривались сквозь порывы пролетавшего снега. В слабом свете луны, часто прятавшейся за облака, виднелись черными пятнами избы. В некоторых дымились трубы. Повеяло горелым салом и ржаным хлебом. Кое-где в узких окошках чуть светились тусклые огоньки.

Прокуда ухватила Звягу за рукав:

— Вон в той крайней избе стоит ихний главный разбойник — Бай-Мурат.

Звяга прислушался.

— Да он и сейчас там шумит, еще не угомонился.

Порывы ветра донесли всхлипывающий женский плач, жалобные стоны и выкрики пьяных голосов.

Звяга шепотом отдавал приказания. Соторонники внимательно слушали его. Потом разделились и стали медленно пробираться огородами. Небольшая группа пошла за Звягой, от которого не отставала Прокуда. Ваула повел остальных. Измученный Поспелка остался на опушке леса сторожить татарского коня.

Пурга стихла так же внезапно, как и началась. Сторонники подошли бесшумно к частоколу. Невдалеке прижался к столбу дремавший дозорный. Звяга приблизился, и татарин упал, широко раскинув руки. К ограде были привязаны татарские кони. Рядом лежали в снегу голые истерзанные людские тела.

— Господи! Что же это?— зашептали сторонники.

— Идем!— торопил Звяга.— Может, успеем еще кого спасти!

Сторонники отвязали коней, взобрались на них и осторожно объехали погост. По пути им встречались полудикие монгольские и уворованные русские кони. Они перехватывали их и продвигались дальше, крепко сжимая в руках рогатины, топоры, заостренные колья и дубины.

Дойдя до околицы, трое спешились, подползли к темневшему в стороне старому сараю и подожгли его. Весело вспыхнула солома. Красный язык лизнул крышу сарая и потух. Потом загорелся снова и затрепетал в клубах черного дыма, озаренного багровыми отблесками.

— Вперед, рязанцы!— закричали мужики со всех сторон, врываясь в избы. Им отвечал яростный визг татар.

Они выбегали из теплых изб на мороз, очумелые от неожиданности, с трудом приходя в себя от недавнего хмеля. Они метались в разные стороны, искали своих коней. Но коней не было, из темноты на них набрасывались неведомые люди, сбивали с ног и рубили топорами. Татары убегали по задворкам, сторонники догоняли их и приканчивали.

В сараях сторонники нашли связанных русских пленных. Освобожденные, они вырывали из ограды колья и бросались преследовать своих мучителей.

Ваула одним ударом уложил хмельного дозорного, сидевшего на крыльце поповского дома, и осторожно вошел в горницу.

На столе еще были видны остатки пира, обглоданные кости, корки, опрокинутые чашки. Несколько пьяных татар валялось на полу. Старый полураздетый поп сидел в углу, обняв колени руками, и повторял: «Господи, помилуй! Господи, помилуй! Не ведают бо, что творят!»

На горячей печке, прикрывшись поповской рясой, храпел Бай-Мурат. Рядом, вздрагивая обнаженным худеньким телом, всхлипывая, стонала внучка старого попа.

Связанного Бай-Мурата сторонники притащили к обледенелому колодцу с высоким журавлем. Он стоял, покачиваясь, еще не понимая, что с ним случилось. Исподлобья свирепо посматривал на толпившихся перед ним мужиков, поводил хмельными, налитыми кровью глазами и твердил:

— Аман, аман!..[1]

— Какой тебе аман?— сказал Ваула, тыча в лицо Бай-Мурата медную серьгу с отрезанным ухом.— Откуда эта серьга? Из твоей котомки! Кто нашим девкам уши резал? Кто насильничал? Кто пленных голыми на мороз бросал? Ты, собачий сын! Кого казнить за это? Тебя, стервеца!

Подбежала Прокуда, грозя кулаками:

— Что они с Булаткой сделали? К журавлю на колодце привязали, холодной водой обливали... Вон он — еле живой!

— Привязать разбойника к журавлю!— решил Ваула.— Да прибить к столбу гвоздем за ухо. Пусть знает, как сладко было нашим девкам, когда он им уши отрезал!..

Подъехал Звяга на татарском коне:

— Что вы с этим супостатом возитесь? Кончайте его да на коней! Татар на погосте уже не осталось...

Спасенные из татарского плена окружили сторонников. Женщины и дети плакали от радости и просили хлеба. Сторонники отдали им награбленную татарами добычу, себе брали лишь коней, татарские кольчуги и оружие. Мужчины присоединялись к сторонникам. Жен-

---

[1] Аман — Пощади! *(По-тюркски.)*

щины решили пробраться с детьми лесами и малоезжими дорогами к родным погостам.

— Отдыха не будет!— крикнул Звяга.— Нас еще мало, надо замести следы, пока татары не хватились... Скорей вперед, рязанцы!

— Я с бабами не пойду!— твердо заявила Прокуда.— Поеду с вами!..

Она помогла посадить в седло Булатку. Сзади него сел Поспелка.

— Держи Булатку крепко!— наказывала ему Прокуда.

Она ловко взобралась на своего татарского коня и поехала рядом.

Светало. Тучи унеслись. Буря стихла, точно ее никогда и не было. Ярустово опустело. Повсюду валялись трупы убитых татар. Ни одной живой души не оставалось в погосте. Только собаки бродили безмолвными тенями между покинутыми избами да, чуя новую поживу, слетелась большая стая крикливых ворон.

Полукругом перед журавлем у колодца сидело несколько собак. Они смотрели, облизываясь, на привязанного к столбу полумертвого Бай-Мурата, который еще ворочал злыми глазами и бормотал костенеющим языком:

— Аман! Аман!..

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

„Слышь ты!“

Субудай-багатур давал последние распоряжения сидевшим перед ним на корточках трем юртджи. Они внимательно смотрели в изборожденное морщинами и шрамами лицо старого полководца, боясь упустить хотя бы одно его слово.

— Важнее всего узнать... где собираются... новые отряды... длиннобородых...

— Понимаем!— шептали юртджи.

— Пленные знают... Заставьте их говорить...

— Заставим!

Субудай застучал кулаком по колену.

— Зачем ждете? Чего надо?.. Уходите!..

— Внимание и повиновение!— прошептали юртджи и попятились к выходу.

Субудай остался один. Он сидел, поджав ноги, на старой потрескавшейся скамье в углу, под образами.

Скрипнула дверь. Вошла, топая чеботами, Опалёниха, за ней Вешнянка. После того как Опалёниха спасла замерзшего сына Субудай-багатура, он всюду возил их с собой.

Сбросив на лавку заячью шубейку, Опалёниха засучила выше локтей расшитые рукава холщовой паневы и сполоснула руки под глиняным рукомойником. Перекрестив квашню, стоявшую у жарко натопленной печи, осторожно сняла наквашенник и сказала Вешнянке:

— Тесто поднялось! Месить пора...

Субудай посматривал на Опалёниху, на ее толстые белые руки, равномерно опускавшиеся в тесто, на ее пышную грудь, перехваченную под мышками красным передником, и выпячивал сморщенные губы. Он достал из-за пазухи медную чашку и застучал по ней ножом. Вбежал старый безбородый нукер в запорошенной снегом шубе.

— Внимание и повиновение!— хрипло крикнул он.

— Принеси походные сумы красно-пегого коня!— приказал Субудай.

Нукер выбежал в сени.

Опалёниха приподняла тесто из квашни и со злобой бросила его обратно. Она подошла к оставшейся полуоткрытой двери и прихлопнула ее локтем.

— Дурень безбородый!— ворчала она.— Тепла не бережет!

Вешнянка шепнула Опалёнихе:

— Гляди, как косоглазый на тебя смотрит! Словно проглотить хочет...

— Тошно мне от него!— сердито отвечала Опалёниха.

Нукер вернулся, неся на плече кожанные переметные сумы, и опустил их на земляной пол.

— Развяжи!

Нукер распустил шнурки и сунул руки в баксоны.

— Зачем?— зашипел Субудай.— Что ты там оставил? Уходи!

Нукер отшатнулся и бросился из избы.

Субудай строго крикнул:

— Слышь ты! Слышь ты!

— Это он тебя зовет,— сказала Вешнянка.

Опалёниха не торопясь вытерла руки о передник и подошла перевалистой походкой. Субудай повторил:

— Слышь ты! Слышь ты! Вишнак!

Вешнянка подошла, робея. Субудай-багатур показывал на раскрытые сумы и старался объяснить:

— Давай! Мина! Давай...

Женщины переглянулись. Вешнянка опустилась на колени и стала доставать свертки. Опалёниха развернула сарафан из шелковой парчи, женские узорчатые рубашки, красные туфли с острыми загнутыми кверху носками. Субудай показал рукой Опалёнихе, чтобы она надела сарафан.

— Слышь ты! Скоро!— повторял он нетерпеливо.

Опалёниха пожала плечами.

— Да ты лучше, хан немилостивый, не меня, Вешнянку наряди! Куда мне такое княжеское роскошество.

— Угга! Маленьким не любим!— Субудай сердито затряс головой.

— Ишь какой хитрый!— сказала Опалёниха.— По-нашему заговорил...

Она отошла к печке, ловко накинула просторный сарафан, оправила тяжелые складки, вдела ноги в диковинные красные туфли.

— Сюда! Слышь ты, сюда!— шипел Субудай.

Опалёниха подошла. На скамье, на куске зеленой замши, лежали украшения из сверкающих алмазов, из переливающихся желтых, зеленых и красных, как кровь, камней. Субудай перебрал их, взял ожерелье из больших золотых монет, головную повязку из жемчужных нитей, несколько золотых браслетов и протянул их Опалёнихе.

— Скоро, скоро!— хрипло повторял он.

Опалёниха повела плечами, надела на шею тяжелое ожерелье, надвинула низко на лоб жемчужную повязку с длинными подвесками. Ее блестящие глаза лукаво посматривали из-под темных бровей на свирепого полководца. Опалёниха отошла в угол, горделиво приосанилась, подбоченилась и особой задорной походкой, как бывало в хороводе, проплыла по горнице. Вешнянка зажимала рот рукой и давилась от смеха.

— Вот, корявый леший, что надумал!

Субудай хлопал рукой по колену, впивался выпученным глазом в Опалёниху и нежно твердил:

— Кюрюльтю! Кюрюльтю!..[1]

Опалёниха остановилась посреди комнаты.

— Хватит! Побаловались! Пора блины печь!— сказала она сурово и хотела скинуть сарафан.

Субудай замахал рукой:

— Угга! Нет! Тибе!.. Слышь ты! Тибе...

Он вдруг отвернулся, наклонился к окну и прислушался. На улице раздались крики: «Урусуты! Урусуты!»— и резкие удары в медные щиты.

Лицо Субудая стало страшным. Он громко застучал ножом по медной чашке, сгреб ожерелья, сунул их в баксоны и, не глядя на женщин, вышел, ковыляя, из избы.

Обняв испуганную Вешнянку, Опалёниха прислушалась. Топот коней и крики монголов на улице быстро удалялись и затихали. Опалёниха выглянула за дверь.

— Все куда-то ускакали... Скорей, Вешнянка, собирайся! Теперь или никогда!

Быстрыми уверенными движениями она сняла парчовую одежду, свернула ее и бережно положила на скамейку рядом с дорогими украшениями и красными туфлями.

— Боязно!— шептала Вешнянка, торопливо одеваясь.— Беда, если изловят нас! Косоглазый нас не обижал...

— Не надо нам его роскошества!..

Опалёниха поправила свою посконную паневу, натянула заячью шубейку, вдела ноги в чеботы, повязалась старым шерстяным платком. Вешнянка была уже готова.

— Бежим!.. Даст бог, к своим доберемся!..

Женщины осторожно вышли из избы и плотно прикрыли за собою дверь. Около горячей печи громко вздыхала и пыхтела забытая квашня.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В погоню за Батыем

Пронеслась по Русской земле молва, будто на безлюдных развалинах выжженной Рязани упавшие колокола горевших церквей сами зазвонили... Передавали,

[1] Кюрюльтю — желанная *(по-монгольски)*.

что вечевой колокол вдруг поднялся из пепелища, повис в воздухе и загудел, сзывая рязанский народ на борьбу с татарами...

Рассказывали, что во многих местах всколыхнулась разгромленная Русь; что укрывавшиеся в лесах мужики собираются в отряды сторонников, что во главе их встал удалой витязь Евпатий Коловрат, лихой медвежатник, знающий лесные тропы, ходы и выходы, что его отряд уже не раз нападал на мунгальские разъезды и уничтожал целые отряды сильных супостатов.

Слыша такие разговоры, пахари и охотники, много лет промышлявшие в лесах, все, у кого рука не ослабла и глаза не померкли, стали поспешно привязывать подтужинами к дреколью ножи и обломки кос, точить на черном камне копья и рогатины и, засунув топоры за пояс, направлялись на перекрестки дорог разыскивать боевые дружины Евпатия-медвежатника.

Тем временем Евпатий Коловрат двинулся на север, по следам Батыевой рати.

Примкнувших охочих людей Евпатий разбивал на десятки и сотни, назначал им атаманов и всем давал наказы, как биться с хитрыми и находчивыми врагами, к каким прибегать уловкам, как не поддаваться на татарские обманы. Едва ли треть ратников Евпатия была на конях. Но и пешцы не отставали от конников и быстрым шагом или побежкой делали большие переходы.

Евпатий торопился. Он расспрашивал встречных, куда пролегла кровавая Батыева тропа. Остановки в лесах делал он самые короткие. Нужно было все идти вперед, добывая корм коням и хлеб ратникам, торопясь скорее догнать главного врага — царя Батыгу.

На одной из стоянок дозорные задержали двух монахов. Засунув за кожаные пояса длинные полы черных подрясников, с лыковыми котомками за плечами, оба монаха брели по тропинке на юг, в сторону половецких степей.

Один, высокий и тощий, как жердь, шагал впереди; другой, низкий и широкий, жмуря красные слезящиеся глаза, зацепил крюком посоха за ремень переднего и ковылял боком, стараясь не отставать.

— Куда вас нелегкая несет? — спросил их Ваула.— И почему на вас рясы обвисли, точно с чужого плеча?

Красноглазый, теребя рыжую бородку, выступил вперед, переломился в поясе и поклонился до земли:

— Хощу рещи вам, о братие, что бежим мы от бесчинствующих злодеев, рекомых татарами, кои все земное искореняют нещадно...

— Потому вы и рясы надели?

— Рясы эти исконные наши и обвисли на нас от малоядения,— пропищал бабьим голосом высокий монах.

— Людие стали скупы, людие стали немощны, не чтут сана духовного. Чего только очи наши не видели!— продолжал красноглазый.— И бессловесные скоты и бесчувственные каменья от того, что сейчас деется, могут повернуться в плач и стенание! Увы!.. Горе нам, увы!

— А куда же вы путь держите?— строго спросил Ваула.— От смерти или за смертью?

— Да что ты непутевое речешь!.. В Киев идем, братие, в Киев златоглавый, первопрестольный! Там, сказывают, монаси не голодуют и не бегают, как здесь, а спасаются в монастырских скитах в достодолжном почете... Потому народ там богобоязненный, полный благочестия, а злые татаровья далеко. О них там и слыхом не слыхали.

— А вы топоры держать умеете или за печку запрятали?— спросил Ваула.

— Отроду топора в руках не держали. Где нам мирским делом заниматься! Мы духовные стихи поем, заупокойные молитвы и сладостные стихиры читаем.

— Видим мы, что вы из родной земли бежите, когда она кровью заливается, когда мунгалы детей в костры бросают!— сказал грозно Звяга.— У нас в отряде тоже есть монах, Ратибор. Да еще человека четыре сбросили подрясники, натянули зипуны и взялись за рогатины. А вы что? Ненужные вы, дармоеды! Ни пользы от вас, ни толку. Отвечайте не мешкая, где вы видели татар?

— В земле Суздальской, о братие! Там татары и мунгалы по всем погостам рассыпались, жгут и насилуют христиан.

— И страху не имеют?

— А кого им бояться? Говорят, князь Георгий Всеволодович Суздальский уехал далеко, в белозерские леса, большой полк собирать, а его дружинники и ратные люди заперлись по городам за крепкими стенами... Нам бы поесть чего!

— Ладно. Садитесь к костру. Может, кто вас и покормит.

Оба монаха, не снимая заплечных котомок, подсели к костру, где на угольях кипел закоптелый глиняный горшок.

— Чего варите?

— Аль не видишь? Свежую уху!

— Свежую? То-то радость, отче Авраамий! Да разве в такой лесной чаще рыба водится?

— А то как же!— ответил Ваула.— У нас тут щука и белуга по лесу ходила. Леса пали, горы встали, щучий хвост увяз!.

— Поди ж ты, какое чудо!

Длинный монах заглянул в горшок:

— А что же рыбы в горшке не видно?

— Ну так что ж! Из твоей котомки щучий хвост торчит, горшка ждет. Давай-ка его сюда.

Монах нехотя скинул котомку и, ворча, вытащил мороженую щуку.

— Добрые люди на дорогу дали. Путь-то нам до Киева еще долгий.. Кушайте, братие, только нас отпустите.

Ваула взял рыбу, поскоблил засапожным ножом чешую, разрубил шуку на части и бросил в горшок:

— Мучной подпалкой заправим, вот и ладная уха будет. Может, и соль у тебя есть?

— Есть полгорсти...

— Давай и соль. Мы давно без соли хлебаем.

Длинный монах достал со вздохом из котомки тряпицу, отсыпал из нее соли в горшок и опять бережно спрятал тряпицу. Оба присели к горшку, держа деревянные ложки.

— Чего ты все вздыхаешь, отче?— спросил Звяга.— Прилетел тень на Петров день, сел на пень и начал плакать: волосы вянут, дубрава шумит. О чем плачешь? Хочешь на тот свет с солью прийти? Там отчет дадите, как с татарами воевали!

— Да мы ничего! Мы с охотой!— испугались монахи.— Только окажите милость, как прикончим ушицу, отпустите нас подобру-поздорову!

— Да нам что за корысть держать вас!— сказал Ваула.— Только обуза одна.

Оба монаха, забыв об ухе, спрятали ложки, стали

креститься, кланяться всем в пояс и быстро зашагали по дороге на юг.

Сторонники, посмеиваясь, принялись за еду, когда между елями снова показался путник. Он вел в поводу коня.

— Кого бог несет?— крикнул дозорный.

— Гонец из Коломны!

— Ты нам самый нужный человек. Пойдем к старшому!

На поляне горели костры. В стороне стояли привязанные кони. Возле костров сидели ратники. Один из них в коротком нагольном полушубке, зашивал дратвой разорванный сапог. Другой точил на камне топор, третий рассказывал:

— Налетел тут на витязя Алешу печенежский могучий удалец по имени Редедя и хотел ударить его в грудь торчмя головой. А лихой Алеша Попович как схватит Редедю за голову, как поднимет его над своим темечком, да как швырнет о землю, тут у Редеди и дух вон!..

Рассказчик замолк. Все рассматривали подходившего. Он был очень молод, безусый, в кольчуге и высоких булгарских сапогах. Конь его строен и статен, но очень истощен.

— Видно, дальний путь ты проехал, что конь твой как замаялся?— спросил один из сидевших у костра.

— Из Коломны. Еду гонцом к великому князю Георгию.

— Что же ты таким кружным путем едешь?— спросил ратник, чинивший сапог.

— Всюду татарские разъезды. Поневоле пришлось петлять...

— Что-то, сынок, лицо твое мне больно знакомо.

— Да и я тебя помню,— отвечал прибывший.— Не ты ли приезжал в Перунов Бор на медвежью охоту? Отец мой, Савелий Дикорос, тебя по лесу водил. Здоров буди, Евпатий Коловрат!

— Ужель Торопка? Каким же ты удалым стал! Да что же ты стоишь? Садись к нам!

Торопка привязал коня к дереву и опустился на ворох еловых ветвей у костра. Он подробно рассказал об осаде Коломны, Владимира, о своем бегстве и стычке с монголами. Евпатий расспрашивал его, где сейчас стоят

татарские отряды, куда пролегает Батыева тропа. Торопка толково объяснил, что знал. Тогда Евпатий повернулся к сторонникам:

— Сниматься со стоянки! Идем на север!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Ночная схватка

...Хоть мало нас, но мы — славяне!
Удар наш меток и тяжел...

(Н. М. Языков.)

Евпатий узнал от встречных селян, что в усадьбе великого князя Георгия Всеволодовича близ Суздаля пирует и бесчинствует какой-то татарский отряд и что туда проехали важные ханы со знаменами и значками.

«Может, там стоит сам царь Батыга?— подумал Евпатий.— Теперь иль никогда я сосчитаюсь с ним!..»

И отряд, разделившись, спешно направился к Суздалю. Конные «ястребки» делали большие обходы, чтобы миновать многолюдную дорогу, где рыскали татарские отряды в поисках поживы. Пешие «волчата» шли напрямик, лесными тропами.

Подъехав к усадьбе, Евпатий задержал конных черниговцев за рощей, а сам пробрался вперед, на опушку.

Из-за высокого бревенчатого тына слышались заунывные песни и переливные трели татарских дудок. Сумерки быстро сгущались. Из ворот усадьбы выехало около сотни татарских всадников. Один из них держал белое девятихвостое знамя. Монголы стегнули коней и вскачь помчались по дороге.

Когда совсем стемнело и над спящим лесом поднялась яркая луна, к Евпатию подобрался Звяга:

— Волчата здесь, стоят наготове. Не пора ли?..

— Начинайте!— отвечал Евпатий.— Не подымайте шума. Бейте молча!..

Сторонники напали тихо, без единого крика. Спавшие крепким хмельным сном монголы долго не могли понять, что случилось, откуда свалились неведомые враги. Быстро носились по широкому двору усадьбы безмолвные всадники. Переливались голубыми искрами их стальные

кольчуги. Длинные прямые мечи и тяжелые палицы поражали татарских воинов. Только хриплые стоны нарушали тишину.

— Крылатые мангусы!— пронесся крик. Его повторяли в ужасе просыпавшиеся татары. Очнувшись, они метались по двору усадьбы, стараясь вырваться, бежали к воротам, где их встречали неведомые люди и рубили топорами.

Отчаянный бой продолжался всю ночь в багровом дыму разгоравшегося пожара. Старые деревянные постройки пылали яркими огнями. Монголы, застигнутые врасплох, перепутались в общей суматохе и с воем отчаяния бегали между пылавшими избами и конюшнями.

В эту ночь сторонники вырезали большой татарский отряд, но и сами в жестоких схватках потеряли немало своих.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Берендеево болото

Узнав о гибели отряда монголов, Бату-хан разослал во все концы нукеров, сзывая войска, рыскавшие по Суздальской земле. Указано было место, где встретиться,— около города Переяславля-Залесского. Отряды должны были стягиваться кольцом, как на облавной охоте, затягивая петлю и сгоняя встречных в середину круга.

Новые вестники донесли Бату-хану, что неуловимые «летучие урусуты» перебили еще несколько татарских отрядов и опять исчезли в дремучих лесах.

Тем временем Евпатий со своими сторонниками продвигался на север. От встречных, убегавших в леса селян Евпатий узнал, что татары не идут дальше, а повернули обратно. Это известие встревожило Евпатия. Татары стали появляться со всех сторон, нужно было проскользнуть между ними, пробиться дальше, а корм кончался, не было ни сена, ни хлеба.

Лесными тропами вышел Евпатий на Берендеево болото, из которого берет начало речка Трубеж, впадающая в Плещеево озеро. По руслу реки Евпатий думал вырваться из кольца татарских отрядов и уйти к Угличу.

На гладкой поверхности замерзшего болота неожиданно показались татарские всадники. С копьями наперевес, на маленьких крепких конях, они выезжали из густого леса и мчались к растянувшемуся по льду отряду Евпатия. Не доезжая нескольких шагов, татары пускали стрелы и быстро скакали прочь, точно завлекая противника.

Евпатий знал татарские уловки и вел свой отряд в сторону Плещеева озера. Однако на пути показалась новая густая толпа конных татар. Они медленно отступали в лес, уклоняясь от боя. Евпатий продолжал двигаться прежним путем, приближаясь к руслу речки Трубежа.

Впереди подымалась возвышенность, поросшая сосновым лесом. На ее обнаженной вершине виднелись каменные развалины странных древних построек, засыпанных снегом.

— Палаты царя Берендея!— заговорили сторонники.— Здесь жил «царь Берендей, до колен борода!»

Около развалин на холме появился еще новый татарский отряд. Впереди развевались длинные концы пятиугольного знамени.

— Батыга там!..— крикнул Евпатий.— Вперед, соколики!— и вместе с конниками помчался в сторону холма.

Пешие сторонники продолжали идти ровным шагом, готовые помочь черниговцам. Татары на холме зашевелились и стали спускаться на лед. У подножия конники сшиблись с татарами. Евпатий отбросил нескольких встречных татар и помчался вверх, к белому знамени с изображением кречета.

Наперерез Евпатию скакал на рыжем коне большой монгол с поднятым кривым мечом. Евпатий изловчился, повернул коня в сторону и, поравнявшись, понесся рядом с монголом. Тот замахнулся, но Евпатий ударил с такой силой, что кривой меч монгола переломился. Вторым ударом Евпатий рассек монгола до пояса, и тот свалился с седла. Крики ужаса послышались среди татар:

— Уй! Тогрул убит!.. Вай-дот! Тогрул убит!..

Евпатий снова бросился к холму. Подоспевшие конники скакали рядом с ним, сшибаясь с налетавшими врагами. Татары, бывшие на холме, умчались врассыпную.

Евпатий остановился на вершине и оглянулся. Татары появлялись со всех сторон. Все новые и новые отря-

ды выезжали из леса и кольцом окружали холм, где на развалинах собрались бесстрашные «ястребки» и «волчата».

Бой длился долго. Бесчисленные татары густым строем наступали на русских воинов. Спешившиеся черниговские всадники стояли плотной стеной, не уступая стремительным нападениям. Плохо вооруженные сторонники в яростных схватках уложили немало татар. Но ряды русских быстро редели.

Там, где всего больше теснилось воинов, где чаще свистели стрелы, где громче звенели мечи,— выделялись два высоких воина. Они не пригибались к земле, укрываясь от ударов, они не прятались от смертоносных стрел. Выпрямившись во весь рост, они отчаянно бились, не отступая.

Рядом с ними сражались плотными рядами русские ратники. Меткие татарские стрелы отлетали от крепких кольчуг, кривые сабли их не задевали. Несокрушимой стеной стояли они и отбивали буйные налеты татар.

Изредка сквозь страшные звуки сечи — дикий визг татар, крики русских, ржание коней, лязг железа, вопли раненых — слышался густой раскатистый возглас:

— Держись, друже Евпатий! Рази их, окаянных!..

В ответ раздавался звучный голос, которым, бывало, на вече любовались рязанцы:

— Не бойся, отче Ратибор, держусь!

Прямой блестящий меч свистел в руках Евпатия. Рядом Ратибор сокрушал наседавших татар своей страшной палицей.

Лучших всадников посылали сюда ханы. Но кони испуганно поднимались на дыбы и уносились в сторону. Другие падали вместе с седоками, сраженные ударами витязей. Кто успевал увернуться от меча Евпатия, того настигала палица Ратибора.

Громадный, с блестящим шлемом на длинных седых кудрях, с горящим смуглым лицом и сверкающими темными глазами, с тяжелой палицей в руках, Ратибор приводил в ужас нападающих. Евпатий был также грозен в своей решительности и мужестве.

И в страхе отступили татары.

В стороне, верхом на вороном жеребце, окруженный главными темниками, Бату-хан наблюдал за битвой. Движением руки он подозвал Субудай-багатура.

— Повелеваем: привести мне обоих урусутов живыми!

Субудай послал отборную сотню, за ней вторую... Воины вернулись, а урусуты продолжали биться.

Взбесившийся конь примчался, на нем едва держался в седле раненый. Он тяжело упал к ногам Бату-хана.

— Джихангир! Их взять нельзя! Это сам урусутский бог Сульдэ!..

Последние слова раненый прошептал чуть слышно. Он вздрогнул, вытянулся и затих. Нукеры оттащили его в сторону. Бату-хан отвернулся. Лицо его исказилось гневом.

— Почему спят мои шаманы?— прошипел он.

Прибежавшие шаманы выли, били в бубны, плясали. Они просили всесильного монгольского бога Сульдэ сразить урусутского бога. На разные голоса призывали они своих заоблачных богов, молили их о помощи, обещали им девять лучших вороных коней и девяносто девять пленных юношей.

Но бог Сульдэ был сердит. Он не захотел помочь и спуститься в глубокие снега, в бездонные болота. Да и шаманам не нравилась злая земля урусутов, где выли свирепые метели и трещали жестокие морозы. Им хотелось скорей обратно, в привольные монгольские степи, где остались их милостивые боги.

А воины все падали вокруг страшных урусутских витязей.

Уже давно длилась битва. Но Ратибор и Евпатий не чуяли усталости. С прежней сокрушающей силой взлетала страшная палица, с прежней верностью косил острый меч. Так же громко звучал призыв Ратибора. По-прежнему уверенно отвечал Евпатий.

Русские воины, забывая усталость, сомкнув ряды, продолжали сражаться... Они наступали на татар, подбадривая друг друга громкими криками:

— Вперед, черниговцы!.. Держись, рязань!.. За волю русскую!..

Бату-хан напряженно, не отрываясь, следил за битвой. Он завыл, увидев, как третья сотня полегла от ударов грозных урусутов:

— Я теряю моих лучших воинов!..

Теснившиеся около джихангира темники попятились.

— Вай-дот!— кричали они.— Что с ними делать? Это не люди, а крепкие камни!

Бату-хан ударил себя по щекам и завизжал:

— Субудай! Субудай!

И бросил подскакавшему старому полководцу какое-то распоряжение.

Забегали нукеры. Послышался тяжелый топот коней, странный скрип и шум. Прозвучали новые татарские выкрики, треск и грохот. Резкие удары в медные щиты отозвали с холма татарских воинов, схватившихся с урусутами.

Евпатий, видя отступление татар, высоко поднял меч:

— Вперед!.. За...

Но страшный удар в грудь прервал его могучий голос. Он упал, обливаясь кровью.

С ужасной силой, сбивая все встречное, летели в теснившихся на холме русских воинов огромные камни. Это татары подтащили на полозьях китайские камнеметные машины.

Взвыл Ратибор волчьим голосом. Отшвырнул палицу, бросился к любимому другу. В отчаянии теребил его.

— Жив ли ты, Евпатий?.. Откликнись, друже!

Осторожно припал к нему ухом. Кончено! Больше не придется им вместе биться за родную Русь.

Он поднял голову, оглянулся. Со всех сторон с диким грохотом падали страшные камни, сокрушая русских храбрецов.

Ратибор поклонился мертвому другу, поднялся во весь громадный рост и пошел, безоружный, большой и грозный, с бурно дышащей грудью и горящими глазами, навстречу неминуемой смерти.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Последние на бугре

...Где честная могила Евпатия,
Знают ясные зори с курганами,
Знала старая песня про витязя,
Да и ту унесло ветром-вихорем!..

(Лев Мей, «Песня про Евпатия»).

Битва подходила к концу.

Между соснами на бугре еще стояла маленькая кучка людей. Это были последние оставшиеся в живых воины отряда Коловрата. Камни редко падали на бугор, где

люди стояли, выпрямившись, тесно прижавшись друг к другу, спокойно ожидая смерти. Они выпустили последние стрелы. Сделать больше ничего нельзя.

Нет... Можно!

Неожиданно высокий звонкий, словно детский, голос затянул песню... Родную, протяжную и грустную песню:

Еще что же вы, братцы, призадумались,
Призадумались, ребятушки, закручинились?
Что повесили свои буйные головушки...

Песню дружно подхватили другие голоса, и она полилась, смелая и вольная. Песня, казалось, говорила, что русские люди, умирая, прощаются с любимой Родиной. Песня, казалось, говорила, что татары русских не сломили!

Взглянув в сторону оставшихся урусутов, Бату-хан приказал остановить машины. Грохот прекратился. И тогда до монгольских военачальников донеслись звуки плавного, протяжного пения. Джихангир удивленно прислушался.

— Взять их!— приказал он.— Привести сюда живыми!

«Непобедимые» бросились исполнять священную волю джихангира. Они окружили оставшихся урусутов. Набросились одновременно со всех сторон, захлестывая арканами, сломили уже бесполезное упорство, скрутили урусутам руки за спину. Только помня строгий приказ джихангира, монголы не разделались с ними.

Бату-хан окинул приведенных пленных внимательным взглядом. Многие урусуты были ранены, залиты кровью, ушиблены камнями. Были среди них белобородые старики, были двое юных — совсем мальчики. Урусуты стояли спокойно и мрачно. Они не склоняли головы, как виноватые, не было у них волнения или страха. Готовые к смерти, они смотрели в глаза грозному хану.

— Развязать пленным руки!— приказал джихангир.— Субудай-багатур, надень на шею каждому урусуту деревянную пайцзу.

— Внимание и повиновение!— сурово отвечал старый полководец.— Баурши, принеси мой мешок с пайцзами!

— Скажи им, коназ Галиб,— обратился джихангир

к стоящему сзади старому толмачу,— Бату-хан прощает храбрых урусутов и дарит им жизнь и свободу. Они настоящие багатуры!

Князь Глеб поморщился, но поспешил исполнить приказание. Бату-хан пристально следил за ним.

Показывая на пленных урусутов, Бату-хан крикнул громко, чтобы воины слышали его:

— Вот как надо любить и защищать свой родной улус!

К Бату-хану подошел летописец Хаджи Рахим и до земли склонился перед молодым джихангиром:

— Ты великий, ты справедливый! Твоими устами говорил сейчас Священный Правитель, твой мудрый дед. Он учил так поступать...

Баурши направился к урусутам, которые еще не понимали происходившего. Но Бату-хан остановил его. Князь Глеб перевел вопрос джихангира:

— Кто запел песню?

Урусуты переглянулись. В одном порыве три пожилых бородатых воина сделали шаг вперед. Но в тот же миг, оттолкнув их, выбежал молодой воин.

— Неправда, это я запел!— воскликнул он странно тонким, звенящим голосом. Задорно закинув голову, вызывающе смотрел он на джихангира.

Бату-хан сдержал улыбку. Его прищуренные, слегка раскосые глаза смотрели на вспыхнувшее юное, почти детское лицо, в смелые, взволнованно блестящие, темные глаза мальчика. Джихангир повернулся к толмачу, но тощий высокий темник Бурундай перебил его. Приблизившись к молодому воину, он крикнул:

— Перед Ослепительным целуют землю, урусут! Благодари на коленях за милость!—И неожиданно грубо толкнул мальчика. Тот упал, его меховая шапка свалилась, и с головы молодого воина сползли две русые косы.

К Бурундаю подскочил другой урусутский мальчик и вцепился в него.

— Не тронь!— крикнул он.

Бурундай схватился за меч, но властное движение джихангира его остановило. Бурундай отступил с искаженным от злобы лицом.

— Девочка?— удивленно протянул Бату-хан, наблюдая с любопытством, как молодой воин запрятывал косы под шапку.— Как зовут эту девочку?

— Она кня...— быстро заговорил ее маленький защитник, но девушка прервала его:

— Молчи, Поспелка, не к тебе вопрос!— Оборачиваясь к Бату-хану, она спокойно отвечала:— Мое имя — Прокуда. Я бедная сиротка...

— Откуда ты?

— Из стольного города Владимира.

Бату-хан небрежно кивнул головой:

— Мои воины его сожгли. Ульдемира больше нет!

— Знаю. Я видела, как вы жгли города. Я тогда и убежала с Поспелкой.

Бату-хан улыбнулся.

— Берикелля!— сказал он вполголоса.

Прибежавшие нукеры доложили, что найдены тела урусутов — молодого воина-силача и старого шамана, павших под ударами тяжелых камней. Бату-хан пожелал их увидеть. Нукеры подвезли на деревенских розвальнях тела Евпатия и Ратибора. Джихангир внимательно осмотрел мертвецов, осторожно тронул пальцем полузакрытые глаза Евпатия.

— Нет, это были не мангусы и не шаманы, а храбрые воины, большие багатуры. Если бы они были живы, я хотел бы иметь их против моего сердца... Мои воины должны учиться у них!

И, обращаясь к теснившимся вокруг монголам, Бату-хан сказал:

— Воздадим им воинский почет!

Тогда непобедимый полководец Субудай-багатур, приближенные знатные темники и нукеры, с суровыми и строгими лицами, вынули блестящие мечи, подняли их над головой и трижды прокричали:

— Кху! Кху! Кху!..

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

ВЬЮГА ЗАКРУЖИЛА

...Татары под предводительством хана Батыя опустошили и завоевали Восточную Русь. Русские везде защищались героически; не сдался ни один город, ни один князь.

(Н. Костомаров, «Русская история»).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ростовский князь Василько

Великий князь и государь Георгий Всеволодович, покинув свой стольный город Владимир, направился на север.

Лихая тройка, не переводя духа, скакала от погоста к погосту, где подавали свежих коней. Великий князь строго говорил сбегавшимся селянам:

— Берите мечи и топоры! Ополчайтесь в дружины, собирайтесь вокруг князей, готовьтесь к смертному бою с врагом хитрым, жестоким! Кто нам поможет отогнать его в Дикое поле? Никто! Мы сами должны спасти родные земли. С нами бог! Он — защита! Я сам поведу вас.

Кони снова неслись вперед по узкой дороге. Князь ехал в открытых санях, закутанный в медвежью шубу. В следующем возке находились два его племянника, в

третьем — старый слуга с запасом еды. Верховые дружинники охраняли княжеский поезд. Проводник, знавший хорошо дороги, скакал впереди: зимой было легко сбиться с пути в унылых снежных равнинах, где погосты походили один на другой.

Князь торопил возничих. Стараясь нигде не задерживаться, он мчался дальше. В морозном тихом воздухе, укачиваемый скользящими санями, под равномерный конский топот и покрикивание конюха, князь погружался в дремоту, а в ушах еще звучали последние слова княгини Агафьи, обнимавшей его полными, горячими руками: «Зачем меня, свою лапушку-лебедушку, бросаешь? Если смерть, то рядом с тобой!»

«Конечно,— думал он, вспоминая, как сурово и твердо отстранил цеплявшиеся руки жены,— можно было отправить княгинюшку подальше, на Бело-Озеро, куда и ворон-то с трудом долетает. Но что сказали бы владимирцы: «И сам уехал, и жену услал!»

Очнувшись от дум, князь хмурился и вздрагивал, когда впереди из-за поворота вдруг показывались черные кусты. Ему мерещились татарские всадники, которые, изогнувшись, припали к гриве коня, готовые метнуть стрелу из огромного лука... Но возница лихо посвистывал, гикал; шарахнувшиеся в сторону кони снова подхватывали, и черные кусты оставались позади.

На другой день к вечеру князь уже пересек снежную равнину озера Неро. Впереди вырисовывались стены ростовского кремля.

Князь Георгий Всеволодович решил остановиться на ночь в Ростове, чтобы повидать своего племянника князя Василько Константиновича. Василько очень ценили и любили и родичи, и остальные князья. В народе о нем говорили: «Он ко всем любовен и милостив и гордости ненавидит». К тому же он был храбр и доблестен. Еще юношей, пятнадцать лет назад, он ходил с ростовским отрядом в Киев и на реку Калку сражаться с татарами.

Возки осторожно проехали по узким улицам Ростова и остановились у княжьего двора. Сбежались слуги и дружинники, помогли князю выйти из саней и под руки повели его по ступенькам крыльца.

— Где же мой любезный племянник, князь Василько Константинович?

— В кузнице.

— Какая ему там забота?

— Мечи кует!

— Проведите-ка меня к нему.

Князь Георгий Всеволодович скинул медвежью шубу и, оставшись в лисьем полушубке, пошел за дружинником по темным переулкам города.

— Кузница у нас на отлете, за крепостной стеной.

Ряд черных кузниц вытянулся по берегу озера. Изнутри доносился грохот молотов. Из труб вырывались клубы багрового дыма, освещенного жаром печей. Снопы огненных искр, крутясь, улетали в темное облачное небо.

В кузницах кипела работа. Кузнецы, склонившись к наковальням, передвигали большими щипцами раскаленные добела железные полосы и постукивали молоточками, указывая молотобойцу место, куда ударять. Дородные молотобойцы, ухая, били с размаху тяжелыми молотами.

— Сейчас, сейчас, дорогой гость!— крикнул один из молотобойцев, так же вымазанный сажей, как и остальные.— Вот свариваю два куска железа! И не достать его! Отодрал в городе все засовы, пороги, ободья... Все потребно на секиры и мечи! Нет кузнецов... бью сам...

— Что же ты, князь Василько, бьешь кувалдой, как простой молотобоец?

Вмешался ближайший кузнец:

— Наш князь горазд все делать не хуже заправского мастера!

— Сейчас руки обмою и пойдем ко мне. Княгинюшка угостит нас пирогами. Эй, Тыря-конопатый! Ходи сюда живей! Смени-ка меня.

Молотобоец опустил молот и передал его высокому молодому парню с лицом, изрытым оспой. Сполоснув руки в деревянном ведре, князь Василько вытер их о прожженный передник, сбросил его и подошел к Георгию Всеволодовичу. При свете пылающего горна можно было рассмотреть этого богатыря, высокого с красивым, ясным и в то же время грозным лицом. Что-то соколиное было в его сдвинутых черных бровях, в пристальном, пытливом взгляде.

Князья обнялись и трижды поцеловались.

— Времена-то какие настали! Каждый день слышишь: такой-то город пал, такие-то удальцы погибли, таких-то

жен опозорили!.. Теперь всем надо встать дружно одной волей, одним сердцем...

— И одной головой!— ответил князь Георгий и, выпрямившись, гордый и самоуверенный, пошел из кузницы вслед за племянником.

Ночью оба князя долго сидели за столом при мерцающем огоньке светильника с конопляным маслом. Они отведали налима, запеченного в пироге, и блинов со снетками и копченого медвежьего окорока. Запивали старым медом и судили и рядили, что предпринять.

Георгий Всеволодович объяснил свой план войны:

— Татары, как реки в половодье, разливаются по всей Русской земле и все более распадаются на мелкие отряды. Мы же должны собраться в одну великую силу, создать единую грозную рать. Но собираться надо тихо и скрытно, в глухих лесах, чтобы татары не догадались и не узнали, что где-то скопляются наши силы. А затем ударить на один отряд татар и уничтожить его, потом на другой и на третий, не давая им собраться. Надо держать их расколотыми и бить по частям.

— Время золотое уходит. Где же ты думаешь собирать войско?

— Где-нибудь в Галиче, Весьегонске, на Белом Озере.

— Больно далеко!

— Тогда вот где можно скопить силу: на реке Мологе! Там стоят леса непроходимые, один Шервинский лес чего стоит! Выгодно место это еще вот почему. Татары, жадные до богатства, разумеется, пойдут на Новгород. Где же найти им ценные заморские товары, как не на складах новгородских купцов? Когда татары сцепятся с новгородцами, тут наша рать перережет татарам дорогу и ударит им в затылок. Здесь мы их и прикончим.

— Я бы по-иному сделал,— отвечал Василько.— Евпатий Коловрат имел небольшую рать, всего около полуторы тысячи воинов, а как он колотил татар!

— Но он погиб!..

— Погиб, зато здорово их потрепал. Так и надо воевать с ними, гоняться по пятам, нападать на спящий лагерь, прятаться в лесу, выжидая удобного случая... Я думаю, надо собирать повсюду вольные ватаги ратников

и помогать им, чтобы татары никогда не знали, откуда им грозит беда.

—Нет, неверно это! Это значит дробить силы. Нужно с верой в благой промысел божий собрать грозную рать и с хоругвями и попами впереди броситься в последний бой. Тогда бог нас не оставит и поразит своим гневом поганых насильников. Я верю, мне нужно свершить столь славный подвиг! Моей помощи ждет вся Русская земля. Я спасу ее!.. И я прошу тебя, князь Василько Константинович, помоги мне! Твоему слову верят, твоего совета слушаются. Разошли гонцов ко всем князьям, боярам и воеводам, чтобы шли они со своими дружинами и ополченцами на реку Мологу... Там я устрою воинский стан, оттуда я сам поведу славные рати на погибель татар.

— Я все сделаю, чтобы помочь Родине, и сам приду с ростовскими удальцами.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Боевой стан

Из Ростова помчались гонцы. Они везли письма великого князя Георгия Всеволодовича и князя Василько Константиновича князьям, воеводам и волостелям и в Новгород, и в Псков, и в Полоцк, и в волжские города: Судиславль, Ярославль, Кострому и дальше — в Галич и на Белое Озеро. Они призывали ратников в боевой стан близ Красного Холма, где русские люди будут собираться в единую большую рать.

Со всех сторон к Красному Холму потянулись воины. Некоторые были на конях, в кольчугах, с мечами и копьями. Другие — их было большинство — шли пешие, в зипунах и полушубках, с одними рогатинами и топорами.

В красном Холме князя Георгия не оказалось.

— Где же боевой стан? — толковали собравшиеся воины.

— Место это держат скрытно! А не то татары раньше времени о нем проведают...

Греясь у костра, ратники говорили:

— Хорошо, что наконец великий князь Владимирский отбросил свое долгое раздумье!

— Он теперь самый сильный из князей, пора ему встать во главе русского войска. Давно надо было так поступить, при первом слухе о татарах!.. Он сам тогда оплошал, не поддержал рязанцев...

— Теперь время упущено, сколько русских людей напрасно полегло!..

— Всем миром надобно подняться на лютого врага, только тогда одолеем его...

— Эх, из-за княжеской розни, ссоры да которы гибнет Русская земля!..

Великий князь Георгий Всеволодович, пробыв недолго в Ростове, поскакал в Углич, спустился по Волге до Мышкина и оттуда, лесными дорогами, проехал на реку Сить, недалеко от ее впадения в Мологу. Там, в деревне Боженки, князь остановился у попа, отца Вахрамея.

Поп был древний, как и его деревянная покосившаяся церковка, любил поговорить про старину. Попадья Олимпиада, рыхлая, словно опара, ласковая и радушная, бесшумно бегала по горнице, несмотря на преклонные годы, стараясь угодить гостю и солеными груздями и пирогами, половина которых была начинена кашей с грибками, а другая — рыбой с луком.

Отец Вахрамей объяснил, что к погосту Боженки с запада ведет только одна дорога из Бежецка, а с востока можно проехать лишь зимой, по рекам Мологе и Сити. Кругом леса, летом здесь непроходимые, топкие болота с трясинными окнами, которые даже в стужу не замерзают, а дымятся.

— Значит, татары сюда не доберутся!— заявил князь Георгий.

— Все утопнут!— подтвердил отец Вахрамей.

— Эти места мне любы. Я построю здесь мой боевой стан.

— С богом!— поддержал отец Вахрамей.— Начинай, государь, а я отслужу молебен и каждодневно буду просить господа вседержителя о даровании твоей рати победы и одоления над врагом.

На призыв первыми отозвались ближайшие к стану князья Сицкие. Они стали присылать дружинников и обозы с сеном, мукой и соленой рыбой. Пришли сицкие мужики, в зипунах и заячьих полушубках, обшитых цветными ленточками, в волчьих треухах, с длинными

до плеч волосами. Опираясь на рогатины, они тесной толпой остановились перед крыльцом, на которое вышел князь. Выступивший вперед старшой спросил шепелявой скороговоркой[1]:

— Зацем кликал? Цаво сицкарей поднял? Сказывай нам, лесовикам, цаво рубить?

Князь Георгий сейчас же показал свою хозяйственную сноровку. Одним поручил ставить вдоль берега Сити срубы и крепко наказал, чтобы в каждом срубе была сбита из глины и камней печь. Другим поручил рыть длинные окопы, глубокие, в рост человека.

— Это мы мозэм!— отвечали сицкие мужики.— Мы в болотце копать и елоцки рубать — ко всему привыцные.

Мужики немедля ушли гуськом в лес, застучали там топорами. Стали валить сосны и ели, а на высоком берегу глубоко врывшейся в землю Сити начали вырастать новенькие срубы с плоскими крышами, прикрытые пластами коры. Через несколько дней над ними закурились дымки.

Добровольные ратники прибывали отовсюду и в одиночку, и десятками. Всем им князь Георгий указывал работу: одни копали низкие землянки, другие свозили лесины, пни, сухостой и складывали из них длинные засеки.

Вскоре прибыл князь Василько Константинович Ростовский с отрядом в триста всадников и в тысячу пеших ратников. За ним следовал обоз саней, нагруженных мясными тушами, мешками с мукой и сеном.

Князь объехал шумный лагерь, нахмурив брови, покосился на белые срубы, остановил коня перед засеками, покачал головой и направился к церкви. Рядом с поповским домом над новым срубом развевался великокняжеский черный стяг. На нем был вышит золотыми нитями образ «Спаса-Нерукотворного».

На крыльцо вышел в долгополом выцветшем подряснике старый священник с седой бородой клинышком и с заплетенной седой косичкой.

---

[1] Особая цокающая манера говорить сохранилась у части населения, живущего на реке Сити, до настоящего времени; соседи дали им прозвище «сицкари».

— Исполать тебе, князь Василько Константинович! Окажи честь, заходи погреться.

— Здравствуй, отец Вахрамей! Давно тебя не видал, с последней охоты на сохатых. И ты и твоя церквушка все стареете?

— Плечи гнутся, а старая голова все еще держится и, может, еще пригодится.

Князь сошел со своего статного буланого коня. Дружинник подбежал и взял коня за повод. Василько поднялся на крыльцо старого дома и поцеловал благословившую его морщинистую руку отца Вахрамея.

— Что же, вы как будто город строите?

— Да, похоже на то,— отвечал священник.

— И долго будет стоять этот город? Год, два или больше?

— Что могу сказать я, скромный иерей! Это великий князь Георгий Всеволодович решает. Он приказал строить, свозить бревна — вот и растет боевая крепость.

— Народу, вижу, собралось много. Как же все кормятся?

— Обо всем наш государь думает. Прибывшие ратники принесли с собой караваи. Окромя того, по приказу великого князя, отовсюду везут муку и соленую рыбу. А здешние сицкие бабы квасят, месят и пекут хлебы.

— А сено у вас есть? Со мной конные дружинники.

— Для твоего коня сено у меня найдется. Я накосил его летом для своей коровенки. А твоим дружинникам князь выдаст. Я видел, мужики везут и сено... Да что же мы мерзнем на крыльце? Заходи, княже, милости прошу, в мою убогую храмину.

Князь Василько повернулся к дружинникам, растянувшимся вдоль берега, подозвал начальника передней сотни:

— Осмотри лагерь и подыщи место, где поставить коней. Я переговорю с князем Георгием Всеволодовичем насчет кормов.

— У нас сена дня на три припасено. Да и овса хватит лишь дней на десять.

— Как бы не пришлось коней наших резать на щи! Народу привалило сколько!.. А вот и великий князь!

Георгий Всеволодович шел с развальцем, в шубе нараспашку, веселый, с красным, распаренным лицом:

— Здорово я в мыльне попарился! Люблю погреться... Успел здесь шесть новых мылен поставить... Без них люди обовшивеют. Голова трещит, обо всем надо домыслить!.. Здравствуй, племянник, на многая лета! Обнимемся и пойдем в мою новую избу!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Бату-хан в монастыре

Подъезжая к Угличу, Бату-хан придержал коня. Он показал плетью на странного вида бревенчатые здания, будто сдвинутые и прилепленные в беспорядке одно к другому, с крестами на крышах.

— Что это?

Субудай-багатур, ехавший рядом будто в полудреме, очнулся и крикнул:

— Толмач! Позовите толмача!

— Толмач!— закричали нукеры.

Подъехал старый переводчик из половцев.

— Это Воскресенский мужской монастырь. В нем живет несколько сот монахов. Это такие шаманы, которым запрещено смотреть на женщин. Они все время молятся...

— О чем они молятся?

— Чтобы на земле были мир и тишина...

— Мне этого не нужно!

— Чтобы не было голода, землетрясения, пожара...

— Этого мне тоже не нужно! А могут они узнать у своих богов, чем кончится моя война с коназом Гюргом?

— Могут!

— Я буду ночевать сегодня в этом доме бога,— сказал Бату-хан и покосился на Субудая. Тот сильно засопел.

— Толмач!— приказал Субудай-багатур.— Возьми сотню нукеров. Поезжай прямо в дом урусутского бога. Скажи главному шаману, что сейчас прибудет великий джихангир Бату-хан.

— Будет исполнено, Непобедимый!

Толмач во главе сотни нукеров поскакал в монастырь, а Субудай-багатур потребовал сотника. Арапша подъехал на разукрашеном гнедом коне. На темной шерсти выделялся серебряный ошейник. На сбруе появились

серебряные и золоченые бляхи и цепи, снятые с коня какого-то убитого урусутского воеводы.

— Окружи монастырь!— распорядился Субудай багатур.— Поставь стражу у каждых ворот. Осмотри все дома и подвалы: нет ли спрятавшихся воинов или хитрой засады. Скажи урусутам, что к ним прилетело счастье: у них будет ночевать сам владыка вселенной! Поставь дозорных внутри домов, у лестниц и главных переходов. Десять самых голодных нукеров поставь на кухне, чтобы они там откормились и присматривали, не будут ли шаманы готовить что-нибудь плохое или запретное. Если что окажется не так, если заметят злой умысел, пусть колотят поваров по затылкам. И смотри, чтобы ни один монгольский воин из других отрядов не смел войти в этот дом, пока там будет отдыхать джихангир Бату-хан.

— Внимание и повиновение!— отвечал Арапша и помчался исполнять приказание.

В главной церкви монастыря шла торжественная обедня. У правой стены на возвышении, крытом ковром, стояли два кресла с высокими спинками. В одном сидел Бату-хан, подобрав под себя ноги и положив на колени кривой меч. В другом сидела Юлдуз-хатун в высокой черной шапке, обвитой золотыми кружевами и жемчужными нитями. Около Бату-хана расположились на полу шесть его главнейших ханов. Тут же находился Субудай-багатур. Пристально и недоверчиво присматривался он прищуренным глазом ко всему, что происходило в церкви.

Богослужение было торжественное. Служил сам епископ, приехавший, спасаясь от татар, в монастырь. Старый, высохший, согнувшийся, в парчовом облачении, с блистающей золотой митрой на голове, епископ стоял на возвышении посреди храма. Впереди него, справа и слева застыли двенадцать священников, по шесть с каждой стороны, все в праздничных цветных и парчовых ризах. Два мальчика, тоже в парчовых одеждах, с длинными свечами в руках стояли по обе стороны епископа. Перед иконами горели свечи и лампады. Огоньки, мерцая, отражались на парче и на золоченом иконостасе.

Бату-хан был доволен новым зрелищем. Он иногда кивал головой, улыбался, пробовал подпевать хору. Цветные искорки вспыхивали на его стальном шлеме с золотой стрелкой, охраняющей лицо, на серебристой

кольчуге и на ожерелье на шее из больших изумрудов и алмазов. Каждый раз, когда к Бату-хану подходил высокий дородный дьякон и, широко размахивая кадилом, окутывал его ароматным дымом, Бату-хан милостиво наклонял голову, громко вдыхая сладкий дым ладана.

Юлдуз сидела неподвижно в глубоком кресле. В шелковой, расшитой серебром китайской одежде, увешанная драгоценностями, с алмазными перстнями на руках, с набеленным, неживым, точно кукольным лицом, она казалась маленьким идолом. Только расширенные глаза лихорадочно блестели.

Верная И Ла-хэ стояла около кресла, косилась на Юлдуз и, наклоняясь к ней, шептала:

— Будь спокойной! Не показывай тревоги. Господин заметит!

— Вот он! Там, у окна... так близко! Я должна говорить с ним,— отвечала шепотом Юлдуз.

Возле бокового выхода, опираясь на копье, стоял нукер. Он был в стальном шлеме, в стальной кольчуге, в булгарских красных сапогах. Юное безусое лицо казалось равнодушным. Иногда он посматривал в сторону Бату-хана, но больше глядел в небольшое слюдяное окошко, в которое слабо проникал сизый свет сумрачного морозного дня. Это был Мусук, поставленный дозорным у входа. Вдруг он заметил пристальный взгляд жены Бату-хана — взгляд, устремленный прямо на него. Он отвернулся, но через некоторое время снова встретился с прямым упорным взглядом маленькой женщины.

«Что во мне особенного?— подумал Мусук.— Чего ханша уставилась на меня?»

Он еще раз поймал ее взгляд. Заметил, что служанка склонялась к ней, будто успокаивая. Вдруг яркая мысль обожгла его: «Эти темные глаза, это лицо с узким подбородком... Как оно похоже! Но что может быть общего между бедной степной девушкой и разукрашенной драгоценными ожерельями женой завоевателя вселенной! Нет! Это сон, это невозможно!»— И он снова стал смотреть в окно.

Неожиданный ревущий возглас заставил Мусука очнуться. Большой, могучий дьякон, в парчовом облачении, во весь свой богатырский голос провозглашал:

— Великодержавному, достопреславнейшему хану...

Благообразный, степенный отец эконом отделился от

группы монахов, неслышными шагами подошел к дьякону и прошептал ему в красное мясистое ухо:

— Подымай выше!

Эконом подсказывал, а дьякон ревел:

— Государю нашему...

— Подымай еще выше!— настаивал отец эконом. Дьякон повторял с налившимся кровью, натуженным лицом:

— Государю нашему и владыке народов ближних и дальних царю Батыге Джучиевичу жить и здравствовать!..

После обедни избранные спустились в длинную, узкую трапезную, где был подан самый лучший обед, какой только могли придумать монахи-повара совместно с отцом экономом. Была и уха из стерлядей, и цельный огромный осетр, и пироги с запеченными налимами, расстегаи с мелко нарубленными груздями, и кутья из вареной пшеницы с медом, и моченые яблоки, и зернистая черная икра. Служки приносили кушанья на больших резных деревянных блюдах. Монахи достали из погребов глиняные кувшины с зеленым хлебным вином и крепким старым медом. Пили еще пенную брагу и настойки из вишен и других ягод.

В конце стола сидел Бату-хан. Рядом, по левую сторону, архимандрит, далее Субудай-багатур. Справа, блистая драгоценностями и яркими одеждами,— Юлдуз-хатун, за ней шесть приближенных ханов. Ниже сидели самые старые и почтенные монахи в клобуках и длинных черных рясах.

Старый епископ, благословив трапезу, сослался на болезнь и удалился отдохнуть в свою келью.

Бату-хан ел очень мало, с большой опаской, но попробовал всего. Субудай-багатур пожевал только гречневой каши с луком и постным маслом. Он зачерпнул кашу из блюда собственной медной чашкой, достав ее из-за пазухи. Из этой же чашки, предварительно вылизав ее языком, Субудай пробовал все напитки. То, что ему не нравилось, он выплескивал на пол.

В середине обеда к Бату-хану подошла китаянка И Ла-хэ:

— Юлдуз-хатун не может больше выносить запаха соленой рыбы и слушать грубые голоса урусутских шаманов. Она сейчас упадет от слабости. Ее надо увести отсюда!

Бату-хан посмотрел на Юлдуз. Она сидела неподвижно, опустив глаза, точно спала. Он приказал проводить ее в покои, где маленькая ханша сможет отдохнуть.

Величественный отец эконом встал и, поглаживая окладистую бороду, сам повел ханшу и китаянку в лучшую келью.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

У двери кельи

Арапша позвал Мусука. Они пошли через крытые переходы, поднимались лесенками, спускались в темные закоулки. Наконец Арапша оставил Мусука в длинном узком проходе. С одной стороны светились небольшие тусклые окошки, затянутые рыбьими пузырями, с другой — был ряд закрытых дверей. Арапша указал на дверь:

— Здесь отдыхает жена джихангира, отхан-хатун[1]. Не впускай никого. Придется сторожить всю ночь. Я приду сменить тебя. Не сходи с этого места.

Мусук стоял долго. Иногда мимо него проходили старые монахи в черных клобуках и длинных черных одеждах. Они прикрывали ладонями зажженные восковые свечи и что-то шептали.

Послышались голоса. Шел Субудай-багатур, за ним вели под руки Бату-хана. Он пошатывался, водил рукой по воздуху, будто ловил что-то, и говорил заплетающимся языком:

— Священный Правитель разрешил напиваться три раза в месяц, но лучше один раз... Я говорю... и монгольские шаманы, и арабские муллы, и урусуткие попы... весьма полезные и преданные мне люди! Они учат народ повиноваться власти, уговаривают не бунтовать и вовремя платить налоги. Всем шаманам я дам пайцзы на право свободных поездок по моим землям для сбора денег. Я прикажу, чтобы шаманы, муллы и попы не платили никаких налогов....

Архимандрит и четыре монаха с большими горящими свечами провожали Бату-хана до двери его кельи. Бату-хан вошел шатаясь.

---

[1] Отхан-хатун — младшая госпожа.

Архимандрид низко поклонился Субудаю и удалился вместе с монахами.

Субудай-багатур сказал:

— Сейчас в этом доме бога все, сверху донизу, пьяны. Я боюсь, чтобы наши нукеры не обидели монахов и не началась резня. Ты, нукер, стой, гляди и слушай внимательно. Не сходи с места. Я сам обойду монастырь и проверю стражу.

Мусук стоял, полный тревоги...

«Юлдуз?.. Или не Юлдуз?.. Нет! Это, конечно, ошибка! Таких сказок в жизни не бывает. А финики! А голос в пустыне, назвавший его имя? А маленькая рука, бросившая шелковый узелок с пряниками и золотыми монетами?..»

В прорванный пузырь окна виднелся большой монастырский сад с обнаженными черными деревьями. Голубоватый снег лежал сугробами. Протоптанная дорожка пересекала сад. По ней медленно ходил нукер в долгополой шубе, вооруженный копьем... Ветер залетал в окно и осыпал Мусука снежной пылью...

Послышался шорох. Мусук оглянулся. Перед ним стояла, вся закутанная в легкую материю, маленькая стройная женщина. Голова повязана пестрым шарфом. Расширенные глаза смотрят тревожно, чего-то ждут, спрашивают.

Женщина сделала шаг вперед:

— Мусук?

Мусук повернулся. Зазвенела сталь его кольчуги.

— Одна мысль меня жжет,— прозвучал знакомый голос.— Ты тоже взял деньги, полученные за меня?

Мусук жадно вглядывался в блестящие глаза.

— Я виноват только в том, что не был дома, когда братья увезли мою маленькую Юлдуз. Если бы я видел это, я бился бы с ними, как со злейшими врагами. Узнав, что они сделали, я проклял свою юрту и отрекся от отца и братьев.

— Теперь я снова могу жить!

Она хотела сказать еще что-то, но остановилась. Мусук заговорил резко:

— Теперь Юлдуз — жена моего повелителя. Он дал мне коня, меч и кольчугу. Он щедр, заботлив, справедлив к своим нукерам. Он храбр и быстр в решениях. Он делает великие дела. Он пройдет через всю вселенную, и не найдется ни одного полководца, который сумеет победить его... И я любил его...

— А теперь?— спросила задыхающимся голосом Юлдуз.

— Теперь я должен его ненавидеть.

Юлдуз с кошачьей гибкостью обвила его руками. Она почувствовала леденящий холод кольчуги. Лицо Мусука побелело. Он оставался таким же неподвижным и холодным, как его кольчуга.

— Разве ты больше не мой, Мусук?

Юлдуз коснулась маленькой рукой щеки Мусука. Он почувствовал аромат неведомых цветов. Он трепетал, полузакрыв глаза, не зная, как поступить.

— Скажи, Юлдуз, он тебя очень любит!

— Меня?.. Я сама не знаю, за что он меня любит! Бату-хан сказал мне однажды, что я дала ему три горячие лепешки, когда он скрывался нищим от врагов. За эти три лепешки он обещал подарить мне три царства — северное, восточное и западное... Теперь я скажу ему, что ты мой брат, и он осыплет тебя подарками, как в сказке. Он завернет тебя в парчу, даст алмазный перстень и табун лошадей!

— Ты скажешь, что я твой брат? Братья продали ту, которая была мне дороже аллаха и всей вселенной! У меня остался конь, он мне лучше брата. Я уйду от Бату-хана...

Юлдуз отшатнулась, но снова бросилась вперед и ласкала руками суровое лицо Мусука.

Дверь скрипнула, послышалось насмешливое «дзе-дзе!» Оба оглянулись. В дверях стоял Бату-хан.

Из соседней кельи в приоткрытую дверь смотрели приближенные хана.

ГЛАВА ПЯТАЯ

„Торопись!“

В узкой келье отца ключаря на лежанке, крытой овчиной, сидел, подобрав под себя ноги, широкий, грузный Субудай-багатур. Старый полководец немигающим

раскрытым глазом всматривался в древнюю икону, написанную на покоробившейся доске. На ней был изображен святой Власий, покровитель домашнего скота и прочих животных.

— Вот этот бог нашему монгольскому улусу приятен!— громко рассуждал сам с собой Субудай и старательно рассматривал суровое темно-коричневое лицо Власия, его седую бороду с вьющимися на концах колечками.— Это наш, настоящий монгольский бог! Он любит и бережет скотину, охраняет коров и баранов и стережет лошадей. А нашим коням нужен защитник, иначе они погибнут здесь, в стране урусутов, где дороги загораживают болота, ели да сосны высокие, как горы. А харакун от злобы и неразумия сжигает скирды с хлебом и стога сена... Скажи, Саклаб— ты сам урусут,— для чего они все это делают? Не лучше ли покориться монгольскому владыке Бату-хану?

Тощий раб, сидевший на скамье возле двери, равнодушно-сонным голосом отвечал:

— Я уже сорок лет здесь не был. Ничего теперь не знаю, что думают наши суздальские мужики. Все с тобой шатаюсь по белу свету, а с людьми не говорю. Кроме котла и поварешки, ничего не вижу.

Субудай продолжал поучать своего раба:

— Ты все забыл, Саклаб! Так нельзя. Надо все помнить и все объяснять своему господину.— Субудай выпрямился и заговорил резким повелительным голосом:— Сходи, посмотри, стоят ли нукеры на местах, не дремлют ли. И сейчас же вернись ко мне!

— Так и знал! Даже ночью покою нет! — ворчал, уходя, Саклаб.

Субудай зажмурил глаз. Голова его свесилась, рот раскрылся. Он заснул и увидел во сне... степь, беспредельную, голубую, и колеблемые ветром высокие желтые цветы. Багровое солнце, заходившее за лиловые холмы, уже закрывало свои дверцы. Стадо сайгаков неслось по степи, прыгая через солнце. «Торопись доскакать до уртона[1], пока солнце не спряталось!»— шепчет чей-то голос. Он протягивает руку, чтобы удержать солнце. Рука вытягивается через всю степь, в руке копье. Острие прокалывает насквозь солнце... Это уже не солн-

[1] Уртон — стоянка, поселок в степи на большой дороге.

це, а залитая кровью голова рязанского воеводы Кофы, которого нукеры схватили израненным, а он все бился, пока силач Тогрул ударом меча не срубил старому воеводе голову... Голова раскрыла глаза, насмешливо подмигнула и прошептала: «Торопись! А то завязнет в снегу твое нечестивое войско...»

Грубо стукнула дверь. Огонек лампадки закачался, тени запрыгали на потолке. В келью вошел, задевая за ножки скамьи, засыпанный снегом огромный монгольский нукер. Меховой колпак с отворотами закрывал уши и лицо. Виднелся лишь нос с черными отмороженными пятнами и двигавшиеся с трудом губы:

— Внимание и повиновение!

— Я слушаю тебя,— сказал равнодушно полководец.

— Черный урусутский шаман повторял два слова: «Байза[1], Субудай». Он толкался и лез сюда. Сотник Арапша приказал провести его к тебе.

— Где черный шаман?

— Здесь, за мной!— Монгол отодвинулся. За ним стоял, тоже весь в снежной пыли, черный монах с длинным посохом и котомкой за спиной. Черный клобук спускался на густые брови.

Субудай, прищурив глаз, смотрел на монаха. Тот снял клобук. Полуседые кудри и длинная черная борода показались очень знакомыми. Монах заговорил по-татарски:

— Байза! Субудай-багатур! Важные вести.

— Уходи,— обратился полководец к нукеру.— Постой за дверью. Я позову тебя.

Монгол, топая огромными гутулами, вышел. Дверь закрылась. Оглянувшись, монах скинул верхнюю просторную одежду, подошел к Субудаю и сел рядом на лежанку:

— Я переоделся монахом. Благословлял черный народ. Все целовали мне руки.

— Дальше, коназ Галиб!

— Я спрашивал всех, где находится великий князь Георгий Всеволодович. Кругом я слышал тот же вопрос: «Где князь Георгий, где собирается войско?..» Все, кто может, точат рогатины и топоры. Все идут толпой на север. Я тоже торопился. Где мог — садился на

---

[1] Байза — ванимание.

сани, где не было попутчиков — шел пешком, только чтобы тебе угодить.

— Дальше, коназ Галиб, дальше!

— Простаки подвозили меня на санях, говорили: «Молись за нас, принеси нам победу!»

— Довольно об этом! Где коназ Гюрга?

— Я проехал тропою через древние непроходимые леса...

— Куда?

— По реке Мологе.

— Молога? Где Молога?

— К северу... За важные вести ты обещал мне мешок золота.

— Я еще не слышу важной вести. Ты все едешь, едешь, а все без толку.

Князь Глеб остановился и недоверчиво посмотрел на каменное лицо полководца. Крючковатые пальцы его протянулись вперед, ожидая обещанного золота.

— Великий грех беру я на душу! Иду против родного народа. На том свете бесы будут на вилах палить меня огнем.

— Хорошо сделают! Ты этого заслуживаешь.

— Я жду золота.

— Я дам его. Дам много. Говори, что знаешь.

— Молога впадает в Волгу, а в Мологу впадает речка Сить. На этой речке есть погост Боженки. В нем старая церковь. Около церкви в поповском доме живет князь Георгий Всеволодович. Там же собирается войско.

Субудай отшатнулся. Его глаз закатился кверху, точно рассматривая старый бревенчатый потолок, затянутый паутиной. Левой рукой он полез за пазуху, достал истертый кожаный кошель, затянутый пестрым шнурком с желтым янтарным шариком на конце.

— Здесь триста золотых. Половину ты получишь сейчас, другую — когда мы приедем на эту речку Сить. Ты покажешь дорогу. Если ты обманул, на реке Сити ты будешь надет на вилы и сожжен над костром. Мои монгольские нукеры сожгут тебя живьем с большой радостью.

Князь Глеб, заикаясь, прошептал:

— Но это очень мало!

— Не хочешь — не бери!

Субудай ловко, одной рукой, помогая зубами, развязал кошель, высыпал, не считая, половину монет на колени, схватил горсть золота и протянул князю. Тот подставил обе ладони.

— Я беру это золото только на пользу своего дела,— сказал он.— А после похода ты, Субудай-багатур, поможешь ли мне стать великим князем земель рязанских, суздальских и прочих? Ведь только для этого я помогаю вам раздавить моего врага, князя Георгия Владимирского!

— Завтра будет завтра, и тогда будем решать, что делать.

Сильный стук в дверь прервал разговор. Кто-то тревожно колотил руками и кричал:

— Байза, байза! Субудай-багатур! Байза!

Монах торопливо спрятал деньги. Субудай-багатур встал и отодвинул деревянный засов. В келью вбежала китаянка И Ла-хэ, закутанная в черную шелковую шаль. Она бросилась на колени и, задыхаясь, ухватилась за одежду полководца. Тот оттолкнул ее, выпустил монаха из кельи и спокойно закрыл дверь.

— Несчастье! Ужасное несчастье!— лепетала китаянка, захлебываясь от слез.— В этом проклятом доме урусутского бога шаманы напоили джихангира ядом. Он стал безумным и бешеным. Он бегает с мечом в руках, рубит все, что видит, рубит урусутских богов, бросает скамейки в стены.

— Это меня не касается!— ответил хладнокровно Субудай.— Я только военный советник. А дома джихангир поступает, как ему нравится.

И Ла-хэ продолжала рыдать, не выпуская из рук одежды Субудая. Он с любопытством смотрел на ее тонкое, бледное лицо, маленький рот и два зуба, выступавшие вперед, как у зайца.

— Почему ты плачешь? Тебе жалко урусутских богов?

— Что он сделал, что он сделал! В безумии джихангир приказал связать руки и ноги маленькой Юлдуз-хатун...

— Это его право. Муж делает со своей женой, что захочет.

— Мою нежную госпожу привязали к нукеру, который сторожил ее дверь... Их выбросили в сад, в снег, где

бегают собаки-людоеды. Сейчас придет шаман Беки и его помощники и задушат ханшу Юлдуз и молодого нукера.

— Это не мое дело. Я участвую в войне, а в юртах жен джихангира распоряжаются его шаманы и китайские евнухи.

— Джихангир никого не слушается, кроме тебя, Непобедимый. Спаси Юлдуз-хатун! Клянусь, она ни в чем не виновата: нукер — ее родной брат!

— Напрасно ты ко мне пришла, китаянка! Поищи Хаджи Рахима, который пишет книгу походов Бату-хана. Он его учитель, его почитает джихангир. Он даст лекарство, от которого Бату-хан выздоровеет и простит свою маленькую жену.

— Куда я побегу ночью, когда всюду стоит стража! Где я найду сейчас Хаджи Рахима! Шаманы сегодня задушат мою маленькую госпожу, а завтра никакие врачи уже ее не спасут!..

Китаянка упала на пол и билась головой в отчаянных рыданиях.

Субудай осторожно обошел ее, открыл дверь и позвал стоявшего на страже нукера:

— Беги к юртджи! Скажи, чтобы немедленно шли ко мне! Все!

— Внимание и повиновение! — ответил нукер и побежал, гремя оружием.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В монастырском саду

В голубом свете ущербной луны туманными тенями стояли монастырские деревья с клоками снега на ветвях.

Под старой яблоней, широко раскинувшей искривленные сучья, подпертые кольями, облокотился на копье монгольский нукер. Стоя по колено в снегу, он смотрел удивленным, недоумевающим взглядом на снежный сугроб. Там лежали два тела: воин в кольчуге и молодая женщина в золотистой шелковой одежде, связанные за локти, спина к спине. Голова воина была обнажена, и длинные черные кудри, обычные у молодых кипчаков, разметались по плечам.

Воин что-то говорил, женщина изредка со стоном отвечала. Нукер не понимал их шепота. Он вмешивался, стучал копьем.

— Я скажу, что ты мой брат, и ты будешь освобожден. Джихангир даст тебе золота, коней и оденет тебя в шелка...

— Я не хочу быть только братом. Я счастлив умереть рядом с тобой. Я скажу Бату-хану, что ты моя хурхэ[1].

— Ты этого не скажешь. Мы должны вырваться из этой беды и спастись... Ты поклянешься аллахом, что я твоя сестра.

Монгол поднял копье:

— Байза! Замолчите! Джихангир запретил вам говорить.

Стороживший нукер хорошо знал связанного воина: это был смелый, ловкий, юноша из передовой сотни, ездивший на отличном коне, любимец сотника Арапши.

Что помутило его разум? Как он посмел поднять глаза на молодую жену джихангира? Теперь ему придет скорый конец.

Между старыми деревьями пробиралась стая больших монастырских собак. Передние подошли совсем близко и ждали, посматривая на лежащих, как на свою скорую добычу. Одна из собак подошла слишком смело. Нукер метнул копье и пробил ей спину. Собака с визгом бросилась в сторону, волоча копье. За ней умчались остальные. Монгол пошел через глубокий снег, подобрал копье и вернулся на свое место.

Стукнула дверь на крыльце. Заскрипела калитка. Несколько человек шли по тропинке. Собаки снова подняли лай и бросились навстречу.

Показались Субудай-багатур, Арапша, Хаджи Рахим и три нукера. Хаджи Рахим нес зажженный резной фонарь из промасленного шелка. Он первый, большими шагами, поспешил к Юлдуз, склонился к ней и осветил тусклым светом фонаря ее страдальческое лицо.

— Когда-то ты меня кормила... Ты приносила молоко и горячие лепешки и протянула дни бедной жизни дервиша! Что же ты теперь, маленькая Юлдуз-хатун, потонула в урусутских снегах? Ты можешь

---

[1] Хурхэ — милая.

стать добычей этих голодных псов! Скорее, скорее очнись!

Хаджи Рахим поставил фонарь на снег и с трудом развязал обмерзшие веревки. Он помог приподняться полубесчувственной, застывшей Юлдуз. Арапша завернул ее в соболью шубу. Развязанный Мусук вскочил и подошел, шатаясь, к Субудай-багатуру, стоявшему неподвижно, расставив ноги, будто все, что происходило, его не касалось.

— Чей ты сын? Скажи ясно!— спросил Хаджи Рахим.

— Вольного ветра!— ответил Мусук.

— Кто эта женщина?— продолжал Хаджи Рахим.— Знаешь ли ты ее?

Мусук молчал. Из шубы послышался слабый голос:

— Это мой брат, Мусук. Мы оба дети Назара-Кяризека из Сыгнака.

— Все это верно!— сказал Хаджи Рахим.— Я узнаю обоих.

— Довольно! — вмешался Субудай-багатур. — Что говорит Хаджи Рахим, то всегда верно! В этом доме черных шаманов все потеряли разум... Воин Мусук! Ты докажешь мне, какой ты «сын ветра». Ты поедешь вперед, на самую трудную разведку... Нукеры! Отнесите Юлдуз-хатун в ее покои.

Из-за двери кельи, где помещался джихангир, слышались странные крики и дикий, всхлипывающий вой.

У стены жались нукеры.

— Что там случилось?— спросил Субудай-багатур.

— Джихангир свирепствует! Он порубил мечом урусутских богов и зарезал двух друзей-блюдолизов. Теперь он плачет.

— Как плачет?

— Разве ты не слышишь?

Субудай подошел к двери. Оттуда раздавался вой то шакала, то гиены.

— Не входи! Он зарубит тебя...

Арапша внес Юлдуз в соседнюю келью и опустил на лежанку. Китаянка И Ла-хэ стала ловко растирать ее.

Субудай ждал возле двери. Снова послышался крик:

— Какая казнь! О-о!.. Какое вероломство!.. О-о! Зло-

деи опять встали на моем пути... О-о! Они увидят, что я внук Чингиз-хана!.. Да, они это увидят!..

Субудай-багатур, склонившись так, что его широкая спина стала совсем круглой, решительно отворил дверь и вошел в келью.

Из-под стола торчали ноги зарубленных. На полу растекалась лужа крови.

Бату-хан сидел на столе, скрестив ноги. Он держал на коленях кривой меч. Лицо его распухло, глаза, красные и воспаленные, яростно уставились на Субудая. Тот выпрямился и посмотрел ему прямо в лицо. С большой лаской Субудай спросил:

— О чем плачешь, джихангир?

Бату-хан поднял меч над головой, точно раздумывая, кого бы ударить. Вдруг, повернувшись, стал бить по иконе святого Власия. Меч зазвенел, от иконы отлетали щепки.

— За что ты наказываешь урусутского бога?— продолжал Субудай необычным для него мягким отеческим голосом.

— Мне сказали, что этот бог с длинной бородой спасает несчастных и оберегает всякую скотину, а для меня он ничего не делает!.. Висит на стене и дерзко глядит на меня. Прочь, урусутские боги!

— Но что случилось? Никто ведь не погиб?

Бату-хан прищурился на Субудая пьяным, мутным взглядом:

— Не погиб, говоришь? О-о! Ты тоже хочешь быть среди моих друзей! Мне не нужны друзья, мне нужны только верные слуги!.. Я не прощу коварства. Вон торчат ноги двух бывших друзей! Я затолкал их в угол. Они осмелились распоряжаться моим именем! Попробовали бы они сделать это при Чингиз-хане! О-о! В этом доме черные злые онгоны выползают из щелей и делают людей бузумными... О-о!

Субудай оставался спокойным. Бату-хан соскочил на пол и потащил Субудая за рукав:

— Идем! Я покажу тебе, что они наделали! Иди за мной!.. Хаджи Рахим, ты тоже иди с нами! Где твой фонарь? Зажги его.

Бату-хан быстро пошел вперед, все последовали за ним. Он спустился в сад.

— Там нет никого!— сказал Субудай.

— Ты обманываешь меня?

Бату-хан направился к развесистой яблоне, остановился, посмотрел кругом, свистнул, сказал: «Дзе-дзе!»— и поспешил дальше. Монголы вышли через калитку в тихий монастырский двор, где протянулись сараи и конюшни.

— Хаджи Рахим, свети здесь!

На снегу, вытянув ноги, лежал вороной конь. Он приподнял голову и выпуклыми умными глазами посмотрел на Бату-хана. Голова его снова упала, и ноги, белые до колен, забили по снегу.

— Кто-то заколдовал коня: злые мангусы, или черные шаманы урусутов, или добрые друзья! Они заколдовали, они не хотели, чтобы я на нем догнал и зарубил коназа Гюрга... О-о! Скажи, вороной, кто погубил тебя!

Конь с человеческим стоном изогнул шею и стал лизать кровавую рану в боку.

— Хаджи Рахим! Ты умеешь разговаривать со звездами! Выслушай коня, узнай, кто убил моего скакуна?

Хаджи Рахим осветил фонарем место, которое лизал конь. Хаджи Рахим положил руку на больной бок, ощупал и надавил.

— Здесь опухоль. Выходит кровь и гной. Вот отчего конь умирает...— И факих вытащил из раны тонкое железное острие.

Бату-хан склонился к тусклому фонарю.

— Это женская шпилька для волос!— сказал позади чей-то уверенный голос.

— Нет, это не женская шпилька!— ответил Субудай-багатур, рассматривая острие.— Женщины убивают шпилькой своего господина, когда он спит, но никогда не убьют его коня. Это сделали добрые друзья. Я говорил тебе, не заводи поддакивающих блюдолизов, а держи около себя только верных слуг... Это обломок кинжала!

Конь вытянулся, забил ногами. Бату-хан присел перед ним на корточках:

— Не придется тебе, вороной, въезжать в захваченный пылающий город... Ты верно служил мне, но коротка была твоя жизнь. О-о!

Бату-хан завыл, вскочил и бегом направился назад через сад и крыльцо. Все поспешили за ним. Около двери своей кельи Бату-хан остановился и обвел мутным

вглядом, точно кого-то разыскивая. Он вошел, взял глиняный кувшин с вином и покосился на Субудая:

— А кто там, рядом?

— Пойди и посмотри!

Бату-хан с кувшином в руках прошел в соседнюю келью. На лежанке, освещенная поставцом с горящей лучиной, лежала Юлдуз-хатун. Она посмотрела на подходившего Бату-хана скорбными глазами и натянула себе на голову соболью шубу.

— Она здорова? — спросил Бату-хан.

— Юлдуз-хатун здорова и ни на кого не жалуется! — отвечала китаянка И Ла-хэ.

Бату-хан повернулся к Субудай-багатуру.

— Это ты сделал? Ты спас ее?

— Да, я!

— Ты один меня понимаешь... Ты мой верный слуга! Я не давал приказа ее казнить. Это сделали от моего имени мои друзья...— Он припал губами к кувшину и стал пить вино, которое стекало ему на грудь. Он покачнулся, опустился и растянулся на полу.

Субудай-багатур осторожно отобрал глиняный кувшин и тихо вышел.

— С рассветом мы выступаем,— сказал Субудай ожидавшим нукерам.— Предстоит далекий и очень быстрый переход. Будьте все наготове. Я приказал позвать юртджи! Где они?

— Они ждут тебя, Непобедимый!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Сон Бату-хана

Монголы ушли из Углича в багровом зареве пожара. Монастырь, подожженный со всех сторон, горел как костер. Монахи бегали, выкатывали бочонки с вином и елеем, выносили иконы. Согласно грозному приказу Бату-хана: «Не убивать и не обижать урусутских шаманов»,— монгольские воины не трогали монахов, но при удобном случае, когда сотники не замечали, сдирали с монахов подрясники, соблазненные добротностью просторной одежды.

Бату-хан после старых монастырских медов и настоек еще плохо соображал, что кругом происходит. Субудай-багатур приказал бережно завернуть его в пушистую долгополую шубу, поднесенную архимандритом. Джихангира уложили в наполненные сеном раскрашенные сани. Рядом посадили закутанную в шали Юлдуз. Китаянка И Ла-хэ ехала в другом возке, охраняя имущество седьмой звезды.

Монгольские отряды шли на север и запад широкой лавой, заходя во все встречные погосты. Воины забирались в каждую избу, вытряхивая из сундуков полотенца, сарафаны, рубахи и порты,— все годилось, все переходило в монгольские переметные сумы и в розвальни, следовавшие за отрядом. Монголы выгребали из закромов зерно, жарили его в своих котлах и ели горстями, сидя у костров.

Утром, на остановке, Бату-хан пришел в сознание. Он бодро встал, удивленно осматриваясь. Рядом с санями стояли выпряженные кони с подвязанными к мордам торбами. На снегу были просыпаны ячменные зерна и валялись клочки сена.

В санях, сжавшись, сидела маленькая женщина. Из-под меховой шапки пытливо смотрели карие глаза. Бату-хан отвернулся. Невдалеке начинался молодой еловый лес. На опушке дымились костры, толпились люди, проезжали всадники. Дальше виднелась окраина деревни. Горели ярким пламенем избы, доносились крики, яростный лай собак.

— Где мы?— спросил Бату-хан.

Неподвижный нукер в заиндевевшем меховом колпаке отвечал, с трудом шевеля губами:

— Мы в дневном переходе от того города, где сожгли дворец урусутских черных шаманов.

— А это что за деревня?

— Деревня упрямая. Урусуты не покоряются, бьются топорами. Уже уложили многих наших воинов. Мы гонялись за проклятыми, а они точно не видят, что им спасенья нет, грызутся, как затравленные волки.

— Где Субудай-багатур?

— Вон, недалеко у костра. Там и тысячники.

— Позови!

Нукер, приложив руку к губам, закричал:

— Внимание и повиновение! Джихангир проснулся!

Монгольские военачальники вскочили, неуклюже переваливаясь, побежали к саням и подтащили их к костру. Бату-хан стоял, недоверчиво косясь на всех. Он вышел из саней, засучил рукава и присел на корточки, грея над огнем потемневшие от грязи ладони.

Нойоны и темники стояли полукругом, почтительно ожидая, когда заговорит Ослепительный.

Бату-хан поднялся. Вздрогнув, все замерли на месте.

— Черные шаманы-попы усыпили меня волшебными напитками из колдовских ягод и трав. Но я не умер. Заоблачные боги сохранили меня для великого дела, которое прославит монгольское имя. Тень моя вылетела из моего тела через раскрытый рот и унесла меня в небесные голубые просторы, где царствует мой дед, Священный Правитель. Да, я увидел его, и он говорил со мной...

Все воскликнули «Бо!», всплеснув руками, и снова застыли.

— Да, я увидел его! Он стал еще выше, плечи его шире, белая борода еще длиннее, почти до колен. Он сказал: «Ты, мой внук, хорошо продолжаешь мое дело. Ты ушел от горы Бурхан-Халдун, где под высоким кедром в золотом гробу покоится мой прах. Я все вижу и знаю, что ты не уберег моего младшего сына, хана Кюлькана. Почему ты не уберег его?» И я ответил деду: «Я твоя жертва! Я виноват в этом, ты можешь казнить меня. Я внимаю и повинуюсь!» «Еще рано казнить тебя. Ты был далеко от хана Кюлькана, когда он погиб.— Так ответил Священный Правитель.— Сперва я должен казнить тех, что убил моего сына. Хан Кюлькан до сих пор не прилетел ко мне. Его тень скитается над холодными снежными полями урусутов. Бродит по лесам, воет по волчьи и пробирается ночью между спящими монголами, разыскивая своих убийц. Хан Кюлькан стонет и плачет: «Я хотел подвигов и славы, а умер молодым и безвестным! Никто не споет песни о молодом хане Кюлькане! Я не успокоюсь, пока монголы не сделают славного подвига, о котором будут со страхом и ужасом рассказывать наши враги и гордиться им наши внуки и правнуки...»

Бату-хан угрюмо замолчал. Мрачными суженными глазами взглянул он на стоявших тихо военачальников.

— Вы слышите, что говорил Священный Правитель?

— Слышим и понимаем!— ответили шепотом монголы.

— Я сказал великому вождю: «Внимание и повиновение! Я исправлю горькую ошибку. Тень хана Кюлькана получит на земле успокоение и прилетит на крылатом коне к тебе, наш повелитель, чтобы встать в ряды твоих небесных призрачных воинов!»

Шаркая широкими гутулами, подошел Субудай-багатур и остановился. Кивая головой, старый полководец всхлипывал:

— Верно!.. Верно говоришь! Так мы и сделаем!

— Кто был около хана Кюлькана в день его смерти?

— Темник Бурундай!— воскликнули все.

— А где темник Бурундай?

Высокий сутулый монгол с плоским желтым лицом без волос опустился на одно колено.

— Это я виноват! Я недосмотрел!

Бату-хан подошел к нему с яростным от гнева лицом.

— Ты заплатишь за это или умрешь! Я даю тебе задачу. Ты не вернешься назад, пока ее не выполнишь. Со всем своим туменом и с туменом кипчакского сброда, который пристал к тебе, ты отправишься туда!— Бату-хан показал широким жестом на безмолвные снежные равнины.— Там за дремучими лесами, на замерзшей реке...

— Сити!— подсказал Субудай-багатур.

— На реке Сити строится боевой стан урусутского коназа Гюрга. Ты набросишься на урусутов, не думая, можно или нельзя их победить. Твои воины будут их избивать, не отступая ни на шаг. Знай, что впереди твоего войска полетит тень хана Кюлькана. Ты должен этой победой дать ей успокоение. Тогда хан Кюлькан отправится к своему отцу, моему деду, с радостной вестью о новой монгольской победе. Если же ты будешь разбит и будешь метаться по земле, подобно летучей мыши, тогда тень хана Кюлькана станет прилетать к тебе по ночам, пить кровь из твоих глаз...

Бату-хан замолчал. Ноздри его раздувались. Он сильно дышал и поглядывал на Субудай-багатура. Тот, отвернувшись, смотрел в сторону и повторял:

— Верно, верно!

— За эту ночь приготовь своих воинов к набегу. Довольно им тормошить урусутских женщин. Помни, что я и Непобедимый пойдем с нашими туменами по вашим следам. Остерегайтесь, чтобы мы вас не обогнали. Тогда мы ударим первыми...

— Внимание и повиновение! — сказал Бурундай, упав на ладони. Поцеловав снег, он вскочил и, придерживая рукой висевший на боку кривой меч, побежал к своим воинам.

Бату-хан отошел и беседовал вполголоса с Субудай-багатуром. Непобедимый хрипел и доказывал:

— Хотя воин Мусук и брат прекрасной седьмой звезды, но лучше отправить его подальше,— так далеко, чтобы он вернулся назад через девяносто девять лет или вовсе не вернулся. Обычно брат новой царицы получает подношения от низших и подарки от высших. У него появляется много золота, он пьянствует с новыми друзьями и быстро становится негодным, как дырявый бурдюк. Дай ему опасное, но достойное поручение, чтобы он гордился им, а выполнить его было бы трудно... Пошли его с сотней нукеров на разведку прямо на Сить, к лагерю коназа Гюрга. Пошли так, чтобы темник Бурундай и не подозревал об этом. Тогда мы проследим и проверим темника Бурундая, как он выполнит твой приказ.

Бату-хан пристально смотрел на старого полководца, желая понять, какая тайная мысль скрывается за его словами. Он нахмурился и вздохнул:

— Ты мой верный слуга и учитель. Я так и сделаю. Вместе с Мусуком я пошлю сотника Тюляб-Бергена, у которого русский пленный мальчишка увел скакового коня. Этот удалец с отчаяния будет бешеным!

— Верно! — подтвердил Субудай.— Надо торопиться и напасть на войско урусутов, как коршун на ястреба, пока коназ Гюрга еще не ожидает нас!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Тропа Батыева

> ...В Заволжском Верховье Русь исстари уселась по лесам и болотам... Преданья о Батыевом разгроме там свежи. Укажут и «Тропу Батыеву»... Старая там Русь, исконная, кондовая...
>
> *(П. И. Мельников-Печерский, «В лесах».)*

После разгрома Владимира Суздальского татарское войско двинулось на северо-запад тремя потоками. Один отряд под начальством темника Бурундая шел на Суздаль, Юрьев, Переяславль, Скнятин и Кашин[1]. Отсюда татары направились на Бежецк и Красный Холм.

Отряд Бату-хана прибыл в Углич, оттуда рекой Корожечной поднялся вверх по течению до лесного поселка Кой. Третий отряд пошел на город Мышкин и далее, пробираясь лесными дорогами, направился к верховьям реки Мологи. Татары пытали на огне захваченных в пути крестьян, стараясь выведать от них, где находится бевой стан князя Георгия Владимирского.

Мелкие татарские отряды были разосланы Бату-ханом для разорения великого княжества Владимирского. Они жгли все встречные города и погосты.

В начале марта Бату-хан стоял в лесном поселке Кой, где нашел много сена, заготовленного к весеннему сплаву. Темник Бурундай расположился в Бежецке. Оба уже знали, что где-то невдалеке, среди дремучих лесов, собираются воинские силы великого князя Георгия.

На совещании тысячников Бату-хан сказал:

— Я должен в одной битве уничтожить главное урусутское войско, иначе мы сами бесславно погибнем в этих снегах, лесных трущобах и болотах. Вы будете драться, не жалея жизни. Уничтожив главное войско, я стану единственным повелителем всей урусутской земли, так как больше ни одного опасного противника не останется. В стране этих длиннобородых медведей воцарится слепая покорность мне и мертвая тишина... Так учил и так всегда

---

[1] Города Калязина тогда еще не было. Основан в XV веке.

поступал в своих войнах величайший из всех людей, мой дед, Священный Правитель. Завтра для монгольского имени будет день великой славы или день великого позора.

— Позора не будет!— воскликнули тысячники.

— Разбив коназа Гюрга, мы не будем отдыхать. Мы повернем коней на большую дорогу к самому богатому урусутскому городу Новгороду. Мы помчимся туда со всей быстротой, чтобы добраться раньше, чем начнут таять реки...

— А потом?— спросил один тысячник.

— Потом, отъевшись и отдохнув на женских пупах, мы пойдем в страну гордых купцов, которых мы поймали в Мушкафе. В той стране города еще более богатые, чем Новгород. Как зовутся эти города, скажи, Хаджи Рахим?

— Рига, Любек, Гамбург, Брюгге, Лигниц,— ответил тихий голос.

— Да, это так! Я засуну все эти города в мою походную рукавицу. Но сперва мы должны прикончить урусутского коназа Гюрга.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В лесных трущобах

...Лесом ехать — будет темно.
Лужками ехать — будет топко.

(Из старинной былины.)

Долго совещались сотник Тюляб-Берген и Мусук-тайджи[1], брат Отхан-Юлдуз, неожиданно возвеличенный джихангиром. Они решили завоевать себе славу и поразить дерзкой удалью самого Субудай-багатура. Решив попытать счастья, они выехали вперед, в неведомую урусутскую лесную чащу. Распоряжался опытный в походах и набегах Тюляб-Берген. Мусук-тайджи со всем соглашался, что предлагал его новый старший друг.

— Очень хорошо! Будь всегда моим учителем в военных делах!

Предстояло сделать разведку, проникнуть в глубину еще не покоренных урусутских округов и разыскать

---

[1] Тайджи — царевич, князь.

главный лагерь князя Георгия. Бату-хан в Кое ожидал известий от Тюляб-Бергена.

Леса кругом были густые, непролазные; дороги среди вековых елей были похожи одна на другую. Пойманные лесные охотники говорили малопонятно:

«Цаво хоцэс?» — и упрямо отвечали: «Насы сыцкари зивут на сторонке. Знац мы не знаем, слысать не слысали, видец не видели!»

В наказание за упрямство татары раздели пойманных охотников. Голые в одних лаптях сицкари побежали в лес, остановились вдали и стали прыгать и дразнить татар непристойными жестами. Два татарских всадника, разозлившись, погнались через замерзшее озерко, чтобы зарубить их, но провалились под лед, попав в трясинное «окно», и утонули вместе с конями. Голые сицкари, прыгая, как зайцы, скрылись в лесной чаще.

Тюляб-Берген и Мусук понимали, что в урусутских лесах кругом грозят опасности, что каждый шаг нужно делать с особой осторожностью. Они разделились. Тюляб-Берген с отрядом остановился на перекрестке, а Мусук с десятком всадников отправился на разведку.

Вьюга усиливалась. Метель непрерывно засыпала дорогу снегом. Впереди послышался лай собак. Мусук оставил коня спутникам, а сам стал осторожно пробираться вперед. Зачернела ограда, показались привязанные кони. Это была застава урусутов. Мусук тихо повернул обратно и помчался к Тюляб-Бергену.

Туляб-Берген немедленно послал гонцов к Бурундаю и, укрывшись со своими нукерами в чаще, стал выжидать. К вечеру прибыл ответ. Бурундай приказывал ждать и не пугать заставу.

Вскоре прибыли передовые сотни Бурундая. Они обошли заставу, ворвались за ограду, перехватили коней и рубили всех выбегавших из землянок, где беспечно задремали урусутские сторожа. В живых остались только два воина, взятые в плен. Они рвали на себе волосы и не отвечали на вопросы. Сказали только, что это сторожевая застава воеводы Дорожи. Который из убитых был воевода Дорожа, татары так и не узнали — все были одеты одинаково: в овчинные полушубки и лапти, и все полегли в неравном бою, где одному приходилось биться против двадцати.

Бурундай прискакал к заставе, когда уже не было ни

одного живого урусута. Он послал гонцов к Бату-хану в Кой, извещая, что, судя по сильно утоптанной дороге, невдалеке от вырезанной заставы должна быть стоянка коназа Гюрга; Бурундай будет ожидать до утра, а на рассвете двинется дальше.

Ночью Мусук с тремя всадниками снова отправился на разведку. Он вскоре приблизился к поляне, которую прорезало глубокое русло замерзшей реки. На другом берегу протянулось селение с древней деревянной церковью. Там разъезжали всадники, ходили люди, виднелось много новых белых построек.

Мусук решил, что это, несомненно, боевой стан коназа Гюрга. Он стал выжидать, укрывшись между елями. Сумерки затянули туманной дымкой поляну. Вьюга стихла. Серебряный ободок полумесяца повис над верхушкой ели. Мусук задался дерзкой мыслью проехать через селение. Там все затихло. Кое-где вдали лаяли собаки, несколько огоньков мерцало на другом берегу реки. Постепенно, один за другим, огоньки угасали.

Мусук ехал медленно, напряженно вглядываясь в темноту, стараясь узнать, как расположены укрепления и засеки, откуда лучше повести нападение.

Вдруг из темноты послышался голос, и высокий человек быстро двинулся навстречу. Мусук повернул коня и поскакал обратно к отряду, боясь, что за ним уже мчится погоня. Но все было тихо в лесу.

Бурундай придвинул свой отряд еще ближе к открытому Мусуком селению. Всю ночь всадники провели, сидя на снегу возле коней. Среди ночи поднялся ветер и повалил густой снег. Вьюга завыла, заскрипели верхушки качавшихся елей. Под утро был передан приказ: «Дать коням по нескольку горстей зерна. Проверить оружие. Мы будем здесь биться так долго, что новорожденный младенец станет стариком, но назад не повернем».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

„Помогайте, белые мурии!“

Снег валил трое суток, не переставая. Ветер усилился, гудел в вершинах вековых сосен, наносил вороха легкого снега и, точно передумав, снова сдувал нагроможденные сугробы, перебрасывал их, наметая в других

местах новые пушистые холмы. Сплошное белое покрывало затянуло низкие, прижавшиеся друг к другу шалаши и землянки боевого стана.

Все живое попряталось, спасаясь от разгулявшейся метелицы.

Но один человек стоял неподвижно на бугре, как обломанный молнией ствол старой березы. Прочно опираясь на длинную рогатину, зашитый в звериные шкуры, он громко, нараспев, говорил, обращаясь к пустому полю, где, точно белые тени, проносились подхваченные ветром вороха снега. Ему вторила метелица, а человек то громко завывал, то говорил шепотом:

— Иду я из ворот в Дикое поле, во просторные луга, в дальные места, ко дремучему лесу, ко ручью-студенцу, где стоит старый дуб мокрецкой, возле лежит горючий камень Алатырь... Под этим камнем живут седьмерицей семь старцев, не скованных, не связанных... Отвалю я этот камень Алатырь, призову я тех старцев, поклонюсь им низехонько: «Отпирайте вы, старцы, свои железные сундуки, выпускайте белых муриев!.. Пусть полетят по небу те белые мурии, пусть нагонят они бури и метелицы, пусть засыпят снегом злые полки татарские, заморозят их лютою стужею!.. Татарин, татарин, злодейской породы, урод из уродов! Зачем ты, татарин, пришел в наши земли? Не убежишь своей волей ты вслед за метелью за каменные горы, вырву я тебя с корнем, заброшу за синюю даль, где засохнешь ты, как порошинка, завянешь, как былинка!.. Вспомнишь ты свою ошибку, да будет поздно. Замыкаю свои словеса замками железными, бросаю ключи под бел камень Алатырь!.. А как у замков смычки крепки, так мои словеса метки... И ничем — ни воздухом, ни бурею, ни водою — мой заговор не отмыкается... Рать могуча, мое сердце ретиво... Слово мое крепко, крепче сна и силы богатырской. Чур, слову конец, моему делу венец. Заговор мой все превозмог!..

Точно покорясь колдовскому заговору, буря снова закрутила сильнее. Налетели порывы ветра, стараясь свалить говорившего.

В стороне послышался крик:

— Гей! Кто жив челове-аак! Погиба-аа-ем!

Колдовавший ответил:

— Ходи сюда-а! Здесь дорога-а!

Из сизой мглы вынырнула тень, за ней другая, третья,

— Здоров буди! Где мы?

— Там, где тебе нужно. На татар идешь?

— Вестимо, на татар! Нас тринадцать робят и семь девок...

— Целое войско! И мы здесь на татар рогатины навострили.

— Мы ищем ратный стан князя Георгия Всеволодовича.

— Счастливо мамка вас выходила! К нему вы и пришли и не завалились в лесных буераках. Идите за мной, след в след, нога в ногу! Не то леший вас закрутит, ведьма замучит! Будете всю ночь плутать промеж двух сосен.

— О-го-го! Где вы, рязанцы, лесовики, сторонники? Все сюда валите! Поживей, а то, гляди, стар-человек уйдет от нас...

Дружный крик сильных голосов ответил:

— Идем, отец, все идем!

— Кто твои люди?— спросил старик.

— А двенадцать моих сыновей да еще дочки... Девки сбежали из татарского плена, тоже хотят воевать.

— Честь им и слава!

Все пошли гуськом, след в след, опираясь на рогатины. Впереди старик, нагонявший на татар метель, за ним прибывшие рязанцы, завернутые в овчины, все здоровые, широкие, коротконогие, с медвежьими ухватками.

Перейдя замерзшую реку, рязанцы увидели много землянок, в которые, спасаясь от метелей, запрятались русские ратники. Землянки растянулись длинной цепью, едва выделяясь из сугробов снега. Только вьющиеся дымки, проникавшие сквозь волоковые оконца и отверстия в крыше, говорили, что под снегом живут, что там тепло, кипит похлебка и гуторят русские люди.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

На сицких болотах

Князю Васильку не спалось. Он поворачивался с боку на бок, поправлял шубу, которой был прикрыт. Он лежал на полу, на ворохе сена, с краю близ двери. Возле него вповалку спали его дружинники, храп раздавал-

ся со всех сторон. Из двери дуло. В щелях жалобно свистел ветер.

Князя неотступно мучила мысль: «Что делать в такой великой народной беде?»— и черные мысли, одна тяжелее другой, отгоняли сон.

«Что здесь готовит дюдяшка князь Георгий? Не себе ли устраивает новую вотчину? Не ждет ли он, пока татары сами уйдут? Тогда он — сильнейший князь Северной Руси — поставит здесь новый стольный город, такой же пышный, как его Владимир. Уже не раз он говорил, что следует соорудить здесь и клети, и закрома, и водяные мельницы, запрудив в трех местах реку: «Народу-де ратного прибывает больно много, и не разумнее ли самим молоть зерно...» А там, за лесами, пылают погосты, рыщут татары и рубят всех, кто только попадется в их жадные руки... Я долго медлить не буду. Если князь Георгий не начнет воевать, я уйду со своими ростовскими ополченцами в леса. Буду близ больших дорог ловить татар и добираться до их злого змея — хана Батыги...»

Князь поднялся, ощупью в темноте нашел холщовые онучи, повешенные на горячей печи, обернул ими ноги, сверху намотал шерстяные обвертки и подвязал кожаные лапти. Надел полушубок, туго затянул ремень с прямым мечом и толкнул дверь. В избе все продолжали спать.

Молодой месяц светил с правой стороны на спокойном беззвездном небе. Ветер хлестал лицо колючим снегом. Князь пошел вдоль лагеря. До рассвета недалеко. На белом снегу резко выделяются бревенчатые новые избы, землянки, засеки. Тихо в боевом лагере. Все спит. Враг далеко. Кто забредет в жестокие морозы и такую трущобу? Ни дозорного оклика, ни стука, ни скрипа шагов...

Князь присел на бревенчатой кладке. Тоска охватила его сердце.

«О Русская земля!— думал он.— Лежишь ты, прекрасная, привольная, раскинувшись на снежных полянах, в лесных чащах. Только лесные буераки да мужицкая сила — вся твоя защита! Эх, сбежались бы все мужики со всех погостов, повел бы их в бой старый Илья Муромец! Какой коварный враг устоял бы тогда? Отогнали бы всех врагов, как раньше отгоняли! Ворвался к

нам народ чужой, злобный и немилостивый! Пробрался он в самую глубину, в сердце русской земли, расколол ее на мелкие клочки и грызет, и гложет, и рвет, не давая передышки... Эх! Собраться бы с силой и сбросить с плеч насевшего врага!..»

Слышно, как брякнуло стремя. Впереди скользит тень. Всадник все ближе. Князь застыл на месте и вглядывается. Кому сейчас дело, кому забота бродить среди ночи по лагерю? Не князь ли Георгий? Конь высокий, стройный, половецкий. Всадник не русский! Как он попал сюда? А вдруг это татарин?.. Князь Василько сжимает рукоять меча и бросается вперед. Конь прыгает в сторону, всадник мчится прочь поляной, к лесной просеке, и скрывается в густых елях.

— Татарин!.. Лазутчик!..

Василько бросился за ним, но не догнать! С другой стороны показался новый всадник. Впереди него пегий пес-волкодав.

«Опять враг? Нет, уж его не упущу...»

Всадник все ближе. Конь поджарый, стройный, идет спокойной тропотой. Пес зарычал и остановился. Всадник натянул повод.

— Кто идет?

— Гонец из Владимира. К великому князю Георгию Всеволодовичу.

— Попал как раз куда надо. Давно ли из Владимира?

— Давно. Уже дней пятнадцать. Пришлось кружить. Татары грозят отовсюду. Раза три от них отбивался. Только добрый конь выручал.

— Что слыхать о Владимире?

— Я выехал — Владимир еще стоял. А в пути уже ходили дурные слухи...

— Ужели пал Владимир?

— Да, говорят, сожжен! Рассказывают, небо три дня было красным...

Князь Василько опустил голову. Но лишь на миг. Он тотчас же очнулся:

— Сейчас, перед тобой, здесь проехал всадник. Я окликнул его, и он ускакал..

— Наш не ускакал бы! Это татарин, соглядатай! Берегись! Татары близко! И охнуть не успеем, как навалятся...

— Пойдем скорее к князю!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Буря бушует над Ситью

Торопка, приехав в лагерь гонцом из Владимира, встретил здесь земляков. Они рассказывали, что отец его, Савелий Дикорос, был в боевом стане и уехал накануне с обозом за мукой, зерном и сеном. Остаться в лагере Торопке не пришлось. Князь Василько Ростовский поручил ему отправиться в сторожевой дозор, на перекресток дороги, ведущей от Сити к городу Мышкину.

— Твой конь — что ветер легкий,— сказал князь Василько.— Если покажется татарский разъезд, скачи сюда, чтобы мы вовремя ополчились.

В лощине под высоким яром, среди наваленного грудами хвороста, тихо потрескивал небольшой костер.

— Время-то какое! Татары всюду так и шныряют, вынюхивают. Увидят в лесу огонь — разом налетят... Не успеешь и молитву прочесть, как без головы останешься!

Потому сторожа огородились хворостом и лесинами, чтобы ночью татары не приметили огня.

За яром стеной наступал густой вековой бор. Он тянулся далеко на север, как говорили охотники, до самого Студеного моря[1]. Сквозь этот бор можно ходить только звериными тропами, зная приметы и заговоры. Эти тропы веками прокладывали зверье и лесные чудища, лешие и кикиморы. Если ступить вправо или влево от тропы, там столько бурелому и такой сырой мох, что сразу провалишься по плечи...

У костра лежали четыре молодца из тех, кому и дождь, и снег, и буря-завируха, и ведьмино заклятье — все нипочем! Завернутые в овчины и звериные шкуры, они подложили под себя еловые ветки, из ветвей же сделали косой навес и беспечно слушали песни зимней вьюги. Они жарили на углях тонкие ломти конины. На сучьях рядом была растянута рыжая шкура коня, которого ратники поторопились прирезать на обед, пока он сам с голодухи не протянул ноги. Рядом с ними лежал Торопка, а возле него калачом свернулся верный Пегаш.

Все четверо дозорных — молодцы-удальцы, узорочье рязанское — ускользнули из-под Рязани от татарских ар-

---

[1] Студеное море — Белое море.

канов и стали сами своей четверкой воевать «вольными охотниками» в лесах, вылавливая отставших татар. Услыхав, что князь Георгий Всеволодович собирает где-то на верхней Волге войско, они прибежали к нему на охотницких лыжах. По его приказу они были поставлены сторожевыми дозорными на этом яру, на глухой дороге.

Князь дал им доброго коня, чтобы, в случае тревоги, быстро сообщить в лагерь. Князь не выделил для коня корма — добывайте себе сами запас, как знаете! А кругом ни стога, ни болотных камышей! Поэтому сторожа решили положиться на свои верные ноги и легкие прочные лыжи, а коня съели.

Дозорные коротали время, рассказывая о подвигах богатырей, о чудесах муриев и колдунов. В этот дозор попал Торопка. Он слушал рассказы и косился на рыжую шкуру коня, боясь, как бы и его гнедой не испытал такой же участи.

— Как-то,— рассказывал один,— идут по лесу мужики и видят, плетется маленький горбатый старичок и тащит вязанку дров в десять раз его больше. «Зачем, стар-человек, в лесу дрова тащишь? Дров-то кругом сколько хочешь!» «Знать, так нужно, я родную землю спасаю. Я на татар с поленьями воевать иду». «Как же ты, чудной, воевать поленьями будешь?» И вдруг в этот миг налетели татары. Тут горбатый старичок рассердился, сбросил вязанку на землю и стал дровами кидать в татар. Бросит полено — воин встает, бросит другое — войско наступает. В трубы играют, в барабаны бьют, мечами машут. Набросились молодцы на татар и всех как косой скосили... Верные люди говорили: этот горбатый старичок уже пришел на Сить воевать с татарами.

— А еще пришел сюда мужик,— рассказывал другой дозорный.— Борода у него длинная, а усы — как у сома, он их за уши закручивает. Так он хвалился, что может бурю, и дождь, и ведро, ростепель заговорами призывать. Ему все мурии, и белые и черные, послушны. «Призову,— говорит,— муриев, они татар заморозят, снегом засыплют,— тут им и смерть придет. Русских же людей, хрестьянских, мурии не тронут, потому русские заклятие подходящее знают». А звать этого ведуна — Барыба...

Оставаться в дозоре Торопке не пришлось. Через просеку, что вела к реке Сити, увидел он вдали черный дым,

— Да ведь это Боженки горят!— всполошились мужики.— Не привалила ли татарва?..

Один ратник остался в дозоре, остальные поспешили к боевому стану.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Страшная весть

В избе попа Вахрамея, склонившись над старым потемневшим дубовым столом, опустив голову на ладони, сидел князь Георгий. Он вцепился пальцами в полуседые вьющиеся волосы и глухо стонал. Перед ним лежал пожелтевший лоскуток бумаги, вырванный в спешке из священной книги. Князь в который уже раз перечитывал неровные строки, написанные большими буквами знакомого почерка княгини Агафьи:

«Сокол ты мой ясный, княже Георгий! Куда улетел ты от своей лапушки-лебедушки? Злые татаровья в огромном множестве обложили город со всех сторон. Смерть грозит и мне, и нашим детям, всему люду. Одна надежда, что ты прилетишь и всех врагов раскидаешь... Молюсь Спасу пречистому, чтобы дал он мне радость еще раз увидеть твои милые очи! А как богу будет угодно, так и сбудется. Приезжай...»

Поп Вахрамей, прижимая к груди древний медный крест, старался утешить и ободрить князя. Тот его не слушал, вспоминая последний миг прощания на крыльце, бледные, дрожащие губы, быстро катившиеся по щекам слезы и полные, горячие руки, обнимавшие его...

Послышались крики:

— Где князь? Скорей подымайте его!..

Князь Георгий очнулся, прислушался.

— Скажите князю,— татары валом валят!..

Князь вскочил, опрокинув скамью, бросился из избы, оставив дверь открытой. Клубы холодного тумана ворвались в жарко натопленную горницу. Поп Вахрамей дрожащими руками натянул просторную шубу, туго подпоясался валявшейся веревкой для дров, взял в ру-

ки медный крест и сказал жене, растерянно стоявшей с поднятыми в ужасе руками:

— Да хранит тя господь, матушка Олимпиадушка. Мое место теперь там, с воинством. Видно, сейчас будет смертный бой...

Семеня дрожащими старческими ногами, отец Вахрамей скрылся в синих сумерках.

Князь Георгий прибежал в свой новый сруб.

— Аргун! Проворней! Кольчугу, красные сапоги! Да поскорее, Аргун! Седлай гнедого!..

Князь метался, срывая с деревянных гвоздей оружие. Старый слуга помог надеть поверх полушубка кольчугу, завязать ее ремешки. Дружинники вбегали, слушали приказы князя и спешили обратно. Со двора доносились крики.

Дружинник втолкнул в избу двух посиневших от холода голых мужиков. Те упирались, твердя:

— Цаво деласи! Соромно!..

— Идите, идите! Сами расскажете князю...

Стараясь перекричать шум и возгласы бегавших в суматохе ратников, дружинник обратился к сумрачному, озабоченному князю Георгию:

— Взгляни, великий князь! Вот удалые сицкари: татары их раздели, а они ускользнули, как ужи!

— Честь им и слава!— сказал князь Георгий.— Аргун, выдай обоим шубы и чоботы!

Дружинник продолжал:

— Сицкари следили за татарами. Видели, как отчаянно бился воевода Дорожа, пока не упал... Татары близко, сейчас тут будут...

Князь Георгий выбежал во двор. Дружинники туже подтягивали подпругу высокого гнедого коня. Князь поднялся в седло, правой рукой в пестрой рукавице натянул повод. Надел на левую руку ремень небольшого круглого щита. Золотой шлем глубже надвинул на брови.

— Эй, соколики, готовы ли?..

Дружинники сбегались со всех сторон, ведя в поводу коней.

Во всех концах боевого стана звонко пели рожки, выли трубы и трещали маленькие барабаны.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Битва

Не стреноживши добрых коней,
не пускайте в степь.
Не поставивши дозоры,
не ложитесь спать.

(Из старинной казацкой песни.)

Пишет Хаджи Рахим:

«О вечное небо! Ты все еще заставляешь меня быть очевидцем потрясающего ужаса, переживать бессильное негодование, бесполезное сострадание!

Я видел ужасную битву, в свирепый мороз, на льду замерзших бездонных болот. Я видел, как десятки тысяч полных зверской ярости татар напали на несколько тысяч урусутских крестьян, из которых ни один не подумал сдаться в плен, а все резались мечами и ножами и рубились топорами с той же отчаянной отвагой, с какой отбиваются и грызутся до последнего вздоха волки, окруженные охотниками. Я все это видел и не умер, а все еще живу!..»

Хаджи Рахим находился при двадцатитысячном отряде темника Бурундая. Он получил от него добронравного коня и возил с собой кожаный ящик с чистыми повязками, с серой в порошке, с жженым войлоком, с целебными настойками и другими средствами для перевязки и лечения раненых.

Небольшой, но сильный монгольский конь мчался или останавливался вместе со всем отрядом и не слушался повода Хаджи Рахима, который должен был изо всех сил держаться за седло и за гриву, чтобы не свалиться.

Бурундай приказал отряду быть готовым выступить по первому призыву боевых рожков. Всадники не отходили от своих коней и, привязав повод к поясу, лежали всю ночь в снегу, свернувшись, как кошки, у передних копыт своего коня. Под утро, когда прозвучали рожки, кони заиндевели и казались серебряными.

Предстоял опасный набег на боевой стан урусутов, готовых к схватке и защите. Каждый монгол знал, что его ждет удача или смерть в далекой, чужой земле.

Отряд двинулся ускоренной тропой, переходя, где можно, на скок. Тогда жутко было слышать, как стонет земля, как трещит лед, как несется кругом гул от скачки многих тысяч коней.

Хаджи Рахим предоставил себя воле своего крепкого коня.

Лес стал редеть. Впереди тянулась извилистая, замерзшая река. Из ряда в ряд передавали приказ темника Бурундая:

— Вынуть оружие!

Монголы, засучив до локтя правый рукав, со свистящим лязгом вытащили из ножен кривые мечи и положили их на правое плечо. Кони ускорили бег. Кончились последние деревья. Монголы вылетели на широкую снежную поляну с диким криком, переходившим в тонкий визг:

— Кху, кху, монголы! Урргах, урргах!

Полянка уходила далеко вперед, вдоль русла реки. Справа тянулся невысокий, но густой болотистый лес. Отдельно подымался холм с десятком засыпанных снегом сосен. Слева, по другую сторону реки, у самого берега рассыпалось урусутское селение со старой церковью. Там же, на берегу, выстроились новые, белые избы.

Оба берега были загорожены засеками из наваленных бревен, елок, пней с длинными корнями, чтобы коням было невозможно перебраться через них.

По-видимому, урусуты не ожидали нападения татар. Они выбегали из домов, одевались на ходу и спешили к избе, над которой развевалось черное знамя. Уже после появления на поляне монголов запели урусутские рожки, завыли трубы и затрещали барабаны.

Вскоре возле церкви показался на высоком гнедом коне красивый, сильный, с большой черной бородой всадник в серебряной кольчуге и золотом сверкающем шлеме. Это был коназ Гюрга, повелитель урусутов. За ним неотступно следовали три всадника. Средний держал черное знамя, расшитое золотом, с образом Спаса пречистого.

Монголы помнили твердый приказ джихангира не останавливаться ни на мгновение ни перед какими препятствиями. Один отряд бросился влево, спустился на лед реки, поднялся на другой берег и двинулся дальше на избы. Другой отряд помчался вправо, вдоль засеки,

обогнул их, тоже спустился вниз к реке и схватился на льду с урусутскими воинами.

Третий отряд, бывший в середине монгольского войска, отчаянный и безрассудный, направился стремительным потоком прямо на валы и засеки. Тысячи монгольских коней ударились грудью в засеки, ломая встречные укрепления. Кони падали, всадники вместе с ними валились на землю. Налетевшие новые всадники проносились через упавшие тела, топтали их, взбирались на укрепления, прыгали внутрь и, не замедляя натиска, устремлялись дальше, скатывались по крутому берегу в реку.

Лед не выдержал тяжести, и воины стали проваливаться в воду.

Урусуты сбегали с другого берега навстречу монголам. Главная схватка разгоралась на льду, среди промоин, куда сваливались и монголы и урусуты. Даже утопая в воде, они продолжали драться.

Урусутский коназ Гюрга со своей дружиной в несколько сот человек быстро спустился на реку и поднялся на правый берег. Урусуты отважно бросились навстречу монголам, прибывшим из лесу. Дружинники очень искусно владели длинными и тяжелыми мечами. Не раз от удара урусутского меча разлеталась в куски тонкая татарская сталь. Урусуты бились каждый сам по себе, а татары теснились рядами по десяти воинов, не отходя один от другого.

Хаджи Рахим, оказавшись в потоке скакавших коней, не смог сдержать своего Барсика, который продолжал мчаться прямо на засеку. В ужасе от предстоящей гибели Хаджи Рахим скатился с седла и упал в снег. Несколько всадников пронеслись, не задев его. Ему удалось подняться и отбежать.

Впереди возвышался небольшой холм. Хаджи Рахим поднялся на него, наблюдая за разгоравшейся битвой. Он соображал: «Если бы коназ Гюрга с дружинниками, держась тесно, плечо к плечу, пробивались сквозь татарские ряды, они могли бы проложить себе путь в лес и спастись безвестными дорогами. А здесь их гибель можно предсказать заранее». Урусутские дружинники бросались то вправо, то влево, отдаляясь друг от друга. Постепенно они рассеялись в татарской массе.

Черное знамя коназа Гюрга долго реяло над местом битвы, стремительно передвигалось вместе с бросавшимися в схватку урусутскими воинами, потом стало колебаться и наконец упало. Невдалеке был убит, пронзенный стрелами и копьями, урусутский коназ Гюрга.

Руководивший битвой темник Бурундай находился на высоком холме, заросшем соснами, куда поднялся Хаджи Рахим. Длинный, худой, с желтым неподвижным лицом, на саврасом спокойном коне[1], Бурундай, казалось, равнодушно наблюдал, как схватывались, резались, метались из стороны в сторону тысячи разъяренных всадников и пеших воинов.

Заметив, что черное знамя заколебалось и упало, Бурундай вдруг очнулся, дико завизжал: «Вперед, за мной!» — и бросился со своей охранной сотней вниз с холма. Его нукеры, беспощадно отбрасывая встречных, пробились к тому месту, где был коназ Гюрга, надеясь захватить его в плен живым. Здесь было столько раненых и трупов, что отыскать сразу коназа было нелегко. Наконец его нашли и узнали по серебряной кольчуге и красным сапогам. Черное знамя лежало поблизости, заваленное трупами и громко стонущими ранеными. Своих раненых татары вытаскивали из свалки, урусутских дорезывали.

Коназ Гюрга был уже мертв. Глубокий удар татарского меча сбил шлем, рассек лоб, а две стрелы впились в горло.

Бурундай остановил коня, сошел в залитый кровью снег и сам маленьким острым ножом, не торопясь, отрезал голову коназа Гюрга. Он продел тонкий сыромятный ремень сквозь уши и крепко привязал голову с полуседыми вьющимися волосами и длинной черной бородой к репице своего коня, вытер запачканные кровью пальцы и, садясь в седло, сказал:

— Теперь Бату-хан не может более меня укорять, что я и мои нукеры не стараемся возвеличить монгольское имя: голова урусутского коназа на хвосте моего коня!

---

[1] Чингиз-хан ездил на саврасом коне, поэтому его старые полководцы, подражая ему, избирали саврасых коней.

— Но не на хвосте коня Бату-хана,— заметил один из старых нукеров.— Остерегайся! Джихангир тебе этого не простит!..

Торопка прибежал к боевому стану, где так недавно люди мирно строили, ходили и работали. Он увидел здесь отчаянную борьбу. Татары — их было очень много — носились по полянам, по обеим сторонам реки, кричали, выли страшным звериным воем, рубили кривыми клинками. Русские отбивались рогатинами и топорами и нападали сами.

Торопка заметил князя Василька. Он шел крайним левым в первом ряду ростовских ратников. Они быстро приближались несокрушимым валом, равномерной побежкой, с топорами и мечами в руках.

На них помчались татары, пытаясь сбить их натиском коней. Но ростовцы, тесно прижимаясь друг к другу, прорубались в татарской массе, продвигаясь вперед, к лесу.

Силы были уже равны. Русские ратники оправились от первого натиска татар и сами теснили их. Татары метались во все стороны, отлетали, быстро заворачивали коней и снова налетали на русских. Среди ростовских ратников мужественно бился князь Василько. Торопка поспешил к нему.

Русские стали одолевать. Но из просеки показались новые отряды конных татар. Они вылетали из леса беспрерывным потоком с воем, криками и тонким, ужасающим визгом.

Это примчались тумены Субудай-багатура и самого Бату-хана. Налетевшие внезапно татары метнули черные арканы и захватили князя Василька. Он попытался перерезать веревки, но новый аркан обвил его шею и свалил с ног. Татары с торжествующими криками поволокли его по снегу[1].

Торопка кинулся к нему на помощь. Сильный удар налетевшего коня сбросил его на землю. Он поднялся, пробежал еще несколько шагов, прыгая через трупы.

---

[1] Летописи говорят, что князь Василько Ростовский был приведен татарами в их лагерь, где они его угощали, хвалили его мужество и уговаривали поступить в войско Батыя. Василько отказался от какой-либо еды вместе с врагами родины и заявил, что служить у Батыя он не будет. Тогда Батый приказал за дерзкие, неуважительные речи подвергнуть князя Василька мучительной казни. Василько мужественно, без стонов, перенес все страдания и смело встретил смерть.

Новый удар по голове окончательно сбил Торопку с ног. Он свалился между двумя трупами, татарина и русского, слышал несколько мгновений крики, но шум битвы быстро затихал,— и Торопка потерял сознание.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Роковой день

> 1238. Юрий II (великий князь Суздальский или Владимирский)... при реке Сити был разбит, пал на поле битвы вместе со знатнейшими людьми. Судьба России была решена на 2 с половиной столетия.
>
> *(К. Маркс. Хронологические выписки.)*

Бату-хан примчался к месту битвы впереди своего тумена. Напрасно его уговаривал Субудай-багатур:

— Вспомни своего мудрого деда. Он никогда не скакал, как пьяный нукер, впереди войска в поисках славы храбреца. Он всегда ехал позади своих железных, непобедимых туменов, искусно ими управлял и посылал подмогу туда, где надо было нанести решительный удар. Вспомни участь твоего молодого, неразумного дяди, беспечного хана Кюлькана. Он захотел отличиться удалью и без пользы для дела получил стрелу в горло...

Бату-хан отмалчивался или недовольно отвечал:

— Я не хочу, чтобы темник Бурундай вырвал у меня из-за пазухи новую великую победу.

Воины Бату-хана примчались к берегам Сити, когда победа татар колебалась. Урусуты бились отчаянно, татары метались в беспорядке. Темник Бурундай не мог собрать своих рассеявшихся всадников, чтобы одним ударом сломить сопротивление упрямых противников.

Два новых тумена решили исход великой битвы. Урусуты стали отступать, скатываться с крутых берегов реки, убегать в леса. У них не было сил противостоять свежим татарским отрядам. Не было вождя, который мог бы собрать воедино и направить бойцов в опасные места. Пало черное знамя, был убит коназ Гюрга и захвачен в плен смелый опытный коназ Василько. Урусутское войско уже представляло собой беспорядоч-

ную толпу, где каждый дрался, как мог. Храбрость воинов и беззаветная их жертва сказались уже бесполезными.

Бату-хан поднялся на холм и наблюдал оттуда, как проносились с криками и визгом татарские воины, как они затихали, когда набрасывались на урусутов. и как в полном безмолвии происходила бешеная рубка. Только вскрикивания и стоны тяжелораненых наполняли страшными звуками снежные равнины.

Темник Бурундай, сойдя с коня, медленно поднялся на холм. Приблизившись к Бату-хану, мрачный, всегда угрюмый Бурундай припал на одно колено и поцеловал копыто коня. Повернувшись, Бурундай взял из рук нукера, следовавшего за ним, небольшой стальной щит, с золотым узором, на котором лежала голова коназа Гюрга, и поднял щит над головой.

Бату-хан смотрел вдаль, как будто не замечая Бурундая.

— Почему горит дом урусутского бога? — недовольно воскликнул Бату-хан. — Я приказал щадить и оберегать урусутских шаманов, чтобы они молились за великого кагана монголов!

Бурундай молча продолжал стоять на одном колене, держа над головой щит. Бату-хан перевел взгляд на голову урусутского коназа Гюрга. Лицо, залитое темной кровью, с черной бородой и вьющимися волосами, казалось спящим, далеким от скорби и страданий.

Бату-хан резко наклонился и потрогал уши отрезанной головы.

— Уши продраны!.. Ты мне подносишь подарок, который ты уже таскал на хвосте своего коня? Ты хочешь посмеяться надо мной?.. Уходи!

Бату-хан ударил по щиту. Голова упала, покатилась по откосу холма и застряла в снегу. Бурундай с желтым злобным лицом, согнувшись вдвое, отошел в сторону мелкими почтительными шагами.

Свита Бату-хана с любопытством следила, что сделает дальше джихангир, как он проявит свой гнев. А Бату-хан, с непроницаемым лицом, продолжал спокойно наблюдать за боем. Урусуты всюду отступали, быстро сбегали с крутого берега на лед, поднимались на другой берег и удалялись в глубь лесов. Татары догоняли урусутов, схватывались с ними, рубились и мчались

дальше. На снежных полянах оставались тела убитых.

Джихангир пожелал увидеть тело убитого коназа Гюрга и стал спускаться с холма. Серый конь осторожно шел по снегу, подбирая ноги, перепрыгивая через лежащие тела. Бурундай ехал впереди, указывая путь.

Около тела урусутского коназа дрались два воина. Один стянул с ноги красный сапог и держал его подмышкой, стараясь стянуть другой сапог. Оба отчаянно дрались и так озлобились, что не заметили приближения главного начальника войска.

— Задержите их! — приказал Бату-хан. — А сапоги отнесите в мой обоз...

Нукеры соскочили с коней и набросились на драчунов. Бату-хан сказал:

— В монгольском войске не может быть ссоры, драки, воровства или убийства между воинами великого завоевателя вселенной. Если монгольские воины станут драться между собой, то как же они смогут побеждать? Надо твердо помнить законы мудрой Ясы Чингиз-хана. Виновные увидят равное наказание — смерть! Возьмите их и накажите тут же!

Нукеры со смехом поставили одного из дравшихся на голову. Ноги в старых, заплатанных желтых сапогах с длинными острыми каблуками мелькнули в воздухе. Пыхтя и отбиваясь, схваченный кричал, что он не виноват, а виноват Бури, кипчак, сын свиньи и шакала.

Два дюжих монгола прижали пятки наказанного к затылку. Раздался сухой треск. Пронзительный крик оборвался. То же повторилось с другим драчуном, который кричал, что он Бури-бай, сын петушиного сторожа Назара-Кяризека. Еще короткий пронзительный крик, треск — и казненные с раскрытыми, удивленными глазами остались лежать на снегу.

Битва кончилась. Монголы добивали последних урусутов, которые продолжали сопротивляться, хотя были окружены со всех сторон.

Бату-хан проехал вдоль урусутских укреплений, заваленных трупами воинов и коней, переправился на другую сторону реки, остановился около пожарища на месте сгоревшей церкви. Здесь он пожелал отдохнуть.

Нукеры разыскали в доме урусутского шамана мороженого барана и, проткнув его деревянным прутом, изжарили целиком над угольями.

Субудай-багатур сидел возле Бату-хана на войлочной попоне, указывал на небо, бормотал:

— Урусутские шаманы все-таки очень сильны и нам вредят. Пора нам выбираться из этих лесных трущоб.

— Сперва я возьму Новгород,— ответил Бату-хан.

К полудню ветер переменился, подул в другую сторону, разогнал серые тучи, и на весеннем бирюзовом небе показалось яркое солнце. Теплые золотистые лучи скользили по снежным полянам, всюду заструились ручейки воды, снег таял, делался рыхлым. Кони стали проваливаться по колено.

Несколько черных грачей опустились на засыпанные снегом трупы. Татары снимали малахаи, скребли бритые затылки и нюхали воздух.

— Теплый ветер повеял из монгольских степей. Смотри, черная птица прилетела, на хвосте весну принесла!

Зазвенели частые удары в медные гонги, извещая об отступлении, призывая к сбору. Татары, подчиненные железной дисциплине, ругаясь, что их лишают добычи, оставляли грабеж трупов, поворачивали коней и вскачь направлялись к дымящемуся пожарищу на месте бывшего селения, где около уцелевшей белой избы подымался на шесте блистающий медью и золотом бунчук джихангира с рыжим конским хвостом.

Сотники скакали во всех направлениях, собирая воинов в отдельные отряды. Слышались возгласы:

— Идем на богатый Новгород! Скорее прочь отсюда, из заколдованных болот! Скорее! Или мы все тут погибнем!

Татары с хриплыми криками быстро построились по десяткам и сотням. Некоторые тащили за собой на арканах захваченных тощих коней.

Вскоре бунчук джихангира заколебался и поплыл впереди охранной сотни. Бату-хан ехал на сером в яблоках коне, мрачный, с непроницаемым лицом. Суженными глазами он всматривался в просеку векового бора.

За Бату-ханом следовали старый Непобедимый Субудай-багатур и приближенные ханы. Далее тянулась длинная, бесконечная вереница татарских воинов.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

После битвы

...Песня русская!
Не сама собой ты спелася-сложилася:
С пустырей тебя намыло снегом-дождиком,
Нанесло тебя с пожарищ дымом-копотью.
Намело тебя с сырых могил метелицей...

(Лев Мей, «Запевка».)

Горячий шершавый язык лизал лицо. Тихое повизгивание и настойчивый короткий лай... Кто это? Торопка медленно приходил в себя. Первая мысль испугала его: «Собака-людоед! Она слизывает кровь, а потом начнет грызть лицо!»

С трудом Торопка вытащил придавленную руку и схватил собаку за горло. На шее обрывок веревки... Да это Пегаш! Он перегрыз веревку и прибежал искать хозяина. Да, это Пегаш! Торопка ощупывает его и узнает в темноте вытянутую морду, стоячие уши, широкую грудь со старыми шрамами от волчьих зубов.

Торопка силился подняться, но тяжелая туша отдавила ноги — это навалился убитый конь. Левая рука тоже чем-то придавлена... Может, это прилетела судьбина[1]... Он лежит среди покойников, и его черед пришел. Испить бы! Торопка достает горсть мокрого снега. У снега вкус крови!

Где он? Вспоминаются последние мгновения — скачущие татары с разъяренными лицами. Удар по голове, падение... Это поле битвы. Почему такая тишина? Наверху темное небо и серебряный тонкий полумесяц. Тусклый слабый свет едва озаряет снежную равнину, притихший невдалеке лес и высокие старые ели.

Стон... Отчетливый человеческий стон. Еще жалобный вздох в другой стороне, еще грустные, скорбные звуки в разных местах. Точно Русская земля плачет над своими сынами, павшими на этом кровавом поле!

Где же татары? Они никогда не оставляют раненых, они их добивают. Торопке хочется крикнуть, призвать на помощь, да боится: услышат татары!..

Пегаш затих, прислушался и заворчал. В ночной тишине слышен шорох, шаги. Непонятное бормотание.

---

[1] Судьбина — древнее название, означающее «смерть».

Кто-то идет и говорит сам с собой. Торопка с трудом приподнимает голову. Высокий человек в длинной одежде почти до пят, в остроконечной шапке. Сумка на ремне через плечо. В одной руке — посох, в другой светится фонарь. Слабый огонек раскачивается, и на снегу движется светлое пятно.

«Ночной грабитель? Приканчивает убитых?..»

Опять протяжный стон невдалеке:

— Ох, смертушка!.. Испить бы!.. Погибаю...

Незнакомый высокий человек приближался, наклоняется к лежащему. Торопка осмелел:

— Сюда! Ко мне!

Странный человек подходит. Стоит настороже, подняв посох. Пегаш рычит. Шерсть на спине поднялась дыбом.

— Пегаш! Назад!

Человек сделал еще шаг. Говорит, коверкая слова:

— Знакар... Здоров буди...

Не татарский ли это знахарь? Может, пожалеет? А вдруг увидит, что перед ним не татарин, и ударит посохом... Но все одно погибать, и Торопка просит:

— Помоги!

Длиннобородый человек склоняется. Освещает фонарем с восковой свечой. Ставит фонарь на бок мертвой лошади, кладет на снег сумку и посох. Через силу старается приподнять два трупа, навалившиеся на Торопку. Он кряхтит, шепчет непонятные слова. Торопке стало свободнее, он может двинуть второй рукой. Еще нужно вытащить ноги из-под трупа лошади. С крайними усилиями это удается.

Торопка приподымается, садится. Знахарь ощупывает голову, плечо. Волосы на голове слиплись от крови. Затылок саднит, правая рука плохо двигается. Знахарь опускается на корточки, осторожно расстегивает полушубок Торопки, открывает плечо, залитое черной запекшейся кровью. Он достает цветную тряпку, мочит ее из бутылки, перевязывает рану и застегивает снова полушубок.

— Здоров буди!— Он указывает рукой себе на грудь и говорит:— Знакар, Хаджи Рахим!..

Тихими, спокойными шагами знахарь удаляется, направляется туда, где слышатся новые стоны. Торопка сидит на боку павшего коня и думает: что теперь де-

лать? Куда девались татары? В какую сторону ушли? Надо пройти в лес, где стоит привязанный голодный конь. Надо вывести его и лесными тропами пробраться домой, назад, в Перунов Бор. Два друга у него остались — конь и Пегаш. Где отец? Не погиб ли он в этой страшной битве? Его надо разыскать...

Торопка старается втолковать это Пегашу, который повизгивает, перебирает нетерпеливо передними лапами, желая понять, чего от него требует хозяин.

— Пегаш! Побегай по полю, загляни в лица павших, нет ли нашего хозяина. Где хозяин? Где хозяин? Поищи!

Торопка гладит Пегаша по морде и толкает в сторону поля:

— Ищи, где хозяин!

Пегаш бросается со всех ног, несется вперед, прыгает через трупы, ищет, обнюхивает, кружится, и вдруг останавливается, лает и воет тонким голосом.

Торопка встает, осторожно шагает через лежащие тела. Ноги, отдавленные тяжелым конем, еще плохо слушаются, но Торопка все же заставляет себя идти вперед.

Торопка ускоряет шаги. Вероятно, Пегаш нашел отца. Верный пес стоит около нескольких тел, упавших в беспорядке, как их настигла татарская стрела или копье.

С дрожью и робостью Торопка приближается, склоняется над неподвижными, уже запорошенными снегом телами... Нет! Это не отец! Молодое, красивое, но бледное, как воск, лицо... Это мальчик... Глаза, серые с длинными ресницами, спокойно смотрят в небо. На ресницах искрятся белые снежинки. На щеках заметны мелкие веснушки, красивый рот полуоткрыт, точно шепчет ласковые слова...

Какое знакомое лицо!.. Вешнянка! Как ты сюда попала? В одежде мальчика!.. И тебя сразил страшный удар татарина!

Торопка присел около неподвижного тела... Вот лежат еще девушки в мужской одежде. И они бились с татарами за родину!

Осторожно наклонился Торопка и коснулся губами мертвого лица. Вешнянки!... Он вспомнил ее ласковую улыбку и грустные речи при прощании.

— Вешнянка!— шептал Торопка.— Скажи хоть одно

слово, последнее, прощальное! Ты обещала дождаться меня! И вот дождалась встречи на этом мертвом, скорбном поле!..

Он еще раз коснулся ледяных губ, потрогал руки — холодные и твердые... Затих и задумался.

Вдруг заунывные звуки пронеслись в тихом морозном воздухе. Знакомая песня, какую он не раз слышал дома, в Перуновом Бору на кургане, где теснились родные могилки.

Пел женский голос, тонкий и высокий, к нему пристал второй голос, низкий и грудной. Потом оба голоса, точно обнявшись, слились вместе. Звуки плавно неслись над затихшей снежной равниной, где, словно прислушиваясь, лежали с раскрытыми глазами мертвые русские ратники.

Тонкий голос пел:

Укатилось красное солнышко
За горы оно да за высокии,
За лесушки оно да за дремучии,
За облачки оно да за ходячии,
За часты звезды да подвосточныи...
Покидает меня, победную головушку,
Со стадушком оно да со детиною.
Оставляет меня, горюшу, горе-горькую,
На веки-то меня да вековечные!

Второй, низкий голос продолжал:

Подходила скорая смертушка.
Она крадчи шла злодейка-душегубица,
По крылечку ли она шла да молодой женой,
По новым ли шла сеням да красною девушкой.
Аль каликой она шла перехожею;
Потихоньку она да подходила
И черным вороном в окошко залетела;
Скрытно садилась на крутоскладно изголовьице
И впотай ведь взяла душу со белых грудей...

Пошатываясь от слабости, Торопка подошел к певшим женщинам. Они сидели полукругом. В середине на снегу лежали рядом трупы ратников. Большинство женщин было одето по-мужски. Возле них валялись на снегу топоры и рогатины. Женщины замолчали. С робостью и любопытством смотрели они на подходившего Торопку.

— Здоровы будете! Можно ли к вам положить еще одну девушку?

— Иди, иди к нам. Ты откуда?

— Из-под Рязани...

— Поболезнуем и о ней. Вместе с нашими семеюшками[1] похороним, как сможем, без домовины[2].

Две женщины встали, пошли за Торопкой. Они перенесли Вешнянку, положили ее рядом со своими покойниками. Торопка сидел на снегу и слушал, а женщины продолжали петь — то вместе, то по очереди:

Ты расти, моя тоска, травой незнаемой,
Процветай да всяким разныма цветочками,
Мимо людушки бы шли да любовалися,
Шли бы старые старушки — порасплакались,
Стогодовые старики да поужахнулись...

Бесшумними шагами подошел к сидевшим Хаджи Рахим. Он приблизился так тихо, что женщины вздрогнули и замолчали. Он сделал приветственный знак, приложив руку к груди, к устам и ко лбу.

— Крестится по-ихнему! — сказал чей-то голос.— Кто такой?

— Это знахарь татарский,— отвечал Торопка.— Святой, вроде как юродивый. Всех без отказу лечит — что своих, что наших, ничего за то не спрашивает.

Хаджи Рахим долго стоял, опершись на посох, и неподвижными глазами смотрел на лежавших покойников. Он стоял так долго, что женщины, переглянувшись, начали снова заунывно петь. Пегаш, поджав хвост, осторожно подошел сзади к чужому знахарю и обнюхал полы его одежды. Потом равнодушно отошел в сторону и, свернувшись, лег в ногах у Торопки.

Хаджи Рахим повернулся и поднял руку. Его черные глаза блестели, отражая огоньки костра. Певшие затихли... Он говорил горячо, вставляя русские слова. Женщины, раскрыв рты, внимательно слушали.

— Вишь, чего он говорит! И не понять — ученый! — зашептали женщины.

А татарский знахарь снова повторил рукой приветственный жест и медленными шагами удалился в темноту.

---

[1] Семеюшка — (ласкательно) — муж.
[2] Домовина — гроб.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Остановка близ Игнач-креста

Пишет Хаджи Рахим: «...Я видел смерть вокруг себя. Копье, меч и стрелы пока меня пощадили. Но я знаю, что острие несчастья продолжает висеть надо мной и поразит в тот миг, когда я менее всего буду ждать его...»

При тусклом свете бледного полумесяца Хаджи Рахим пошел лесной дорогой, где проехали тысячи татар. Кони измололи снег, ноги скользили и проваливались.

На перекрестке дорог Хаджи Рахим услышал свое имя. Кто-то звал его. Показались четыре всадника. Один держал в поводу его пятнистого Барсика. Это были Арапша и татарские воины.

Арапша сошел с коня, поцеловал руку Хаджи Рахима и провел ею по своим глазам.

— Я твой мюрид и не смел оставить тебя в час бедствия. Твой конь скакал без всадника между монгольскими отрядами, джихангир заметил и узнал его. Он приказал мне вернуться и разыскать твое тело. Урусуты, конечно, зарезали бы тебя, если бы ты им попался.

— Урусуты такие же люди, как и мы все,— сказал Хаджи Рахим.— Я помогал раненым урусутам и слушал их погребальные песни. Они не сделали мне зла. Рука судьбы и добрый друг снова вытащили меня из колодца несчастья.

Арапша придержал стремя и помог Хаджи Рахиму сесть на пятнистого Барсика.

Всю ночь и утро монгольское войско продвигалось в направлении богатой северной урусутской столицы Новгорода. Но к полудню идти вперед уже стало невозможно. Кони постоянно проваливались по брюхо в рыхлый снег. Ростепель обращала еще недавно крепкие дороги в набухшие бурные потоки. Кони падали. Всадники, подымая их, выбивались из сил. Проводники из пленных урусутов говорили, что дальше дорога будет еще хуже, что на пятьдесят дней всякая езда по дорогам прекратится, пока поднявшаяся вода в реках не утечет в море.

Бату-хан был в ярости. Он сам зарубил урусута, который громко смеялся, широко раскрывая рот, при виде провалившихся в болото воинов.

Бату-хан говорил:

— Для смелого и упорного нет преграды. Проводники нарочно завели нас в эти болота, чтобы погубить, но мы будем сильнее и хитрее их. Мы доберемся до славного торговлей богатого Новгорода!

Воины стали громко роптать. На одном перекрестке, где был вкопан высокий, в три человеческих роста, деревянный крест, войско остановилось. Татары сошли с коней, чтобы дать им передышку. Субудай-багатур посоветовал обратиться к богам-покровителям и призвать шаманку Керинкей-Задан.

Она подъехала на небольшой черной лошади, обросшей за время морозов густой лохматой шерстью. Увидев Бату-хана, шаманка стала бить в бубен, прыгать в седле и выкрикивать слова молитв и заклинаний.

— Скажи, служительница заоблачных богов,— спросил Бату-хан,— идти ли мне вперед, будет ли мне в Новгороде удача, или я там погибну? Спроси у небожителей.

Керинкей-Задан, с медвежьей шкурой на плечах и в колпаке с нашитыми птичьими головами, соскочила с коня, приплясывая и ударяя в бубен, забегала по кругу и вдруг в несколько прыжков бросилась к одинокой высокой сосне, стоявшей на поляне.

— Я поговорю с облаками, посмотрю вдаль!— кричала она.— Боги все знают, боги все скажут.

Шаманка ловко вскарабкалась на верхушку сосны и стала раскачиваться. Сосна постепенно склонялась в сторону. Монголы закричали:

— Берегись! Слезай скорее!

Сосна наклонялась все быстрее и наконец рухнула. Шаманка упала в снег, пробила лед, бывший под ним, и погрузилась в мутную воду. Она барахталась, засасываемая черной вязкой топью...

— Арканы! Бросайте ей арканы!— кричал Субудай-багатур. Он отстегнул от седельной луки аркан и ловко бросил его левой рукой. Конец не достал до шаманки. Субудай стал снова наматывать аркан и направил коня ближе к гибнувшей Керинкей-Задан. Саврасый осторожно шагал, погружаясь по колено в снег. Субудай снова

бросил аркан, и конец его хлестнул шаманку по голове. Она ухватилась за аркан рукой, продолжая погружаться в черную грязь. Конь Субудая сделал еще шаг вперед и вдруг тоже провалился. Субудай, пытаясь соскочить с коня, откинулся назад, но лед трескался, конь быстро опускался, ударяя ногами, и вязнул еще более.

Монголы завопили:

— Непобедимый тонет! Скорей на помощь!..

Несколько монголов с разных сторон с опаской приблизились к тому месту, где тонул старый полководец. Черные арканы мелькнули в воздухе и захлестнули поднятую руку и шею Субудаю. Монголы напрягались изо всех сил, таща своего начальника. Арканы натянулись, как струны. Субудай кричал:

— Спасите коня!.. Спасите моего саврасого!

Монголы выволокли Субудая на дорогу. Его конь провалился по шею, голова, фыркая, еще несколько мгновений подымалась над болотом. Саврасый заржал отчаянным человеческим криком... Голова исчезла. Никаких следов не осталось от двух жертв жадного болота. Только круглый бубен плавал на поверхности страшного черного «окна», где навеки скрылись шаманка и верный конь Субудая.

Монголы с трудом удерживали вымазанного грязью Субудая, который порывался броситься к коню и кричал:

— Саврасый! Ты всегда выручал меня из беды! Ты всегда был мудрым советником! Как я останусь без тебя, саврасый?! Проклятая урусутская земля!..

Старые монголы, сойдя с коней, обступили тесным кольцом своего начальника и, навалившись, пригнули его к земле:

— Сиди так и больше туда не смотри! Здесь проклятое место! Урусутские черные мангусы искали кровавой жертвы. Они проглотили смелую Керинкей-Задан, они сгубили твоего мудрого неутомимого коня. Здесь мы должны остановиться и повернуть назад. Видишь этот большой деревянный крест? Его урусуты ставят на могилах своих шаманов. Здесь уже погибло немало путников от руки разбойника Игнача, который бросал убитых им в болото... Скажи джихангиру, что не надо нам богатого Новгорода. Повернем назад!.. Другие кони преданно послужат тебе. Выбирай любого!

Субудай-багатур тряхнул плечами, отбросил монголов и встал. Не оглядываясь на болото, он сел на ближайшего коня и подъехал к Бату-хану. Джихангир стоял, держа в поводу своего серого в яблоках жеребца, потемневшего от пота и грязи, и кормил его коркой черного хлеба.

Субудай-багатур сошел с коня и сел на корточки у ног Бату-хана. Тысячники стали кругом тесной толпой. Все молчали, жадно прислушиваясь, что решат их начальники. Бату-хан сказал:

— До сих пор не было ничего, что могло бы удержать меня. Мое войско прошло через пустыни, переплыло многоводный Итиль и другие большие реки. Теперь урусутские злые мангусы хотят погубить всех моих воинов, когда реки разольются и обратят дороги в озера. Я поворачиваю назад. Мы едем отдыхать в кипчакские степи.

— Назад! В степи!— закричали монголы.

Радостный клич пронесся по всему войску, растянувшемуся по черной разрытой дороге.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

„Затушить костер неповиновения!“

> ...За честь нашей родины я не боюсь...
> А если над нею беда и стряслась,—
> Потомки беду перемогут!
>
> *(А. К. Толстой, «Змей Тугарин».)*

Пишет Хаджи Рахим: «Рука с трудом повинуется, излагая печальные и в то же время славные страницы...»

Татарское войско несколькими потоками двинулось из урусутской земли назад в кипчакские степи. По пути татары захватывали и уничтожали города, грабили и сжигали села, убивали жителей. Были разрушены Торжок, Тверь, Волок, Дмитров и другие города. Татары ничего не жалели, ничего не берегли, не рассчитывая поселиться здесь. Пусть помнят урусуты татарскую грозу!..

Кормов не было. Кони исхудали и дохли. Им приходилось идти по размытым, вязким, топким дорогам. Встречные речки раздулись после снежной зимы. Где

нельзя было найти бродов, приходилось перебираться вплавь. Ослабевшие кони тонули, не справляясь с быстрым многоводным течением.

Повсюду по дорогам валялись сани, нагруженные облезлыми шубами, окровавленными одеждами, мешками, набитыми старыми, изношенными сапогами без подошв, тряпками, битой посудой, треснувшими деревянными мисками, пересохшими хомутами и седелками — всем, что попадалось под цепкую татарскую руку. Все это везли отобранные у крестьян лошади. Для огромной прожорливой татарской орды не хватало ни сена, ни зерна. Голодные, тощие, с выпиравшими ребрами кони с трудом тащили сани; на раскатах запрокидывались кверху ногами, не имея сил подняться. Пленные мужики старались поднять коней — кто за хвост, кто за плечи — и плакали, видя, как беспомощно лежат их кормильцы, обессилевшие от голодухи. Монголы посвистывали и равнодушно бросали целые обозы. Часть татарских войск задержалась у крепости Козельска, обычного бойкого и шумного сторожевого поста урусутов на границе половецкой степи.

Над татарскими войсками здесь начальствовал Гуюк-хан. Ему хотелось прославиться громкими победами, но его все время опережали другие военачальники.

Осада Козельска затянулась. Жители, вооруженные короткими мечами, отчаянно дрались, делали ночные вылазки, убивая отдыхавших татар, и смело сбрасывали тех, кто пытался взобраться на крепостные стены.

Гуюк-хан видел, что татарские отряды проходят мимо, отправляясь в кипчакские степи. Его воины тяготились трудной осадой, стремясь поскорей уйти из урусутских болот в приволье Дикого поля. Гуюк-хан решил снять осаду. Об этом узнал Бату-хан и сейчас же примчался. Он обложил город тесным кольцом своих непобедимых». «Бешеные» Субудай-багатура загородили отступление отряду Гуюка и погнали его обратно к стенам Козельска.

Город принадлежал малолетнему князю Василию. Защитники города бились упорно и резали татар. Захваченные в плен воины говорили:

— Наш князь — младенец! Мы верные сыны родины и будем драться до последнего. Мы умрем, если нужно, чтобы оставить о себе в мире добрую славу...

Сорок девять дней стояли татары под Козельском и не могли ничего поделать с мужественными защитниками города. Ни уговоры, ни обещания, ни угрозы не могли поколебать твердости жителей. Наконец под ударами стенобитных машин стены Козельска были проломлены. Горожане пошли в ножи. Они дрались с бешенством отчаяния. Четыре тысячи татар пали в один день. Рядом с ним полегли защитники Козельска. Бату-хан приказал вырезать всех без жалости, не оставив ни жен, ни младенцев.

— Злой город!— сказал он.— Надо стереть его с лица земли! Если я оставлю без наказания этих дерзких разбойников, здесь будет тлеть постоянний костер неповиновения и тайных заговоров. Тогда и булгары, и мордва, и Рязань, и Владимир, и прочие сто городов — все начнут точить рогатины, чтобы ударить мне в спину, когда я поведу войско дальше на запад. Пусть знают злобные урусуты, что никто не останется без наказания за сопротивление моей священной власти, утвержденной великим Потрясателем мира, Чингиз-ханом. Если урусуты хотят жить и дышать — они должны мне почтительно покориться!..

Нукеры Бату-хана искали повсюду в пылающем городе маленького князя Василия, но найти его не могли. Некоторые уверяли, что младенец утонул в крови.

Не задерживаясь более ни на один день, Бату-хан повел войско в кипчакские степи.

На месте шумного, людного города Козельска были груды золы и каменных обломков.

Позади оставалась урусутская земля, покоренная, разгромленная, умирающая...

— Страна урусутов никогда больше не залечит своих ран, никогда не встанет на ноги! Такова моя воля!— сказал Бату-хан.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Опять степи!

Пишет Хаджи Рахим: «Лучшее благо — немедленное! Высшее счастье человека — иметь юрту на родине близ светлого ручья, а кто без конца скитается по чужим странам, тот погибает без снисхождения!..»

Монгольское войско непрерывным, широко разлившимся потоком подвигалось на юг через кипчакские степи. Солнце раскрыло свои бирюзовые дверцы и, ослепительное и горячее, смотрело с небес на широкую равнину, по которой ехали всадники, довольные и веселые, распевая песни, бесконечные и однообразные, как степные дороги. Взлохмаченные, истощенные кони жадно тянулись к первым зеленым побегам степной травы.

Порывы весеннего ветра доносили аромат вереска и полыни, который сменялся острым запахом тления от валявшихся повсюду растерзанных зверями трупов.

Отлогие увалы сменялись долинами, где еще белели сугробы тающего снега и поблескивали недолговечные весенние озерки. Над ними носились тучами утки и отливающие серебром лебеди и гуси.

Отряды делали остановки, удаляясь один от другого, выбирая места с лучшими конями.

Бату-хан потребовал свежих коней. Покорные половецкие ханы пригнали табуны отборных коней и кобылиц. В одном из табунов находился белоснежный жеребец Акчиан, на котором Бату-хан двинулся в поход. Щадя нежного арабского аргамака, джихангир после взятия Рязани поручил половецким ханам беречь его. Они исполнили Батыеву волю.

Бату-хан пересел на горячего серебристого Акчиана и с охранной сотней «непобедимых» и небольшой свитой поехал вперед к заранее выбранному месту на берегу степной речки.

В долине, окруженной старыми курганами, был поставлен золотисто-желтый шатер. Возле него снова появились шатры семи ханских жен.

Джихангир поочередно заходил в каждый шатер, начиная с самой почтенной старшей жены, Буряк-чинь. Он оставлял каждой жене подарки: браслеты, ожерелья, перстни, куски аксамита и шелка. Жены пытались задержать его просьбами, слезами и воплями. Но Бату-хан, не слушая их, дошел до седьмого шатра своей младшей звезды, Отхан-Юлдуз, где пожелал пить кумыс, привезенный кипчакскими ханами.

Около входа в шатер стояли, почтительно преклонив колено, большой тучный Ли Тун-по, великий строитель стенобитных орудий, и молодой нарядный Мусук-тайджи. Китаец был в просторной шелковой одежде, расши-

той золотыми драконами, в маленькой синей шапочке с длинным павлиньим пером, сдвинутой на затылок. Молодой брат седьмой звезды блистал алмазами на пестром индийском тюрбане, золотым поясом и кривой дамасской саблей.

Лицо джихангира оставалось невозмутимым, когда он бросил на обоих беглый взгляд.

— Я вызвал тебя, великий строитель Ли Тун-по. Под охраной вот этого храброго воина и сотни нукеров ты поедешь на реку Итиль, к тому месту, где переправлялось мое войско. Там находится заколдованная гора Урака. Ты проедешь вниз по реке Итиль и осмотришь ее берега. Найди место, где наиболее достойно можно построить мой походный дворец. Я хочу, чтобы к ступенькам его могли приставать родные корабли, чтобы с крыши дворца были видны родные степи, чтобы невдалеке зеленели луга с травой, любимой кобылицами. Дворец не должен стоять на открытом месте, где на него могли бы напасть степные разбойники. Поэтому разыщи остров, омываемый рукавами реки.

— Слушаю и повинуюсь,— отвечал Ли Тун-по...

— Мой дворец будет сердцем и головой вселенной. Мои приказы, как быстрые стрелы, полетят во все страны. Я буду назначать великих каганов в Каракоруме. Буду сажать своих баскаков в городах покоренных народов. Моей воле подчинятся земли Востока и Запада... Тогда исполнится порученный мне завет великого Чингиз-хана!

— Слушаю и повинуюсь!— повторил Ли Тун-по.

— Так будет!..— сказал Субудай-багатур.— С крыши золотого дворца ты набросишь аркан на шею вселенной и затянешь его могучей рукой!..

Бату-хан остановил свой взгляд на загорелом мрачном лице Мусука:

— Ты будешь начальником сотни, которая должна охранять строителя Ли Тун-по. Когда он найдет место для постройки дворца и возведет первую сторожевую башню, ты отправишь ко мне гонца, и я приеду сам. Дворец должен быть лучше всех дворцов, какие когда-либо строились на подносе вселенной.

— Понимаю и повинуюсь,— сказал Мусук.

— Выезжайте сегодня же!— добавил Бату-хан и вошел в шатер. За ним последовали любимый брат джи-

хангира Орду, непобедимый полководец Субудай-багатур и летописец Хаджи Рахим.

Юлдуз-хатун, в шафрановой одежде, расшитой золотыми цветами, бледная, с расширенными глазами, встретила Бату-хана. Она опустилась на колени, пала ниц и поцеловала красный шагреневый сапог Бату-хана, снятый с убитого коназа Гюрга. Китаянка И Ла-хэ подняла шатавшуюся Юлдуз и помогла ей дойти обратно до замшевых подушек.

— Маленькая хатун нездорова,— сказала китаянка.— Она очень горевала, не получая долго известий от Ослепительного. Ей сейчас трудно ходить, она ослабела. Нужны опытные лекари, которые вернут ей силы.

— Это неверно!— возразила тихо Юлдуз, опустив глаза.— Увидев целым и невредимым моего повелителя, я могу снова и работать, и рассказывать сказки...

Бату-хан опустился возле Юлдуз на ковер. Вошедший бауршн подал ему зеленый шелковый платок. Бату-хан высыпал на ковер драгоценности, отобранные в урусутских городах — золотые нательные кресты, иконки, ладанки, серьги, ожерелья, браслеты и другие красивые безделушки. Китаянка поочередно брала ладонями каждую вещь и показывала ее своей госпоже. Юлдуз смотрела равнодушно и говорила:

— Благодарю тебя, великий джихангир. Все очень красиво. Я не достойна твоей милости.

Лицо Юлдуз, набеленное, с длинными нарисованными до висков темно-синими бровями, оставалось грустным и потухшим. Она оживилась только, увидав небольшое серебряное зеркальце. Она взяла его в руки, внимательно посмотрела на блестящую полированную поверхность.

— Вот какая я стала теперь! Раньше, когда я целые дни ходила в степи, у меня был золотистый загар.

— Ты можешь и теперь ходить без этих китайских мазей, которые накладывает тебе на лицо искусная И Ла хэ,— отвечал Бату-хан.— Может быть, у тебя имеются какие-нибудь желания? Скажи их мне.

— У меня одна просьба. Для тебя она ничтожна. В твоем отряде едет старик. Из-за его неприятного ли-

ца я часто слабею. Прикажи, чтобы он уехал обратно в Сыгнак. Тогда моя душа станет спокойной.

— Если у этого старика дурной глаз и он призывает на тебя болезни, я прикажу его утопить в ближайшей луже. Как имя этого старика? Где найти его?

— Нет! Не делай ему зла. Будь великим, будь щедрым! Подари ему четырех коней, покрытых коврами, но прикажи, чтоб он, не медля ни одного дня, уезжал на родину. Зовут его Назар-Кяризек. Он сопровождает непобедимого Субудай-багатура и стережет его будильного петуха.

— Внимание и повиновение!— сказал Субудай-багатур.— Желание Отхан-Юлдуз для меня — повеление. Я отпускаю старика вместе с петухом, верблюдом и двумя кеджавэ. В них он может увезти домой ту святую добычу[1], которую он собрал в урусутских городах.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Цена предательства

В юрту вошел князь Глеб и окинул всех пытливым взглядом. Бату-хан казался довольным. Субудай-багатур был менее суров, чем всегда. Князь Глеб согнулся, подполз к Бату-хану, поцеловал перед ним землю. Бату-хан смотрел в сторону. Князь Глеб ждал на коленях.

Наконец Бату-хан взглянул на него.

— Что ты хочешь, коназ Галиб?

— Ты великий! Ты щедрый! Помоги своему верному рабу...

— Что тебе нужно?— повторил Бату-хан, поморщившись.

— Ослепительный! Я преданно служил тебе во время твоего великого похода. Теперь непобедимое твое войско возвращается в родные степи...

Князь Глеб замолчал, стараясь заглянуть в неподвижное лицо джихангира.

— О чем же ты просишь?

— Прикажи мне снова служить тебе!

Бату-хан молчал. Князь Глеб продолжал смелее:

— В цветущих твоих степях я тебе не нужен. Но на русской земле я буду тебе очень полезен... Будь мило-

[1] «Святая добыча» — всякая добыча, захваченная при штурме города, считалась в то время «святой» и становилась собственностью победителя.

стив! Назначь меня в Рязань твоим баскаком! Вспомни мою преданную службу...

Князь Глеб, ища поддержки, взглянул на Субудай-багатура. Тот сидел неподвижно, с непроницаемым лицом, смотря в землю немигающим глазом. Юлдуз-хатун отвернулась.

Бату-хан заговорил:

— Кто предает свою родину, тот человек ненадежный. Ему нельзя верить. Он изменит и господину.

— Я был верен тебе!— с отчаянием воскликнул князь Глеб.— Я оказал тебе важные услуги... Я открыл, где находился лагерь князя Георгия...

— Так...

— Вспомни, я сам, добровольно пришел к тебе!

— А куда тебе было идти? Урусуты прогнали тебя, кипчакские степи стали покорны мне.

— Но...

Бату-хан повернулся к Субудай-багатуру:

— Мой мудрый советник! Ты обещал рассказать о борьбе моего великого деда с храбрым Ван-ханом.

Точно проснувшись, Субудай-багатур поднял голову и взглянул пристально на молодого джихангира. Он начал ровным, спокойным голосом:

— Бессмертный воитель, твой славный дед, воевал с владыкой караитов[1] Ван-ханом. Могучее и сильное племя было покорено. Но смелый Ван-хан не сдавался. Собрав своих последних храбрецов, он защищался, как волк. Это был могучий, смелый враг! Твой великий дед уважал его храбрость...

— Что же было дальше?

— Воины Чингиз-хана одерживали победы, нельзя было противиться им. Ван-хан был окружен. Он потерял последних нукеров и бежал с двумя слугами...

Бату-хан слушал внимательно и кивал головой. Юлдуз-хатун придвинулась ближе. И Ла-хэ взволнованно прижала руки к груди. Князь Глеб обводил всех злобным взглядом.

— Славный Ван-хан спасся?

Субудай-багатур засопел:

---

[1] Караиты — одно время самое сильное племя в Центральной Азии. В молодости Чингиз-хан служил простым нукером у караитского хана Вана.

— Нет, Ослепительный! Желтоухие собаки, его слуги, предали его. Во время сна они подкрались к своему господину, убили и принесли его голову великому Чингиз-хану.

Все молчали. Субудай-багатур продолжал:

— Подлые собаки ждали милости Великого Воителя. Но он разгневался: «Когда Ван-хан был могущественным и сильным — вы служили ему! Когда он в несчастье доверился вам — вы воспользовались его горем!..» И мудрый Чингиз-хан приказал сломать предателям спины...

Бату-хан медленно повернулся:

— Ты слышал?

Князь Глеб уцепился за ноги джихангира. Бату-хан оттолкнул его.

— Ты говоришь, что служил мне? За это тебе давали золото. А за предательство следует наказывать... Могу ли я доверять предателю?

Бату-хан покосился на серое, помертвевшее лицо Глеба.

— Достойный человек не боится смерти...

— Ослепительный! Прости... сжалься...— бормотал князь Глеб.

Маленькая дрожащая ручка легла на темную сильную руку Бату-хана.

— Хорошо... живи!

Князь Глеб бросился целовать красные сапоги Бату-хана.

— Уходи!— сказал резко джихангир.— Арапша! Прикажи нукерам увезти коназа из лагеря в степь.

— Куда же я пойду?!.— закричал князь Глеб.— У меня больше нет родины!

Бату-хан отвернулся. Два нукера вытащили отбивавшегося Глеба[1]. Арапша, с непроницаемым, спокойным лицом, опустил за ним тяжелый дверной полог.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

„А Русь-то снова строится!“

В марте в Перуновом Бору было безлюдно и тихо. Ратники, ушедшие по призыву Рязанского князя — как

---

[1] По летописным сведениям, князь Глеб долго скитался в половецких степях. К концу жизни он сошел с ума. Дата смерти его неизвестна.

доходили слухи,— бились и под Суздалем, и на Берендеевом болоте, и на берегах Сити и Мологи.

Вернутся ли? Вороги немилостивые никого в живых не оставляют...

На месте сгоревших изб разгромленного татарами селения остались только глиняные печи и груды черных обугленных обломков. Только несколько крайних к озеру избенок сиротливо прижались друг к другу. Там ютились оставшиеся в живых ребятишки. Их пестовала жена Звяги, еще более исхудавшая, и две бездомные старухи. Они каждый день проверяли в озере мережи и приносили линей и карасей. Тем все и кормились, да еще коржиками, испеченными из мякины и толченой сосновой коры.

Весеннее яркое солнце растопило снега, завалившие вековые леса. Вокруг Перунова Бора нельзя было ни пройти, ни проехать. Птицы налетели дружными стаями, свистели, перекликались, пестрые дятлы долбили стволы и вскрикивали: «Чок-чок!»

В начале апреля на лодках переехали озеро первые сбеги. Они говорили старухам рыбачкам вполголоса, точно все еще боялись, что их услышат татары:

— Много их еще бродит по дорогам, но, кажись, главная сила их ушла в Дикое поле. Теперь последние отряды их потянулись туда же. А мы хотим к вам пристать. Здесь жито сеять... Не откажите! Тут нам любо: и от больших дорог подальше, и тихо, и рыбка в озере поплескивает... Наши яровые взойдут, и никто уже нашего хлебушка не отберет.

Понемногу стали прибывать еще сбеги. Когда спали весенние воды, подсохли дороги, приплелись также первые кони, заморенные, взъерошенные, но они приволокли сохи и бороны.

В Перуновом Бору стало весело. Застучали топоры, перекликаясь с малиновками, дятлами и грачами. Длинными рядами вырастали белые срубы из еловых лесин. Откуда-то прибежали лохматые собаки и тявкали днем и ночью.

О татарах было все менее слышно. Мужики судили и рядили, что дальше будет. Все думали, что татары отхлынут в Дикое поле, как раньше делали половцы, и назад на Русь не вернутся.

Пришла высокая, худая, как скелет, женщина. Она подталкивала упиравшуюся, такую же отощавшую коро-

ву. Все кости выпирали. Бабы окружили рыжую корову, покачивали головами, указывая на высохшее вымя, висевшее, как тряпка. А владелица коровы не унывала.

— Моя кормилица будет! На весенних травах поправится. Я здесь все места знаю, где какая трава растет.

— Разве здешняя?

— А то как же! Вот печь от моей избы. С измалетства я здесь выросла.

— Да ты, поди, Опалёниха?— закричала вдова Звяги и выбежала из толпы. Обе женщины, обнявшись, плакали навзрыд.

— Куда твоя краса девалась, Опалёниха?— причитала одна.

Другая всхлипывала:

—А где твой семеюшка? Поди, лежит где-нибудь под ракитой?

Они расспрашивали о всех, ушедших с погоста на ратное дело, но рассказать толком ничего не могли:

— Савелия, говорят, убили на реке Сити. Ваулу видели среди сторонников под Суздалем. Торопка лихим удальцом стал, да и его, поди, уложила татарская стрела.

В мае на погост явился Торопка, целый и невредимый; только вырос очень и стал костлявый: давно не ел. Стал он всех расспрашивать про своих родителей: живы ли? Где искать следов их? Рассказал про себя, что был у него лихой татарский конь, да погнались за ним встречные бусурманы, перепрыгнул конь овраг, сорвался, сломал ноги, а сам Торопка едва спасся, заполз в валежник, татары его и не нашли. В тот же день приехал на половецком коне Лихарь-Кудряш. Узнав от Торопки о гибели Вешнянки, он бросился с коня на землю и долго бился и кричал. Старухи над ним причитали, отливали водой, а Лихарь твердил:

— Для кого мне теперь жить? Без дочки свет мне стал не мил!..

Потом он долго лежал тихо, точно думал о чем-то. Встал и спокойно и твердо сказал Торопке, сидевшему рядом на земле:

— Послушай, малец! Вот что я узнал. Татарская сила ушла, но в больших городах остались татарские отряды: за нашими мужиками присматривать, чтобы мы не ворошились. Новый князь владимирский Ярослав Всеволодо-

вич прибыл в Переяславль, свою вотчину, и сказывали мне, что он собирает дружину. Я обещал князю привести надежных молодцов.

Кругом стояли ребятишки и, засунув пальцы в рот, дивились на Лихаря, на его половецкие пестрые шаровары и половецкий колпак.

— Видишь, ребята малы. Их еще надо поднять и прокормить. А отцы все в боях полегли. Теперь долго мы будем с татарами разговоры разговаривать и тяготы нести как покоренные... А потом за все рассчитаемся! Так сам князь Ярослав Всеволодович дружинникам говорил.

— Я пойду с тобой!— решил Торопка.

Оба вскоре покинули Перунов Бор. Они направились просекой и долго слышали в притихшем перед грозой зеленом бору, как на погосте перестукивали топоры и кричали бабы, укладывая лесины на новые срубы.

Лихарь остановился, указал рукой в сторону Перунова Бора, откуда доносился стук топоров, и сказал:

— А Русь-то снова строится!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

На далекой родине

Старый Назар-Кяризек уехал из орьги Бату-хана вместе с толпой раненых кипчаков и уйгуров, желавших вернуться на родину. Они поехали обратно тою же дорогой, по которой прошел Бату-хан, и через четыре месяца, в начале осени, прибыли в Сыгнак.

Женщины города и окрестных кочевий давно уже стояли на дорогах, ведущих с запада, поджидая своих близких.

Старая Кыз-Тугмас, жена Назара-Кяризека, стояла возле своей юрты вместе с маленьким сыном Турганом и четырьмя невестками. Они напряженно всматривались в загорелые до черноты лица подъезжающих всадников.

К юрте подошел величественной ханской походкой высокий желтый верблюд, за которым следовали четыре оседланных коня, покрытые коврами. На верблюде важно сидел в кеджавэ неизвестный старик в нарядном парчовом халате, бобровой круглой шапке, походивший на посланника неведомой страны. В руках он держал длинноногого петуха.

Вдруг мальчик Турган воскликнул:

— Да это тату! А братьев нет!

Кыз-Тугмас и ее невестки подняли отчаянные крики, от которых сбежались все обитатели кочевья. Всех поразили пустые седла на четырех конях и привязанные сверху кривые мечи сыновей Назара-Кяризека. Невестки бросились к коням, взяли их под уздцы и с горьким плачем повели к своим юртам. Кыз-Тугмас упала на сырую землю, скребла ее ногтями и рвала на себе седые волосы:

— Мои сыновья! Где мои сновья? Кто мне их вернет?

Назар-Кяризек сошел с верблюда на землю и торжественно сказал жене:

— Да живет твоя сребрекудрая голова после твоих четырех сыновей-удальцов! — и старик закрыл глаза парчовым рукавом.

Вдруг Кыз-Тугмас приподнялась и спросила:

— А где мой сын Мусук? Ты слышал ли о нем?

Назар-Кяризек молчал, сдвинув брови, точно что-то вспоминая. Затем он провел рукой по седой бороде и сказал важно:

— Имя Мусуку я дал, а долгую жизнь пусть даст ему аллах!

Подошли соседки, подняли Кыз-Тугмас и отнесли в юрту. Они старались утешить ее, как могли, пели жалобные песни, рвали на себе одежды и царапали щеки, оплакивая четырех кипчакских удальцов-батыров: Демира, Бури-бая, Янтака и Клыч-Нияза, погибших в великом походе на запад.

— А где твоя священная добыча? — спрашивали соседи.

— Моя добыча? Да... где она? Вот хан Баяндер имеет теперь много новых рабов, и они ведут большой караван верблюдов, нагруженных его священной добычей... А я?.. Ведь я не хан!

Вечером, после плова (в котором был сварен длинноногий будильный петух), Назар-Кяризек сидел на конской попоне у двери старой юрты. Вокруг теснились кипчаки и жадно слушали рассказ Назара-Кяризека о диковинных народах, живущих за многоводной рекой Итиль, покоренных смелым молодым полководцем — Бату-ханом, сыном Джучи, внуком «священного воителя» — великого Чингиз-хана.

„Много монгольской крови пролилось и на пашнях урусутов, и в их дремучих лесах, и в кипчакских привольных степях... Еще более пролилось крови мирных народов, сопротивлявшихся беспощадному войску кочевников. Все это делалось для величия и ужаса монгольского имени.

Возвращением в кипчакские степи закончился первый поход джихангира Бату-хана для завоеваний земель булгар, урусутов, буртасов и других северных народов.

Но этим не ограничились грозные замыслы молодого полководца, внука Чингизова. Пробыв два года в кипчакских степях и поправив истощенных походом монгольских коней, Бату-хан со своей огромной ордой предпринял новое, еще более потрясающее нашествие на Запад,— сперва на златоверхий урусутский город Киваменъ, а затем дальше, на вечерние страны, обрушив на них ужас и смятение.

Однако обо всем этом мною написано в другой книге. К ней я отсылаю любознательного читателя, пожелав ему мирной и долголетней жизни, без тех страданий, которые приносит народам пожар бушующей войны...„

(Выписка из „Путевых заметок" Хаджи Рахима.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Завещание Чингиз - хана

Глава первая. В хижине восточного летописца 5
Глава вторая. Гость из мрака 8
Глава третья. Немощен человек без коня 11
Глава четвертая. Тропа жизни джигита 14
Глава пятая. Монголы собираются в поход 20
Глава шестая. Непобедимый полководец 22
Глава седьмая. Имамы в затруднении 24
Глава восьмая. Лопатка Гуюк-хана 27
Глава девятая. Храбрый Назар-Кяризек 30
Глава десятая. Ханская щедрость 32
Глава одиннадцатая. По следам коня 36
Глава двенадцатая. Белый конь 39
Глава тринадцатая. Братья-табунщики 42
Глава четырнадцатая. Укрощение дикого коня 45
Глава пятнадцатая. Справедливые судьи 49
Глава шестнадцатая. Совет женщины 53
Глава семнадцатая. Юлдуз 54
Глава восемнадцатая. „Созвать всех дервишей!“ 57
Глава девятнадцатая. Мечта завоевателя 60
Глава двадцатая. Джихангир, покоритель вселенной 64
Глава двадцать первая. Избрание главного вождя 68

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Бату-хан двинулся на запад

Глава первая. Войско выступило 74
Глава вторая. В пути 78
Глава третья. Кто отстанет—увидит смерть 81
Глава четвертая. Один в пустыне 85
Глава пятая. „Ворота народов“ 87
Глава шестая. Семь звезд Бату - хана 91
Глава седьмая. Седьмая звезда 93

Глава восьмая. Беседа с джихангиром 97
Глава девятая. Великий совет чингизидов 100
Глава десятая. На берегу реки Итиль 108
Глава одиннадцатая. Старик Вавила 112
Глава двенадцатая. Переправа через Итиль 116
Глава тринадцатая. Кровавая комета 121
Глава четырнадцатая. Колдун с Ураковой горы 125
Глава пятнадцатая. Праздник монгольского войска 131
Глава шестнадцатая. Злая ночь 133
Глава семнадцатая. Сказка о хане Итиле 136

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Монголы надвигаются на Русь

Глава первая. Старшой лесовик 145
Глава вторая. Пришельцы из „мира" 149
Глава третья. Первая тревога 151
Глава четвертая. Пошли в Дикое поле 153
Глава пятая. Народный сполох 155
Глава шестая. Рязанское вече 158
Глава седьмая. Послы татарские 161
Глава восьмая. В Диком поле 165
Глава девятая. Татары пошли! 169
Глава десятая. В татарской передовой сотне 173
Глава одиннадцатая. Первый русский пленный 177

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Первые схватки с монголами

Глава первая. Русское посольство к Батыю 181
Глава вторая. В татарском лагере на реке Воронеже . . . 185
Глава третья. Мирная встреча с монголами 194
Глава четвертая. Метель над орьгой 199
Глава пятая. Монголы наступают 207
Глава шестая. Княгиня Евпраксеюшка 209
Глава седьмая. Пленные монголы 213
Глава восьмая. Битва на Диком поле 217
Глава девятая. Поход на рязань 220
Глава десятая. Мертвое поле 222

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Рязанская земля горит

Глава первая. Держите крепко топоры! 225
Глава вторая. На рязанских стенах 228
Глава третья. „Татары идут!" 230
Глава четвертая. Осада Рязани 235

Глава пятая. „Слышишь, как собаки лают?" 237
Глава шестая. В пригородном посаде 239
Глава седьмая. „Мы и скотину милуем" 244
Глава восьмая. Тревожные ночи 247
Глава девятая. „Чей бог сильнее?" 249
Глава десятая. Последние дни Рязани 253
Глава одиннадцатая. Прощание с павшими 257

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Черная туча над русской землей

Глава первая. „Скрипит!" 263
Глава вторая. Длань князя широка и прижимиста 266
Глава третья. Татары близко 269
Глава четвертая. „Спешите на оборону Родины!" 275
Глава пятая. „Идем на Мушкаф!" 279
Глава шестая. Бату-хан перед Москвой 285
Глава седьмая. Хан Кюлькан под Коломной 294
Глава восьмая. Облавная охота 300
Глава девятая. Гнев Бату-хана 305
Глава десятая. Дикари грозят стольному городу 309
Глава одиннадцатая. В греко-русской школе 311
Глава двенадцатая. Скорбные дни города Владимира . . . 313
Глава тринадцатая. Живой костер 318

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Евпатий Неистовый

Глава первая. Корень рязанский 325
Глава вторая. На лесной поляне 330
Глава третья. „Аман!" 335
Глава четвертая. „Слышь ты!" 339
Глава пятая. В погоню за Батыем 342
Глава шестая. Ночная схватка 347
Глава седьмая. Берендеево болото 348
Глава восьмая. Последние на бугре 352

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

Вьюга закружила

Глава первая. Ростовский князь Василько 356
Глава вторая. Боевой стан 360
Глава третья. Бату-хан в монастыре 364
Глава четвертая. У двери кельи 368
Глава пятая. „Торопись!" 370
Глава шестая. В монастырском саду 375
Глава седьмая. Сон Бату-хана 380

Глава восьмая. Тропа Батыева 385
Глава девятая. В лесных трущобах 386
Глава десятая. „Помогайте, белые мурии!" 388
Глава одиннадцатая. На сицких болотах 390
Глава двенадцатая. Буря бушует над Ситью 393
Глава тринадцатая. Страшная весть 395
Глава четырнадцатая. Битва 397
Глава пятнадцатая. Роковой день 402
Глава шестнадцатая. После битвы 406
Глава семнадцатая. Остановка близ Игнач-креста 411
Глава восемнадцатая. „Затушить костер неповиновения!" . . 414
Глава девятнадцатая. Опять степи! 426
Глава двадцатая. Цена предательства 420
Глава двадцать первая. „А Русь-то снова строится!" 423
Глава двадцать вторая. На далекой родине 425

Ян-Янчевецкий
Василий Григорьевич

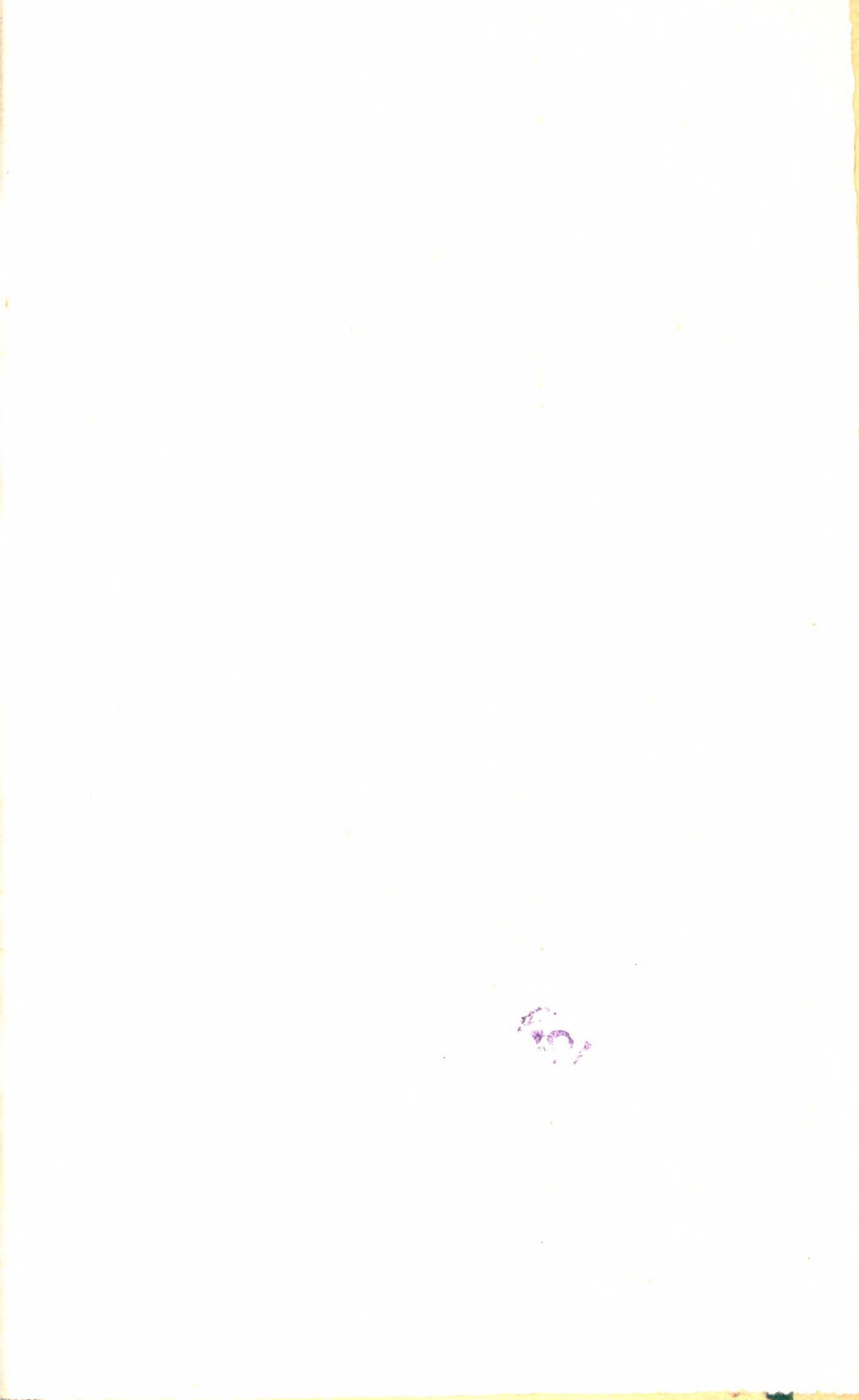
БАТЫЙ

Печатается по изданию Издательства
художественной литературы УзССР 1959 года

Редактор *А. И. Бочкарев*
Тех. редактор *В. Н. Барсукова*
Корректор *Т. И. Смирнова*

Сдано в набор 15/VII-66 г. **Подписано к печати** 10/X-72 г.
Формат 84×108[1]/[32]. Печ. л. 13,5. Усл. печ. л. 22,68.
Изд. л. 22,4.
Тираж 150000. Издательство „Каракалпакия". Нукус, Карла Маркса, 9. Договор 117-72.

Отпечатано в типографии № 1 Государственного Комитета Совета Министров Узбекской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли на бумаге № 3.
Ташкент, ул. Хамзы, 21. Заказ № 178. Цена 75 к.



75 к.



2

БАТЫЙ